КБГ 1/10

K51 1/10

X

К5 1 1/10

ИСТОРІЯ РОССІИ

ДЛЯ УЧАЩИХСЯ.

Составилъ В. А. Аваза

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, № 78.

1885

Екатерининскій каналъ, д. № 78.
2628.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Катерин. Музея
№ 18023
5 XI 1931 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Знаменитый историкъ Н. Карамзинъ въ своемъ предисловіи къ «Исторіи Россійскаго Государства», говоритъ: «*Зная, что битвы нашего Удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума..... Исторія не романъ и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно..... нельзя вопрошать мертвыхъ: говоримъ, что предали намъ современники; молчимъ, если они умолчали*»...

Такія опредѣленія для историческаго сочиненія, исключая изъ него всякія колебанія при оцѣнкѣ событій по прямому смыслу источниковъ, составляютъ его обязательное основаніе; богатство же собранныхъ историческихъ матеріаловъ подъ разными заглавіями изданныхъ нашими достоуважаемыми учеными на столько облегчаютъ самый трудъ изложенія, что на новой авторской дѣятельности лежитъ только заботливость о приведеніи историческихъ фактовъ въ систематическій, по цѣли изложенія, порядокъ.

Въ настоящемъ изданіи подъ заглавіемъ «Исторія Россіи для учащихся», разсказы о судьбѣ удѣловъ и удѣльныхъ князей, единичная дѣятельность которыхъ не отразилась особеннымъ историческимъ слѣдомъ на развитіи Русскаго Государства, удерживаются на сколько это нужно для правильной связи историческихъ событій между собою. Но взамѣнъ нѣкоторой сжатости въ «*междоусобіяхъ, гремящихъ безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ*», приведены подробности, которыя не имѣя характера обязательныхъ отвѣтовъ на экзаменѣ могутъ служить учащемуся средствомъ для его личной оцѣнки историческихъ фактовъ и лицъ. Напр. подробности сопровождавшія дѣятельность царствованія Іоанна IV Грознаго, служатъ доказательствомъ несокрушимости государственныхъ основъ, установленныхъ Русскимъ народомъ; подробности о Самозванцахъ указываютъ на ихъ роль

въ тогдашней политикѣ Рѣчи Посполитой и объясняютъ возможность народнаго заблужденія; о патріархѣ Никонѣ, на его заслугу передъ православіемъ и виновность передъ своимъ благодѣтелемъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ; подробности о Стенькѣ Разинѣ сами по себѣ выясняютъ полную политическую его безсодержательность; бытовое описаніе перваго сватовства Царя Михаила Ѳеодоровича, служитъ объясненіемъ вредныхъ для Государства интригъ боярина Морозова и т. д.; къ тому же подобныя подробности много облегчаютъ работу памяти.

Придерживаясь Н. Карамзину по раздѣленію Русской исторіи на три части, настоящее изданіе составлено изъ трехъ частей:

Часть I. Древняя исторія Россіи отъ князя Рюрика до Царя Іоанна III 862 — 1462.

Часть II. Средняя исторія, отъ Царя Іоанна III до Императора Петра Великаго 1462 — 1682 и

Часть III. Новая исторія, отъ Императора Петра Великаго до времени нынѣ благополучно царствующаго Императора АЛЕКСАНДРА III АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Источники, которыми я наиболѣе воспользовался при составленіи этого сочиненія, слѣдующіе:

Полное собраніе Русскихъ лѣтописей.

Сборникъ выписокъ изъ архивовъ и бумагъ о Петрѣ Великомъ.

Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго.

Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей.

Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ.

Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ Царей.
Домашній бытъ Русскихъ Царицъ.
Мининъ и Пожарскій.
Опыты изученія Русскихъ древностей и исторіи.

Юзефовичъ. Договоры Россіи съ Востокомъ.

Снѣгиревъ. Памятники древняго художества въ Россіи, изд. 1850 и другіе.

Викторъ Абаза.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

Стр.

Границы Европейской Россіи въ общихъ чертахъ. Древнее ея населеніе . . . 1
Географическое положеніе Славянскихъ племенъ въ Россіи. Ихъ древнѣйшіе города и сосѣдство. Характеръ страны 3
Бытъ славянъ 5
Начало Руси. Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ 7
Олегъ 9
Игорь 10
Ольга во Св. крещеніи Елена. Начало удѣловъ и ихъ развитіе до времени нашествія татаръ 11
Мстиславъ I. Ярополкъ. 20
Изяславъ II Мстиславовичъ 21
Михаилъ Георгіевичъ. Всеволодъ III Георгіевичъ. 23
Георгій II Всеволодовичъ. Географическій обзоръ въ общихъ чертахъ составныхъ частей Россіи около XII вѣка и ихъ гражданское устройство 24
Нашествіе татаръ. Собираніе Русской земли до Іоанна III. . . . . —
Монголы. Первыя встрѣчи съ ними Русскихъ 29
Гибель Рязанскихъ и Суздальскихъ князей 30
Окончательное разореніе Кіева 31
Земля Волынско-Галицкая . . . . . —
Новгородъ въ первое нашествіе татаръ 32
Святославъ II Всеволодовичъ. Андрей II Ярославовичъ. Александръ Ярославовичъ Невскій 33
Княженіе братьевъ Невскаго 36
Василій Ярославовичъ 38
Іоаннъ I Даниловичъ Калита 41
Симеонъ I Іоанновичъ Гордый 43
Іоаннъ II Іоанновичъ . . . . . —
Димитрій IV Іоанновичъ. 44
Василій I Димитріевичъ. 49
Василій II Васильевичъ Темный. 50
Внутреннее состояніе Русскаго Государства отъ половины XIII до половины XV вѣка. 53

ЧАСТЬ II.

	Стр.
Іоаннъ III Васильевичъ	57
Василій III Іоанновичъ	67
Іоаннъ IV Грозный	71
Ѳеодоръ I Іоанновичъ	94
Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ	107
Ѳеодоръ II Борисовичъ Годуновъ	121
Лже-Димитрій	—
Василій Іоанновичъ Шуйскій	130
Междуцарствіе	146
Избраніе Михаила Ѳеодоровича	164
Литва	182
Алексѣй Михаловичъ	193
Присоединеніе Малороссіи	209
Ѳеодоръ Алексѣевичъ	225
Общій взглядъ на Московское государство	230

ЧАСТЬ I.

Древняя Исторія Россіи отъ Князя Рюрика до Царя Іоанна III.

862—1462—600 л.

Границы Европейской Россіи, въ общихъ чертахъ. Древнее ея населеніе. Громадныя владѣнія нынѣшней Русской Имперіи лежатъ въ двухъ частяхъ свѣта, въ Европѣ и Азіи.

Европейская Россія, представляя въ общихъ чертахъ сплошную равнину, заключается въ своихъ границахъ Ледовитымъ океаномъ съ Бѣлымъ моремъ, морями Балтійскимъ, Чернымъ, Каспійскимъ и тремя каменными хребтами горъ Уральскихъ, Кавказскихъ и Карпатскихъ. На этомъ обширномъ пространствѣ кочевали дикіе народы с незапамятныхъ временъ. По Геродоту, писавшему за 445 л. до Р. Х., племя Массагетовъ потѣснило Скиѳовъ или Сколотовъ, жившихъ у Каспійскаго моря, которые поэтому перешли Волгу и, въ свою очередь, распространяясь на западъ, вытѣснили Киммеріанъ *), древнѣйшихъ обитателей нынѣшнихъ губерній Херсонской и Екатеринославской, а сами утвердились между Истромъ (Дунаемъ) и Танаисомъ (Дономъ) **). Кочующіе Скиѳы, хотя дикари, пили кровь убитаго врага и одѣвались въ его выдѣланную кожу, терпѣли однакоже сосѣдство Грековъ и у нихъ заимствовали начала гражданской образованности. Геродотъ говоритъ, что въ странѣ Скиѳовъ зима царствовала 8 мѣсяцевъ и тогда воздухъ наполнялся летающими перьями (снѣгъ), а вода такъ густѣла отъ холода, что по ней ходили и ѣздили. Вопреки описаніямъ Геродота, который рядомъ со Ски-

*) Киммеріане, вѣроятно, Германскіе Цимбры или Кимвры.

**) Среди этого народа едва не погибли полчища Дарія, когда онъ пришелъ наказать его за опустошеніе Мидіи.

ами указываетъ на многія другія племена *). вся страна южныхъ морей къ сѣверу была названа Скиѳіей, потому что Греки въ этомъ названіи придержались Эфора, историка, жившаго около 350 до Р. Х. Со временъ Филиппа Македонскаго **) могущество Скиѳовъ пошло къ упадку и Діодоръ Сицилійскій утверждаетъ, что они слились съ своими побѣдителями Сарматами, прикочевавшими изъ Азіи. Новые пришельцы раздѣлялись на два главныхъ племени, распространившихся до береговъ Дуная: на Роксолянъ или Росолянъ, утвердившихся въ окрестностяхъ Чернаго и Азовскаго морей, и Язиговъ, перешедшихъ въ Дакію: Римляне часто упоминаютъ о Сарматахъ, съ которыми они послѣ своего завоеванія Ѳракіи очутились въ несчастливомъ для себя сосѣдствѣ. Вся полуночная страна, прежняя Скиѳія, получила теперь общее названіе Сарматіи. Готы, набѣги которыхъ, начавшись на сѣверѣ, остановились только въ Азіи, образовавъ сильную имперію, захватили значительныя части Европейской Россіи. Ихъ царь Эрманарихъ, двигаясь въ IV в. отъ моря Балтійскаго къ Черному, побѣдилъ Эстовъ, Геруловъ и Венедовъ, прибалтійскихъ жителей, изъ которыхъ, по сказанію Готоскаго историка VI в. Іорнанда, послѣдніе были единоплеменниками Славянъ. Въ концѣ IV в. Гунны, выходцы изъ китайскихъ областей, побѣдили Готовъ, а съ ними вмѣстѣ Венедовъ и Антовъ, тоже славянское племя, по мнѣнію Іорнанда и византійскихъ лѣтописцевъ. Въ концѣ V в. Сарматы, вѣроятно слившись съ Гуннами, теряются и отсюда исторія начинаетъ упоминать о племени Славянскомъ, которое, разселившись отъ Балтійскаго моря до р. Эльбы и Чернаго моря, заселило Моравію, Богемію и Саксонію***). Уже съ этихъ временъ византійскіе историки описываютъ Славянъ и ихъ нравы и образъ жизни, вовсе не сходные съ нравами Германцевъ и Сарматовъ. Въ томъ же вѣкѣ Славяне заняли Иллирію, основали Кроацію, Славонію, Сербію, Боснію и Далмацію, а еще многіе изъ нихъ поселились въ Виѳиніи, Фригіи, Сиріи, но все

*) Скиѳы, называемые земледѣльцами, Каллипиды, смѣсь Скиѳовъ съ Греками у Ольвіи къ ея западу и Алазоны на равнинахъ Гипаниса (Буга),—народы, которые торговали хлѣбомъ, Тавры, приносившіе человѣческія жертвы своей богинѣ дѣвицѣ, Невры въ Польшѣ, превращающіеся ежегодно на нѣкоторое время въ волковъ, Андрофаги и Меланхлены, особыя племена людоѣдовъ въ 4000 стадіяхъ (800 в.) отъ Чернаго моря.

**) Финикіяне за 450 лѣтъ до Р. Х. покупали у Венедовъ янтарь, которымъ изобиловали берега Пруссіи, а астрономъ Птоломей говоритъ, что Балтійское море издревле называлось Венедскимъ.

***) Въ то время, когда германскіе народы ушли для завоеваній на югъ.

это многочисленное и огромное разселеніе при отсутствіи единства не мѣшало отдѣльнымъ славянскимъ племенамъ попадать въ зависимость отъ разныхъ народовъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ ихъ родичи господствовали. Исторія не представляетъ безспорныхъ, точныхъ указаній на коренное происхожденіе Славянъ — ни откуда и когда Славяне поселились въ Россіи, но древность ихъ въ Россіи не подлежитъ сомнѣнію. Несторъ, повѣствуя о проповѣдываніи Апостола Андрея въ Скиоіи, о крестѣ имъ водруженномъ на берегахъ Днѣпра и предсказаніи будущаго величія Кіева, утверждаетъ, что святой, пройдя на сѣверъ, нашелъ Славянъ у Ильменя, слѣдовательно и въ первомъ столѣтіи Славяне населяли Россію, т. е. ранѣе чѣмъ другія славянскія племена, вытѣсненныя съ береговъ Дуная и Тисы, перешли въ Польшу и другія земли *).

Географическое положеніе славянскихъ племенъ въ Россіи. Ихъ древнѣйшіе города и сосѣдство. Характеръ страны. Западъ Россіи былъ исключительно занятъ славянскими племенами. Собственно такъ называемые Славяне поселились на берегахъ Ильменскаго озера и основали Новгородъ; Поляне, отъ чистыхъ полей, ими занятыхъ въ Кіевской губерніи по Днѣпру, будучи наиболѣе сродственными съ Ляхами, живущими по Вислѣ, образовали съ ними Польское государство. Два брата изъ племени Полянъ, Радимъ и Вятко, сдѣлались главарями многихъ семей, образовали племена Радимичей по р. Сожѣ въ Могилевской губерніи и Вятичей по Окѣ, въ губерніяхъ Орловской, Тульской и Калужской; Древляне, поселившись въ лѣсной Волынской губерніи, назывались такъ по отличительному свойству мѣстъ своего поселенія, Дреговичи, въ губерніяхъ Минской и Витебской, по р. Припети и Западной Двинѣ; Кривичи въ губерніяхъ Витебской, Псковской, Тверской и Смоленской, по верховьямъ З. Двины, Днѣпра и Волги; Полочане, при впаденіи рѣки Полоты въ Двину; Дулебы и Бужане по р. Бугу; Лутичи, Угличи и Тиверцы по Дунаю и Днѣстру до Чернаго моря; Сѣверяне по Деснѣ, Семи и Сулѣ, въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской; Бѣлые Хорваты по Карпатскимъ горамъ и окружающей ихъ мѣстности.

О времени и обстоятельствахъ возникновенія древнѣйшихъ славянскихъ городовъ существуютъ однѣ легенды, такъ, напр., гово-

*) Венеды жили у Балтійскаго моря, а Анты у Чернаго и оба народа причисляются къ славянскому племени, слѣдовательно можно предположить, что Славяне, подъ разными названіями, уже и тогда занимали земли между этими морями.

рять, что три брата Кій, Щекъ и Хоривъ, живніе на трехъ горахъ, построили Кіевъ, названный по имени старшаго брата, при чемъ горы Щековицы и Хоривицы назвались по именамъ меньшихъ братьевъ, а р. Лыбедь по имени сестры основателей, Лыбеди; достовѣрно только, что города Изборскъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Черниговъ и Любечъ основаны въ IX и началѣ X в.

По сказанію Нестора, въ сосѣдствѣ Русскихъ Славянъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ поселились финскія и латышскія племена, а у Каспія Хозары или Козары, народъ тюркскаго племени. Изъ финскихъ племенъ наиболѣе извѣстныЛивы въ Ливоніи, Чудь въ Эстоніи и до Ладожскаго озера; Нарова, гдѣ теперь Нарва, Весь въ Бѣлоозерѣ; Ямь или Емь въ Финляндіи; Меря въ Ростовѣ, Мурома въ Муромѣ и восточнѣе отъ нихъ Черемисы, Мещера и Мордва, Пермь въ Пермской губ., древней Біарміи; Югра на Оби и Сосвѣ; Печора по рѣкѣ Печорѣ. Зыряне, Остяки, Вотяки и Чуваши были народы того же племени. Племя латышское имѣло своими представителями Леттолу въ Ливоніи, Земголу въ Семигаліи, Корь въ Курляндіи и Литву. Латышскій языкъ такъ изобилуетъ славянскими словами, что историки не отрицаютъ происхожденія латышскихъ племенъ отъ Славянъ: самое же названіе Латыши, отъ литовскаго слова «лата» расчищеніе, они получили, по предположеніямъ, за истребленіе лѣсовъ подъ пахоть, расчищеніе земли.

Страна, обитаемая всѣми перечисленными народами, представляла равнину, поросшую, кромѣ степной южной части, дремучими лѣсами и обильную рѣчными водами. Почти по срединѣ, она прорѣзывается плоскогоріемъ Алаунской возвышенности, между холмами которой, извѣстными подъ названіемъ Валдайскихъ горъ, лежатъ озера, дающія начало Волгѣ, Днѣпру и Западной Двинѣ.

Естественныя богатства страны, начиная съ сѣвера, гдѣ во множествѣ водились пушные звѣри, ея плодородіе, умѣренный, здоровый климатъ, удобства водянаго сообщенія внутри и на окраинахъ, не могли не привлекать обитателей. На югѣ, по берегамъ Чернаго моря, вѣковъ за пять до Р. Х., процвѣтали греческія колоніи, какъ, напр., Ольвія, основанная выходцами изъ Милета, въ сорока верстахъ отъ устья Днѣпра, въ которой одинъ скиоскій царь построилъ себѣ огромный домъ, разукрашенный изображеніями грифовъ, Пантикопея подлѣ Керчи и Фанагорія, бывшія столицами Воспорскаго царства, Танаисъ, гдѣ нынѣ Азовъ, Корсунь или Херсонесъ Таврическій близъ Севастополя и др.

Бытъ Славянъ. Славяне отъ слова «слава» тоже что и хвала, предки великаго народа Русскаго, занявши земли отъ Дуная, низовьевъ Днѣпра и Днѣстра до сѣверныхъ озеръ Чудскаго и Ильменя, приняли названіе Роси или Руси отъ Варяго-Русовъ, племени, давшаго намъ первыхъ князей, извѣстныхъ исторіи по лѣтописямъ Нестора *).

По свѣдѣніямъ, сохранившимся отъ лѣтописцевъ, Славяне были вообще люди рослые, стройные, крѣпкаго сложенія, смуглые отъ загара, но почти всѣ съ волосами русаго цвѣта. По нравственнымъ качествамъ Славяне отличались отвагою, храбростью, предпріимчивостью, презрѣніемъ къ физической боли и такою честностью, что вмѣсто клятвы говорили «*да будетъ мнѣ стыдно*» и слова своего никогда не нарушали. Кромѣ того, между ними было чрезвычайно развито гостепріимство, такъ что хозяинъ не только не запиралъ дверей, уходя изъ дому, но оставлялъ готовую пищу на случай чьего либо посѣщенія въ его отсутствіи. Питались они просомъ, гречихою и молокомъ. Любимое питье былъ медъ. Также они очень любили пляску и музыку и ихъ музыкальными инструментами были «кифары» или гусли, волынка, гудокъ и дудка. Своихъ невѣстъ они похищали и потомъ вносили ихъ родителямъ «вѣно» или выкупъ. Религію исповѣдывали языческую, т. е. покланялись физическимъ явленіямъ, олицетворяя ихъ въ истуканахъ, которые считались не образомъ, а тѣломъ боговъ, ими одушевляемымъ. Высшими божествами почитались Бѣль-Богъ, Дажбогъ, какъ источники добра, а Чернобогъ, будучи источникомъ зла, врагомъ людей, составлялъ ихъ противоположность. Перунъ пользовался уваженіемъ какъ міроправитель. Были еще второстепенные боги, и суевѣры изъ Русскихъ до сихъ поръ празднуютъ Семикъ, Купало и вѣрятъ въ существованіе прежнихъ

*) Нѣкоторые историки склоняются къ производству названія «Русь» отъ Роксолянъ или Россолянъ, народа сарматскаго племени; но едва-ли это мнѣніе можетъ быть признано основательнымъ. Имена Рюрика, Синеуса и Трувора, призванныхъ Славянами и Чудью для княженія, упоминаются въ франкскихъ лѣтописяхъ, исландскихъ повѣстяхъ и Кремонскій архіепископъ Ліутпрандъ, жившій въ X в., свидѣтельствуетъ, что Славяне при этихъ своихъ князьяхъ были извѣстны Европѣ подъ названіемъ Норманновъ. Слова «тіунъ», «впра» и др., вошедшія въ Русскую Правду, принадлежатъ норманскому или варяжскому языку, варяжскому потому, что Славяне называли Норманновъ Варягами. Въ Бертинскихъ лѣтописяхъ описывается случай, что греческій императоръ Ософилъ прислалъ къ франкскому королю Людовику Благоправному пословъ, въ сопровожденіи людей, которые называли себя Россами, а своего короля Хакана указывали однимъ изъ владѣтелей въ Швеціи. Одинъ изъ рукавовъ р. Невана называется Руссою, а его окрестности Порусьемъ.

языческихъ боговъ—лѣшаго, домоваго, русалокъ и др. Но наибольшимъ обожаніемъ и любовью у Славянъ пользовались знамена, въ особенности во время войны.

Богамъ приносились жертвы отъ плодовъ, животныхъ и даже человѣческія, обыкновенно изъ плѣнныхъ, избранныхъ по жребію или изъ захваченныхъ христіанскихъ священнослужителей. Мертвыхъ сожигали и пепелъ, собранный въ сосудъ, устанавливали въ могилу, мѣсто которой обозначалось высокимъ насыпнымъ курганомъ. Похороны сопровождались поминками (тризною). Храмовъ у древнихъ Славянъ не существовало.

Славяне, живя отдѣльно по родамъ, легко ссорились между собою и вслѣдствіе этого нерѣдко принуждены были подчиняться враждебнымъ сосѣдямъ. Такимъ образомъ нарушилось единство языка, появились нарѣчія, изъ которыхъ русское безспорно самое образованное и самое гармоническое, какъ наименѣе усвоившее себѣ иноземныя слова. Въ этомъ отношеніи потерпѣли гораздо больше нарѣчія польское, чешское, сербское, болгарское, кроатское, словенское, далматское и др.. а въ Бранденбургѣ, Поммераніи, Мекленбургѣ и Люнебургѣ народная рѣчь, прежде славянская, уже давно замѣнилась нѣмецкимъ языкомъ.

До времени Кирилла и Меѳодія, изобрѣтателей славянской азбуки, т. е. до IX вѣка, Русскіе Славяне вовсе не знали грамоты, тѣмъ не менѣе они не были чужды нѣкоторой образованности, заимствованной при частыхъ сношеніяхъ у Грековъ; дѣлили правильно годъ на 12 мѣсяцевъ, сами дѣлали своихъ истукановъ, занимались воздѣлываніемъ земли и принимали иностранные товары въ обмѣнъ на холстъ, кожи, медъ и воскъ.

Правленіе у древнихъ Славянъ, не выработавшихъ себѣ никакого гражданскаго устройства, было патріархальное и старѣйшій въ родѣ считался самодержавнымъ его властителемъ. При общихъ невзгодахъ старѣйшины сходились въ собранія —«вѣче»— и приговорамъ «вѣче» подчинялись всѣ безпрекословно. Но по мѣрѣ того, какъ Славяне, воюя въ Византійской Имперіи, знакомились съ новыми удобствами жизни, являлись новыя потребности, явилось и сознаніе пользы въ сближеніи жилищами. Этимъ путемъ устроились деревни; изъ нихъ огороженныя деревянными стѣнами или земляным валомъ стали называться городами. Жизнь экономъ, обществомъ, давъ начало установленію законовъ, послужила развитію гражданскаго права на счетъ дикой, личной свободы и такимъ образомъ установилась власть съ ея представителями.

Первою властью у Славянъ родилась военная. Король или кроль, каратель враговъ отъ слова кара, бояре отъ слова бой, княземъ или конземъ назывался у Поморянъ всякій хозяинъ коня; въ Сербіи братья короля, а въ Далмаціи великимъ княземъ назывался главный судья. Богатый владѣлецъ назывался паномъ, а жупанами—правители округовъ, которые назывались жупанствами отъ древняго слова жупа — селеніе. Эти и подобныя должности занимались лицами по выбору, но впослѣдствіи, когда измѣнилось самое значеніе должностей, онѣ сдѣлались наслѣдственными.

Начало Руси. Кромѣ Нестора, всѣ наши лѣтописцы остались безъименными и первые изъ нихъ появились въ XI в. Описывая событія IX и X в. по изустнымъ преданіямъ, они легко могли впадать въ невольныя ошибки, тѣмъ болѣе, что для повѣрки у нихъ было очень мало письменныхъ греческихъ источниковъ, а потому сказанія о временахъ до-христіанской Россіи не могутъ считаться вполнѣ достовѣрными. Несомнѣнно однакожъ, что отсутствіе единства исключало для Славянъ возможность грознаго отпора врагу, а потому когда южные славянскіе роды платили дань Хозарамъ, предпріимчивые Варяги (Норманы) успѣли подчинить своему господству ихъ сѣверныя племена и взимали съ нихъ дань. Неудовлетворительность положенія сблизила на время сѣверныхъ Славянъ между собою и Варяги были изгнаны, но вслѣдъ за этимъ изгнаніемъ внутреніе безпорядки у Славянъ такъ усилились, что свобода обратилась въ сугубое несчастіе и имъ пришлось по совѣту новогородскаго старѣйшины Гостомысла отправить за мореословъ сказать варяго-русскимъ князьямъ: «*Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ, идите княжить и володѣть нами*».

Рюрикъ (862—879), Синеусъ и Труворъ.

Игорь

И пришли на Славянскую землю три норманскихъ князя, три брата съ своими дружинами. Старшій Рюрикъ сѣлъ на княженіе въ Новгородѣ, средній Синеусъ на Бѣлоозерѣ и младшій Труворъ—въ Изборскѣ. Черезъ два года умерли Синеусъ и Труворъ. Рюрикъ присоединилъ ихъ владѣнія къ своему и значительно расширивъ свое собственное побѣдами надъ Мерею, Муромою и Полочанами, положилъ основаніе Русскому государству. Такое быстрое обра-

зованіе сильнаго государства еще лѣтописецъ Несторъ приписывалъ введенію у сѣверныхъ Славянъ монархической власти, но рядомъ съ нею Рюрикъ установилъ систему феодальную или удѣльную, раздавая города и области близкимъ людямъ; вѣроятно эта система управленія вызывалась трудностью сношеній того времени съ отдаленными владѣніями.

Между тѣмъ два витязя, Аскольдъ и Диръ, можетъ только по страсти добывать счастіе мечемъ, отдѣлились съ товарищами отъ Рюрика и отправились на югъ къ Царюграду (Константинополю). Наткнувшись по дорогѣ на Кіевъ и освѣдомившись, что его основатели Кій. Щекъ и Хоривъ давно умерли, что жители платятъ дань Хозарамъ. они избавили жителей отъ этой дани. завладѣли городомъ и сами, называясь Россіянами. стали въ немъ властвовать, какъ государи. Царьградъ однакоже они не забыли и въ путь изготовлялись, но уже не съ прежнимъ намѣреніемъ предложить Византійскому Императору свою службу, а съ цѣлью поживиться въ его владѣніяхъ. Соорудивъ 200 судовъ, спустились по Днѣпру въ Черное море, опустошили его берега и вслѣдъ за тѣмъ явились передъ стѣнами столицы Византійской имперіи. Императоръ Михаилъ III не рѣшался вступить въ бой съ ужасными Россами, но и безъ боя миновала грозящая бѣда, такъ какъ по показаніямъ византійскихъ лѣтописцевъ тогда совершилось чудо. Византійскій патріархъ Фотій, не видя спасенія отъ Руссовъ, поднялъ ризы Пресвятыя Богородицы изъ Влахернскаго храма *) и погрузилъ ихъ въ море, моля Бога о заступничествѣ. Спокойныя воды вдругъ заѣнились волнами и поднялась такая буря. что изъ погибшаго непріятельскаго флота только немногимъ судамъ удалось возвратиться въ Кіевъ. Гнѣвъ небесъ такъ устрашилъ русскихъ язычниковъ, что они отправилиословъ въ Царьградъ, требуя Святаго Крещенія.

Осада Царьграда 866

Первое крещеніе Россовъ. 867

Греческіе историки и Константинъ Багрянородный говорятъ, что Россы крестились не ранѣе царствованія Василія Македонскаго. Во всякомъ случаѣ набѣгъ Аскольда и Дира служилъ для Славянъ началомъ знакомства съ истиннымъ ученіемъ Христа.

Нѣсколько лѣтъ позже Рюрикъ, умирая, передалъ правленіе государствомъ Олегу, брату своей жены и его же попеченіямъ поручилъ своего малолѣтняго сына Игоря.

*) Между Царьградомъ и Перою, на берегу залива, построенъ императоромъ Маркіаномъ.

Олегъ (879—912).

Олегъ собралъ дружину и не довольствуясь Рюриковымъ наслѣдіемъ направился тоже на югъ. При самомъ началѣ этого похода, Смоленскъ призналъ его власть безъ сопротивленія, — затѣмъ онъ взялъ Любечъ на Днѣпрѣ, но дойдя до Кіева, Олегъ взвѣсилъ трудности захвата большаго и укрѣпленнаго города и во избѣжаніе кровопролитія рѣшился овладѣть городомъ съ помощью хитрости. Отдѣлившись отъ главнаго войска, Олегъ присталь къ берегамъ Днѣпра только съ нѣсколькими ладьями, въ которыхъ скрылись вооруженные ратники. Назвавшись варяжскимъ гостемъ (купцомъ), онъ, подъ предлогомъ болѣзни, послалъ просить Аскольда и Дира къ себѣ для переговоровъ по торговымъ дѣламъ, а когда тѣ, не подозрѣвая бѣды, явились по приглашенію, то онъ велѣлъ ихъ убить, сказавъ имъ: «*Вы не князья и не знаменитаго рода, но я князь*» и указывая на Игоря: «*а вотъ сынъ Рюрика*» *).

Кіевляне, лишенные своихъ храбрыхъ предводителей, видя предъ собою сильную дружину, предпочли во избѣжаніе битвы принять Олега, а самъ завоеватель такъ очаровался мѣстоположеніемъ и климатомъ страны, что сказавши: «*да будетъ Кіевъ матерью городовъ Русскихъ*» рѣшился навсегда основаться въ самомъ Кіевѣ, откуда его дальнѣйшія завоеванія распространились на губерніи Подольскую, Волынскую, часть Херсонской и Галицію. Устраивая это обширное государство, Олегъ, имѣя въ виду связать Кіевъ съ удаленными владѣніями, ставилъ между ними города или неподвижные станы для ратныхъ людей и по всѣмъ областямъ ввелъ одинаковые налоги въ смыслѣ ихъ приравненія. Сопровождаемый постоянными успѣхами въ предпріятіяхъ, онъ казался современникамъ выше людей обыкновенныхъ и они прозвали его «Вѣщимъ». (Мудрымъ).

Вокняженіе Олега, Кіевъ подъ своими стѣнами увидѣлъ «вежи»**) (шатры) новаго кочеваго народа Угровъ ***). Неизвѣстно, были ли они прогнаны оружіемъ или дружелюбно пропущены, но, кажется, они не причинили особеннаго вреда Славянамъ и вскорѣ

*) Мѣсто Аскольдовой могилы и донынѣ указывается на берегу Днѣпра, ниже Николаевскаго монастыря.

**) Шатры, кибитки.

***) Маджары, нынѣшніе Венгры, выходцы финскаго племени изъ Югоріи по верховьямъ Печоры и Оби.

послѣ своего появленія удалились на западъ, гдѣ въ Паннонiи образовали Венгерское королевство.

Олегъ предпринялъ походъ еще подъ Царьградъ. Для этой цѣли онъ соорудилъ 2000 судовъ съ сорока ратниками въ каждомъ, и, спустившись по Днѣпру, благополучно вошелъ въ море. Придерживаясь его западныхъ береговъ, онъ подошелъ къ Греціи, но разсказъ о прибытіи его дружинъ къ стѣнамъ Царьграда въ лодкахъ на колесахъ и подъ парусами не подтверждается у Византійскихъ лѣтописцевъ. Такъ или иначе, но Олегъ заключилъ съ Греками первый Русскій письменный договоръ, основаніемъ котораго было опредѣленіе условій торговыхъ, взаимнаго вспоможенія, охраненія чести, имущества, личной безопасности подданныхъ и ихъ наказанія за преступленія.

Первый русскій договоръ. 911

Кончина Олега облечена народнымъ преданіемъ въ дивную случайность. Разсказываютъ, будто однимъ кудесникомъ ему была предсказана смерть отъ любимаго коня. Повинуясь чувству суевѣрія, князь пересталъ ѣздить на опасномъ конѣ, но года черезъ четыре, зная, что конь давно палъ, онъ, посмѣявшись надъ пророчествомъ, отправился навѣстить кости ратнаго товарища, бѣлѣвшіе на одномъ курганѣ. Наступивъ на его черепъ, онъ обратился къ окружающимъ и съ усмѣшкою спросилъ: «*его ли мнѣ бояться*», но въ черепѣ гнѣздилась змѣя и ея укушеніе оказалось смертельнымъ для Олега.

По Византійскимъ лѣтописямъ, Россія при Олегѣ числилась въ спискѣ епархій шестидесятымъ архіепископствомъ, зависѣвшимъ отъ Константинопольскаго духовнаго главы.

Игорь (912—945).

Игорь, прійдя въ возрастъ полной возмужалости, не оспаривалъ княженія у своего «Вѣщаго» дяди до самой его смерти и, по сказанію Нестора, Олегъ самъ избралъ ему въ жены знаменитую Ольгу, привезенную изъ Плескова, нынѣшняго Пскова, но по другимъ она принадлежала къ варяжскому племени и жила возлѣ Пскова въ «веси» подъ названіемъ Выбутской, гдѣ Игорь случайно ее увидѣлъ.

Бракъ Игоря. 903

Древляне, ободренные смертью «вѣщаго» князя, отказались признавать свою зависимость отъ Кіева, но Игорь смирилъ ихъ оружіемъ и наказалъ увеличеніемъ дани. Въ слѣдующемъ году, кочующій народъ Печенѣги, вытѣсненные Узами изъ Саратов-

Усмиреніе Древлянъ. 913

скихъ степей, направляясь на западъ, пришли подъ Кіевъ. Увидѣвши здѣсь сильныя княжескія дружины, они не отважились осадить столицу и удалились въ Бессарабію и Молдавію *), но заняли Днѣпровскіе пороги и устья Дуная, откуда потомъ болѣе двухъ столѣтій тревожили Россію своими разбойничьими набѣгами. Впослѣдствіи они также безслѣдно исчезли, какъ и нѣкоторые другіе выходцы изъ степей Азіи, напр., Гунны, Авары и Волжскіе Болгары.

Походъ на Византію 941

Игорь соблюдалъ союзъ Олега съ Византіею и его воины ходили съ греческимъ флотомъ въ Италію, но, вѣроятно, желая себя прославить, онъ безъ всякихъ болѣе основательныхъ причинъ сдѣлалъ набѣгъ на Византію съ огромнымъ флотомъ изъ 10,000 ладей. Его увѣренность въ побѣдѣ была такъ велика, что онъ приказалъ щадить непріятеля и брать его въ плѣнъ; но греческій огонь, изобрѣтенный въ VII вѣкѣ грекомъ Калликомъ, уничтожилъ почти весь русскій флотъ. Игорь собралъ новое войско и черезъ два года опять направился въ Грецію для отмщенія, но Греки предложили ему дары и дань. Созванная на совѣтъ дружина говорила Игорю: «*Когда царь безъ войны даетъ намъ серебро и золото, то чего болѣе можетъ требовать.... и съ моремъ кто совѣтенъ?*» Тогда Игорь заключилъ миръ на условіяхъ, сходныхъ съ прежними при Олегѣ, и греческихъ пословъ, прибывшихъ въ Кіевъ за утвержденіемъ договора, отпустилъ съ богатыми подарками изъ мѣховъ, воска и плѣнниковъ.

Въ то время христіанство такъ распространилось среди Русскихъ, что когда язычникъ Игорь клялся передъ Перуномъ о сохраненіи мира съ Греками, многіе изъ его дружинниковъ присягали въ христіанскомъ соборномъ храмѣ Святаго Иліи.

Желая отдыха, Игорь отказался отъ войны,—даже для сбора дани посылалъ знаменитаго воеводу Свѣнельда, но спокойствіе Князя было нарушено просьбами его собственной дружины: «*Мы босы и наги*», говорили воины, «*а Свѣнельдовы отроки богаты оружіемъ и всякою одеждою. Поди въ дань съ нами, да и мы вмѣстѣ съ тобою будемъ довольны*». Послушался Игорь и осенью взыскалъ съ Древлянъ усиленную подать. Уже возвращаясь домой, распустивши главное войско, Князь вдругъ пошелъ обратно по направленію къ главному Древлянскому городу Коростеню.

*) Угры, вытѣсненные этимъ нашествіемъ, переселились изъ Молдавіи въ Паннонію.

Когда встрѣтившіе его изъ Коростеня послы, постигая корыстную цѣль Игоря, не убѣдили его остановиться, то Древляне возмутились и подъ предводительствомъ своего князя Мала истребили Кіевлянъ поголовно, а самого Игоря привязали къ верхамъ двухъ между собою склоненныхъ деревъ, которыя, выпрямляясь, разорвали его пополамъ.

Ольга во Святомъ Крещеніи Елена.

Малолѣтство Святослава было естественнымъ препятствіемъ сдѣлаться ему преемникомъ своего отца Игоря. потому правленіе княжествомъ перешло къ супругѣ Игоря и матери Святослава Ольгѣ.

Ольга начала свое княженіе казнію 20 древлянскихъ пословъ, прибывшихъ въ Кіевъ сватать ее за своего князя Мала. Ихъ закопали въ землю живыми. но мщеніе не было еще удовлетворено! Справляя тризну по мужѣ у Коростеня, она позвала на торжество Древлянъ, ничего еще не знавшихъ о судьбѣ своихъ пословъ, и когда они захмѣлѣли при усердномъ угощеніи Кіевлянами, то Ольга подала знакъ, по которому пять тысячъ гостей окружили могилу Игоря собственными трупами. Съ помощью воеводы своего мужа Свѣнельда она вновь покорила Древлянъ и жестоко наказала гражданъ города Коростеня.

Объѣзжая свои области, Ольга вездѣ вводила такой порядокъ управленія и распредѣленія дани, что за эти труды ее прозвали «Мудрою».

Исковъ, чтя ея память, еще въ Несторово время сохранялъ какъ драгоцѣнность сани, въ которыхъ она ѣздила.

Окончивъ внутреннее устройство, она предприняла путешествіе въ Царьградъ и приняла христіанство отъ рукъ Византійскаго императора и патріарха. Во Святомъ Крещеніи Елена, она усердно заботилась о распространеніи христіанства въ Россіи, но не успѣла склонить ко Святому Крещенію своего сына Святослава, которому еще при жизни передала правленіе государствомъ.

Святославъ (945—972).

Ярополкъ Владиміръ Св. Олегъ.

Начало удѣловъ и ихъ развитіе до времени нашествія Татаръ. Воинственный Святославъ, первый князь славянскаго имени, никогда не нападавшій на врага безъ предупрежденія черезъ

посланныхъ словами: «иду на васъ», покорилъ Хозаръ, взялъ ихъ столицу «Бѣлую Вѣжу» или Саркелъ на Дону, завоевалъ земли Ясовъ и Коссоговъ, нынѣшнихъ Осетинцевъ и Черкесовъ, и вѣроятно всѣ владѣнія Хозарскія на восточномъ берегу Азовскаго моря, впослѣдствіи извѣстныя подъ общимъ именемъ Тмутаракани. Слыша о такомъ воителѣ, Византійскій императоръ Никифоръ Фока обратился къ нему съ предложеніемъ наказать придунайскихъ Болгаръ за ихъ набѣги. Святославъ завоевалъ Болгарію, но для себя, и такъ плѣнился страною, что положилъ навсегда въ ней утвердиться. Эти его заботы были на время прерваны, когда до него дошли вѣсти объ осадѣ Кіева Печенѣгами. Немедленно собравшись и торопясь на помощь стольному городу, Святославъ по прибытіи нашелъ его уже освобожденнымъ, такъ какъ врагъ, свѣдавъ о возвращеніи грознаго Князя, предпочелъ добровольно оставить осаду.

Послѣ смерти Ольги, сопричисленной къ лику Святыхъ, Святославъ раздѣлилъ Россію на удѣлы между своими сыновьями, сохраняя впрочемъ надъ ними верховную власть и опять возвратился въ Болгарію, но на этотъ разъ счастіе стало ему измѣнять. Другой уже греческій императоръ Іоаннъ Цимисхій (малорослый) собралъ противъ него огромное войско. Святославъ въ гнѣвѣ пронесся какъ вихрь до Адріанополя черезъ всю Болгарію, ему измѣнившую, но въ свою очередь такъ былъ стѣсненъ, что принужденъ былъ отсиживаться въ крѣпкомъ Доростолѣ (Силистріи). Не смотря на недостатокъ продовольствія и невозможность ожидать подкрѣпленія изъ Россіи, гдѣ можетъ и не знали о ходѣ этой борьбы, отчаянное мужество Русскихъ такъ устрашало вдесятеро сильнѣйшаго врага, что Іоаннъ послалъ предложеніе Святославу окончить войну единоборствомъ. Князь отвѣчалъ: «*Я лучше врага своего знаю, что мнѣ дѣлать! Если жизнь ему наскучила, то много способовъ отъ нея избавиться. Цимисхій да избираетъ себѣ любой!*» Но послѣдовавшее затѣмъ сраженіе окончилось въ пользу Грековъ и можетъ быть единственно потому, что противный вѣтеръ, поднимая облака пыли, ослѣплялъ Русскихъ. Послѣ личнаго свиданія съ императоромъ, Святославъ заключилъ миръ, но на обратномъ пути въ Кіевъ, съ остатками славной своей дружины, погибъ у Днѣпровскихъ пороговъ въ бою съ Печенѣгами. Печенѣжскій князь Куря отрубилъ ему голову и изъ ея черепа сдѣлалъ себѣ чашу. Такое печальное извѣстіе о смерти Святослава принесъ чудомъ спасшійся воевода Свѣнельдъ.

Послѣ Святослава началось долгое и бѣдственное время удѣльныхъ войнъ, которыя не прекращались и тогда, когда ослабленная ими Россія принуждена была склониться передъ волею дикихъ Татаръ. Спасеніе народности и самостоятельности отечества Московскими государями, по справедливости, можетъ считаться чудомъ.

Восьмилѣтняя борьба сыновей Святослава: Кіевскаго князя Ярополка, Древлянскаго Олега и Новгородскаго Владиміра окончилась въ пользу единодержавія послѣдняго. Олегъ палъ въ битвѣ съ Ярополкомъ у Овруча, а Ярополкъ, измѣннически преданный своимъ воеводою Блудомъ, погибъ въ Кіевскомъ теремномъ дворцѣ своего отца, отъ рукъ наемныхъ убійцъ варяжскаго племени.

Владиміръ Св. Святославовичъ (980 — 1015).

Изяславъ. Борисъ. Глѣбъ. Ярославъ I Мудрый. Святославъ. Мстиславъ.

Врячиславъ.

Князь Владиміръ, хотя съ помощью Варяжской дружины овладѣлъ Кіевомъ, не пожелалъ однакоже видѣть русскихъ людей въ приниженіи у иноземцевъ и такъ повелъ дѣло, что гордые Варяги смиренно испрашивали его разрѣшенія удалиться на службу въ Грецію. Челобитье это было уважено и безъ нихъ съ своими русскими дружинами Владиміръ прогремѣлъ великою славою. Соединивъ удѣлы въ одно цѣлое, онъ возвратилъ Червенскіе города (Галицію), утраченные его братомъ, слабымъ Ярополкомъ, смирилъ Вятичей и Радимичей, своихъ данниковъ, подчинилъ себѣ Полоцкое княжество и на дальнемъ Востокѣ живущихъ по Камѣ Болгаръ заставилъ платить дань. Свой мирный договоръ Болгары утвердили клятвою, говоря: «*Развѣ тогда нарушимъ миръ, когда станетъ камень плавать, а хмыль тонуть въ водѣ*».

Могущество Россіи обратило искательство многихъ народовъ къ ея Государю. Послы отъ Грековъ, католиковъ, магометанъ и іудеевъ склоняли язычника Владиміра къ принятію вѣры, каждый по своему исповѣданію. Но обрядъ обрѣзанія у іудеевъ и магометанъ показался князю отвратительнымъ и вдобавокъ нелѣпымъ, а запрещеніе вина безсмысленнымъ установленіемъ. Онъ отвернулся отъ іудеевъ и магометанъ, сказавши первымъ, что: «*если Богъ въ своемъ гнѣвѣ разсточилъ ихъ по чужимъ землямъ, то они лишены права учить другихъ*», а вторымъ: «*вино*

есть весліе для Русскихъ, не можемъ быть безъ него!» Но прельщенный ученіемъ любви къ ближнему, онъ отправилъ десять благоразумныхъ мужей въ разныя страны для лучшаго ознакомленія съ христіанскими исповѣданіями на мѣстѣ.

Торжественность и святая таинственность православнаго Богослуженія поразила и плѣнила пословъ Владиміра. Возвратившись, они ему сказали: *«всякій человѣкъ, вкусивъ сладкое, имѣетъ уже отвращеніе отъ горькаго, и мы, узнавъ вѣру греческую, не хотимъ другой»*. Собранные по этому вопросу бояре и старцы съ своей стороны представили ему, что его бабка Св. Ольга, мудрѣйшая изъ людей, также отдала закону греческому предпочтеніе передъ всѣми другими. Тогда князь Владиміръ, желая, чтобы Св. Крещеніе было ему предложено Царями, послалъ объявить Византійскимъ императорамъ Василію и Константину, что онъ избираетъ себѣ въ супруги ихъ сестру Анну и въ случаѣ отказа возьметъ Константинополь, а въ ожиданіи отвѣта онъ осадилъ на Таврическомъ полуостровѣ Греческій городъ Корсунь. По пріѣздѣ невѣсты въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства, Владиміръ, по условію съ Византійскими Императорами, до брака принялъ Св. Крещеніе отъ руки митрополита Михаила, не выѣзжая изъ сдавшагося ему города. Возвративъ Грекамъ свои завоеванія и плѣнныхъ, онъ немедленно по прибытіи въ Кіевъ, повелѣлъ креститься всему народу безъ различія званія, пола и возраста. Кіевляне давно привыкли видѣть христіанъ между собою и если тогда еще не понимали религіознаго предпочтенія, то вѣрили въ правильность выбора, сдѣланнаго Княземъ и боярами, а потому Днѣпръ въ одинъ день сдѣлался общею купелью. Но не то было на далекомъ сѣверѣ и востокѣ. Даже въ Новгородѣ язычники подняли мятежъ, и только послѣ его усмиренія народъ былъ окрещенъ по греческому обряду, а идолы съ поруганіемъ брошены въ р. Волховъ.

Вмѣстѣ съ христіанствомъ перешла въ Россію и славянская письменность, прежде еще установленная для Славянъ-Моравовъ Св. отцами Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Князь Владиміръ совсѣмъ измѣнился послѣ своего обращенія въ христіанство. Въ язычествѣ братоубійца, убійца отца и братьевъ Полоцкой княжны Рогнѣды, прозванной Гориславою. насильно имъ взятой себѣ въ жены *). онъ христіаниномъ сталъ

*) Гордая Рогнѣда не пожелала „разуть жениха“, т. е. выйдти замужъ за Владиміра, потому что его мать Милуша была ключницей у Св. Ольги.

усердно заботиться о сиротахъ, больныхъ и не рѣшался утвердить смертнаго приговора даже надъ преступникомъ,—прежде знавшій утѣху только въ свѣтлыхъ пирахъ, нынѣ находилъ очарованіе въ чтеніи священныхъ книгъ.

Владиміръ построилъ въ Кіевѣ церкви Св. Василія и храмъ Богородицы, названный Десятиннымъ, потому что на его содержаніе опредѣлялась десятая часть княжескихъ доходовъ. Понимая, что укорененіе новопринятой вѣры требуетъ распространенія книжнаго образованія, онъ приказалъ отбирать дѣтей у знательныхъ домохозяевъ и отдавать ихъ въ обученіе грамотѣ. Родители такихъ учениковъ оплакивали ихъ какъ покойниковъ.

Незадолго передъ смертью, Владиміръ былъ очень огорченъ поведеніемъ сына своего Ярослава, который, управляя Новгородомъ, не только отказался высылать слѣдуемыя отцу двѣ тысячи гривенъ ежегоднаго дохода, но бѣжалъ въ Швецію для найма дружины. «*Готовьте путь и мостите мосты*» распоряжался Великій Князь, собираясь на сѣверъ, но среди этихъ приготовленій умеръ въ с. Берестовѣ, откуда его тѣло было перенесено въ Десятинный храмъ и положено рядомъ съ гробомъ его супруги Анны.

За свои великіе христіанскіе подвиги, князь Владиміръ сопричисленъ къ лику Равноапостольскому.

Всѣхъ его сыновей было 12, считая въ ихъ числѣ и усыновленнаго имъ племянника Святополка *). Этотъ непризнательный своему благодѣтелю князь, женатый на дочери польскаго Короля Болеслава Храбраго, захватилъ кіевскій престолъ и, простирая виды на Удѣлы братьевъ, задумалъ извести ихъ всѣхъ. Его слугамъ удалось предательски умертвить Свв. князей Бориса Ростовскаго въ его собственномъ шатрѣ на р. Альтѣ, Глѣба Муромскаго близъ Смоленска на Днѣпрѣ, а также и Древлянскаго князя Святослава, захваченнаго въ Карпатскихъ горахъ, но дальнѣйшимъ его злодѣяніямъ былъ положенъ предѣлъ Новгородскимъ княземъ Ярославомъ, которому родная сестра Предслава прислала гонца изъ Кіева съ извѣщеніемъ объ убійствахъ братьевъ. Быстро собравшись въ походъ, онъ разбилъ Святополка у Любеча и овладѣлъ Кіевомъ. Святополкъ нашелъ помощь у своего тестя польскаго Короля Болеслава, который разбилъ Ярослава на бе-

*) Святополкъ I по лѣтописи признается сыномъ гречанки жены Ярополка, на которой послѣ его смерти женился князь Владиміръ ранѣе рожденія Святополка I.

регахъ Буга. Ярославъ бѣжалъ въ Новгородъ, хотѣлъ бѣжать отъ злаго Святополка за море, но Новгородцы устыдили его и собрали новую рать. Святополкъ тѣмъ временемъ сдѣлалъ распоряженіе о поголовномъ истребленіи Поляковъ, своихъ гостей. Возмущенный такимъ вѣроломствомъ, Болеславъ оставилъ Святополка, на котораго уже шли Новгородцы. Святополкъ обратился за союзомъ къ Печенѣгамъ, но былъ разбитъ Ярославомъ на берегу р. Альты, близъ мѣста, гдѣ былъ убитъ Св. Борисъ. Святополкъ пропалъ безъ вѣсти, сохранивъ за собою прозвище «Окаяннаго», а Ярославъ занялъ Кіевъ.

Ярославъ I Мудрый Владиміровичъ (1019—1054).

Владиміръ*).	Изяславъ.	Святославъ.	Всеволодъ I.	Вячеславъ.	Игорь.
Ростиславъ.	Святополкъ II.		Владиміръ II Мономахъ.		Давидъ.
Василько.	Володарь.				

Здѣсь онъ, по выраженію лѣтописца, «*утеръ пота*», но не надолго. Полоцкій князь Брячеславъ ограбилъ Новгородъ. Едва Ярославъ усмирилъ этого внука Владиміра Св. и Рогнѣды, какъ долженъ былъ готовиться къ борьбѣ гораздо болѣе опасной съ роднымъ своимъ братомъ Мстиславомъ Тмутараканскимъ. Послѣ проиграной битвы у Листвена, Ярославъ бѣжалъ въ Новгородъ, но Мстиславъ Владиміровичъ послалъ ему сказать: «*Ты, старшій братъ, сиди въ Кіевѣ, а мнѣ пусть будетъ лѣвая сторона Днѣпра*». Ярославъ согласился и миръ между ними болѣе не нарушался, а послѣ смерти бездѣтнаго Мстислава Тмутараканскаго, Россія опять слилась въ одно цѣлое. Ярославъ кромѣ того, еще ранѣе позаботился отобрать Червенскіе города и окончательно укрѣпилъ ихъ за Русью, отдавши замужъ свою сестру за польскаго короля Казиміра. Когда же Печенѣги осадили самый Кіевъ, то на этотъ разъ они понесли такое истребительное пораженіе, что навсегда прекратили свои набѣги.

Смерть Мстислава Тмутараканскаго 1036

Миръ съ Польскимъ королемъ 1031

Пораженіе Печенѣговъ 1037

Въ память торжества такой побѣды, Ярославъ заложилъ на мѣстѣ сраженія церковь во имя Св. Софіи Митрополитской. По его повелѣнію была построена церковь во имя той же Святой въ Новгородѣ. Крайняя набожность увлекала его до суевѣрія: такъ, напр., онъ вырылъ кости язычниковъ Ярополка и Олега, братьевъ Владиміра Св., и опустилъ ихъ обратно въ могилы

*) Умеръ прежде своего отца.

только послѣ совершенія надъ ними обряда Св. Крещенія. Кромѣ церковныхъ построекъ, онъ обнесъ Кіевъ каменною стѣною, назвавъ главный входъ «Золотыми Вратами».

Ярославъ, какъ и Владиміръ, хорошо понималъ важность книжнаго образованія для распространенія христіанства и потому какъ ревнитель христіанства, усердно заботился о книжномъ дѣлѣ и издалъ на славянскомъ языкѣ имъ собранныя и дополненныя древнія законоположенія подъ названіемъ «Русской Правды».

Именованный «Мудрымъ», Ярославъ I умеръ (20 февраля) на рукахъ любимаго сына Всеволода. Онъ завѣщалъ дѣтямъ жить въ дружбѣ и слушаться старшаго брата Изяслава I, которому, кромѣ Кіевскаго престола, передалъ и Новгородъ. За вѣрность Новгородцевъ и ихъ пожертвованія во время его борьбы съ Святополкомъ Окаяннымъ онъ имъ даровалъ право свободно избирать себѣ князей изъ его потомковъ.

Прахъ Ярослава Мудраго покоится въ церкви Св. Софіи, въ мраморной грабницѣ, до нынѣ уцѣлѣвшей.

Хотя искусство чеканить монету установилось на Руси гораздо позже, но въ его княженіе показались первыя монеты съ русскою надписью «Ярославле сребро» и при немъ же было положено основаніе Кіево-Печерской лавры первымъ конателемъ пещеръ, священникомъ изъ села Берестова, Иларіономъ, впослѣдствіи митрополитомъ.

Изъ наиболѣе замѣчательныхъ городовъ, основанныхъ Ярославомъ, были: Ярославль на Волгѣ и Юрьевъ (Дерптъ) у Чудскаго озера, названный по христіанскому имени Князя.

Неудачный походъ его сына Владиміра и воеводы Вышаты на Грецію былъ послѣднимъ набѣгомъ Русскихъ въ эту сторону.

Усобицы наслѣдниковъ Ярослава. Наслѣдники Ярослава десять лѣтъ прожили въ мирѣ и потому могли во все это время строго сдерживать набѣги враговъ и новыхъ варваровъ Половцевъ, прикочевавшихъ изъ степей Азіи, но затѣмъ между князьями началась едва не шестидесятилѣтняя распря, сопровождаемая такимъ личнымъ ожесточеніемъ, что даже послѣ ихъ съѣзда въ Любечѣ, на которомъ положено было наказывать нарушителя спокойствія общимъ на него нападеніемъ всѣхъ остальныхъ князей, Давидъ Игоревичъ вѣроломно заманилъ и ослѣпилъ Василько Ростиславича. Еще новая междоусобная война была слѣдствіемъ этой жестокости, но, наконецъ, другой съѣздъ удѣльныхъ князей въ Витичевѣ, близъ Кіева, положилъ ей конецъ. Тутъ было рѣшено

Съѣздъ въ Любечѣ 1097

Съѣздъ въ Витичевѣ 1100

отнять Владиміръ Волынскій у Давида Игоревича въ наказаніе его преступленія и общими силами обратиться противъ Половцевъ. Владиміръ Мономахъ руководилъ этими походами и постоянныя побѣды были наградами союзныхъ княжескихъ усилій.

Въ теченіе этого смутнаго времени на Кіевскомъ столѣ поочередно княжили Изяславъ I, его братъ Всеволодъ I, женатый на дочери Греческаго царя Константина Мономаха, и Святополкъ II Изяславовичъ.

Смерть Святослава 1113

По смерти Святополка II, Кіевляне, вопреки права старшинства Святославичей, избрали своимъ княземъ Владиміра Всеволодовича Мономаха, но онъ медлилъ принять предложеніе, а Кіевляне въ это время перебили жидовъ и въ другой разъ послали къ Мономаху свое приглашеніе съ угрозою, въ случаѣ отказа, ограбить вдову Святополка II, бояръ и монастыри.

Владиміръ II Всеволодовичъ Мономахъ (Единоборецъ) 1113—1125.

- Мстиславъ I Вел.
  - Изяславъ II.
    - Мстиславъ II.
      - Романъ (Галицкій).
        - Даніилъ.
  - Ростиславъ.
    - Мстиславъ.
- Ярополкъ II.
  - Андрей I Боголюбск.
    - Константинъ.
- Георгій I (Юрій Долгорукій).
  - Всеволодъ III.
    - Георгій II.
  - Михаилъ.
    - Яросл.
  - Глѣбъ.
    - Святосл.

Въ княженіе Владиміра Мономаха, никто изъ внѣшнихъ враговъ не рѣшался тревожить Русскаго народа; напротивъ. сыновья Мономаха воевали по его указаніямъ у сосѣдей и успѣшно. Мстиславъ громилъ Чудь на Балтійскомъ прибрежьѣ и взялъ городъ Одепне (Медвѣжья Голова), Ярополкъ отнялъ въ окрестностяхъ Дона три города у Половцевъ и добылъ себѣ въ жены дочь князя Ясовъ, необыкновенную красавицу, а Георгій побѣдилъ приволжскихъ Болгаръ. Удѣльные князья не смѣли заводить усобицъ, зная, что Владиміръ никогда не прощаетъ вторичныя попытки. Новгородъ, куда онъ послалъ посадникомъ кіевскаго вельможу Бориса, вопреки уставамъ этого города избирать посадниковъ только изъ своихъ гражданъ, повиновался безпрекословно, но вмѣшательство Владиміра въ дѣла Греціи не сопровождалось подобнымъ успѣхомъ. Поводомъ къ этому вмѣшательству послужило низложеніе Византійскаго императора Діогена, Алексѣемъ Комненомъ. Сынъ Діогена, Леонъ, женатый на дочери Владиміра II, Маріи, былъ вѣроломно убитъ, и малолѣтній его

сынъ Василій остался безъ опредѣленной будущности. Мономахъ, желая устроить своему внуку удѣлъ въ Византійскихъ владѣніяхъ, отправилъ свои дружины на Дунай. Предпріятіе началось счастливо, но окончилось неудачно. тѣмъ не менѣе Владиміръ помирился съ Іоанномъ Комненомъ, пріемникомъ Алексѣя, и выдалъ за него свою внучку, дочь Мстислава.

По новѣйшимъ сказаніямъ Алексѣй Комнинъ прислалъ Владиміру въ даръ драгоцѣнный вѣнецъ, золотую цѣпь и бармы императора Константина Мономаха, дѣда его по матери. Драгоцѣнныя регаліи эти хранятся въ Московской Оружейной Палатѣ и возлагаются на нашихъ Помазанниковъ Божіихъ въ дни Ихъ Священнаго Коронованія.

Заботясь о благѣ народномъ, Владиміръ подтвердилъ законъ Ярослава Мудраго объ отмѣнѣ мести за убійство, точнѣе опредѣлилъ размѣръ «*вира*» *) за уголовныя преступленія, издалъ еще много другихъ постановленій и ограничилъ ростовщичество опредѣленнымъ процентомъ (*рѣзъ*). На рѣкѣ Клязьмѣ онъ основалъ городъ Владиміръ Залѣскій и въ немъ построилъ церковь Св. Спаса; другую церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Св. Борисъ на Альтѣ, а въ Кіевѣ мостъ черезъ Днѣпръ. Ко времени Владиміра Мономаха относится и литературная дѣятельность игумена Сильвестра, собравшаго въ одинъ сводъ всѣ прежнія отрывчатыя писанія, въ число которыхъ попали и сочиненія преподобнаго Нестора, отчего въ ученомъ мірѣ трудъ Сильвестра не совсѣмъ правильно получилъ названіе Несторовой лѣтописи.

Сильвестръ около 1115.

Владиміръ Мономахъ умеръ (19 мая) на 73 году отъ рожденія, близъ Переяславля, у любимой церкви на Альтѣ. Онъ оставилъ прекрасное поученіе своимъ дѣтямъ, въ которомъ, упоминая о своихъ боевыхъ дѣлахъ, говоритъ, что «*сдѣлалъ большихъ походовъ 83, а малыхъ не упомню*».

Въ первый бракъ онъ вступилъ съ Гидою, дочерью Англійскаго короля Гаральда, но женатъ былъ три раза и оставилъ пять сыновей. Прахъ Владиміра Мономаха покоится въ Кіевскомъ Софійскомъ храмѣ.

Мстиславъ I. (1125—1132). Ярополкъ. (1132—1139).

Ему наслѣдовалъ его сынъ Мстиславъ I. подобно отцу понимавшій, что вѣрное средство достигнуть спокойствія въ Государствѣ заключается въ умѣньи быть грознымъ для

*) Денежный штрафъ.

всѣхъ и всякихъ враговъ отечества. Лѣтописцы говорятъ, что Мстиславъ I загналъ Половцевъ отъ береговъ Дона за Волгу, но не менѣе была важна и ссылка въ Константинополь, вмѣстѣ съ семьями всѣхъ Полоцкихъ князей, которые въ своемъ стремленіи сдѣлаться самостоятельными владыками издавна отдѣлялись отъ Россіи; впослѣдствіи, пользуясь усобицами, они возвратились.

Послѣ его смерти Великокняжескій столъ перешелъ къ Ярополку, много уступавшему своему предшественнику въ талантливости и твердости характера, а потому междоусобія князей развились при немъ въ гораздо большемъ размѣрѣ.

Изяславъ II Мстиславовичъ. (1146—1154).

Распри князей не окончились и по смерти Ярополка. Когда же послѣ нѣсколькихъ князей, быстро смѣнившихся на кіевскомъ столѣ, Кіевляне призвали Изяслава II Мстиславовича, внука Владиміра Мономаха, то его врагомъ, въ спорѣ за старшинство, оказался родной дядя Георгій Владиміровичъ, князь Суздальскій, прозванный Долгорукимъ. За Кіевъ, который не переставалъ переходить изъ рукъ въ руки, война продолжалась и между сыновьями Изяслава II и Георгія, Мстиславомъ II Изяславовичемъ и Андреемъ Георгіевичемъ, по прозванію Боголюбскимъ.

Исходъ этой борьбы оказался для Кіева очень печальнымъ. Сынъ Боголюбскаго, Мстиславъ Андреевичъ, взялъ городъ при- Взятіе Кіева
ступомъ (12 марта) и припомнивъ избіеніе Суздальцевъ Кіевля- 1169
нами, послѣ смерти княжившаго у нихъ своего дѣда Георгія, не пощадилъ древней столицы и предалъ ее грабежу. Никогда прежде не бывало съ «*матерью городовъ Русскихъ*», чтобы черезъ ея «Златыя врата» входили силою, но еще большее униженіе пришлось перенесть Кіеву, когда на его столѣ побѣдитель Андрей Боголюбскій утвердилъ младшаго своего брата Глѣба; самъ же, принявъ титулъ Великаго Князя, остался во Владимірѣ на Клязьмѣ.

Послѣ этого погрома Кіевъ, прозванный иноземцами вторымъ Константинополемъ, больше никогда не поднимался на высоту прежняго значенія, хотя изъ-за обладанія имъ южно-русскіе князья не переставали между собою спорить. Но не было суждено и молодому городу Владиміру, ставшему во главѣ сѣверо-востока Руси, сдѣлаться средоточіемъ интересовъ и власти надъ всею Русскою землею. Первенство такого величія перешло къ Москвѣ, самодержавные Государи которой окончательно отвергли пагубную систему удѣловъ и, жертвуя всѣмъ въ продолженіе нѣ-

сколькихъ поколѣній, достигли наконецъ объединенія Руси и настоящаго ея величія.

Андрей I Боголюбскій, перенесшій свой Великокняжескій престолъ въ свою Суздальскую область, справедливо былъ прозванъ за свой умъ вторымъ Соломономъ. Онъ былъ первый изъ Русскихъ князей, не дававшій удѣловъ въ своихъ владѣніяхъ даже сыновьямъ. Лучше своихъ современниковъ постигая вредъ и опасность дробленія Россіи, Андрей Боголюбскій рѣшился поднять борьбу за единовластіе, но походъ его противъ Новгорода окончился безъ существенной пользы для его видовъ. Попытка возвысить Владиміръ въ церковномъ отношеніи на степень митрополіи, тоже ему не удалась, по несогласію Царьградскаго патріарха на такое измѣненіе уже установившагося порядка церковнаго управленія, и Андрей по неволѣ долженъ былъ удовлетвориться перенесеніемъ въ свою резиденцію епископской каоедры изъ Ростова.

Смерть застигла Андрея и его широкіе планы врасплохъ въ селѣ Боголюбскомъ. Онъ былъ женатъ на дочери боярина Кучка, казненнаго княземъ Георгіемъ Владиміровичемъ, его отцемъ. Одинъ изъ братьевъ жены Боголюбскаго «*приличился*» въ какомъ-то злодѣяніи и его казнили. За это похвальное правосудіе родные жены Андрея составили противъ него заговоръ. 28 іюня ночью, заговорщики, забѣжавши предварительно въ медушу (погребъ), направились оттуда къ княжеской «*ложницѣ*» и, умертвивъ безоружнаго Князя, разграбили «*государскую*» казну, которая хранилась во дворцѣ.

Вѣсть о гибели Великаго Князя быстро распространилась и возбужденный партіею заговорщиковъ народъ, бросился разорять дома и бить посадниковъ и тіуновъ, грабительское управленіе которыхъ омерзѣло всѣмъ до крайности. Поѣ Микулица (Никола) пошелъ по Владиміру съ чудотворною иконою Богородицы, которую князь Андрей вывезъ изъ Вышгорода; немедленно волненіе утихло и тогда вспомнили, что никакой Государь не можетъ искоренить человѣческаго зла, вспомнили много хорошихъ дѣлъ за покойнымъ и, оплакавъ убитаго Князя, предали могилѣ его остатки съ честію во Владимірскомъ храмѣ Богородицы.

Къ послѣднему году княженія Андрея относится колонизаторское переселеніе части Новгородцевъ на востокъ въ Вятку, гдѣ они основали городъ Хлыновъ.

Михаилъ Георгіевичъ. (1174—1176). **Всеволодъ III Георгіевичъ (Большое гнѣздо). (1176—1212).**

Племянники Андрея Боголюбскаго, Ростиславовичи, подняли споръ съ его братьями за владѣніе городами, но дѣло обошлось въ пользу миролюбиваго Михаила, проживавшаго въ Черниговѣ. Послѣ его смерти Суздальскій столъ достался Всеволоду, хотя не безъ борьбы, но въ его княженіе смуты затихли въ Ростовско-Суздальской области.

Всеволодъ III придерживался политики Андрея, не раздавалъ удѣловъ, но, вообще, дѣйствовалъ менѣе его рѣзко. Не выпуская Новгорода изъ подъ своего вліянія, онъ въ крайнихъ случаяхъ оказывалъ ему уступки; но уже мысль о подчиненіи Новгорода перешла въ желаніе не только у Суздальскихъ князей, лично, но и въ желаніе всей земли. Отсюда взаимное озлобленіе этихъ двухъ удѣловъ.

Князь Всеволодъ, пользуясь вліяніемъ у южно-русскихъ князей, ссорилъ ихъ между собою или мирилъ, смотря по требованіямъ своей политики, но собственное его княжество переживало давно небывалое спокойствіе. Населеніе у него прибывало, строились церкви и обители, завелись свои русскіе зодчіе, иконописцы; переписчики дошли до художества и наконецъ княжна Евфросинья, дочь Черниговскаго князя Михаила Всеволодовича, основала школу для дѣвицъ, въ которой ихъ обучали не только грамотѣ, письму, но и церковному пѣнію.

Походы Всеволода въ Камскую Болгарію, а въ особенности удачный походъ юго-западныхъ удѣльныхъ князей противъ Половцевъ, возбудили такое соревнованіе у князей Сѣверской области, что въ союзѣ между собою они въ свою очередь пошли разорять половецкія «*вежи*», но, далеко углубившись въ степи, потерпѣли жестокое пораженіе на берегахъ Каялы (Кагальникъ). Ихъ удалой набѣгъ и гибель воспѣты въ «Словѣ о полку Игоревѣ», причемъ упоминается о пѣвцѣ Боянѣ.

Одновременно съ княженіемъ Всеволода III, крестоносцы завладѣли Царьградомъ, а меченосцы основались на сѣверо-западѣ Россіи.

Суздальскій лѣтописецъ говоритъ, что многодѣтный Всеволодъ своихъ сыновей на ихъ пятомъ году отъ рожденія торже-

ственно постригалъ и сажалъ на коня въ присутствіи епископа, бояръ и гражданъ. Обрядъ назывался «*Постриги*» и всегда сопровождался роскошнымъ пиромъ и обдариваніемъ присутствующихъ.

Незадолго до своей кончины, Всеволодъ Георгіевичъ опредѣлилъ старшему сыну Константину управлять Ростовомъ съ тѣмъ, чтобы онъ, сдѣлавшись Великимъ Княземъ, уступилъ Ростовъ меньшему брату Георгію, а самъ тогда переѣхалъ бы во Владиміръ. Но Константинъ требовалъ, чтобы Ростовъ за нимъ оставался навсегда и своею неуступчивостью такъ раздражилъ отца, что тотъ на Великое княженіе благословилъ Георгія.

Георгій II Всеволодовичъ. (1212—1216).

Битва на р. Липицѣ 1216

Константинъ Всеволодовичъ не могъ спокойно подчиниться такому родительскому распоряженію. Въ союзѣ съ Новгородцами онъ разбилъ Георгія на р. Липицѣ и возстановилъ свое старѣйшество. Когда же онъ умеръ, Георгій сѣлъ на Великокняжескій Владимірскій столъ и занялся расширеніемъ своихъ границъ по направленію къ Мордвѣ и Волгарамъ, а чтобы прочнѣе закрѣпить новыя пріобрѣтенія, онъ на мѣстѣ впаденія Оки въ Волгу построилъ крѣпость Нижній-Новгородъ. Но такая охрана, годная отъ Мордвы, оказалась ничтожною для отстраненія грозной тучи татарскаго нашествія.

Географическій обзоръ въ общихъ чертахъ составныхъ частей Россіи около XII в. и ихъ гражданское устройство. Обширная Россія, не сплоченная единодержавіемъ, распадаясь на отдѣльныя земли, въ свою очередь дробленныя на удѣлы, представляла печальное зрѣлище безсилія, тогда какъ противъ монгольскихъ полчищъ ей нуженъ былъ самый дружный отпоръ силою всего населенія. Грозный отвѣтъ на нападеніе состоялся, но послѣ долгихъ лѣтъ порабощенія, когда умудренная несчастіями Россія наконецъ прибѣгла къ единодержавному Самодержавію. Ему поклонились побѣдители Татары своими царствами, начиная съ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, а позднѣе тоже самое случилось и съ другими обидчиками, съ Крымцами, Ливоніею, Литвою и Поляками.

Къ половинѣ XII столѣтія нынѣшняя Россія распадалась на отдѣльныя земли, изъ которыхъ главнѣйшими были, кромѣ Литвы на Западѣ, Суздальской на Волгѣ и Кіева на Днѣпрѣ, еще слѣдующія:

Муромская и *Рязанская* по Окѣ и Дону съ городами: Рязань, Переяславль-Рязанскій. Коломна, Пронскъ на р. Проиѣ.

Черниговская и *Сѣверская* по Десиѣ и Окѣ съ городами: Черниговъ. Любечъ. Стародубъ. Курскъ. Новгородъ-Сѣверскій Путивль.

Полоцкая по Западной Двинѣ. Березинѣ и Нѣману съ городами: Полоцкъ, Минскъ, Витебскъ.

Смоленская по верховьямъ Днѣпра и Западной Двины съ городами: Смоленскъ. Торопецъ. Можайскъ, Вязьма.

Волынь и Червонная Русь или Галиція. Первая на р. Принети съ городами: Владиміръ-Волынскій. Луцкъ. Дорогобужъ, Люблинъ; а вторая по Днѣпру и Пруту, у Карпатскихъ горъ. съ городами: Перемышль, Теребовль, Галичъ. Звенигородъ.

Новгородская Община у Финскаго залива. между Чудскимъ озеромъ, истокомъ Волги, Бѣлымъ Моремъ и сѣверною Двиною. съ городами: Новгородъ, Псковъ, Торжокъ.

Ливонскій Орденъ. Между Финскимъ заливомъ и Западною Двиною. съ русскимъ городомъ Юрьевъ (Дерптъ).

Всѣ эти земли. по своему гражданскому устройству. не представляли никакого рѣзкаго различія, за исключеніемъ Новгородской области и Ливонскаго ордена.

Князь. Въ рукахъ князя сосредоточивалась верховная власть и право вотчиннаго владѣльца. Доходы и дань онъ собиралъ, объѣзжая волости въ сопровожденіи дружины «*полюдье*», но впослѣдствіи дѣла эти поручались воеводамъ. волостелямъ. намѣстникамъ и другимъ чиновникамъ.

Дружина, смерды и холопы. Населеніе главнымъ образомъ раздѣлялось на дружину, смердовъ и холоповъ. Дружина, составляя цвѣтъ военной и правительственной силы. была съ тѣмъ вмѣстѣ и опорою княжеской власти. Князь никогда съ нею не разлучался, съ нею ходилъ на врага, съ нею пировалъ, съ нею и народъ судилъ.

Дружина дѣлилась на старшую или бояръ и младшую или гридей, отроковъ и др., извѣстныхъ потомъ подъ названіемъ боярскихъ дѣтей, но со временъ Андрея Боголюбскаго. дружина Великаго Князя стала называться дворомъ, а дружинники дворянами.

Городскіе и сельскіе обитатели назывались смердами. Лично свободные, всѣ они платили оброкъ и управлялись по уѣздамъ и волостямъ своими земскими властями, въ качествѣ тысяцкихъ,

сотскихъ, десятскихъ старость, а для обсужденія дѣлъ общихъ собирались на «вѣче» или сходки. Тѣ изъ смердовъ, которые пользовались уваженіемъ въ своей средѣ, назывались «*лучшіе люди*», въ Новгородѣ «*житьи люди*» и при затруднительныхъ обстоятельствахъ, нерѣдко призывались князьями на «вѣче». Вліяніе «вѣче» главнаго города на пригороды или младшіе города было такъ велико, что, по сказанію лѣтописца: «*на чемъ старшіе положатъ, на томъ пригороды станутъ*».

Холопы, челядь, т. е. классъ людей несвободныхъ, первоначально образовался изъ плѣнныхъ. Въ обѣльные или полные холопы обращались: несостоятельный должникъ, если онъ не могъ отработать своего долга; «закупа» или наемникъ, взявшій деньги впередъ и затѣмъ бѣжавшій; всякій женившійся на холопкѣ безъ договора съ ея господиномъ; добровольно продавшійся, свободный человѣкъ; дѣти, проданныя отцемъ, и всякій, принявшій должность у частнаго лица, вѣроятно потому, что за обманы и безчинство свободныхъ людей трудно было хозяину на нихъ искать управы. Холопъ не имѣлъ права являться свидѣтелемъ, развѣ когда для свидѣтельства не случалось свободнаго человѣка, да и то допускались только тѣ холопы, которые исправляли какую либо должность у своего господина.

Судъ. Судъ обыкновенно производился на дворѣ у Князя его «тіунами» или на торгу, если преступникъ предавался суду народному. Основаніемъ судопроизводства служили сначала уставы, заимствованные у Варяговъ, впослѣдствіи «Русская Правда» Ярослава I Мудраго, но кромѣ того удѣльные князья дѣлали различныя постановленія по своимъ удѣламъ. Чиновники, рѣшавшіе уголовныя дѣла, назывались «вирниками», потому что они опредѣляли на всѣхъ виновныхъ штрафъ или «*виру*», который поступалъ въ доходъ князя, какъ и торговая пошлина. Судья имѣлъ помощника или «*отрока*» и «*мытельника*» или писца.

Законодательство этихъ временъ вообще отличалось характеромъ права уголовнаго и не особенно сложными формами. Доказательствами на судѣ служили: присяга, свидѣтельскія показанія и испытанія горячею водою и раскаленнымъ желѣзомъ. У невиннаго не должно было оставаться слѣдовъ на тѣлѣ отъ прикосновенія къ этимъ предметамъ. Тѣлесныхъ наказаній не существовало, но кровомщеніе за убійство разрѣшалось мужу за жену и ближайшимъ родственникамъ потерпѣвшаго. Убійство

вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, не влекло за собою отвѣтственности, если воръ не былъ предварительно схваченъ.

Въ правахъ наслѣдства сыновья участвовали поровну; младшему сыну отдѣлялся отцовскій домъ, дочерямъ выдавалось изъ наслѣдства приданое, но только при самомъ замужествѣ. Наслѣдниками бездѣтныхъ бояръ и дружинниковъ являлись ихъ другіе ближайшіе родственники, но имущество бездѣтныхъ смердовъ переходило къ князю. Имѣніе жены оставалось для мужа неприкосновеннымъ и замужняя женщина пользовалась тѣми же юридическими правами, какъ и мужчина. Особенною самостоятельностью пользовалась «*матерія вдови*» — какъ называлась вдова, мать сыновей, и у св. Ольги, матери Святослава, никто не могъ бы оспаривать права «*сидѣть на вдовьемъ столѣ*», т. е. управлять и владѣть землею, домомъ, всѣмъ имуществомъ своего покойнаго мужа.

Монета. Деньги состояли въ звѣриныхъ шкуркахъ куницъ и бѣлокъ, откуда произошло названіе «Кунъ» и «Мордка», изъ которыхъ составлялись «гривны кунъ». До Ярослава I Мудраго, на Руси обращались чеканныя металлическія монеты иноземныя, большею частью греческіе червонцы «номизмы» и «солиды», а мелкая монета была кожаная. При Ярославѣ же показалась серебряная русская монета съ русскою надписью, «*Ярославле сребро*» съ одной стороны и съ изображеніемъ воина и греческою надписью на другой; но серебро еще очень долго послѣ того принималось по опредѣленному вѣсу подъ названіемъ гривны. Серебро или «гривны» были большія и малыя: въ первой вѣсъ доходилъ до 49 золотниковъ, а во второй онъ не превышалъ 35. Отношенія ихъ къ гривнамъ кунъ хотя подвергались колебаніямъ, но приблизительно выражались пропорціею 1 : 7.

Просвѣщеніе и искусство. Просвѣщеніе проникло въ Россію вмѣстѣ съ христіанствомъ, когда Русскіе получили славянскую письменность. Его развитіе было надолго задержано татарскимъ порабощеніемъ.

Памятниками древней Русской Словесности и Поэзіи служатъ: «Русская Правда» Ярослава I, лѣтописи Кіево-Печерскаго преподобнаго инока Нестора, жившаго во второй половинѣ XI и въ началѣ XII вѣка. Его же «Житіе Святыхъ», поученіе Владиміра Мономаха своимъ дѣтямъ, Слово о полку Игоревѣ, проповѣди Кирилла Епископа Туровскаго и проч.

Зодчими и художниками въ Россіи до XII столѣтія были Нѣмцы на Сѣверѣ и Греки на югѣ, но уже въ 1194 г. Суздальскій храмъ былъ обновленъ трудами однихъ русскихъ мастеровъ. Первымъ русскимъ живописцемъ считается инокъ Кіево-Печерской лавры св. Алимпій, а первымъ русскимъ медикомъ Агапитъ, тоже инокъ. Искусствомъ врачеванія славились въ Кіевѣ Армяне.

Торговля. Кіевъ на югѣ съ Греками и Генуэзцами и на сѣверѣ Новгородъ, вонедшій въ Ганзейскій союзъ въ XII в., были двумя главнѣйшими торговыми центрами; на востокѣ торговля велась съ камскими Болгарами, отъ которыхъ привозился сафьянъ.

Церковь. Православная Церковь была господствующею во всѣхъ Русскихъ земляхъ безъ исключенія. Хотя святое дѣло распространенія христіанства, по мѣрѣ своего удаленія отъ большихъ городовъ, послѣ Св. Владиміра и Ярослава Мудраго, дѣлалось все труднѣе, шло медленнѣе, тѣмъ не менѣе безостановочно, благодаря ревности Проповѣдниковъ, изъ которыхъ Св. Кукша въ XII в. у Вятичей, и Епископъ Леонтій въ XIV в. у Муромы заплатили мученическою смертью за свои подвиги.

Дѣлами Церкви уже со времень Ярослава I Мудраго управлялъ митрополитъ, поставляемый Константинопольскимъ патріархомъ. Первымъ митрополитомъ при Ярославѣ былъ Іоопемитъ, который освящалъ тогда перестроенную Десятинную церковь въ 1039 году.

Новгородская Община и Ливонскій орденъ Мечеиосцевъ. Что касается Новгорода, то хотя князь и стоялъ во главѣ его правленія, но князь этотъ избирался. Новгородское «вѣче», пользуясь этимъ своимъ правомъ и раздорами князей, захватило верховную власть въ свои руки и стало величаться «Господинъ Великій Новгородъ», предоставляя своему князю болѣе внѣшнюю защиту области.

Вторымъ лицомъ въ Общинѣ былъ посадникъ, избираемый обыкновенно изъ богатыхъ жителей и замѣщавшій князя въ его отсутствіе.

Граждане собирались на «вѣче» на такъ называемомъ «дворѣ Ярослава», по звуку вѣчеваго колокола, и большинствомъ голосовъ рѣшали участь своихъ дѣлъ. Несогласное меньшинство приводилось къ согласію силою. Новгородскимъ епископамъ безпрестанно приходилось останавливать ожесточенныя драки гражданъ, вмѣшательствомъ своихъ полковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Владычныхъ».

Духовный же рыцарскій Орденъ Меченосцевъ или Ливонскій орденъ въ землѣ Чуди и Ливы былъ основанъ съ благословенія Папы епископомъ Альбертомъ Буксгевденомъ, который построилъ городъ Ригу. Рыцари эти управлялись епископомъ. Построивъ множество крѣпкихъ замковъ, они силою оружія обращали туземныхъ жителей, Латышей и Эстовъ, въ христіанство и въ крѣпостную отъ себя зависимость. Основаніе Риги 1201

Усилившись, Меченосцы съ магистромъ (Начальникъ) во главѣ перестали признавать надъ собою власть Рижскаго Епископа и это обстоятельство повело ихъ къ постоянной и ожесточенной съ нимъ борьбѣ.

Нашествіе Татаръ. Собраніе Русской Земли до Іоанна III.

Отсутствіе единовластія на Руси XII вѣка образовало ей тотъ песчаный фундаментъ, на которомъ она не могла удержаться при своемъ столкновеніи съ татарскимъ нашествіемъ. Отъ временъ Рюрика, Русскіе не позволяли врагу засиживаться на своей родной землѣ. Но великимъ дѣламъ Россіи нужно было великое знамя единства,—удѣльные флаги не годились.

Монголы. Первыя встрѣчи съ ними Русскихъ. Около половины XII в. въ степяхъ Азіи, южнѣе нынѣшней Иркутской губерніи, Ханъ Езукай Багадуръ основалъ нѣчто въ родѣ кочующаго царства, которое передалъ въ началѣ XIII в. сыну своему Темучину. Юный Ханъ, сварившій въ семидесяти котлахъ предводителей вспыхнувшаго противъ него мятежа, увѣровалъ вмѣстѣ съ Ордою въ пророчество нѣкоего пустынника, что ему предопредѣлено осуществить въ своемъ лицѣ всемірнаго властелина. Принявъ названіе Чингисъ-Хана, онъ вмѣсто сохраненія прежнихъ зависимыхъ отношеній къ Китаю, прошелъ по немъ побѣдителемъ до самой столицы (нынѣшній Пекинъ). Все было предано мечу и огню, причемъ царскій дворецъ въ Пекинѣ горѣлъ около мѣсяца. Велѣдъ затѣмъ, опустошивши всѣ Азіатскія Царства отъ Аральскаго моря до Инда, Монголы побѣдили жителей Кавказа и напали на Половцевъ. Половецкіе Ханы обратились за помощью къ Русскимъ. Князья, собравшись въ Кіевѣ и разсудивъ, что, въ случаѣ отказа, Половцы могутъ соединиться съ татарами противъ нихъ самихъ, порѣшили не отклонять сдѣланнаго имъ предложенія.

Битва на р. Калкѣ 1224

Русское ополченіе, выступившее подъ главнымъ предводительствомъ трехъ князей, трехъ Мстиславовъ (Галицкаго, Кіевскаго и Черниговскаго) имѣло успѣхъ при первой встрѣчѣ съ Татарами, но въ битвѣ 31 мая на р. Калкѣ, близъ Маріуполя, потерпѣло страшное пораженіе, отчасти потому, что союзники Половцы обратились въ бѣгство, а еще болѣе отъ недостатка согласія между князьями. Послѣ этого Татары безпрепятственно дошли до самаго Днѣпра, но неожиданно повернули обратно и скрылись въ степяхъ Азіи.

Гибель Рязанскихъ и Суздальскихъ Князей. Козельскъ. Въ продолженіе тринадцати лѣтъ о Монголахъ не было слуху, какъ вдругъ Батый, племянникъ Хана Угедея *), опустошивъ землю Болгарскую, вступилъ въ южныя владѣнія Рязанскаго княжества, во главѣ 300,000 войска и послалъ къ удѣльнымъ князьямъ пословъ съ предложеніемъ мира за десятую часть ихъ имущества. Князья гордо отвѣчали посламъ: «*Когда изъ насъ никого въ живыхъ не останется, тогда все возьмете*». Вмѣстѣ съ тѣмъ, однакоже, сознавая слабость собственныхъ силъ, они обратились за поддержкой къ Суздальскому Великому Князю. Но Георгій II не внялъ просьбѣ сосѣдей и Рязань, послѣ поголовной гибели,

Опустошеніе Рязани 1237

начиная съ княжескаго дома, обращена была въ пустыню. Батый двинулся дальше на Сѣверъ. Разбивъ войско Великаго Князя у Коломны, онъ сжегъ Москву и 3-го февраля осадилъ Владиміръ.

Разореніе г. Владиміра 1238

Георгій Всеволодовичъ бросился на Волгу собирать войско, а 7-го февраля уже Владиміръ былъ взятъ и сожженъ, при чемъ сгорѣло все семейство Великаго Князя. Четырнадцать городовъ подверглись той же участи. Ни одинъ изъ городовъ и ни одинъ князь не сдавался, бились отчаянно, но князья порознь были слишкомъ слабы, чтобы остановить движеніе татарскихъ полчищъ. Поздно въ этомъ убѣдился самонадѣянный Георгій II Всеволодовичъ и самъ погибшій въ бою (4 марта) на р. Ситни, впадающей въ Мологу. Его обезглавленное туловище было признано по одеждѣ, голова же найдена послѣ.

Въ 100 верстахъ отъ Новгорода Батый остановился, опасаясь весенняго половодья въ болотистой и тонкой мѣстности. Повернувъ къ Дону, опять въ земли Половецкія, онъ по дорогѣ осадилъ ничтожный городокъ Козельскъ, но чтобы его разрушить, Татарамъ пришлось употребить семь недѣль времени и потерять 4000

*) Ханъ Угедей наслѣдовалъ Орду послѣ Чингисъ-Хана.

убитыми. Говорятъ, что десятилѣтній удѣльный князь этого города Василій*) утонулъ въ крови. Уходя, Батый обозвалъ Козельскъ «злымъ городомъ».

Кіевскій князь Ярославъ II Всеволодовичъ 1238—1246.

Андрей II. Александръ Невскій. Ярославъ III. Василій. Михаилъ (Хараборитъ).

Кіевскій князь, узнавъ о несчастной кончинѣ своего брата Георгія II. поспѣшилъ во Владиміръ и принялъ титулъ Великаго Князя. Наиболѣе занимаясь устройствомъ разоренной страны, онъ однако же успѣлъ совершить удачный походъ противъ Литовцевъ, которые, пользуясь несчастіями Россіи. покусились вторгнуться въ Смоленскую область.

Между тѣмъ, по отбытіи Ярослава II во Владиміръ, между Черниговскими князьями и Галицкимъ княземъ Даніиломъ поднялся споръ за владѣніе Кіевомъ, но вскорѣ они въ свою очередь были жестоко наказаны за свою рознь и безучастіе къ судьбѣ Сѣверной Россіи.

Окончательное разореніе Кіева. Батый, разгромивъ Половцевъ и Черниговское княжество, сталъ предъ Кіевомъ.

Мангу, внукъ Чингисъ-Хана, долго издали любуясь Кіевомъ, предложилъ городу добровольную сдачу, вмѣсто разрушительной осады, но Кіевляне отвѣчали убіеніемъ его пословъ. Городъ немедленно былъ обложенъ татарскими полчищами со всѣхъ сторонъ. Отъ скрипа безчисленныхъ возовъ, рева верблюдовъ, ржанія коней, крика самихъ Татаръ, жители Кіева, по сказанію лѣтописца, едва могли разслышать другъ друга. Когда дикари перебили Кіевлянъ въ городѣ. остатокъ его защитниковъ засѣлъ еще за оградою Десятинной церкви. но все было предано такому уничтоженію, что даже могилы Великихъ Князей не были пощажены и кости ихъ хрустѣли подъ ногами варваровъ. Величіе и слава Кіева исчезли навсегда!

Такому же нашествію подверглась Венгрія, часть Польши. Молдавія, Сербія и только смерть Угедея (Октай) побудила Батыя сократить свое пребываніе въ Европѣ и удалиться за Волгу.

Зависимость Россіи отъ Татаръ выразилась главнымъ образомъ въ обязательномъ платежѣ дани, въ помощи войскомъ противъ ханскихъ враговъ и поѣздкѣ князей въ Орду съ покло-

*) Изъ рода Черниговскихъ князей.

номъ за полученіемъ ярлыка на княженіе. Религія оставалась неприкосновенною.

Земля Волынско-Галицкая. Менѣе другихъ юго-западныхъ Русскихъ земель пострадала Волынско-Галицкая область. Въ XII вѣкѣ она составляла удѣлъ старшей линіи Мономаховичей въ потомствѣ Кіевскаго великаго князя Изяслава II Мстиславовича. Его внукъ Романъ прославился побѣдами надъ Половцами и Литовцами. По преданіямъ, онъ запрягалъ жителей Литвы въ плуги, изъ чего произошла пословица: «*Романе! худымъ живеше, Литвою ореше*».

Папа Инокентій III очень желалъ видѣть въ Романѣ Галицкомъ государя католическаго, но папскій легатъ былъ опровергнутъ Романомъ въ личныхъ съ нимъ богословскихъ спорахъ, а на соблазнъ, что Папа провосгласитъ его королемъ и мечемъ Св. Петра доставитъ ему много городовъ, Романъ, обнаживъ свой собственный мечъ, гордо спросилъ: «*Такой ли у папы? Доколѣ ношу его при бедрѣ, не имѣю нужды въ иномъ и кровью покупаю города!*» Его сынъ князь Даніилъ, утвердившись въ наслѣдіи отца, долго не ѣхалъ въ Орду, но былъ тамъ принятъ и отпущенъ съ честью. Не смотря на это, Даніилъ находилъ, что «*злѣе зла Татарская честь*» и, возвратившись къ себѣ, немедленно завелъ переговоры съ Папою о присоединеніи своихъ подданныхъ къ католической церкви, если для спасенія отечества ему будетъ оказана надлежащая помощь. Обрадованный Папа прислалъ ему королевскій вѣнецъ и сталъ проповѣдывать походъ противъ Татаръ, но папскія буллы остались безъ послѣдствій. Тогда Даніилъ прервалъ сношенія съ Римомъ и попытался свергнуть монгольское иго собственными силами. Ему это такъ мало удалось, что онъ былъ принужденъ Татарами разметать свои вновь устроенныя укрѣпленія. По пресѣченіи его рода Польскій король Казиміръ III, пользуясь безпорядками Руси, завладѣлъ Галиціею, а Волынь отошла къ Литовскимъ князьямъ.

Новгородъ въ первое нашествіе Татаръ. Уцѣлѣлъ одинъ Новгородъ, но покоя и тутъ не было. Папа благословилъ Шведовъ противъ Новгородцевъ, распространявшихъ свое православіе между язычниками Финляндіи. Зять шведскаго короля Биргеръ вторгся въ Новгородскую область и послалъ сказать князю Александру Ярославовичу: «*Ратоборствуй со мною, если смѣешь: я стою уже на землѣ твоей!*»

Князь Алѣксандръ собралъ дружину и, видя ея малое число, обратился къ ней съ рѣчью: «*Насъ немного, а врагъ силенъ, но Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ!*»

Воодушевилось войско и 15 іюля Александръ одержалъ надъ Шведами блистательную побѣду на Невѣ близъ Ижоры, которая заслужила ему наименованіе «Невскаго». Биргеръ былъ раненъ. По словамъ повѣствователя, Александръ собственноручно: «*возложилъ ему печать на лицо*». Когда же Александръ въ гнѣвѣ на Новгородцевъ оставилъ ихъ, то Нѣмцы съ помощью измѣнника Твердила Ивановича овладѣли Псковомъ. Новгородцы снова обратились съ мольбою къ Александру и къ нему посломъ снарядили владыку Спиридона. Нѣмцы въ то время такъ подрывали своими грабежами торговлю русскаго сѣверо-запада, что дѣло стало касаться всей Руси, а потому Александръ забылъ свою вражду къ Новгороду и съ его дружинами быстро очистилъ страну отъ нѣмецкихъ шаекъ и возвратилъ Псковъ. Но упорный врагъ вернулся съ новыми силами. Тогда Невскій герой, встрѣтивъ ихъ на льду Чудскаго озера, нанесъ имъ такое пораженіе, что битва эта была характерно прозвана «*ледовитымъ побоищемъ*». Нѣмцы отказались отъ всего захваченнаго, — Литовцевъ же, тѣснившихъ въ то время пограничныхъ Русскихъ. Князь Александръ разбилъ въ нѣсколько дней нѣсколько разъ. Тѣмъ не менѣе эти славныя побѣды на сѣверѣ не могли измѣнить подневольныхъ отношеній Русскихъ къ Татарамъ на востокѣ и потому Великій Князь Ярославъ II, названный Батыемъ главою князей Русскихъ, принужденъ былъ еще отправиться къ берегамъ Амура на поклонъ великому Хану Гаюку, откуда возвращаясь скончался на пути.

Битва на Невѣ 1240

Ледовое побоище 1242

Одновременно съ этимъ Русскіе извѣстились о мученической смерти въ Ордѣ Черниговскаго князя Михаила и его боярина Ѳеодора за выказанное ими презрѣніе къ языческимъ обрядамъ. Оба они причислены къ лику святыхъ.

Святославъ II Всеволодовичъ. Андрей II Ярославовичъ. Александръ Ярославовичъ Невскій. Престолъ Ярослава II занялъ родной его братъ Святославъ Всеволодовичъ, но былъ свергнутъ племянникомъ Михаиломъ (Хароборитъ), княземъ Московскимъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Михаилъ погибъ въ бою съ Литовцами; Святославъ же умеръ два года позже, оставаясь въ сторонѣ отъ престола.

Смерть Михаила (Хароборита) 1249

Александръ Ярославовичъ Невскій, любя отечество «*болѣе своей княжеской чести*», понималъ глубокую политику своего

отца лучше всѣхъ своихъ современниковъ. Сознавая невозможность успѣшной борьбы съ Татарами, онъ, во избѣжаніе новыхъ опустошеній Россіи, словомъ и дѣломъ внушалъ Русскому народу терпѣніе и покорность завоевателю и вслѣдъ за братомъ своимъ Андреемъ отправился въ Кипчакскую или Золотую Орду.

Престарѣлый Батый нашелъ, что какъ ни велика была слава Александра, она вовсе не преувеличивала личныхъ достоинствъ этого изъ ряда выходящаго человѣка и утвердилъ его княземъ всей Южной Россіи, а Андрея Ярославовича—на престолѣ Владимірскомъ.

1263 Около этого времени папа Иннокентій IV прислалъ къ Александру двухъ кардиналовъ съ предложеніемъ присоединиться къ латинской церкви *), но Князь письменно ему отвѣтилъ: «*Мы знаемъ истинное ученіе Церкви, а вашего не пріемлемъ и знать не хотимъ*».

Между тѣмъ пылкій Андрей II Ярославовичъ не могъ помириться съ обязанностями татарскаго данника, возстановилъ противъ себя Орду, и тою или другою неосторожностью накликалъ вторженіе татаръ на свои владѣнія. Враги, уничтоживъ дружину Андрея II, чуть было не захватили его самого. Хотя Андрей II бѣжалъ въ Швецію, но Орда этимъ не удовольствовалась. Для оправданія грабежа ей было достаточно и мельчайшаго повода. а потому, само собою разумѣется, настоящій случай не былъ пропущенъ. Владимірская область сильно потерпѣла.

Александръ I Ярославовичъ **) Невскій. 1252—1263.

Димитрій I. Андрей III. Даніилъ.

Георгій III. Іоаннъ I Калита.

Симеонъ Гордый. Іоаннъ II.

Димитрій Донской.

Послѣ этого Князь Алéксанръ немедленно предпринялъ вторичное путешествіе въ Орду и своими представленіями успѣлъ успокоить Сартака, управлявшаго Ордою за дряхлостью своего отца Батыя. Утвержденный на великомъ княженіи, Александръ I

*) Булла была составлена въ 1248 г.

**) Старшій сынъ Александра I, Василій, княжилъ въ Новгородѣ, потомъ въ Костромѣ, гдѣ и умеръ.

Невскій, возвратясь въ Россію, торжественно въѣхалъ во Владиміръ.

Пять лѣтъ спустя, умеръ Батый и Беркай, убійца Сартака, сдѣлавшись по волѣ великаго Хана преемникомъ Батыя, поручилъ дѣла Россіи своему намѣстнику Улавчію. Всѣ такія перемѣны въ Ордѣ требовали отъ благоразумія Русскихъ князей личныхъ свиданій съ ея главарями, а потому Великій Князь Александръ отправился туда въ третій разъ, еще болѣе съ тѣмъ, чтобы личнымъ ходатайствомъ отклонить намѣреніе Орды распространить на всю Россію поголовную дань, какъ уже это было сдѣлано въ княжествахъ Кіевскомъ и Черниговскомъ, но Улавчій не уважилъ этой просьбы и потребовалъ отъ Князя Александра установленія поголовной дани и въ самомъ Новгородѣ*). Отъ этой дани освобождалось только духовенство, въ доказательство, что татары не суть враги Бога Русскаго. На самомъ дѣлѣ почти такъ и было, иначе не могла бы утвердиться Сарская епископія въ самой Ордѣ, и не встрѣчались бы такъ часто христіанки между ханскими женами.

Поголовная дань, отдаваемая ханами на откупъ, позднѣе оказалась до того обременительной въ рукахъ харазскихъ (бесерменскихъ) купцовъ, что даже чрезмѣрно угнетенный народъ потерялъ способность ее переносить и сталъ повсемѣстно убивать или изгонять откупщиковъ податей. По этому дѣлу Александръ отправился въ четвертый разъ къ Хану.

Беркай оказалъ ему полное удовлетвореніе. Эта услуга отечеству была послѣднею со стороны Великаго Князя. 14 ноября 1263 г. онъ скончался, принявъ схиму и имя Алексѣя. 1263

Прискорбная вѣсть объ этой утратѣ дошла до Владимірскаго митрополита Кирилла во время богослуженія: «*Солнце отечества закатилось*», сказалъ онъ, обратясь къ молящимся. Никто не понялъ смысла этихъ словъ, но когда онъ всхлипывая прибавилъ: «*не стало Александра*», то къ его слезамъ присоединились рыданія присутствующаго народа. Все населеніе Владиміра, несмотря на жестокій морозъ, вышло къ г. Боголюбову на встрѣчу гроба, глубоко и искренно любимаго Государя.

---

*) Новгородъ не принималъ этого налога; сопротивлялся даже сынъ Вел. Князя, тамъ княжившій. Но когда Александръ рѣшился покинуть мятежный городъ на произволъ судьбы, то Новгородцы не устояли противъ этой угрозы и согласились на поголовную перепись.

Мощи Св. Александра Невскаго опочивали во Владимірскомъ монастырѣ Рождества Богородицы до времени Императора Петра Великаго, который торжественно ихъ перенесъ въ Петербургъ, куда они прибыли въ день 30-го августа 1724 г.

Княженіе братьевъ Невскаго.

Ярослава III Ярославовича 1263 — 1271 и Василія I Ярославовича 1271 — 1276.

Михаилъ II (Тверскій, замученный въ ордѣ).

Димитрій II (Грозныя очи). Александръ II. Константинъ.

Ѳеодоръ. Михаилъ.

Св. Александру Невскому наслѣдовалъ утвержденный ханскою грамотою Ярославъ III.

Новгородцы тоже признали его своимъ княземъ, но подъ клятвеннымъ условіемъ не нарушать ихъ порядковъ. Условіе это соблюдалось не долго и причиною нарушенія послужили дѣла литовскія и псковскія.

Не все литовское племя, сродственное славянамъ, подчинилось христіанскимъ рыцарскимъ орденамъ ливонскому и тевтонскому. Пруссы, Корсь, Зимгола и Летгола были завоеваны, но язычники Литва и Жмудь въ области Нѣмана сохранили свою самостоятельность, религію, князей и свое гражданское управленіе, которое сосредоточивалось въ рукахъ «*войделотовъ*» (жрецы) и высшихъ изъ нихъ «*кривитовъ*». Верховный судія избирался кривитами изъ своей среды и носилъ названіе «*Криво-Кривейти*».

Покуда Литовцы раздѣлялись по удѣламъ, ихъ набѣги не были опасны Русскимъ, но картина стала измѣняться, когда князь (Кунигасъ) Миндовгъ успѣлъ подчинить почти всю Литву своему единодержавію,—нѣкоторыя русскія области были имъ немедленно захвачены. Случилось такъ, что въ годъ вступленія Ярослава III Ярославовича на суздальскій престолъ, Миндовгъ былъ убитъ своимъ свояком Довмонтомъ, у котораго онъ отнялъ жену. Сынъ Миндовга, Войшелгъ, принявшій иноческій чинъ, услыхавъ о насильственной смерти отца, немедленно оставилъ монастырь, но по обѣту Богу только на три года, и возвратился къ власти. Срокъ обѣта былъ невеликъ и Войшелгъ торопился грознымъ

мщеніемъ. Не мало было принесено человѣческихъ жертвъ для успокоенія мстителя, но Довмонтъ бѣжалъ въ Псковъ заблаговременно, принялъ тамъ христіанство и такъ полюбился псковитянамъ, что они объявили его своимъ княземъ *). Этимъ именно Великій Князь Ярославъ III и обидѣлся. Крайне раздраженный самовольнымъ избраніемъ псковитянами себѣ князя, вдобавокъ еще чужеземца, Ярославъ теперь хотѣлъ не только изгнать Довмонта, но кромѣ того подвергнуть Псковъ строгому наказанію. Взятая съ собою дружина была не велика, можетъ изъ за экономическихъ расчетовъ и потому Великій Князь потребовалъ помощи отъ Новгородцевъ. Но Новгородцы, считая «*меньшаго брата*» Псковъ своимъ пригородомъ, отказались отъ этой усобицы. Великій Князь уѣхалъ недовольный, но вскорѣ возвратился,—тѣмъ не менѣе дѣла съ Новгородомъ у него пошли хуже прежняго и наконецъ такъ обострились, что Новгородцы звали къ себѣ на княженіе Димитрія Александровича, племянника Ярослава III. Димитрій отвергъ предложеніе съ презрѣніемъ, а Великій Князь обратился къ Хану съ просьбою о вспомогательномъ войскѣ.

Грозила бѣда Новгороду! Къ его счастію, Василій Ярославовичъ, князь костромской, братъ Ярослава III, отправившись въ Орду, успѣлъ затушить дѣло и Ярославъ III оказался вынужденнымъ владѣть Новгородомъ на основаніяхъ, какими прежде обязался.

Пока все это устраивалось, Новгородцы спорили съ Литвою, да полагаясь на недавнія еще увѣренія Нѣмцевъ въ дружбѣ, спокойно направлялись къ датской колоніи Роковору (Везенбергъ) съ намѣреніемъ завладѣть ею. Къ величайшему удивленію, они здѣсь встрѣтили сильные полки «*Божіихъ дворянъ*», какъ они называли ливонскихъ рыцарей. Жестокая роковорская сѣча кончилась совершеннымъ пораженіемъ Нѣмцевъ и Русскіе, въ знакъ побѣды, простояли три дня «*на костяхъ*», т. е. на самомъ мѣстѣ битвы. Битва при Роковарѣ 1268

Года за четыре до этого умеръ знаменитый князь, впослѣдствіи галицкій король, Даніилъ, но его смерть не имѣла вліянія на дѣла Россіи, такъ какъ и онъ и его потомки находились въ болѣе тѣсной связи съ Венгріею и Польшей, нежели съ княжествами Русскими. Галицкое княжество уже тогда казалось какъ бы отдѣлившимся отъ Россіи.

---

*) Довмонтъ во св. крещеніи Тимофей.

Смерть Берькая 1266

Въ княженіе Ярослава III умеръ и Ханъ Беркай. По сказанію современниковъ послѣ него была «ослаба Руси», но развѣ въ одномъ освобожденіи Русскихъ отъ харазскихъ откупщиковъ. Въ другихъ отношеніяхъ эта «ослаба» была еще такою, что рязанскій князь Романъ Олеговичъ за хулу магометанской вѣры, тогда проникавшей въ Орду, былъ живымъ изрѣзанъ по суставамъ, а его голова, послѣ содранія съ нея кожи, выставлена для позора на копьѣ.

Ярославъ III умеръ на возвратномъ пути изъ Орды. Ему наслѣдовалъ на Великомъ княженіи Василій, князь Костромской.

Василій Ярославовичъ (1271—1276).

Василій изъ прежняго заступника за новгородскія льготы, сдѣлавшись Великимъ Княземъ, обратился въ правителя гораздо болѣе требовательнаго, нежели какимъ былъ его предшественникъ и добился до права княжить въ Новгородѣ «*на всей своей волѣ*».

Послѣ Василія, также умершаго возвращаясь изъ Орды, престолъ наслѣдовалъ его племянникъ Димитрій Александровичъ.

Димитрій I Александровичъ, Андрей III Александровичъ, Михаилъ II Ярославовичъ, Георгій III Даниловичъ, Димитрій Михайловичъ, Александръ II Михайловичъ (1276—1328).

Уже ранѣе этого времени Русскіе Князья перестали признавать старшинство по рожденію безспорнымъ правомъ на занятіе Великокняжескаго стола и за это право Великокняженія они теперь поднимали споры какъ только представлялась къ тому болѣе или менѣе основательная возможность, а потому Андрей Александровичъ III, Князь города Волжскаго, слѣдуя бывшимъ примѣрамъ, заспорилъ съ Димитріемъ, сначала заступаясь за Новгородскія льготы, а потомъ и за самое великое княженіе.

Въ это время татарская Орда раздѣлилась и Ногай, бывшій ханскій воевода, откочевалъ къ берегамъ Чернаго моря. Андрей III, обращаясь за помощью къ Золотой Ордѣ, а Димитрій I къ Ногаю, приводили за собою татаръ, которые, пользуясь такими случаями, напомнили своими грабежами времена Батыя—даже мѣдный полъ во Владимірскомъ соборѣ былъ ими выломанъ.

Смерть Андрея III 1304

Андрей III въ своихъ усобицахъ въ особенности часто пользовался союзомъ татарскихъ войскъ и умеръ, заслуживъ полную ненависть Русскихъ.

Во время этихъ споровъ двухъ старшихъ братьевъ, третій, Даніилъ, изрядно усилилъ незамѣтное до тѣхъ поръ княжество Московское, пріобрѣтеніемъ въ наслѣдство Переяславля-Залѣсскаго отъ бездѣтнаго своего племянника Іоанна Дмитріевича.

Сынъ и наслѣдникъ Даніила, Георгій III, еще усиливъ свой удѣлъ присоединеніемъ Можайска и Коломны, затѣялъ безправный споръ съ дядею, княземъ Михаиломъ Ярославовичемъ тверскимъ. Такъ началось соперничество Москвы съ Тверью.

Ханъ Узбекъ опредѣлилъ Великое княженіе за Михаиломъ, но Георгій III, женившись на Кончакѣ, во Св. Крещеніи Агаѳіи, родной сестрѣ Хана, вновь затѣялъ усобицу съ Михаиломъ. Теперь онъ разсчитывалъ на успѣхъ; съ нимъ шла союзная татарская рать, подъ начальствомъ Кавкадыя, но въ битвѣ на урочищѣ Бортенево, въ 40 верстахъ отъ Твери, онъ былъ совершенно уничтоженъ. Не только весь лагерь, даже жена, братъ Борисъ и посолъ Кавкадый попались въ плѣнъ. Въ этомъ же плѣну Кончака умерла скоропостижно; Георгій III Даніиловичъ воспользовался этимъ несчастнымъ случаемъ и обвинилъ Михаила въ ея отравленіи. По этому оговору совершенно невинный Михаилъ 22 ноября поплатился въ Ордѣ мученическою смертью. Одинъ Русскій, по имени Романецъ, первый ударилъ Князя ножемъ въ сердце.

Битва при Бортенево 1317

Смерть Михаила II 1318

Георгій III, признанный Великимъ Княземъ, уступилъ Москву родному брату Іоанну *), а самъ переѣхалъ въ любимый Новгородъ, гдѣ и его любили. Воюя съ врагами Новгорода, онъ построилъ на островѣ Орѣховѣ, что на Ладожскомъ озерѣ, крѣпость Орѣшекъ (Шлиссельбургъ), заключилъ со Шведами миръ и счастливо прогонялъ набѣгавшихъ на область Литовцевъ.

1322

Основаніе Орѣшка 1323

Около этого времени Литовскій князь Гедиминъ отторгнулъ отъ Россіи княжества: Кіевское, Черниговское и Владимірское на Волыни.

Сынъ мученика Михаила Ярославовича тверскаго, Димитрій, по прозванію «Грозныя Очи» не простилъ Георгію III смерти своего отца и примирился съ нимъ только наружно. При первомъ удобномъ случаѣ онъ его обвинилъ передъ Ханомъ въ утайкѣ

---

*) Въ 1147 г. въ 1-й разъ упоминается о Москвѣ лѣтописцами. По ихъ сказаніямъ на мѣстѣ города Москвы находилось помѣстье боярина Степана Кучки. Юрій Долгорукій казнилъ боярина за какую то провинность и присвоилъ себѣ владѣніе, выстроилъ, на холмѣ Боровицкомъ, городокъ, при впаденіи рѣчки Неглинной въ Москву и церковь Спаса на Бору.

дани съ тверскихъ Князей. Встрѣтившись съ Георгіемъ III въ Ордѣ и быть можетъ опасаясь его изворотливости, онъ собственноручно убилъ ненавистнаго своего врага. Ханъ Узбекъ медлилъ опредѣленіемъ наказанія, но наконецъ, по прошествіи десяти мѣсяцевъ, казнилъ мстителя за отца и на Великое княженіе утвердилъ его брата Александа II Михаиловича. Въ Москвѣ же наслѣдовалъ убитому Георгію III родной его братъ Іоаннъ Даниловичъ Калита, прозванный такъ за обычай носить съ собою кошелекъ съ деньгами для раздачи милостыни *).

Смерть Георгія III 1323

Іоаннъ Даниловичъ былъ первый Князь, положившій начало Московскому государству. Его заботами была перенесена каѳедра митрополита изъ Владиміра въ Москву. Раззоренный Кіевъ давно было оставленъ митрополитами. хотя они продолжали называться Кіевскими. Митрополитъ Св. Петръ уговорилъ Князя построить каменный храмъ въ Москвѣ во имя Успенія Пресвятой Богородицы, въ стѣнахъ котораго, по сосѣдству съ жертвенникомъ, собственноручно изготовилъ себѣ могилу. Іоаннъ Даниловичъ также умѣлъ снискать особое довѣріе Хана Узбека, часто ѣздилъ къ нему съ дарами и этимъ совершенно обезопасилъ свой удѣлъ отъ татарскихъ нападеній. Къ нему пріѣзжали татары также точно, какъ и бояре другихъ удѣловъ, на службу. Многіе изъ татаръ крестились. Въ число этихъ выходцевъ переселился и мурза Четъ, родоначальникъ фамиліи Годуновыхъ.

Когда, такимъ образомъ процвѣтая. Москва стала принимать видъ и значеніе главнаго города всея Россіи, въ Твери случилось происшествіе. пагубное для ея Князя и для нея самой. Туда прибылъ въ качествѣ посла двоюродный братъ хана Узбека Чолъ-Ханъ или Щелканъ. Занявъ княжескій дворецъ и расположившись въ Твери на правахъ хозяина, онъ своими поступками возбудилъ крайнее волненіе въ народѣ, среди котораго разнесся нелѣпый слухъ, будто всѣхъ Русскихъ силою начнутъ обращать въ магометанство. При такомъ настроеніи жителей города, малѣйшее столкновеніе должно было имѣть серьезныя послѣдствія. Случай не замедлилъ. Дьяконъ Дюдка повелъ свою лошадь на водопой. Молодая и жирная кобыла приглянулась Татарамъ, но Дюдка не хотѣлъ уступать насилію, поднялъ крикъ. Загудѣлъ вѣчевой колоколъ, заропталь народъ пуще прежняго. Князь Александръ, ненавидившій татаръ, убійцъ сво-

*) Калита—мѣшокъ, кошелекъ.

его отца и брата, воспользовался обстоятельствами и на разсвѣтѣ 15 августа, ставъ во главѣ раздраженнаго населенія, напалъ на татаръ. Уцѣлѣвшихъ отъ меча, а такихъ осталось къ вечеру немного, онъ сжегъ вмѣстѣ съ Чоль-Ханомъ во дворцѣ, въ которомъ они заперлись. Ханъ Узбекъ, свѣдавъ о происшествіи, запылалъ гнѣвомъ. Вызвавъ къ себѣ Іоанна Даниловича и обѣщая утвердить его на Великомъ княженіи, онъ далъ ему 50,000 войска для наказанія князя Александра. Избіеніе Татаръ 1327

Іоаннъ I Даниловичъ Калита 1328—1340.

- Семеонъ Гордый.
- Іоаннъ II.
  - Дмитрій Донской.
    - Василій I.
    - Георгій.
      - Василій Косой.
      - Димитрій Шемяка.

Іоаннъ I Даниловичъ Калита. (1328—1340).

При несоразмѣрной обширности Русскихъ земель по отношенію къ густотѣ ихъ тогдашняго населенія, послѣднимъ дорожили наиболѣе и князья переманивали его изъ удѣла въ удѣлъ. Въ свою очередь, населеніе охотно перемѣщалось на тѣ земли, которыя представляли болѣе удобствъ для мирныхъ занятій. При такихъ условіяхъ ханское порученіе представляло Іоанну Даниловичу полную возможность доказать Русскому народу, что спокойно жить можно только въ его Московскомъ владѣніи. По такому руководящему расчету Тверская область была разворена въ конецъ. Князь Александръ бѣжалъ во Псковъ, а Іоаннъ I отъѣхалъ въ Орду, куда прибылъ и Константинъ Михайловичъ, братъ Александра. Ханъ утвердилъ Константина на Тверскомъ княженіи, но приказалъ всѣмъ князьямъ искать и доставить къ нему на судъ Александра II Михаиловича. Псковъ однакоже не выдалъ Александра Михаиловича, который, прокняжилъ въ немъ десять лѣтъ, но не переставалъ тосковать по родинѣ. Наконецъ, озабоченный судьбою своихъ дѣтей, онъ обратился къ Хану съ просьбою о милости, сначала черезъ своего сына Ѳеодора, а по-

томъ и лично. Константинъ охотно уступилъ Александру, какъ старшему брату, возвращенное ему ханомъ Тверское княжество. Но несчастный Князь Александръ, представленный въ Ордѣ Іоанномъ I, какъ опаснѣйшій ханскій врагъ, снова былъ туда вызванъ и казненъ 28 октября вмѣстѣ съ сыномъ Ѳеодоромъ. Послѣ этого въ знакъ своей покорности Іоанну I Даниловичу Тверь отправила въ Москву соборный колоколъ, величиною котораго она гордилась.

Смерть Александра II Михайловича 1339

Въ разсчеты Іоанна I конечно входило безпрерывное задариваніе Орды, но изъ этихъ разсчетовъ исключалось оскудѣніе собственной казны московской. Пользуясь признаннымъ за нимъ Ордою правомъ сбора дани въ Россіи, онъ усердно пополнялъ свои затраты чужими приношеніями. Особенное вниманіе онъ обратилъ на «*закамское серебро*», которое доставлялось Новгороду изъ «*Заволочья*» (сѣверо-восточной части Европейской Россіи и части Азіатской). Новгородъ отказался исполнить неслыханное до сихъ поръ требованіе, прикрытое оговоркою, будто Ханъ усилилъ налогъ. Тогда Іоаннъ Даниловичъ вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ городовъ ослушной области и вторгнувшись въ нее сталъ къ Новгороду «*въ розратьи*», т. е. въ открытой враждѣ. Новгородцы искали помощи у всѣхъ, даже у Литовскаго князя Гедемина, но помощь нигдѣ не отыскивалась. Спасеніе вдругъ открылось въ неожиданномъ ханскомъ повелѣніи Іоанну I, идти съ войскомъ противъ Смоленскаго Князя. Іоаннъ лично не принялъ участія въ этомъ походѣ. Изъ за Орды. Русскіе неохотно шли противъ братьевъ, — кстати же, купленный татарскій воевода взялся умилостивить Хана и потому походъ скоро окончился, а Московскій Князь сталъ опять помышлять о Новгородѣ, но 31 марта смерть остановила его намѣренія.

Розратье 1332

Погребеніе совершилось въ церкви Михаила Архангела, имъ построенной.

Іоаннъ I Даниловичъ, увеличивавшій свой удѣлъ даже покупками земель у «*окупныхъ*» (раззорившихся) князей, поставилъ дѣло возвышенія Москвы и объединенія Россіи подъ одной властью на прочную дорогу. Народъ достойно оцѣнилъ эти величайшія государственныя заслуги, присвоивъ ему названіе «*Собирателя земли Русской*».

По смерти Іоанна I Калиты, Великокняжескій престолъ перешелъ къ старшему его сыну Симеону Гордому.

Симеонъ I Іоанновичъ Гордый (1340—1353).

Князьямъ, соперникамъ Симеона, не только не удалось ихъ ходатайство въ Ордѣ за старшинство, но они сами были даны *«подъ руку»* Великаго Князя Симеона I, т. е. Ханы перестали считать удѣльныхъ князей полноправными родственниками Великаго Князя, слѣдовательно ставили ихъ къ нему въ подчиненіе, подручными.

Со стороны татаръ въ это время было покойно, но на западѣ поднимался войною на Москву честолюбивый Ольгердъ Гедиминовичъ, литовскій князь. Не разсчитывая одолѣть Симеона собственными силами, онъ хотя и двинулся подъ Можайскъ, но послалъ въ Орду своего брата Коріада съ просьбою о помощи. Московскій князь Симеонъ доказывалъ Хану Чанибеку всю опасность для него же самого въ томъ случаѣ, когда Россія, теперь покорная Ордѣ, признаетъ власть сильнаго Ольгерда. Ханъ, согласившись съ этимъ представленіемъ, выдалъ Коріада Симеону I. Тогда Ольгердъ заключилъ съ Москвой миръ, предварительно заплативъ ей выкупъ за брата.

Между тѣмъ, въ отсутствіе Симеона I, Псковъ, которому Новгородъ отказалъ въ содѣйствіи, принужденъ былъ просить помощи у Ольгерда, для всегдашней своей борьбы съ ливонцами и, наконецъ, спасенія ради, призналъ верховную власть Новгорода. Но нѣсколько лѣтъ спустя Новгородъ, въ свою очередь стѣсненный Шведами и не дождавшійся обѣщанной помощи отъ Московскаго Великаго Князя, нашелъ ее у псковитянъ. За такое содѣйствіе Новгородъ, выражая Пскову благодарность, отказался отъ своего господства и положилъ быть Пскову его *«младшимъ братомъ»* и такъ называться.

Псковъ младшій братъ Новгорода 1348

До этого еще побратимства, Шведскій Король Магнусъ поднялся на Новгородъ съ чудачнымъ намѣреніемъ обратить его въ католичество, но потерпѣвъ пораженіе на берегахъ Ижоры, немедленно образумился и отказался отъ своей нелѣпости.

Князь Симеонъ Іоанновичъ Гордый былъ первымъ изъ Русскихъ Князей, принявшихъ наименованіе *«Великаго Князя всея Россіи»*. Онъ умеръ на 36 году жизни отъ моровой язвы, извѣстной подъ названіемъ *«черной смерти»*. Повальная эта болѣзнь перешла къ намъ тогда въ первый разъ изъ Западной Европы

и такъ посвирѣпствовала, что въ Кіевѣ, Черниговѣ, Глуховѣ, Смоленскѣ, Суздалѣ и Бѣлозерскѣ не осталось въ живыхъ ни одного человѣка. Долго не могла избавиться Россія отъ этой заразы, еще много разъ вспыхивавшей впослѣдствіи.

Іоаннъ II Іоанновичъ (1353—1359).

По смерти Симеона, его братъ Іоаннъ II Іоанновичъ былъ утвержденъ ханскою грамотою въ санѣ Великаго Князя. Кроткій и по крайнему миролюбію мало способный къ управленію государственными дѣлами, онъ былъ руководимъ боярами своего отца, но преимущественно Митрополитомъ Алексіемъ.

Однажды Ханъ Чанибекъ, сынъ умершаго Узбека, написалъ къ Іоанну II: «*Мы слышали, что небо ни въ чемъ не отказываетъ молитвамъ главнаго попа вашего; да испроситъ же онъ здравія моей супругѣ*». Митрополитъ Алексій отправился въ Орду и излѣчилъ ханшу Тайдулу. Этимъ было пріобрѣтено ханское благоволеніе для всей Россіи. Къ несчастью, Чанибекъ вскорѣ былъ убитъ своимъ сыномъ Бердибекомъ. Когда этотъ злодѣй, казнившій еще 12 своихъ братьевъ, сталъ угрожать Русскимъ Князьямъ набѣгомъ, то Митрополитъ Алексій опять отправился въ Орду и при содѣйствіи признательной Тайдулы успѣлъ не только укротить свирѣпаго Хана, но даже получилъ отъ него подтвержденіе льготъ, дарованныхъ его предшественниками Русскому духовенству.

Димитрій IV Іоанновичъ Донской (1360—1389).

Димитрій Донской, оставшись послѣ Іоанна II одиннадцатилѣтнимъ преемникомъ Государства, былъ руководимъ тѣми же, какъ и его отецъ, старыми боярами и тѣмъ же митрополитомъ Алексіемъ. Ихъ преданность своимъ Князьямъ, опытность и знакомства въ Ордѣ, куда они повезли Дмитрія Іоанновича, пересилили искательства опаснаго соперника Суздальскаго князя Димитрія III Константиновича, который однимъ годомъ ранѣе былъ утвержденъ въ санѣ Великаго Князя. Успѣху этому очень помогло вступленіе на ханство полководца Хидыря, который, отмѣняя всѣ распоряженія имъ убитаго предшественника хана Наврусса, само собою разумѣется, не долженъ былъ оставлять выданный

предшественникомъ ярлыкъ на Великое княженіе, въ рукахъ Суздальскаго Князя. Соперничество князей окончилось бракомъ пятнадцати-лѣтняго Московскаго Великаго Князя Димитрія Іоанновича на Евдокіи, дочери Димитрія Константиновича. Бракъ Димитрія IV 1365

Все время княженія Димитрія Іоанновича прошло въ непрерывной борьбѣ. То удѣльные Князья Тверской, Рязанскій и др., отказывавшіеся признать свою зависимость отъ Москвы, то Ольгердъ Литовскій, три раза разворявшій Московскія волости, не давали ему отдыха и наконецъ пробилъ часъ рѣшительной борьбы съ Татарами за спасеніе Россіи.

Для такого труднаго дѣла нужно было много смѣлости, много всякаго разсчета! Безъ сомнѣнія, въ Москвѣ знали, что наслѣдственный престолъ въ Ордѣ сдѣлался добычею убійцъ, что Орда, лишенная единовластія, распадалась на части и испытывала междоусобицы, но, оглянувшись на самихъ себя, Московскіе люди также сознавали, что хотя Москва окрѣпла со временъ собирателя Калиты настолько, что уже обязывала другихъ Князей повиноваться ей даже противъ татаръ, тѣмъ не менѣе Московскій Великій Князь далеко еще не самодержецъ «*всея Руси*» и что для Руси не «*вся*». Орда легко могла оказаться врагомъ неодолимымъ. Такъ или иначе, но все же при развивающемся единовластіи, борьба съ татарами никому не представлялась по крайней мѣрѣ въ образѣ положительной невозможности, даже и послѣ того, что Мамаю удалось соединить всю Орду подъ своею властью. Когда Мамай узналъ, что его ярлыкъ Тверскому князю Михаилу Александровичу не былъ признанъ Русскими, то, взбѣшенный такимъ явнымъ пренебреженіемъ своей власти, онъ послалъ въ Россію полчища, которыя съ искреннею радостью принялись за новыя разворенія Русской земли. Одно союзное ополченіе Русскихъ было разбито на берегахъ р. Пьяны, но тогда другое ополченіе повелъ самъ Великій Князь и встрѣтивши татаръ на р. Вожѣ, разбилъ ихъ на голову. Не столько эта побѣда Русскихъ, сколько ихъ рѣшимость на открытую борьбу, показала Ордѣ серьезность вопроса о ея собственной неприкосновенности. Мамай собралъ огромное войско, болѣе 300,000, и рѣшился напомнить Россіи времена Батыя. Для еще большей вѣроятности успѣха онъ заручился союзомъ сильнаго Литовскаго князя Ягелло и Рязанскаго Олега, поставленнаго союзомъ противъ Москвы между двухъ огней и тѣмъ вынужденнаго къ двойной игрѣ. Но Димитрій IV, уже убѣжденный въ томъ, что ни одинъ удѣльный Битва на р. Вожѣ 1378

князь Московскаго Государства не нарушитъ достоинства Великокняжескаго самодержавія, признаннаго народомъ, не пугался грозныхъ приготовленій врага. Придавая христіанское значеніе воззваніямъ ко Всевышнему, онъ посѣтилъ Троицкую Лавру и принялъ благословеніе отъ ея основателя Св. Сергія *), который, напутствуя Князя своими молитвами и пророчествомъ о побѣдѣ, послалъ съ нимъ, какъ говоритъ преданіе, двухъ иноковъ Пересвѣта и Ослябля, бывшихъ прежде боярами въ мірѣ.

Выступленіе рати 1380

Помолившись еще въ Успенскомъ соборѣ, поклонившись праху родителей и гробу Св. Петра митрополита, Великій Князь, во главѣ ополченія, выступилъ изъ Москвы 20 августа. Осматривая собранную подъ Коломною рать, Димитрій Іоанновичъ насчитывалъ въ ней болѣе 150,000 человѣкъ.

7-го сентября войско переправилось черезъ Донъ и на другой день, въ субботу, произошла знаменитая битва съ Татарами на полѣ Куликовомъ, при устьѣ р. Непрядвы. Около полудня сторожевые (передовые) полки схватились съ показавшимися несмѣтными полчищами врага, но битву открылъ самъ Димитрій, выѣхавшій, какъ говорилось, на «*первый суймъ*». Въ часъ времени ожесточенная сѣча раскинулась на десять верстъ. У молодыхъ изъ Русскихъ ратниковъ, прямо взятыхъ отъ мирныхъ занятій, не могло быть выработано упорное напряженіе для продолжительнаго боя и они дрогнули. Битва казалась проигранною. Татары пробивались къ большимъ или княжескимъ знаменамъ. Но когда въ жару преслѣдованія они миновали дубраву, въ которой скрывался «*засадный полкъ*», составленный изъ старослужилыхъ, и такимъ образомъ открыли ему свой тылъ, то боярин Боброкъ, до сихъ поръ удерживавшій пылъ князя Владиміра Андреевича, двоюроднаго брата Димитрія, нашелъ эту минуту удобною для вмѣшательства въ дѣло. Ударили такъ, что татары, не ожидавшіе у Русскихъ свѣжаго подкрѣпленія, въ свою очередь поддались паническому страху и пустились назадъ опрометью. Часъ назадъ бѣжавшіе Русскіе превратились въ преслѣдователей и гнали непріятеля верстъ тридцать до р. Красивой Мечи. Тучный Мамай, глядѣвшій на бой съ высокаго кургана, такъ былъ пораженъ нежданнымъ оборотомъ битвы, что не думалъ удерживать

*) Св. Сергій, въ мірѣ Варѳоломей, происходилъ изъ боярскаго рода. Отецъ его боярин Кириллъ, обѣднѣвшій отъ разорительныхъ поборовъ хапскихъ пословъ, удалился съ семействомъ въ Радонежъ въ 12 верстахъ отъ нынѣшней Лавры. По смерти своихъ родителей, Сергій постригся 23 лѣтъ отъ роду.

бѣгущее бойско, а только повторяя слова: «*Великъ Богъ христіанскій*»! бѣжалъ вслѣдъ за другими. Между тѣмъ Владиміръ, ставъ на костяхъ (поле битвы) подъ черным знаменемъ княжескимъ, велѣлъ трубить въ трубы, созывая князей и полководцевъ, но по этому призывному сигналу Димитрій Іоанновичъ не показывался. Видѣли, что въ общей свалкѣ, онъ бился какъ заурядный ратникъ и заподозрили его погибель. Поѣхали искать тѣло Великаго Князя и наконецъ оно нашлось лежащимъ подъ сруб-ленным деревомъ. Когда съ головы Димитрія Іоанновича сняли измятый шеломъ и онъ открылъ глаза, тогда только убѣдились, что оглушившій его ударъ не былъ смертелен. Всѣ преклонили колѣни и каждый спѣшилъ выразить радость своимъ привѣтомъ. Слова: «*Государь, ты побѣдилъ врага*»! раздавались безъ умолка.

Димитрій сѣлъ на коня и въ изсѣченныхъ доспѣхахъ объѣзжая поле битвы. благодарилъ всѣхъ встрѣчныхъ воиновъ.

Много полегло Русскихъ, но вчетверо болѣе Татаръ. По сказанію нѣкоторыхъ историковъ, всѣхъ убитыхъ было до 200,000.

Литовскій князь Ягайло въ день битвы находился не болѣе какъ въ 30 или 40 верстахъ отъ Куликова поля, но свѣдавъ, чѣмъ разыгрался бой, обратился въ Литву съ такою поспѣшностью, что легкіе отряды Русскихъ не могли уже его настигнуть.

Покрытый великою славою возвратился въ Москву Димитрій. прозванный Донскимъ. Народъ встрѣчалъ побѣдителя съ понятнымъ восторгомъ. Тогда еще не пробилъ часъ освобожденія Россіи,—Орда все же была сильна многочисленностью, но сцена Мамаева побоища показала князьямъ и народу, какими силами можетъ располагать единовластіе въ зарождающемся Русскомъ Государствѣ и насколько менѣе опасенъ этой власти врагъ, несокрушимый для удѣловъ.

Между тѣмъ въ Сараѣ, столицѣ Орды, мѣсто низверженнаго Мамая заступилъ новый Ханъ Тохтамышъ, который черезъ два года неожиданно вторгнулся въ Россію. Нѣкоторые удѣльные князья отправили къ Хану дары и заложниковъ. Самъ Димитрій, застигнутый врасплохъ, ушелъ со всѣмъ семействомъ въ Кострому, заботясь о собираніи войска. По счастію, Москва, оставленная митрополитомъ, нашла себѣ мужественнаго защитника въ князѣ Остеѣ, внукѣ Ольгерда. Трехдневные приступы та-

Вторженіе Тохтамыша 1382

*) Мамай былъ разбитъ Тохтамышемъ на р. Калкѣ, бѣжалъ въ Кафу и убитъ тамъ Генуэзцами.

тарь не привели ихъ ни къ какому результату, развѣ къ убѣжденію, что взять Москву трудно. Тохтамышъ пошелъ на обманъ и предложилъ миръ, если ему поднесутъ дары и съ честію впустятъ побывать и осмотрѣть столицу. Суздальскіе князья, прибывшіе съ татарскими послами, клятвенно подтвердили вѣрность обѣщанія, но 20 августа, едва церемонія поднесенія даровъ выступила изъ воротъ съ духовенствомъ и княземъ Остеемъ во главѣ, какъ татары тотчасъ же набросились и начавъ свою рѣзню и грабежи съ Остея, зажгли Москву со всѣхъ концовъ, предварительно истребивъ ея населеніе. Послѣ Москвы татары разбрелись для грабежа по разнымъ городамъ, но Владиміръ Андреевичъ налетѣлъ изъ Волока на сильный татарскій отрядъ, разбилъ его и увелъ много плѣнныхъ. Извѣстившись объ этомъ Ханъ поспѣшилъ скрыться въ Орду, полагая для себя не безопаснымъ оставаться до поры, когда Русскіе очнутся отъ внезапности.

Димитрій и Владиміръ Андреевичъ усердно занялись очищеніемъ Москвы отъ труповъ. Нужно было торопиться этимъ дѣломъ во избѣжаніе заразы, а потому за погребеніе каждыхъ 80 убитыхъ Великій Князь платилъ по рублю, всего-же онъ заплатилъ 300 руб., слѣдовательно убитыхъ было 24,000 человѣкъ. не принимая въ разсчетъ сгорѣвшихъ и утонувшихъ.

Удѣльные князья опять возобновили въ Ордѣ свои искательства. Самъ Димитрій, въ ожиданіи лучшихъ временъ, принялъ посла Карачу съ честію и отправилъ въ Орду сына своего Василія заложникомъ. Но все это не остановило самодержавнаго Димитрія наказать Олега рязанскаго разоренiемъ его княжества за союзъ съ Ордою во время послѣдняго набѣга *), а митрополита Кипріана, укоривъ за малодушное бѣгство изъ Москвы, объявить недостойнымъ управлять церковью и на его мѣсто назначить изгнаннаго прежде Пимена.

Приводя въ порядокъ Москву, нужно было озаботиться и о денежныхъ средствахъ, тѣмъ болѣе, что усиленная дань Ордѣ была неизбѣжнымъ послѣдствіемъ татарской побѣды. Трудно было ожидать сбора отъ земель разоренныхъ и потому вниманіе Князя по неволѣ остановилось на Новгородѣ, да были къ тому и поводы. Новгородскіе «ушкуйники» **) (вольница) два раза ограбили Кострому, грабили также Ярославль, Нижній, Вятку, бе-

*) Хотя союзные татары на обратномъ пути не преминули сами разорить земли своего союзника Олега.

**) Ушкуй—лодка.

рега Волги до самаго Хазитороконя (Астрахань) и захваченныхъ людей продавали въ неволю. Русь вся гнѣвно относилась за это къ Новгороду, но заломавшійся *«господинъ великій Новгородъ»* покончилъ дѣло уплатою 8000 руб. только послѣ появленія подъ своими стѣнами Великокняжескихъ дружинъ подъ личнымъ его предводительствомъ. За свою несговорчивость Новгородъ принужденъ былъ уступить Димитрію Іоанновичу еще *«черный боръ»* или дань съ чернаго народа и обязался ему повиноваться, какъ своему верховному Государю.

Димитрій IV Іоанновичъ Донской умеръ 40 лѣтъ отъ роду. Смерть эта была совершенною неожиданностью, — его молодые года и крѣпкое сложеніе обѣщали долгую жизнь.

Изъ построенныхъ при Димитріи городовъ, Серпуховъ отличался отъ другихъ дубовыми стѣнами, а богатствомъ внутреннихъ украшеній, монастыри: Чудовъ, Симоновъ, Андроньевъ и Высоцкій, изъ которыхъ послѣдній былъ собственноручно заложенъ св. Сергіемъ въ 2-хъ верстахъ отъ Серпухова. Въ то же время новгородцы выстроили каменную крѣпость Ямъ (Ямбургъ) съ замѣчательною быстротою, именно въ 33 дня.

Въ это княженіе, ересь стригольниковъ, возникшая при митрополитѣ Алексіи, не прекратилась и послѣ того, какъ новгородскій народъ утопилъ въ Волховѣ ея основателей Карпа и діакона Никиту;—моровая язва также открывалась въ разныхъ мѣстахъ Россіи и производила большія опустошенія.

По договору Димитрія съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, Княземъ Серпуховскимъ, престолъ въ домѣ Московскихъ Князей былъ торжественно объявленъ наслѣдственнымъ. Право преемства отъ отца къ сыну, совершенно исключающее междоусобицы, было уже на столько усвоено къ этому времени, что старшій сынъ Великаго Князя Василій I вступилъ на престолъ безъ всякаго съ кѣмъ либо спора.

Василій I Димитріевичъ. (1389—1425).

Василій I, тайкомъ бѣжавшій изъ Орды еще при жизни своего знаменитаго отца, усердно занялся продолженіемъ собиранія земли. Поладивъ съ Ханомъ, онъ присоединилъ къ своему удѣлу Нижній Новгородъ, Городецъ, Мещеру, Тарусу, Муромъ и Суздаль. Новгородъ платилъ *«черный боръ»*. — во всѣхъ граждан-

скихъ дѣлахъ обращался къ Московскому митрополиту и признавалъ Василія Димитріевича своимъ Государемъ. Московскіе Государи тогда уже носили титулъ «*Великаго Князя всея Россіи*», но за предѣлами собственнаго ихъ княжества, князья еще существовавшихъ удѣловъ покрупнѣе, тоже величали себя Великими Князьями, потому что у каждаго изъ нихъ были подручные князья по удѣламъ мелкимъ. Тѣмъ не менѣе Москва явно шла къ преобладанію на всей Руси и это привлекало бояръ и мелкихъ князей къ ней на службу, а народъ къ переселенію изъ другихъ Русскихъ земель.

Между тѣмъ и Литва, по мѣрѣ развитія въ ней самодержавія, дѣлалась Государствомъ могущественнымъ и стремилась расширить свои владѣнія на счетъ Русскихъ земель. Чтобы обезпечить спокойствіе своего Государства съ этой стороны, Василій I, семнадцати лѣтъ отъ роду, женился на Софіи, дочери князя литовскаго Витовта, сына Кейстута.

Въ это время новый монгольскій завоеватель Тамерланъ, преслѣдуя разбитаго имъ Тохтамыша, ворвался въ Россію и опустошилъ берега Дона, но отъ Ельца воротился обратно.

По удаленіи этой опасности, Василій обратился къ дѣламъ литовскимъ. Брачный союзъ съ дочерью Витовта мало его обезпечилъ отъ хищности тестя, захватившаго Смоленскъ и противъ котораго онъ три раза былъ вынужденъ выступать съ войскомъ. Обошлось безъ войны, но по мирному договору съ Витовтомъ за Литвою была утверждена вся Юго-Западная Россія до береговъ Оки, Сулы и Днѣпра.

Успокоившись съ этой стороны, Василій I, зная, что Орда совершенно падаетъ отъ междоусобицъ, попытался прекратить ей платежъ дани. Но мурза Эдигей, подобно Тохтамышу, внезапно очутился въ Московскомъ княжествѣ, разорилъ его и удалился, взявъ большой выкупъ.

Вторженіе Эдигея 1408

Василій I Димитріевичъ, прокняживъ 36 лѣтъ, умеръ на 53 году отъ рожденія, оставивъ Государству наслѣдника десяти лѣтъ.

Василій II Васильевичъ Темный. (1425—1462).

Княженіе Василія II замѣчательно тѣмъ, что забытые въ потомствѣ Калиты споры о старшинствѣ были подняты его дядею Юріемъ Галицкимъ. Ханъ Улу-Махметъ рѣшилъ это дѣло въ

пользу племянника, потому что не представлялось основательнаго разсчета разорять междоусобицею Москву, собиравшую со всѣхъ Русскихъ земель «*выходъ*», (дань) для Орды, тѣмъ не менѣе Юрію удалось завладѣть Москвою и объявить себя Великимъ Княземъ, но не на долго. Изгнанный въ свою очередь, онъ вскорѣ умеръ, но его сыновья Василій Косой и Димитрій Шемяка продолжали борьбу. Личное ожесточеніе сторонъ дошло до такой крайности, что Великій Князь приказалъ ослѣпить Василія Косого, когда его захватили въ плѣнъ.

Въ это время Улу-Мехметъ, оказавшій Василію II услугу, утвердивъ его на Великомъ Княженіи, будучи лишенъ престола своимъ братомъ Кичимомъ, обратился къ Москвѣ съ просьбою о помощи, но получилъ отказъ, да еще съ требованіемъ немедленнаго удаленія отъ Русскихъ предѣловъ. Ханъ, сопровождаемый приверженцами, удалился, но не безъ боя и построивъ крѣпость, возлѣ старой Казани на берегахъ Волги, положилъ основаніе Казанскому царству. Мстя Великому Князю, онъ грабилъ его земли, а когда ханскимъ сыновьямъ удалось разбить у Суздаля слабый русскій отрядъ подъ предводительствомъ самого Великаго Князя. то израненный Василій взятъ былъ въ плѣнъ и освобожденъ только за огромный выкупъ *). Возвратившись изъ плѣна, Великій Князь, для уплаты Хану военныхъ издержекъ, былъ поставленъ въ необходимость увеличить налоги. Поднялся ропотъ, еще и за то, что татары, выѣхавшіе съ Вел. Княземъ изъ Казани, были имъ приняты на службу. Неудовольствіями воспользовался Галицкій князь Шемяка и вѣроломно захвативъ Василія II на богомольѣ въ Троицкой Лаврѣ, ослѣпилъ его въ отмщеніе за ослѣпленіе своего брата, а себя объявилъ Великимъ Княземъ.

Основаніе Казани 1437

Но уже предпочтеніе престолонаслѣдія отъ отца къ сыну всякому другому, слишкомъ сильно укоренилось въ народѣ, не говоря уже о томъ, что всѣ умственныя силы страны, начиная съ духовенства, хорошо оцѣнивали вредъ междоусобія. Не удержавшійся Шемяка выдалъ «*проклятую грамоту*», отказываясь ею клятвенно отъ дальнѣйшихъ покушеній на Москву, но вскорѣ обманулъ, былъ разбитъ и бѣжалъ въ Новгородъ. Митрополитъ Іона

---

*) Въ этой битвѣ Василію II прострѣлили руку, нанесли тринадцать ранъ на головѣ, грудь и плечи его были синими отъ ударовъ и кромѣ того онъ потерялъ нѣсколько пальцевъ.

Смерть Шемяки 1453

предалъ его церковному отлученію и наконецъ этотъ злодѣй, именемъ котораго Русскіе называютъ неправое рѣшеніе всякаго дѣла *), былъ отравленъ изготовленною его же кухаркою куріцею. Говорятъ, что въ этомъ отравленіи главное участіе принадлежало боярину самого Шемяки. Ивану Котову и дьяку Степану Бородатому. Когда съ извѣстіемъ о смерти Шемяки прискакалъ въ Москву подъячій Бѣда, то Василій II, въ нескромной своей радости, пожаловалъ его въ дьяки.

Новгородскій миръ 1456

За гостепріимство, оказанное Шемякѣ, Новгородъ сильно поплатился. При возникшихъ недоразумѣніяхъ по притязаніямъ Новгородцевъ, чтобы земли ими пріобрѣтенныя покупкою въ другихъ областяхъ, подчинялись Новгороду, какъ главѣ, Москва овладѣла Русою, разбила Новгородскую рать и заставила побѣжденныхъ заплатить 8500 р., давать Вел. Князю *«черный боръ»*, отмѣнить *«вѣчныя»* (вѣчевыя) грамоты. а для утвержденія дѣлъ употреблять Великокняжескую печать.

Изъ другихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ княженіе Василія II Васильевича, заслуживаютъ особеннаго вниманія: лишеніе города Владиміра правъ столичныхъ. установленіе порядка писанія грамотъ, начиная словами: *«Божіею милостью»* и богословская побѣда самого Василія II надъ митрополитомъ Исидоромъ, когда этотъ Грекъ, помянувъ на ектиньѣ Папу вмѣсто Патріарха, всенародно объявилъ о слiяніи церквей греческой и латинской, къ которому самъ онъ присоединился во время своего пребыванія на соборѣ Флорентійскомъ.

Исидоръ тайно бѣжалъ изъ заключенія въ Чудовомъ монастырѣ и потомъ въ Римѣ былъ награжденъ саномъ кардинала.

Подъ бременемъ всего пережитаго, Василій сталъ изнемогать, не достигнувъ старости. Приписавъ исхуданію своего тѣла значеніе сухотки, онъ прибѣгъ къ тогдашнему средству леченія и началъ себя жечь горящимъ трутомъ. Образовались раны, ускорившія печальный исходъ и больной, чувствуя приближеніе смертнаго часа, написалъ духовное завѣщаніе, которымъ утверждался на Великомъ Княженіи старшій его сынъ, еще при жизни отца пользовавшійся титуломъ Великаго Князя. Другимъ четыремъ сыновьямъ онъ опредѣлилъ удѣлы, но на правахъ подданныхъ. Василій II Темный умеръ 2 марта 1462.

---

*) Шемякинъ Судъ.

До его времени въ Россіи не была извѣстна *«торговая казнь»*, т. е. всенародное наказаніе кнутомъ, заимствованное отъ татаръ.

Внутреннее состояніе Русскаго Государства отъ половины XIII до половины XV вѣка.

Новое раздѣленіе Россіи. Въ этотъ промежутокъ времени Россія распалась на Западную и Восточную. Западная подчинилась Литовскимъ князьямъ и потомъ вмѣстѣ съ Литвою вошла въ составъ Польскаго Королевства, равно какъ и Княжество Галицкое. Русь сѣверо-восточная собралась въ одно цѣлое собственными усиліями и составила Русское Государство.

Общее вліяніе господства Татаръ. Нашествіе дикихъ татаръ и ихъ постоянные набѣги, сопряженные съ грабежомъ, конечно отозвались тяжелымъ гнетомъ на всѣхъ отправленіяхъ народной жизни. Остановилось развитіе земледѣлія, народной промышленности, просвѣщенія, сильно потерпѣла даже густота населенія, нравственность котораго очень упала. Но зло этого нашествія таило въ себѣ источникъ будущаго благополучія. Поистинѣ скорбное время научило Русскихъ смотрѣть съ отвращеніемъ на удѣльную усобицу и потому, хотя медленно, но прочно, подготовилось спасительное единовластіе и будущее величіе Россіи.

Успѣхи единовластія. Татарскіе Ханы, обыкновенно покровительствуя какому либо одному Русскому Князю, успѣвшему снискать ихъ благосклонность, не подозрѣвали въ этой исключительности собственнаго участія къ объединенію Русской земли. Домъ князей Московскихъ усилился именно такимъ образомъ, т. е. поддержкою Орды въ своихъ спорахъ съ удѣльными князьями, тѣмъ и еще что, пользуясь правомъ взыскивать татарскую дань со всей Россіи, Московскіе Князья имѣли возможность собирать богатства въ собственную казну, а эти богатства, при намѣченной цѣли, упорно преслѣдуемой цѣлымъ рядомъ Московскихъ Государей, послужили однимъ изъ важнѣйшихъ способовъ для успѣховъ ихъ борьбы съ удѣлами, своеволіемъ вѣчеваго порядка и пріобрѣтенія куплею земельныхъ участковъ у обѣднѣвшихъ, такъ называемыхъ *«окупныхъ»*, князей.

Законодательство. Хотя татары, господствуя въ Россіи, преимущественно заботились только о собираніи дани, оставляя почти безъ вниманія всѣ внутренніе порядки и перемѣны въ

странѣ, тѣмъ не менѣе Русское законодательство, измѣняясь подъ общимъ гнетомъ варварскаго господства, не могло развиваться въ томъ направленіи. какое свойственно талантливому и великодушному народу. И вотъ почему древніе князья, не отличавшіеся научнымъ развитіемъ, издавая по своимъ удѣламъ наказы или грамоты, которыя служили законами для ихъ областей, дополнили «Русскую Правду» введеніемъ въ нее тѣлеснаго наказанія и пытки, заимствованныхъ у татаръ.

Области, болѣе отдаленныя отъ татаръ, какъ, напр., Псковъ и Новгородъ, сохраняли еще «*виру*» или денежный штрафъ, не замѣняя ее торговою казнью.

Воинское искусство. Казаки. Постоянныхъ войскъ не было; армія собиралась только въ случаѣ надобности и главнѣйшую ея часть составляли бояре и дворяне. Огнестрѣльное оружіе сдѣлалось у насъ извѣстнымъ въ концѣ княженія Димитрія Донскаго,—порохъ же приготовлялся въ Москвѣ при его сынѣ Василіи I.

Лѣтопись 1444

Во второй половинѣ XV столѣтія лѣтописи впервые упоминаютъ о казакахъ и именно о Рязанскихъ.

Въ Ордѣ благородное сословіе войскъ называлось уланами. а ихъ низшій разрядъ казаками. Въ Россіи городовыми казаками назывались ратники южныхъ окраинскихъ городовъ, служба которыхъ состояла въ наблюденіи за движеніемъ татаръ въ степи, степная же вольница, казаки, образовались изъ людей бездомныхъ, бѣглыхъ холопей и лицъ, которыя искали простора своему удальству или спасались отъ преслѣдованія законовъ и властей. Разселившись въ XVI столѣтіи по всей степи Южной Россіи и другимъ границамъ государства, эти степные витязи, принимая названія казаковъ Украинскихъ, Азовскихъ, Ногайскихъ, Яицкихъ (р. Яикъ-Уралъ), Сибирскихъ и др., впослѣдствіи образовали то преданное православію воинство, которое послужило оплотомъ и защитою Россіи отъ Крымцевъ, Литвы и Турокъ.

Города. Въ городахъ мало по малу прекратилось призываніе «вѣче» къ участію въ дѣлахъ. Ни одинъ князь не собираетъ его для совѣщанія и не вступаетъ съ нимъ ни въ какіе договоры. Современные лѣтописцы называютъ «вѣче» незаконнымъ, мятежнымъ собраніемъ народа, а Московскіе говорятъ съ видимымъ отвращеніемъ о «вѣче» Новгородскомъ. Богатый пригородъ Псковъ, названный Новгородцами «*младшимъ братомъ*», отдѣлившись отъ «*старшаго брата*», сталъ, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ,

обращаться за помощью къ Москвѣ и такимъ образомъ подчинился ея вліянію.

Въ Новгородѣ, какъ и во всякой общинѣ съ народнымъ правленіемъ, развилась вражда между партіями и нерасположеніе бѣдныхъ къ богатымъ и боярамъ. Шумныя «вѣче» съ подкупленными голосами почти постоянно оканчивались драками и междуусобіемъ. Заправители новгородскихъ дѣлъ и сношеній сочли междоусобицы при Василіи II Темномъ очень удобнымъ временемъ для объявленія приговоровъ «вѣче» высшимъ законодательствомъ, но отвѣтомъ Москвы была война, и разбитые Новгородцы, вымоливъ миръ, заплатили за эту попытку стѣснить у себя княжескую власть громадную тогда сумму 8,500 руб., снова обязались платить «черный боръ (оброкъ съ народа) и отмѣнили свои «вѣчевыя грамоты».

Новгородскіе порядки могли существовать только при бывшемъ полномъ расчленении Россіи на удѣлы, но когда удѣлы стали объединяться, то Новгороду, очутившемуся между единодержавными восточною и западною Русью, приходилось только выбирать между Москвою и Литвою, такъ какъ о его самостоятельности подъ «вѣчевымъ колоколомъ» нечего было и думать. Заносчивые Новгородскіе торгаши въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ волновали всю Русь, принуждая ее къ борьбѣ или за себя, или съ собою и потому Новгородъ мало встрѣтилъ сочувствія у Русскихъ, даже въ минуту тягчайшихъ своихъ испытаній. Этимъ отчасти объясняется и его кара Іоанномъ Грознымъ, который въ тоже самое время ласково обошелся съ его пригородомъ, Псковомъ.

Торговля и монета. Татары вообще не угнетали торговли; Ханы ее ободряли своими охранными грамотами, но торговля и промышленность могли только падать въ Государствѣ, угнетаемомъ варварами.

Греческій путь (изъ Чернаго моря по Днѣпру) закрылся вслѣдствіе литовскихъ завоеваній, но сообщенія съ Греками продолжались черезъ Азовъ, съ востокомъ—чрезъ Орду, а Новгородъ по прежнему вязалъ торговлю востока съ западомъ. Нѣмцы привозили хлѣбъ, соль, сельди, сукно, полотно, металлы, вещи металлическія, вино, пиво, пергаментъ, а вывозили мѣха, кожи, сало, лѣсъ, воскъ, произведенія востока въ видѣ дорогихъ тканей, отъ странъ моря Сурожскаго (Азовскаго), шелкъ и жемчугъ.

Торговля, оживая въ Россіи по мѣрѣ упадка Орды, усилила притокъ серебра и потому древнѣйшія деньги «*мордки*» и «*куны*»

замѣнились монетою металлическою, хотя въ первое время и не чеканенною. Рубли, о которыхъ упоминается около 1321 года, представляли собою куски рубленнаго серебра вѣсомъ до 22 золотниковъ. Во время Димитрія Донскаго, въ Великомъ Княжествѣ Московскомъ дѣлалась мелкая серебряная монета по образцу татарской. Образецъ назывался «*тангою*», отсюда наименованіе русскихъ монетъ «*деньгою*».

Просвѣщеніе и художество. Необыкновенная талантливость Русскихъ и ихъ способность къ переимчивости не заглохли окончательно даже подъ гнетомъ татарскаго порабощенія. Новгородъ сообщилъ Руси изобрѣтеніе пороха и писчей бумаги. Договоръ Симеона Гордаго съ братьями, а также его духовное завѣщаніе принадлежатъ къ древнѣйшимъ въ Европѣ бумажнымъ рукописямъ.

Лѣтосчисленіе велось съ сотворенія міра и годъ начинался съ марта. Лѣтописи составлялись въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Твери и Ростовѣ.

Этотъ промежутокъ времени въ Россіи не отличался особеннымъ процвѣтаніемъ художествъ. Нѣкто Борисъ, Русскій, отливалъ колокола; Сербъ Лазарь изготовилъ въ Москвѣ первые часы съ боемъ, да при Димитріѣ Донскомъ построился каменный Кремль.

Церковь и митрополиты. Русскіе пользовались полною свободою Богослуженія и въ самой Ордѣ существовала Сарская православная епископія. Митрополиты всея Руси жили въ Кіевѣ до его разоренія татарами. Съ 1299 года митрополитъ Максимъ переселился во Владиміръ на Клязьмѣ, а послѣ него св. Петръ — въ Москву, гдѣ его преемники уже окончательно основались.

Литовскій князь Ольгердъ, объединивъ Западную Россію, понималъ, какое опасное вліяніе для цѣлости собственно имъ созданнаго Государства можетъ имѣть постоянное пребываніе главы русской церкви въ Москвѣ и потому хотя не безъ труда, но добился въ Константинополѣ посвященія другаго митрополита для Кіева. Князь Витовтъ настоялъ на еще большемъ: когда Константинопольскій патріархъ отказалъ ему въ просьбѣ поставить особаго митрополита для Кіева, то онъ собралъ Юго-Западныхъ русскихъ епископовъ и заставилъ этотъ соборъ посвятить своею властію ученаго болгарина Григорію Цамблака въ Кіевскіе митрополиты, почему впослѣдствіи ихъ постоянно было два: одинъ въ Москвѣ, другой въ Кіевѣ.

Въ это же время благочестивыми трудами св. Стефана Пермская область присоединилась къ православію.

ЧАСТЬ II.

Отъ Іоанна III Васильевича до Петра Великаго.

1462—1682—220 лѣтъ.

Іоаннъ III Васильевичъ. (1462—1505).

Іоаннъ III довершилъ великія начинанія Іоанна I Калиты. Такъ какъ ещe двѣнадцати лѣтъ отъ роду онъ сочетался первымъ бракомъ съ Маріею Тверской. то при вступленіи на престолъ двадцати двухъ-лѣтнимъ юношею у него уже былъ сынъ лѣтъ трехъ, по имени тоже Іоаннъ.

Несогласія съ татарами. Освобожденіе плѣнныхъ изъ Казани. Іоаннъ III началъ свое государствованіе съ того, что не обратился къ Ордѣ за испрошеніемъ ярлыка на княженіе. Оскорбленный этимъ Ханъ волжскихъ улусовъ Ахматъ на четвертый годъ тщетнаго ожиданія взялся за оружіе, но на берегахъ Дона, встрѣченный Ханомъ враждебной ему Крымской Орды, Ази Гиреемъ, потерпѣлъ пораженіе и возвратился въ свои улусы.

Въ это время казанцы, недовольные своимъ царемъ Ибраги-момъ, переманивали къ себѣ подручника Василія II Касима, которому за вѣрность былъ данъ въ удѣлъ Мещерскій городокъ, названный по его имени Касимовымъ. Касимъ обратился къ Іоанну III съ просьбою о содѣйствіи. Вмѣшавшись въ этотъ споръ, Іоаннъ открылъ походы подъ Казань. При послѣднемъ изъ нихъ у осажденной Казани была отведена вода, ей пришлось смириться и Ибрагимъ заключилъ миръ *«на всей волѣ»* Іоанна III, призналъ свою зависимость отъ Москвы и, кромѣ того, освободилъ всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ теченіе сорока лѣтъ.

Паденіе Новгорода. Вдова новгородскаго посадника, честолюбивая Мароа Борецкая, добиваясь съ своими сыновьями господства, составила партію съ цѣлью уничтожить всякую зависимость Новгорода отъ Москвы. Въ такомъ предпріятіи нельзя было положиться на собственныя силы и потому новгородцы, руководимые вдобавокъ и чувствомъ ненависти къ Москвѣ, заключили съ Литовскимъ великимъ княземъ Казиміромъ IV союзъ и договоръ, по которому они его признали своимъ верховнымъ Государемъ.

Ни указанія благоразумныхъ людей на латинство Казиміра, ни мѣры увѣщанія самого Іоанна III, чтобы они по старинѣ держали его имя «*честно и грозно*», не остановили мятежа.

Объявленіе войны Новгороду 1471

Измѣнники новгородцы казались москвитянамъ хуже татаръ. Имъ объявили войну.

Непроходимыя новгородскія болота, пересохнувъ отъ бездождія, дали возможность открыть походъ, не дожидаясь зимы, какъ это почти всегда бывало, и первая рать выступила 31 мая на Двину подъ начальствомъ воеводы Образца, вторая къ Ильменю подъ предводительствомъ князя Данилы Холмскаго, а третья на Мсту съ княземъ Стрига-Оболенскимъ. Въ важномъ обстоятельствѣ тогдашней засухи современникамъ видѣлось покровительство самаго неба полкамъ Государевымъ.

Въ составъ московской арміи вошли тогда полки псковскіе и тверскіе. Передовой отрядъ въ пять тысячъ, подъ начальствомъ князя Холмскаго, наткнувшись у р. Шелони на 30 или 40 тысячъ новгородцевъ, быстро перешелъ рѣку вплавь и въ бродъ и ударилъ на новгородцевъ съ такою стремительностью, что они тотчасъ же обратились въ бѣгство, потерявъ 12 тысячъ убитыми и 1,700 плѣнными. Въ числѣ послѣднихъ попался и неблагодарный Димитрій Борецкій, прежде того пожалованный въ чинъ боярина московскаго. Ему отрубили голову вмѣстѣ съ другими новгородскими боярами *).

Послѣ этого новгородцы просили у Іоанна помилованія: «*Пожалуй, смилуйся, какъ Богъ тебѣ на сердце положитъ*». Іоаннъ III смягчился «*Отдаю нелюбіе свое, унимаю мечъ и грозу въ земль новгородской и отпускаю полонъ безъ окупа*». Заключили дого-

*) Казненные бояре были Селезневъ-Губа, Арбузьевъ и Сухощокъ.

воръ, по которому Новгородъ отрекся отъ Казиміра IV, заплатилъ «*копейное*» (контрибуцію) въ 15,000 руб., (что тогда составляло около 80 пудовъ серебра), изъ которыхъ Великій Князь сбросилъ одну тысячу. отказался отъ «*вѣчныя грамоты*»*), подтвердилъ въ остальномъ свои условія съ Василіемъ Темнымъ и призналъ верховную власть Московскаго Государя. Недоразумѣнія съ Новгородомъ 1476

Нѣсколько лѣтъ спустя, новгородскіе послы, пріѣхавшіе въ Москву по дѣламъ, назвали Великаго Князя и его сына**) не господами, а Государями. Великій Князь послалъ спросить новгородцевъ, какого они хотятъ государства? Тѣ отвѣчали, что желаютъ, чтобы все оставалось безъ перемѣны, а между тѣмъ понявши такъ, что за снятіемъ стараго «*нелюбія*» въ предложенномъ вопросѣ можетъ скрываться новое, новгородцы взволновались и казнили трехъ бояръ Іоанновыхъ ***), даже не дождавшись отъѣзда пословъ, прибывшихъ съ запросомъ. Іоаннъ Васильевичъ двинулся для наказанія вѣроломнаго города и съ конца ноября окружилъ его своими войсками. Новгородцы повинились, всѣ безъ исключенія цѣловали крестъ Великому Князю, но на этотъ разъ Новгородъ былъ окончательно сравненъ въ правахъ съ другими городами. Народное «вѣче» уничтожено, вѣчевой колоколъ отправленъ въ московскій станъ, а Марѳа Борецкая, богатый домъ которой современники называли «*чюднымъ*», съ внукомъ и многими другими выселена въ Москву. Но Новгородъ еще разъ попался въ заговорѣ съ Литвою;—даже братья Великаго Князя, Андрей Старшій и Борисъ, приняли въ немъ участіе, недовольные тѣмъ, что при разгромѣ новгородской области ихъ не сдѣлали участниками въ добычѣ. Еще разъ Великій Князь пришелъ его усмирять. Бывшій съ нимъ мастеръ Аристотель мѣтко стрѣлялъ изъ пушекъ по новгородскимъ укрѣпленіямъ. Новгородъ отворилъ ворота. Преступники были казнены и нѣсколько тысячъ семействъ разселены по городамъ Московскаго Государства. Уничтоженіе Новгор. вѣчи 1478. Паденіе Новгорода 1480

Моровая язва. Второй бракъ Іоанна. Государственный гербъ. Семейныя дѣла. Присоединеніе Удѣловъ. Моровая язва, называемая тогда «желѣзою» (чума), снова открылась въ Новгородской Язва 1467

*) Вѣчевыя.

**) Тогда существовало въ Москвѣ обыкновеніе ставить въ великокняжескихъ грамотахъ имя наслѣдника престола, какъ соправителя.

***) Василія Никифорова, Захара Овинова и брата его Козьму.

и Псковской области, а зимою заразила и Московскую. Уныніе и страхъ, поддержанные очень большою смертностью, распространили толки о приближеніи страшнаго суда. Среди такого общаго горя умерла Марія, первая жена Іоанна III. Нѣсколько лѣтъ послѣ этой потери онъ вступилъ во второй бракъ съ дочерью деспота Ѳомы Палеолога, Софіею, которая послѣ смерти своего дяди, послѣдняго греческаго Императора Константина Палеолога, проживала въ Римѣ.

Второй бракъ Іоанна III 1472

Когда она приближалась къ Москвѣ, Великій Князь послалъ спросить митрополита, можно ли допустить, чтобы римскій кардиналъ, ее сопровождавшій, ѣхалъ по Москвѣ, предшествуемый серебрянымъ распятіемъ, «*латинскимъ крыжомъ*». Митрополитъ отвѣчалъ, что если такой церемоніалъ не будетъ отмѣненъ, то, когда кардиналъ «*въ одни ворота въ городъ, а я въ другія ворота вонъ изъ города*.

Византія уже была покорена Турками, но Іоаннъ III, желая показать, что она должна воплотиться въ Россіи, принялъ гербъ царей Греческихъ и потому Великокняжеская печать украсилась на одной сторонѣ двуглавымъ орломъ, а на другой остался Московскій гербъ, т. е. всадникъ, поражающій дракона, съ надписью: «*Великій Князь, Божіею Милостію Господарь всея Руси*».

Паденіе Византіи 1453

Со времени втораго брака Іоанна вопросъ о престолонаслѣдіи сталъ очень тревожить Московское государство. Старшій сынъ Великаго Князя отъ перваго брака съ Маріей Тверской, Іоаннъ Молодой, женатый на Еленѣ, дочери молдаванскаго господаря Стефана, умеръ 32 лѣтъ отъ роду, отъ болѣзни, открывшейся ломотою въ ногахъ, тогда называемой «*каменного*», *) оставивъ малолѣтняго сына Димитрія, а у Іоанна III родился сынъ Василій отъ Софіи Ѳоминишны. Образовались партіи. Сначала взяла верхъ партія, стоящая за пятнадцатилѣтняго Димитрія, котораго, какъ объявленнаго наслѣдника, Іоаннъ торжественно вѣнчался въ Успенскомъ соборѣ «*бармами и шапкою Мономаха*». Но судьба Димитрія быстро измѣнилась. Черезъ годъ послѣ его коронованія, перваго на Руси, Іоаннъ помирился съ Софьею Ѳоминишною, казнилъ приверженца противной партіи, князя Семена Ряполовскаго, на другаго знатнѣйшаго боярина Патри-

Смерть Іоанна Младого 1489

Вѣнчаніе на Царство Димитрія 1498

*) Докторъ Мстеръ Леонъ, родомъ еврей, лечившій Іоанна Младого прикладываніемъ стклянницъ, наполненныхъ горячею водою и питьемъ травъ, ручался головою за его излеченіе и ею поплатился. Его казнили въ сороковой день смерти паціента.

кѣева и его сына Василія положилъ опалу, вслѣдствіе чего оба они постриглись въ Монахи и провозгласилъ сына своего Василія Іоанновича «*Великимъ Княземъ Государемъ Новгорода и всея Руси*», а Димитрій, имя котораго запрещено было поминать на ектеніяхъ, подвергся заключенію. Елена его мать, умерла въ тюрьмѣ года черезъ два, а онъ, хотя и пережилъ ее, но не былъ освобожденъ до самой смерти, постигшей его въ княженіе Василія III. Этою перемѣною наслѣдника очень оскорбился господарь Стефанъ и умеръ, не примирившись съ Іоанномъ. Но Іоаннъ, преслѣдуя заповѣдную цѣль объединенія Россіи, не останавливался на личномъ чувствѣ и отношеніяхъ. Живя дружно съ родными братьями, онъ однако же по смерти старшаго изъ нихъ Юрія всецѣло присоединилъ его удѣлъ къ своему Московскому, безъ всякаго раздѣла. Оскорбленные другіе его братья затѣяли споръ, но споръ окончился печально для ослушнаго Андрея Старшаго. И онъ, и его сыновья были заключены, а ихъ Удѣлъ вошелъ въ составъ Московскаго княжества, къ которому въ разное время были присоединены еще Двинская область, Пермь, Вятка, Тверь и Верейскій удѣлъ. Кромѣ того князья Ростовскіе и Ярославскіе были лишены правъ владѣтельныхъ и если Рязань не была формально присоединена къ Московскому государству, то все же находилась въ полномъ подчиненіи Великому Князю.

Провозглашеніе Василія княземъ всея Руси 1502

Конецъ татарскаго ига. Союзъ Москвы съ Крымомъ. Подчиненіе Крыма. Ханъ Золотой Орды Ахматъ, желавшій воспользоваться ссорою Іоанна III съ братьями, возобновилъ свои къ нему притязанія и прислалъословъ съ требованіемъ дани. Говорятъ, что Іоаннъ III, взявъ у нихъ «*басму*», изображеніе Хана, бросилъ ее на полъ и растопталь ногами. Оскорбленный, во всякомъ случаѣ неудовлетворенный Ханъ, обратился за союзомъ къ литовскому Великому Князю и польскому Королю Казиміру IV и обнаружилъ намѣреніе идти на Москву. При этомъ извѣстіи народнымъ ропотомъ высказывалъ желаніе, чтобы Государь воодушевлялъ войско личнымъ въ немъ присутствіемъ. Болѣе всѣхъ на этомъ настаивалъ духовникъ Великаго Князя, архіепископъ Кассіанъ Рыло.

Русскіе пошли на встрѣчу татарамъ и, занявъ лѣвый берегъ р. Угры, увидѣли ихъ на другой сторонѣ.

Предусмотрительный Іоаннъ заранѣе условился въ дѣйствіяхъ съ вѣрнымъ своимъ союзникомъ крымскимъ Ханомъ Менгли-Гиреемъ, который вслѣдъ за движеніемъ Золотой Орды къ Россіи,

напалъ на литовскую Подолію, а его братъ, крымскій царевичъ Нордулатъ, съ княземъ Василіемъ Ноздреватымъ направились въ Орду, гдѣ оставались только жены, дѣти и немощные. Но главныя силы Русскихъ и Ахмата стояли другъ противъ друга цѣлое лѣто и осень въ полномъ бездѣйствіи, изрѣдка принимаясь за пусканіе стрѣлъ черезъ рѣку. Казиміръ IV, занятый дѣлами съ Венгріею и Богеміею, вовсе не приходилъ къ Ахмату на помощь, а между тѣмъ наступившіе морозы давали себя чувствовать босымъ и нагимъ татарамъ. Всѣ обстоятельства складывались въ пользу Русскихъ, но Іоаннъ III по своей всегдашней осторожности, чрезмѣрной въ данномъ случаѣ, все медлилъ, вступалъ съ Ханомъ въ неопредѣленные переговоры, будто соглашался на кое-какія уступки, не отрицалъ даже поднятаго вопроса о дани Ордѣ и довелъ нравственное состояніе своей 180,000 арміи до того, что паника проникла въ нее преобладающимъ чувствомъ. Когда полкамъ велѣно было отступить отъ Кременца къ Бобровску, то они чуть не бѣжали отъ непріятеля, а непріятель, по счастію, не только не думалъ ихъ преслѣдовать, но услыхавъ о происшествіяхъ въ Ордѣ, видя распространеніе болѣзней въ своихъ рядахъ и быть можетъ подозрѣвая въ непонятномъ движеніи Русскихъ какую нибудь опасную хитрость, принялся съ своей стороны за такое же торопливое отступленіе. Ахматъ въ досадѣ на Казиміра IV, который не оказалъ ему ожидаемой помощи, принялся по дорогѣ за союзную Литву и ограбивши ее безъ всякаго милосердія ушелъ въ степи, но встрѣтившись у Азова съ своимъ врагомъ, тюменскимъ ханомъ Ивакомъ, былъ имъ собственноручно убитъ во время сна въ своей ставкѣ.

Ивану, прославившему Москвѣ извѣстіе объ этомъ происшествіи, были отправлены дары, но сыновья Ахмата продолжали борьбу съ Менгли-Гиреемъ, который наконецъ разорилъ Золотую Орду окончательно. Такъ рушилась навсегда зависимость Россіи отъ Орды.

Освобожденіе Руси отъ татаръ 1480

Около того же времени сыновья казанскаго Хана Ибрагима, Алегамъ и Мегметъ-Аминь, подняли въ Казани междоусобицу и младшій изъ нихъ обратился за покровительствомъ къ Іоанну, назвавъ его своимъ отцомъ. Мегметъ-Аминь былъ посаженъ на престолъ, но уже какъ подручникъ Великаго Князя Московскаго

Мегметъ-Аминь 1487

---

*) Незначительная часть Русскихъ была вооружена пищалями.

Война съ Литвою и Ливоніею. Дѣла съ Ганзою. Разрѣшая свою государственную задачу, Іоаннъ выражалъ совершенно законное убѣжденіе, что не Литвѣ, а ему, какъ потомку св. Владиміра должны принадлежать всѣ Русскія земли и что потому всѣ земли, отторгнутыя Литвою отъ Россіи, должны къ ней и возвратиться. Пограничные удѣльные князья, въ большинствѣ потомки черниго-сѣверскихъ, не желая подчиняться латинскому господству, переходили одинъ за другимъ въ подданство Московскаго Государя.

Возмущенный этимъ, польскій Король Казиміръ IV жаловался, даже собирался воевать, но преждевременно умеръ.

Въ то же время Іоаннъ, не упуская изъ виду Ливоніи, построилъ противъ Нарвы крѣпость Иванъ-Городъ. Не нравилось нѣмцамъ это новое произведеніе московской политики, но они молчали и продолжали грабить Русскихъ на морѣ, даже казнить ихъ *«безъ обсылки»* съ Іоанномъ. Послѣ одной казни надъ Русскимъ въ Ревелѣ, слухъ о которой дошелъ до Москвы, Іоаннъ потребовалъ выдачи всего ревельскаго магистрата. Получивъ отказъ, онъ приказалъ схватить въ Новгородѣ всѣхъ ганзейскихъ купцовъ, отправить ихъ скованными въ московскія тюрьмы, а имущество ихъ, цѣною на милліонъ гульденовъ, *«отписать на казну»*. Урокъ нѣмцамъ былъ данъ хорошій, но вслѣдствіе же этого торговля Ганзы съ Новгородомъ почти совершенно упала. Іоаннъ, рѣдко выходившій изъ предѣловъ своей осторожности, сознавъ свою ошибку, но поправить ея не могъ.

Послѣ Казиміра IV соединенное польское королевство вновь раздѣлилось между его двумя сыновьями: Польша досталась Яну-Альбрехту, а Литва Александру. Іоаннъ, находя время удобнымъ для цѣли возвращенія русскихъ земель по возможности, тотчасъ же двинулъ свои дружины на Литву и звалъ своего союзника Менгли-Гирея. Такая борьба представилась литовскому князю не по силамъ, а потому, желая окончить всѣ недоразумѣнія съ Россіею поскорѣе и подешевле, онъ попытался склонить Іоанна III къ уступчивости своимъ предложеніемъ жениться на одной изъ его дочерей, но Іоаннъ отвѣчалъ, что до заключенія мира, съ уступкою всего имъ пріобрѣтеннаго, онъ о сватовствѣ не хочетъ и слышать. Тогда миръ былъ заключенъ *«на всей волѣ»* Московскаго Государя и въ договорной грамотѣ Іоаннъ III былъ титулованъ Государемъ *«всея Руси»*. Вскорѣ Александръ, раская-

Миръ съ Александромъ 1495

ваясь въ своей сговорчивости, совсѣмъ впрочемъ недобровольной, умышленно подалъ поводъ къ разводу. Женившись на дочери Іоанна III Еленѣ, онъ согласился устроить для нея православную церковь въ самомъ дворцѣ. но теперь не исполнялъ этого условія брачнаго договора, а главнѣе того, пересталъ называть тестя Государемъ «*всея Руси*». Вѣроятно литовскій Князь не пожелалъ бы войны, которая немедленно началась. вслѣдъ за посланной ему «*разметной грамотою*», еслибы онъ могъ предвидѣть страшное пораженіе своихъ войскъ княземъ Даніиломъ Щеня близъ Дорогобужа на р. Ведрошѣ, причемъ литовцы потеряли всю артиллерію и своего предводителя, гетмана князя Константина Острожскаго. взятаго въ плѣнъ. Правда. союзникъ Александра, магистръ ливонскаго ордена. Вальтеръ фонъ-Плеттенбергъ. благодаря искусству своей артиллеріи. разбилъ Русскихъ у Изборска и на время уравновѣсилъ силу оружія. но затѣмъ пришла новая русская рать и въ конецъ разорила Ливонію. Эта война съ Литвою окончилась перемиріемъ на 6 лѣтъ. а литовскій князь, сдѣлавшись по смерти Яна Альбрехта польскимъ Королемъ. уступилъ грозному своему тестю всѣ земли тѣхъ князей. которые поддались Москвѣ.

Начала ереси 147

Ересь. Въ концѣ XV вѣка прибылъ изъ Кіева въ Новгородъ еврей Схаріа и успѣлъ совратить въ жидовскую ересь нѣсколько человѣкъ даже изъ духовнаго званія. Сдѣлавъ свое дѣло, хитрый Схарія исчезъ. но посѣвъ остался: священники Діонисій и Алексій. его послѣдователи. успѣли еще прежде обратить на себя вниманіе Іоанна III своимъ наружнымъ благочестіемъ и взяты были въ Москву. При ихъ усердіи, секретное лжеученіе стало тамъ распространяться во всѣхъ слояхъ общества. Нашлись послѣдователи и между именитыми и знатными людьми: напр. Симоновскій архимандритъ Зосима, дьякъ Ѳедоръ Курицынъ. близкій Іоанну III человѣкъ. и даже невѣстка Іоанна Елена. Тайный покровитель жидовства. ловкій и хитрый Зосима притворялся такимъ ревностнымъ угодникомъ православія, что при скрытыхъ связяхъ при дворѣ достигъ сана Митрополита, но наконецъ ревностью Новгородскаго архіепископа Геннадія и игумена Іосифа Санина жидовствующая ересь была обнаружена. Созванный по этому обстоятельству Соборъ обсуждалъ мѣры къ пресѣченію соблазна. Многіе предлагали пытку и казнь, но Великій Князь ограничился ссылкою и заточеніемъ. Нѣкоторыхъ изъ виновныхъ. вѣроятно Новгородцевъ. отправили къ Геннадію

въ Новгородъ*). Заподозрѣнный Зосима отказался отъ митрополіи и удалился въ Троицкій монастырь.

Нѣсколько лѣтъ спустя, Іоаннъ, убѣдившись въ упорствѣ распространенія ереси, утвердилъ всѣ приговоры вновь созваннаго собора. Главные изъ распространителей, въ числѣ которыхъ оказался дьякъ Курицынъ, подверглись казни чрезъ сожженіе въ желѣзныхъ клѣткахъ; менѣе виновнымъ рѣзали языки, другихъ ссылали. Соборъ 1504

Изданіе Судебника. Іоаннъ поручилъ дьяку Гусеву составить Судебный уставъ, въ основаніе котораго была принята «Русская Правда» Ярослава Мудраго. По новому Судебнику прежде всего обращено было вниманіе на единоличное отправленіе Судопроизводства отъ имени Великаго Князя и отмѣнено. Устанавливалось, что судья, будь онъ воевода, окольничій или бояринъ, не засѣдаетъ иначе, какъ при соучастіи «*дворскихъ*» старостъ или выборныхъ изъ «*лучшихъ людей*». При судьяхъ состояли «*дьяки*», какъ дѣлопроизводители и «*недѣльщики*» или исполнители судебныхъ постановленій, въ родѣ нынѣшнихъ судебныхъ приставовъ. Изданъ Судебникъ 1497

Разбои, душегубство, святотатство, поджогъ, похищеніе людей и двукратное воровство подвергало виновныхъ смертной казни. Наслѣдство, оставленное безъ духовнаго завѣщанія, переходило къ сыну, а за неимѣніемъ сына къ — дочери; наслѣдство же бездѣтныхъ поступало къ ближайшимъ родственникамъ. Допускалось «*поле*» или судебный поединокъ для рѣшенія тяжебныхъ дѣлъ, хотя большинство ихъ рѣшалось свидѣтельскими показаніями. Пытки хотя разрѣшались въ процессахъ уголовныхъ, но не по одному оговору обвиняемаго, а когда противъ него имѣлись улики.

Дѣятельность Іоанна и его смерть. Іоаннъ скончался на 67 году отъ рожденія. Посвятивъ всю главную свою дѣятельность освобожденію Россіи отъ господства татаръ и ея объединенію, онъ однако же не прежде достигъ великой цѣли объединенія, какъ по утвержденіи единовластія въ такой степени, что удѣльную систему можно было считать уничтоженною. Не измѣняя этому призванію, Іоаннъ хотя отдѣлилъ младшимъ своимъ сы-

*) Архіепископъ Геннадій приказалъ посадить возвращенныхъ еретиковъ на коней лицомъ къ хвосту въ шутовскомъ ратномъ уборѣ изъ бересты. На соломенныхъ вѣнцахъ, украшавшихъ головы этихъ всадниковъ, была надпись: «*Се есть сатанино воинство*". Когда этотъ поѣздъ показался на улицахъ, то народъ плевалъ въ глаза врагамъ Христовымъ и наконецъ сжегъ вѣнцы у нихъ на головахъ.

новьямъ особыя волости, но только на правахъ частныхъ владѣльцевъ.

Споръ съ Геронтіемъ 1479

Въ дѣлахъ не такой важности у Іоанна III случались проявленія уступчивости, но опять же не иначе какъ подъ руководствомъ всегдашней осторожности. Случилось, что митрополитъ Геронтій при освященіи Успенскаго собора, понелъ крестнымъ ходомъ не отъ востока къ западу «*не посолонь*», какъ тогда говорилось. Іоаннъ III это замѣтилъ, но ученое духовенство не разрѣшило его спора съ митрополитомъ. а когда прение снова поднялось года черезъ три съ половиною, то неуступчивому Геронтію Великій Князь пересталъ поручать освященіе храмовъ. Обиженный митрополитъ, оставивъ свой посохъ въ соборѣ, удалился въ Симоновъ монастырь. Іоаннъ III видѣлъ болѣе соблазна въ спорѣ съ митрополитомъ, чѣмъ въ хожденіи не посолонь и потому поѣхалъ къ нему съ «*уговоромъ*». А между тѣмъ для враговъ Россіи у Іоанна такъ мало находилось уступчивости, что польскій Король Казиміръ IV. желая отдѣлаться отъ упрямаго сосѣда, не постыдился подослать къ нему князя Ивана Лукомскаго съ цѣлью его убить или отравить. По счастливой случайности, подлый Лукомскій. принятый на службу и обласканный, не сохранилъ своей тайны и за такое преступное намѣреніе былъ сожженъ въ клѣткѣ вмѣстѣ съ такимъ же какъ онъ купленнымъ убійцею и сообщникомъ полякомъ Матіасомъ.

Въ княженіе Іоанна III вызваны были въ Москву многіе иностранные мастера. Одному изъ нихъ Ивану Фрязину, бывшему «*денежникомъ*», чеканщикомъ монеты и сообщившему въ Италію о вдовствѣ Великаго Князя, приписываютъ первую мысль о бракѣ Іоанна съ греческою царевною. Чеканка монеты сначала разрѣшалось частнымъ мастерамъ; требовалось только его имя на самой монетѣ и сохраненіе въ ней законнаго достоинства. подъ страхомъ тяжелаго наказанія за всякую поддѣлку.

Зодчій Аристотель Фіоравенти тоже чеканилъ монету, но безсмертнымъ памятникомъ его творчества остался Успенскій соборъ. Первоначально этотъ храмъ былъ возведенъ при Іоаннѣ I Калитѣ, но когда по обветшалости соборъ, едва удерживаясь подпорками, потребовалъ возобновленія. то при его перестройкѣ рухнули своды и все зданіе превратилось въ груду испорченнаго матеріяла. Работу передали прибывшему Аристотелю и съ тѣхъ поръ Успенскій соборъ остается безъ всякой перемѣны. Архангельскій и Благовѣщенскій соборы поставлены другими ма-

стерами. Павелъ Дебосисъ отлилъ въ Москвѣ огромную Царь-пушку и донынѣ всѣхъ удивляющую своимъ калибромъ, какъ произведеніемъ того времени. Кремль былъ окруженъ новою, каменною стѣною и многіе бояре поставили въ немъ свои каменные дома.

Время построенія Соборовъ Архангельск. и благовѣщенскаго 1475 1479

Къ такой разнообразной дѣятельности призывались иностранцы, но по предпріимчивости едва ли кто нибудь могъ равняться съ нѣкіимъ тверскимъ жителемъ, Аѳанасіемъ Никитинымъ, который въ это княженіе купечествовалъ въ Индіи на берегу Малабара, тогда какъ знаменитый Васко-де-Гама только мечталъ о пути изъ Африки къ Индостану.

Никитинъ въ Индіи 1470

1-е сентября, какъ начало года въ Россіи, было утверждено соборомъ тоже во время княженія Іоанна III, который, по совѣту Софіи Ѳоминишны, измѣнилъ и свой собственный бытъ, учредивъ при своемъ дворѣ церемоніалы и пышность византійскихъ императоровъ.

Василій III Іоанновичъ (1505—1532).

Василій III былъ продолжителемъ дѣятельности своего отца. Цѣли оставались неизмѣнными, враги Россіи тоже не мѣнялись. Внѣшними были татары и Литва, а внутренними нѣсколько удѣловъ, еще уцѣлѣвшихъ.

Война съ татарами и Литвою. Желая наказать Мегметь-Аминя, измѣнившаго отцу подъ конецъ его жизни, Василій III послалъ противъ Казани сильное войско подъ начальствомъ своего брата Димитрія. При первой встрѣчѣ (22 мая) съ татарами, Русскіе, увлекаясь боемъ подошли къ самой Казани, но были отрѣзаны конницею отъ своихъ судовъ и потерпѣли пораженіе, а черезъ мѣсяцъ неудача повторилась еще въ большихъ размѣрахъ. Русскіе напали на татаръ во время ярмарки подъ Казанью на Арскомъ лугу и завладѣвъ всѣмъ станомъ, безпечно занялись пирами и грабежомъ, но 25 іюня Мегметъ-Аминь выслалъ на зарѣ 20,000 конныхъ и 30,000 пѣшихъ воиновъ, которые погнали и уничтожили Русскихъ. Пропала почти вся артиллерія;—только конница подъ начальствомъ Ѳедора Михаиловича Киселева отступила безъ бѣгства. Василій III не наказалъ воеводъ, но Димитрію больше никогда не поручалъ главнаго начальства надъ ратью; когда же къ нему явились изъ пострадавшей рати иностранцы, то онъ, обра-

Походъ подъ Казань 1506

щаясь къ тому изъ нихъ, который привезъ свои пушки обратно, гнѣвно сказалъ: «*Ты берегъ снаряды, а не берегъ себя; знай же, что люди искусные мнѣ дороже пушекъ*».

Смерть Мегметъ-Аминя 1518

Послѣ перваго неудавшагося похода въ Москвѣ стали готовиться ко второму и такая настойчивость до того встревожила Мегметъ-Аминя, что онъ просилъ мира, призналъ свою зависимость отъ Россіи и до конца своей жизни ничѣмъ не обнаружилъ намѣренія отъ нея избавиться. Дѣтей у него не было, а потому вопросъ, кому быть на казанскомъ престолѣ, не могъ не заботить Великаго Князя. Съ одной стороны, сынъ Менгли-Гирея, союзника Іоанна III, Крымскій ханъ Мегметъ-Гирей грозилъ местію, если его ходатайство о Казани въ пользу его рода не будетъ уважено Василіемъ III, съ другой же было очень опасно такое объединеніе татаръ подъ одною властію, а потому, изъ двухъ золъ выбирая меньшее, Василій III предоставилъ Казанское царство родовому врагу Гиреевъ, Шигъ-Алею, внуку Ахматову. Шигъ-Алей не полюбился казанцамъ и они послѣ предварительныхъ сношеній предали городъ и тронъ Саинъ-Гирею, брату Мегметъ-Гирея.

Изгнаніе Шигъ-Алея 1521

Эти обстоятельства послужили началомъ не легкой и довольно продолжительной войны, въ которой противъ Россіи принялъ участіе въ союзѣ съ татарами атаманъ Днѣпровскихъ казаковъ Евстафій Данковичъ, но въ концѣ концовъ борьба за обладаніе Казанскимъ престоломъ развязалась совершеннымъ изгнаніемъ Гиреевъ и въ пользу меньшаго брата Шигъ-Алея, Еналея, окончательно признавшаго себя въ зависимости отъ Московскаго Государя *).

Смерть Александра Литовскаго 1506

По смерти Польскаго Короля Александра, Василій обратился къ его вдовѣ Еленѣ, своей сестрѣ, съ «*утѣшительною*» грамотою и съ предложеніемъ употребить свое вліяніе на присоединеніе Литвы къ Россіи, но она отвѣчала, что братъ ея мужа Сигизмундъ I Казиміровичъ объявленъ уже его преемникомъ. Вскорѣ самъ Король извѣстилъ Василія III о томъ же, предлагая вѣчный миръ

---

*) Союзникамъ Казанцевъ, Черемисамъ, удалось во время войны стѣснить съ помощью запруды караванъ русскихъ судовъ, съ хлѣбомъ и артиллеріею, шедшихъ между островами Волги, подъ начальствомъ князя Ивана Палецкаго, при чемъ съ крутаго берега они осыпали плывущихъ стрѣлами. Потеря Русскихъ была большая, но прорвавшіеся ратники олицетворили эту случайную побѣду Черемисовъ въ насмѣшливой пословицѣ: „*съ одну сторону Черемиза, а съ другой берегися*“.

подъ условіемъ возвращенія нѣкоторыхъ земель и всѣхъ плѣнныхъ изъ его подданныхъ.

Въ это время плѣнникъ Константинъ Острожскій бѣжалъ изъ Москвы и былъ ласково принятъ Сигизмундомъ I. Въ свою очередь Василій принялъ предложеніе Михаила Глинскаго, знатнаго литовскаго вельможи, чтобы вмѣстѣ дѣйствовать противъ польскаго Короля. Василій III могъ повѣрить искренности Глинскаго, потому что Глинскому не было возможности оставаться въ предѣлахъ Польскаго государства, послѣ того, что онъ, будучи недоволенъ пристрастіемъ Короля въ разборѣ его вражды съ Яномъ Заберезскимъ, напалъ на послѣдняго въ его усадьбѣ и отрубилъ ему голову. Острожскій и Глинскій такимъ образомъ явились подстрекателями съ обѣихъ сторонъ, но война, открывшаяся взаимнымъ разореніемъ земель, прекратилась черезъ годъ. Сигизмундъ I мало расчитывалъ на успѣхъ въ этой борьбѣ и предпочелъ заключить «*докончаніе*», вѣчный миръ, уступая Москвѣ всѣ пріобрѣтенія Іоанна III и разрѣшивъ Глинскому свободный выѣздъ изъ Литвы, но словесно. Докончаніе 1508 сент.

Глинскій, покидая родину, терялъ всѣ свои обширныя помѣстья, за которыя онъ не могъ ожидать равномѣрнаго вознагражденія отъ Василія III. Миръ Москвы съ Польшею не принесъ Глинскому удовлетворенія,— онъ надѣялся его найти въ новой войнѣ. При закоренѣлой ненависти западныхъ славянскихъ населеній къ Русскимъ и воинственныхъ видахъ Василія III на Литву не трудно было отыскаться новой причинѣ къ разрыву и она дѣйствительно открылась въ стараніяхъ Сигизмунда I возбудить противъ Россіи крымскаго Хана Менгли-Гирея. Польскому Королю была отправлена «*складная грамота*». Вновь вспыхнувшая война съ Литвою началась для Русскихъ неудачно, но наконецъ въ третью осаду Смоленска, этотъ важный тогда городъ, 110 лѣтъ находившійся подъ властію Литвы, сдался 29 іюля Василію III. Начало войны 1512

Взятіе Смоленска 1514

Потеря Смоленска была слишкомъ чувствительною для Литвы. Все было испытано для его возвращенія; но ни измѣна Василію III Глинскаго, обѣщавшаго Королю успѣхъ, ни пораженіе Константиномъ Острожскимъ Русскихъ при Оршѣ, за которое было отплачено Литовцамъ при Опочкѣ, ни посредничество Императора Максиміана, прославшаго въ Москву своего посланника барона Герберштейна, ни вторженіе татаръ вмѣстѣ въ Дашковичемъ, атаманомъ Днѣпровскихъ казаковъ, ничто не поколебало твер-

Перемиріе 1522 дости Московскаго Государя и, заключая съ Литвою премиріе, онъ оставилъ Смоленскъ за собою.

Присоединеніе послѣднихъ удѣловъ. Договоръ съ Ганзою. Максимъ Грекъ. Смерть Василія III. Эти всѣ войны не помѣшали Самодержавному Василію заботиться о едва ли менѣе важномъ присоединеніи послѣднихъ Удѣльныхъ Областей Рязанской, Сѣверской и города Пскова, которое совершилось уже безъ всякаго внутренняго потрясенія Государства, хотя не безъ слезъ прощался Псковъ съ вѣчевымъ своимъ колоколомъ.

Упадокъ Новгородской торговли чувствовался въ Москвѣ. Чтобы поправить это дѣло, испорченное отцемъ, его сынъ Василій III заключилъ съ Ганзою новый союзъ, но въ тоже время, добиваясь подорвать благосостояніе враждебной Казани и стѣснить казанскихъ татаръ, онъ построилъ на берегу Суры крѣпость Васильсурскъ и запретилъ Русскимъ купцамъ ѣздить на Казанскую ярмарку. Новое мѣсто для торговли съ Азіею было указано на Волгѣ, близъ монастыря Макарія Унженскаго. Такое распоряженіе, нарушая привычку многихъ лѣтъ, возбудило сначала ропотъ и подняло цѣну на товары, въ особенности на соленую волженскую рыбу, которою торговали казанцы, но знаменитая Макарьевская, нынѣ Нижегородская, ярмарка процвѣтаетъ и до нынѣ.

Еще въ первые дни своего княженія Василій III, осматривая богатства, оставленныя его родителемъ, увидѣлъ массу Греческихъ книгъ, отчасти привезенныхъ и Софьею Ѳоминишною, валяющимися въ пыли и безпорядкѣ. Отыскивая для нихъ переводчика на Славянскій языкъ, онъ, при помощи Константинопольскаго патріарха, выписалъ *) ученаго грека Максима съ Аѳонской горы. Сынъ знатныхъ родителей, прекрасно образованный, высокой нравственности и другъ Іеронима Саванаролы **) Максимъ своими трудами оказалъ большія услуги церковной литературѣ, но за свои смѣлыя обличенія былъ нѣсколько разъ судимъ и наконецъ въ оковахъ

Прибытіе Максима Грека 1518

*) Изъ албанскаго города Арты.

**) Іеронимъ Саванарола, доминиканскій монахъ, знаменитый и грозный проповѣдникъ во имя Христа, противъ пороковъ своего вѣка. Жители Флоренціи, пораженные и увлеченные его словомъ, отказывались отъ мірскихъ благъ и въ его присутствіи сожигали предметы роскоши, драгоцѣнныя картины нескромнаго содержанія и проч. Онъ былъ сожженъ по повелѣнію папы Александра VI, извѣстнаго въ исторіи своими злодѣяніями.

заточенъ въ Отрочь — монастырь, въ которомъ прожилъ 22 года;— передъ смертію былъ переведенъ въ Троицкій, гдѣ и умеръ. Смерть Максима Грека 1556

Численность войскъ достигла при Василіи III до 300,000; въ составъ которыхъ входилъ отрядъ «*пищальниковъ*», вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, «*пищялми*».

Замѣчательнымъ событіемъ этого княженія былъ договоръ Василія III съ Австріею, по которому прежнія земли тевтоновъ, принадлежавшія Польшѣ, отходили къ императору, а къ Москвѣ — Кіевъ и другіе русскіе города. Этотъ договоръ можетъ называться первымъ раздѣломъ Польши. Договоръ 1514

Уже тогда слава Московскаго Государства распространялась по свѣту, такъ что Москва при Василіи III была свидѣтельницею прибытія посла, Хозея Уссеина, отъ Индостанскаго Хана Бабура, одного изъ потомковъ Тамерлана.

Великій князь Василій III былъ женатъ въ первый разъ на Соломонидѣ, изъ незнатнаго рода Сабуровыхъ, но послѣ 20 лѣтъ бездѣтства она была пострижена въ монахини и Великій Князь сочетался вторымъ бракомъ съ княжною Еленою Васильевною Глинскою. Дядя новой Царицы, Михаилъ Глинскій, не смотря на родство съ Вел. Княземъ, еще цѣлый годъ содержался въ тюрьмѣ за свою измѣну.

Во время одного лѣтняго богомолья, у Великаго Князя сдѣлался подкожный нарывъ на лѣвой ногѣ. Леченіе припарками даже не облегчало страданій. Тогда Василій III, сдѣлавъ послѣднія распоряженія, постригся и вслѣдъ за схимою умеръ на 55 году отъ рожденія.

Изъ двухъ его сыновей, Іоанна и Юрія, старшему было три года.

Іоаннъ IV Грозный (1533—1584).

Правленіе Елены и Бояръ. Народъ присягнулъ малолѣтнему Іоанну, а Елена, его мать, была объявлена правительницею. Особенною довѣренностью правительницы воспользовался князь Иванъ Овчина Телепневъ-Оболенскій, человѣкъ характера крутаго, жестокаго, произволъ котораго немедленно породилъ доносы, крамолы и крайнія несогласія между боярами.

Первыми жертвами придворныхъ смутъ сдѣлались братья покойнаго Государя, Юрій и Андрей, изъ которыхъ первый былъ

заморенъ въ тюрьмѣ голодомъ, а второй задушенъ. Михаилъ Львовичъ Глинскій, дядя правительницы, подвергся также казни голодною смертью. Всѣ трое обвинялись въ честолюбивыхъ замыслахъ.

Послѣ пятилѣтняго правленія, Литвинка Елена, нелюбимая правительница, умерла, но ея кончина была встрѣчена общимъ равнодушіемъ. Современникъ баронъ Герберштейнъ утверждаетъ, что причиною ея смерти было отравленіе.

Смерть Елены 1538 Апрѣль

Въ свое недолгое правленіе Елена обратила вниманіе на сохраненіе дѣйствительнаго достоинства въ монетѣ и установила, чтобы изъ фунта серебра чеканили шесть рублей, — виновныхъ же въ поддѣлкѣ монеты казнили жестокою смертью, заливая имъ горло растопленнымъ свинцомъ.

Послѣ смерти Елены правленіе перешло въ руки боярской Думы, но время боярскаго самовластія оказалось такимъ, которое научило народъ ненавидѣть государственное правленіе въ составѣ нѣсколькихъ лицъ (олигархія); дѣла государственныя оставались брошенными, бояре занимались измышленіемъ погибели другъ другу и расхищеніемъ казны, а ихъ приверженцы и родственники безнаказанно грабили народъ по областямъ. Наконецъ боярская борьба окончилась тѣмъ, что Телепнева-Оболенскаго уморили въ тюрьмѣ голодомъ, а первенствующая власть перешла въ семейство его враговъ, князей Шуйскихъ.

Малолѣтство Іоанна IV. Между тѣмъ Іоаннъ, одаренный необыкновенными способностями, подросталъ и къ несчастію въ постоянныхъ обидахъ. Мало что при случаяхъ личнаго заступничества ребенка-сироты за любимыхъ людей не внимали его слезамъ, предъ нимъ не стѣснялись даже оскорблять память его родителей. Такія печали не могли не ожесточить Іоанна, въ особенности, когда онъ, выростая, сталъ понимать собственное свое значеніе, которое очень хорошо выяснялось при каждомъ превращеніи его угнетателей въ покорнѣйшихъ слугъ на глазахъ у народа.

Изъ всѣхъ своихъ обидчиковъ Іоаннъ наиболѣе не терпѣлъ князя Андрея Михайловича Шуйскаго, дерзость котораго дошла наконецъ до того, что онъ, ни мало не стѣсняясь присутствіемъ Іоанна, велѣлъ схватить его любимца, совѣтника думы Ѳедора Воронцова и если Воронцова не убили въ другой комнатѣ, то единственно, благодаря заступничеству митрополита и бояръ Морозовыхъ. Но не только Андрей Шуйскій, даже его привер-

женцы не знали границъ своему своеволію и одинъ изъ нихъ, Ѳома Головинъ, разгорячившись въ спорѣ съ митрополитомъ, сначала наступилъ ему на мантію, а потомъ и совсѣмъ на немъ же ее изорвалъ. По мѣрѣ того какъ Іоаннъ входилъ въ возрастъ, Шуйскіе думали шумными пирами и звѣриною охотою изгладить въ немъ дурное впечатлѣніе своего наглаго и подчасъ высокомѣрнаго съ нимъ обращенія, но ошиблись. Іоаннъ въ такихъ потѣхахъ, усвоивши привычку смотрѣть съ удовольствіемъ, сначала на страданія безобидныхъ домашнихъ животныхъ, скоро перешелъ къ забавѣ скакать по улицамъ и топтать встрѣчныхъ. Шуйскіе, какъ впрочемъ и другіе бояре, только поддакивали. «*Пускай державный веселится*», говорили они, но скоро пришлось боярамъ раскаяваться въ тяжкомъ преступленіи, которое они совершили противъ Государства, развивая одинъ дурныя наклонности въ будущемъ Царѣ. Убѣжденіе въ своей безопасности сразу у нихъ замѣнилось чувствомъ ужаса и опоздалаго прозрѣнія, когда тринадцатилѣтній Царь, весело вернувшись съ охоты, отдалъ Андрея Михайловича Шуйскаго псарямъ на растерзаніе. Народъ, глядя на эту лютую казнь, изъявлялъ удовольствіе.

Короноваціе и бракъ Іоанна. Пожары въ Москвѣ. Сильвестръ и Адашевъ. Достигши шестьнадцатилѣтняго возраста, Іоаннъ, посовѣтовавшись съ Митрополитомъ Макаріемъ, созвалъ духовенство, бояръ, сановниковъ и къ общей ихъ радости объявилъ о своемъ намѣреніи вѣнчаться на царство и потомъ вступить въ бракъ. Вѣнчаніе на царство 1547 16 янв.

Іоаннъ былъ первый Князь, на котораго при вѣнчаніи на Царство возложили вѣнецъ и бармы Мономаховы и первый Русскій Государь, который и въ Россіи сталъ именоваться Царемъ, сохраняя титулъ Великаго Князя.

Въ жены себѣ Іоаннъ избралъ Анастасію Романову, дочь вдовы окольничаго Романа Юрьевича Захарьина. Вначалѣ, вліяніе этой кроткой женщины на Царя не было велико и на впечатлительное воображеніе Іоанна гораздо болѣе повліяла вдохновенная, хотя и не мягкая рѣчь іерея Сильвестра по поводу Московскихъ пожаровъ, изъ которыхъ при третьемъ, сильнѣйшемъ, погибло 1700 человѣкъ. Явившись въ с. Воробьево, куда Царь переѣхалъ по случаю Московскихъ пожаровъ, Сильвестръ ему пророчилъ Божій гнѣвъ за народныя бѣдствія, приписывая имъ значеніе небесныхъ наказаній за пороки самого Царя, а въ Москвѣ черни, возмущенная несчастіями и боярскими подстрекателями противъ Глинскихъ, приписывала пожаръ ихъ чародѣйству и одного изъ Бракъ Іоанна IV 1547 3 февр. Третій пожаръ 1547 21 іюня

нихъ, дядю царя, князя Юрія Глинскаго, убила въ церкви Успенія, въ которой онъ скрылся. На третій день послѣ этого убійства, шумная толпа окружила царское жилище въ Воробьевѣ, и потребовала, чтобы ей были выданы остальные Глинскія: бабка Царя, княгиня Анна и ея сынъ Михаилъ. Бунтовщиковъ разогнали выстрѣлами, но Іоаннъ былъ такъ потрясенъ всѣмъ видѣннымъ и поученіями Сильвестра, что просилъ его со слезами остаться при немъ, быть ему совѣтникомъ и руководителемъ. Расположеніемъ Царя, въ это же время пользовался Алексѣй Ѳедоровичъ Адашевъ, очень способный молодой человѣкъ и всѣми любимый. Дружба эта только окрѣпла подъ вліяніемъ Сильвестра, который и самъ очень сблизился съ Адашевымъ. Время Сильвестра и Адашева считается эпохою самой плодотворной дѣятельности правительства Іоанна IV.

Два года послѣ пожаровъ Іоаннъ повелѣлъ созвать въ Москву выборныхъ отъ всей земли. Въ назначенный день Царь обратилъ къ нимъ свою рѣчь на Лобномъ мѣстѣ *) и описывая всѣ тѣ бѣды, которыя пережила Россія во время его малолѣтства, опредѣлилъ боярское самоволіе ихъ источникомъ, за тѣмъ сдѣлавъ народу внушеніе о христіанской любви, Іоаннъ закончилъ свое откровеніе словами: «*отнынѣ я вамъ судія и защитникъ*».

Благоговѣйно внимая царскому слову, народъ плакалъ отъ искренняго умиленія.

Судебникъ 1550

Въ тотъ же годъ Іоаннъ издалъ новый Судебникъ, который рѣзко отличался отъ прежнихъ тѣмъ, что не ограничивался однимъ общимъ запрещеніемъ судьямъ брать взятки и кривить совѣстью, но опредѣлялъ наказаніе на каждый случай нарушенія правды и кромѣ того воспрещалъ мѣстничество **), глася, что одному Государю принадлежитъ право судить о родѣ и достоинствахъ. Въ слѣдующемъ году созванъ былъ въ Москвѣ соборъ

Стоглавъ 1551

«*слугъ Божіихъ*», которому было поручено Царемъ исправить обряды церкви, также и книги, искаженныя писцами, устроить школы въ Москвѣ и другихъ городахъ, искоренить остатки древ-

---

*) Возвышенное мѣсто на Красной площади.

**) Ни одинъ бояринъ не желалъ признавать надъ собою служебной власти назначаемаго Государемъ начальника, если по разрядным книгамъ родовое происхожденіе начальника не значилось старшимъ родоваго происхожденія подчиненнаго.

няго язычества и пр. Соборъ получилъ названіе «Стоглаваго», по числу главъ или статей, имъ изданныхъ *).

Покореніе Казани и Астрахани. Болѣзнь Іоанна. Семейныя дѣла. «Еще при Василіи III въ Казани образовались двѣ партіи: московская и крымская. Послѣдняя партія воспользовалась временемъ, когда Москва была занята войною на Литвѣ и, убивъ Еналея, возвела на казанскій престолъ крымскаго царевича Сафа-Гирея. Такимъ образомъ, при концѣ правленія Елены Крымъ и Казань соединились подъ властію дома Гиреевъ. Тогда начались безпрерывные набѣги казанцевъ на Русскія земли, такъ что, по выраженію современниковъ: «*Казань допекала Русь хуже Батыева нашествія*». По смерти Сафы-Гирея, убившагося въ припадкѣ пьянства до смерти, народъ провозгласилъ Царемъ его малолѣтняго сына, подъ опекою матери Сююнъ-Беки **). Къ этому времени Русскіе окончили постройку Свіяжска, новой крѣпости на правомъ берегу Волги, въ 37 верстахъ отъ Казани и окружное населеніе черемисовъ немедленно подчинилось Москвѣ. Стѣсненные такимъ образомъ казанцы выдали Сююнъ-Беку съ сыномъ и признали своимъ царемъ Шигъ-Алея, присягавшаго московскому Государю. Шигъ-Алей, человѣкъ очень алчный, безмѣрно жестокій, не долго удержался, и казанцы, чтобы не гнѣвать московскаго Царя этимъ изгнаніемъ, обязались принять его намѣстника князя Микулинскаго своимъ правителемъ, но потомъ расхрабрились, Царя обманули, къ себѣ на царство призвали ногайскаго царевича Едигера, отъявленнаго врага Россіи. Такія выходки привели Москву къ убѣжденію, что покончить съ Казанью, сосѣдкою невѣрною и безпокойною, безусловно необходимо. Іоаннъ собралъ 150,000 войска съ тяжелымъ нарядомъ (артиллерія) изъ 150 орудій и подъ своимъ личнымъ предводительствомъ повелъ эту грозную армію для разоренія Казанскаго царства. Послѣ отчаянной защиты въ теченіе шести недѣль, съ 23 августа по 2 октября, Казань была взята приступомъ ***). Потребовалось нѣсколько дней, чтобы очистить городъ отъ труповъ и тогда Іоаннъ, всту-

Основаніе Свіяжска 1550

Походъ подъ Казань и ея паденіе 1552

---

*) Стоглавъ воспретилъ обливаніе при крещеніи, постановилъ, чтобы вмѣсто кума и кумы, воспріемникомъ было одно лицо, будь это мужчина или женщина безразлично, и чтобы брачный обрядъ совершался непремѣнно послѣ обѣдни, при чемъ вѣнцы возлагались только на первобрачныхъ.

**) Въ Казани до сихъ поръ существуетъ башня ея имени (Сумбеки).

***) Казань, сдѣлавшись русскою провинціею, сохранила названіе царства въ титулѣ русскихъ царей.

пивши въ Казань, назначилъ мѣста для храмовъ въ ознаменованіе побѣды и собственоручно заложилъ соборную церковь Благовѣщенія.

Возвращеніе Царя въ Москву было чрезвычайно торжественно. Все населеніе Нижняго, охваченное чувствомъ признательности за свое избавленіе отъ татарскихъ набѣговъ, выступило для встрѣчи на берега Камы и, завидя царскія ладьи, опустилось на колѣна. По сказанію современниковъ, «*восторженный плачъ народа*» былъ такъ силенъ, что заглушалъ пѣніе духовенства, которое по этому и смолкло. Въ Судогдѣ Царя встрѣтилъ боярин Василій Траханіотовъ, посланный Анастасіею съ извѣщеніемъ о рожденіи царевича Димитрія. Обрадованный Іоаннъ не зналъ чѣмъ сейчасъ же вознаградить вѣстника и отдалъ ему одежду съ своего плеча и коня, на которомъ сидѣлъ.

Въ Москвѣ народъ встрѣчалъ побѣдителя «*бусурманскаго царства*» съ неменьшимъ восторгомъ, цѣловалъ его руки, ноги и громко молился за его долгія лѣта. Но еще пять лѣтъ понадобилось для усмиренія дикихъ племенъ, входящихъ въ составъ Казанскаго царства и разселившихся по обѣимъ сторонамъ Волги. Торжество Іоанна было прервано вѣстію о новомъ народномъ

Язва 1552—1553.

бѣдствіи. Язва, подъ названіемъ «*желтзы*», которая въ теченіе двухъ вѣковъ часто опустошала Россію, вспыхнула тогда во Псковѣ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ Псковъ схоронилъ 25,000 труповъ въ своихъ скудельницахъ; отсюда болѣзнь перешла въ Новгородъ, въ окрестности и полмилліона людей сдѣлались жертвою повѣтрія.

Болѣзнь Царя 1553

Вскорѣ и самъ Іоаннъ безнадежно заболѣлъ горячкою. Новость эта была такимъ общимъ для всѣхъ ужасомъ, что народъ, толпясь безвыходно въ Кремлѣ, боялся спрашивать о состояніи царскаго здоровья.

Прійдя однажды въ себя, Іоаннъ приказалъ написать завѣщаніе, которымъ объявлялъ сына Димитрія своимъ преемникомъ и единственнымъ Государемъ Россіи; но къ его огорченію и ужасу, многіе изъ бояръ и знатнѣйшихъ сановниковъ, не оставлявшихъ дворца во время его болѣзни, отказывались принять присягу на имя ребенка. Окольничій Ѳедоръ Адашевъ, отецъ царскаго любимца, откровенно высказался больному Государю, что никто не желаетъ присягать ребенку, потому что не хотятъ служить Захарьинымъ-Юрьевымъ, которые, какъ ближайшіе родные Царицы, несомнѣнно захватятъ власть въ свои руки, что всѣмъ еще па-

мятно недавнее боярское управленіе; другіе вельможи громко славили Владиміра Андреевича, царскаго двоюроднаго брата, говоря: «*лучше служить старому, нежели малоту*», а самъ Владиміръ Андреевичъ, зная намѣреніе многихъ провозгласить его Царемъ, старался вмѣстѣ съ своею матерью Евфросиніею расположить къ себѣ дѣтей боярскихъ и раздавалъ имъ деньги. Хотя на третій день смуты Владиміръ Андреевичъ, видя, что споры о присягѣ затихаютъ, постоянно оканчиваясь присягою царевичу, присягнулъ и самъ, но его мать, прикладывая печать къ «*клятвенной*» грамотѣ словами: «*что значитъ присяга невольная?*» обнаружила ихъ тайные разсчеты. Едва ли можно было ожидать, чтобы Іоаннъ по выздоровленіи когда нибудь забылъ боярскую готовность нарушить права престолонаслѣдія, но точно чудомъ спасенный Царь никому не выказалъ гнѣва за нанесенное ему оскорбленіе, а Ѳедора Адашева даже наградилъ саномъ боярина.

Года два послѣ паденія Казани, одинъ ногайскій князь обратился къ Іоанну съ просьбою о защитѣ его родственника Дербыша, отъ астраханскаго царика Ямгурчея. 30,000 русскихъ подъ начальствомъ князя Юрія Пронскаго, спустившись по Волгѣ, безъ труда овладѣли Астраханью и возстановили Дербыша на астраханскомъ престолѣ, но неблагодарный царикъ вскорѣ измѣнилъ Россіи. За союзъ съ крымцами и враждебными Москвѣ ногаями послѣдовала безотлагательная съ нимъ расправа, его прогнали, а Астрахань (Хазитаракань) присоединили къ владѣніямъ Московскаго Государства. Присоединеніе Астрахани 1556

Сношенія съ Англіею. Въ Англіи во время Эдуарда VI образовалось общество «The Mistery» съ цѣлью найдти путь въ Китай и Индію чрезъ Ледовитое море и сѣверныя страны. Основателемъ этого общества былъ Себастіанъ Кабатъ, открывшій материкъ Сѣверной Америки. Предпріимчивое общество снарядило въ экспедицію три корабля, изъ которыхъ два погибли, затертые льдами, а третій «Эдуардъ Бонавентура», подъ командою капитана Ричарда Ченслера, благополучно прошелъ Бѣлое море и 24 августа бросилъ якорь въ Двинскомъ заливѣ, гдѣ теперь городъ Архангельскъ. Ченслеръ отправился въ Москву, представилъ грамоту своего Короля, одинаково составленную для разныхъ сѣверныхъ Государей, и былъ очень обласканъ Іоанномъ. Англичане, разсчитывая на выгоды отъ торговли съ невѣдомою имъ Москвою, быстро устроили въ Лондонѣ компанію подъ названіемъ «Русской», и Ченслеръ, черезъ два года, снова прибылъ въ Москву, Прибытіе Ченслера 1553

но уже въ качествѣ посла и успѣлъ исходатайствовать для своей компаніи льготную грамоту на право безпошлинной торговли, собственнаго суда и расправы. Только одинъ царскій казначей. по обязанности разбирать спорныя дѣла между Русскими и Англичанами, сохранялъ за собою возможность вмѣшательства въ дѣла этого общества.

Позднѣе, Іоаннъ, дружа съ Королевою Елизаветою, велъ переговоры о союзѣ Россіи съ Англіею противъ Польши и Швеціи, но Англія отклонила вооруженный союзъ, въ которомъ не усматривала никакихъ для себя выгодъ.

Война со Швеціею 1554

Война съ Швеціею и Ливоніею. Война съ Крымомъ. Паденіе Ливонскаго Ордена. Швеція со страхомъ смотрѣла на возростающее могущество Россіи, но остановить его не была въ силахъ. Престарѣлый Король Густавъ Ваза сдѣлалъ попытку, отыскалъ предлогъ для войны въ пограничныхъ спорахъ, но послѣ пораженія своихъ войскъ у Выборга и разоренія Финляндіи, скоро убѣдился въ неравенствѣ борьбы и самъ предложилъ миръ, условіями котораго также разрѣшались взаимные проѣзды подданныхъ чрезъ оба государства.

Іоаннъ IV былъ доволенъ исходомъ войны и посылая вѣрному подручнику своему, Ногайскому князю Измаилу, нѣкоторые шведскіе доспѣхи въ даръ, писалъ: «*Вотъ новые трофеи Россіи! Король нѣмецкій сгрубилъ намъ, мы побили его люсй, взяли города, истребили селенія. Такъ казнимъ враговъ: будь намъ другомъ*»! Другое посланіе Царя было обращено къ польскому Королю въ отвѣтъ на его ходатайство за Швецію. «*Я не тѣсню никого, имѣю царство обширное, которое отъ временъ Рюрика до моего непрестано увеличивается, завоеванія не льстятъ меня по стою за честь*». Вмѣстѣ съ этимъ было предложено заключеніе вѣчнаго мира съ Литвою, но съ тѣмъ, что Сигизмундъ II Августъ признаетъ Іоанна Царемъ, какъ это уже было сдѣлано другими европейскими Государями; но Король отвѣчалъ, что титулъ этотъ принадлежитъ только нѣмецкому Императору и Султану. Повидимому, онъ боялся этого титула болѣе войны.

Іоанна занимали другіе виды еще болѣе. Усматривая въ отодвинутомъ положеніи своего Государства отъ Европы, единственное препятствіе къ развитію въ немъ просвѣщенія и торговли, онъ болѣе всего желалъ возвратить Россіи нѣкогда ей принадлежавшіе берега Балтійскаго моря. Такой планъ для своего осуществленія требовалъ много времени, а потому, до поры, Царь огра-

ничивался вызовами въ Москву иностранныхъ мастеровъ «*всякаго ремесла*», не исключая даже юристовъ и богослововъ и саксонцу Шлитте, знавшему русскій языкъ, было поручено отправиться за ними въ Германію. Ливонцы, подъ вліяніемъ страха за собственную независимость, никакъ не хотѣли, чтобы въ Россіи завелись собственные искусники и съ этою цѣлью обратились къ императору Карлу V съ представленіями о такой угрожающей имъ и другимъ сосѣдямъ опасности и просили, чтобы нѣмцы, ѣдущіе въ Россію въ числѣ болѣе ста человѣкъ, не были пропущены чрезъ его владѣнія. Магистратъ Любека, получивъ на этотъ счетъ полномочіе отъ Императора, не пропустилъ въ Россію ни одного ученаго, ни одного мастера, а самого Шлитте посадилъ въ тюрьму. Ливонцы и прежде какъ могли мѣшали доставкамъ въ Россію всего выписываемаго изъ заграницы, но послѣднимъ поступкомъ только ускорили ту развязку съ собою, которой такъ опасались.

Отправленіе Шлитте въ Германію 1547

Въ то время, когда Іоаннъ нѣсколько освободился отъ поглощавшихъ его заботъ на востокѣ, въ Москву прибыли ливонскіе послы съ просьбою о продолженіи срока перемирія еще на 15 лѣтъ. Іоаннъ согласился, но съ тѣмъ, чтобы Ливонія платила за Юрьевскую область (Дерптскую) дань, установленную по договору съ магистромъ ордена Плетенбергомъ и внесла бы ее за все прошлое время. Дерптскій епископъ обязался уплатить недоимку въ три года, но вмѣсто недоимки прибыли его послы для переговоровъ. Царь началъ готовиться къ войнѣ и запретилъ русскимъ купцамъ ѣздить въ Ливонію. Опять пріѣхали послы изъ Ливоніи, но Царь не принялъ ихъ даровъ, а Алексѣй Адашевъ и дьякъ Иванъ Михайловъ требовали дани. Согласились въ размѣрѣ ежегодной дани, въ уплатѣ денегъ за военныя издержки и написали договоръ, но вслѣдъ затѣмъ послы объявили, что съ ними денегъ нѣтъ. Говорятъ, что тогда Іоаннъ позвалъ ихъ къ столу, за которымъ имъ подавались только пустыя блюда. Русскіе вторгнулись въ Ливонію, отняли у нея 20 городовъ, въ томъ числѣ Нарву и Дерптъ, изъ которыхъ вывезли до 800 пушекъ. Страну, конечно, разорили. «*Твоя рать цѣла, а Ливонія вся пепелъ*» доносили Государю воеводы.

Прибытіе Ливонскихъ пословъ 1554

Договоръ съ Плетенбергомъ 1503

Вторичное принятіе Ливонскихъ пословъ 1557

Ливонія обратилась съ просьбами о заступничествѣ къ Швеціи, Даніи и Польшѣ *).

Вторженіе въ Ливонію 1558 22 Генв.

*) Густавъ Ваза Шведскій, Фридрикъ II Датскій, Сигизмундъ II Августъ.

Іоаннъ въ видѣ милости даровалъ Ливоніи трехлѣтнее перемиріе, но не вслѣдствіе ходатайства иностранныхъ Государей, а потому, что внѣшнія дѣла осложнялись со стороны Крыма. Девлетъ Гирей, еще недавно приславшій царю «*шертную грамоту*» съ объявленіемъ дружбы, хотѣлъ воспользоваться удобнымъ для грабежа временемъ и полагая, что война съ Ливоніею отвлекла всѣ Русскія войска къ сѣверу, ворвался въ ея южные предѣлы, но надежды крымскаго Хана не оправдались, — случилось даже совершенно обратное. Дьякъ Ржевскій, прибывъ изъ Москвы съ отрядомъ, сжегъ Исламъ-Кермень и разорилъ Очаковъ; литовскій вельможа князь Вишневецкій, на котораго напалъ Ханъ по удаленіи московскаго отряда, отбивался 24 дня въ своемъ укрѣпленіи на днѣпровскомъ островкѣ Хортицѣ и, наконецъ, прогналъ Орду, а въ слѣдующемъ году, Данило Адашевъ съ 5,000 ратниковъ опустошилъ Крымъ съ моря. Черкесскіе же князья завладѣли Темрюкомъ и Таманомъ, мѣстами древняго Тмутараканскаго княжества. Война была внесена въ самые улусы крымскаго Хана, причемъ многіе Русскіе освободились изъ плѣна. Принятый на службу Русскаго Царя, Вишневецкій, вмѣстѣ съ Сильвестромъ, совѣтовали Іоанну еще до похода Адашева покончить съ Крымомъ, охваченнымъ междоусобіемъ, но Іоаннъ, быть можетъ опасаясь завоеваніемъ Крыма не во время возстановить противъ себя Султана, ограничился полумѣрами.

Походъ Ржевскаго 1547

Вторженіе въ Крымъ 1558

Между тѣмъ магистръ Ливонскаго ордена Кетлеръ, заключивъ союзъ съ Польшею и на него разсчитывая, совершенно неожиданно нарушилъ перемиріе съ Россіею. Накинувшись врасплохъ на неосторожнаго воеводу Захарія Плещеева, онъ его разбилъ подъ Дерптомъ и осадилъ самый городъ, осада не удалась; онъ ее перенесъ на городъ Лайсу, но тутъ вышло еще хуже: горсть русскихъ, всего 400 человѣкъ, подъ начальствомъ стрѣлецкаго головы Кошкарева, отбивая приступы рыцарей, наносила имъ такой уронъ, что Кетлеръ возвратился въ Вендень съ большими потерями; между тѣмъ воеводы Иванъ Мстиславскій и Петръ Шуйскій, прибывъ съ 60,000 свѣжаго войска, овладѣли крѣпкимъ замкомъ Фелинъ и совершенно опустошили страну. Молодой магистръ Кетлеръ понялъ свою ошибку и съ согласія рыцарей, рижскаго епископа и ливонскихъ городовъ призналъ верховную власть Короля Сигизмунда II, оставляя за собою Курляндію и Семигалію съ титуломъ герцога и съ вассальною зависимостью отъ Польши. Тогда Рижскій архіепископъ поспѣшилъ признать покро-

Союзный договоръ Кетлера 1559

Паденіе Ливоніи 1561

вительство Швеціи, а островъ Эзель былъ проданъ своимъ архіепископомъ Королю Датскому Фридриху III, который его купилъ для своего брата Магнуса.

Смерть Анастасіи. Перемѣна въ Іоаннѣ. Но среди этихъ событій, когда Ливонія распадалась отъ московскихъ ударовъ, въ самой Москвѣ оказалось много неблагополучія. Царица Анастасія была больна и перепугъ отъ пожара на Арбатѣ до того дурно повліялъ на ея здоровье, что она умерла. Послѣ тринадцатилѣтняго супружества, Анастасія оставила послѣ себя въ живыхъ двухъ сыновей: Ивана и Ѳеодора. Смерть этой Царицы очень огорчила населеніе Москвы, среди котораго она пользовалась такимъ искреннимъ расположеніемъ, что нищіе въ день ея отпѣванія отказались отъ щедрыхъ похоронныхъ подаяній. Смерть Царицы Анастасіи 1560

Горе Іоанна казалось чрезвычайнымъ, онъ не могъ слѣдовать за гробомъ и его вели подъ руки.

Нѣсколько ранѣе этой потери Іоаннъ удалилъ отъ двора прежнихъ своихъ любимцевъ Сильвестра и Адашева *). Оба они никогда не были въ дружбѣ съ братьями Царицы, изъ за нихъ часто и съ нею враждовали, а это всегда оскорбляло Іоанна, при томъ же Сильвестръ сблизился со многими изъ тѣхъ бояръ, поведеніе которыхъ, во время болѣзни Іоанна, оставалось у него самымъ ѣдкимъ воспоминаніемъ; мало того, Сильвестръ всегда бралъ ихъ сторону. Не могъ также забыть Іоаннъ, что отецъ Адашева, Ѳедоръ, отказался первымъ отъ присяги его наслѣднику, — не мало досаждали Іоанну упорныя настоянія Сильвестра на непригодности воевать съ христіанскою Ливоніею, оставляя невѣрныхъ татаръ спокойно владѣть Крымомъ. Такой взглядъ бывшаго совѣтчика шелъ въ разрѣзъ со взглядомъ Царя, который не желалъ поднимать противъ себя могущественной Турціи изъ за отдаленнаго Крыма и предпочиталъ присоединеніе европейской Ливоніи всякому другому завоеванію. Но Сильвестръ ни въ чемъ не унимался и наконецъ охлажденіе къ нему Царя, перешло въ опалу. Удаленіе Сильвестра и Адашева 1550

Всѣми этими обстоятельствами Іоаннъ омрачался, бѣгство же Вишневецкаго, Черкасскихъ и др. и въ особенности измѣна любимца князя Андрея Курбскаго довершили несчастную перемѣну царскаго характера.

*) Сильвестръ былъ сосланъ сначала въ Кириловъ Бѣлозерскій Монастырь, а потомъ въ Соловки, а Адашевъ назначенъ воеводою въ одинъ изъ Ливонскихъ городовъ, гдѣ и умеръ.

Опричина. При такомъ ходѣ внутреннихъ дѣлъ, доносы умножались со дня на день, усиливались гоненія и казни, а съ ними и подозрительность Іоанна. Руководимый этимъ преобладающимъ чувствомъ, онъ наконецъ пришелъ къ заключенію. что ни онъ самъ, ни его семейство не могутъ болѣе полагаться на преданность окружающихъ и потому рѣшилъ заблаговременно принять мѣры къ огражденію своей безопасности. а въ случаѣ ихъ недостаточности вовсе оставить отечество. Съ этою цѣлью онъ сдѣлалъ поименный выборъ своей свиты отъ бояръ до дѣтей боярскихъ включительно. а 3 декабря отслуживъ литургію въ Успенскомъ соборѣ, оставилъ Москву и объ Рождествѣ прибылъ въ Александровскую слободу. Никто не отваживался спросить у Царя разъясненій, хотя всѣ недоумѣвали. — Наконецъ 3 января прибылъ въ Москву гонецъ отъ Іоанна IV, Константинъ Поливановъ, съ грамотами. Царь писалъ къ митрополиту. что онъ оставилъ царство изъ за скверной и нечестивой службы вельможъ и бояръ, наказывать которыхъ ему постоянно мѣшало *«печаловапіе»* (заступничество) духовенства, а потому. не желая долѣе терпѣть «ихъ измѣнныхъ дѣлъ». Царь думаетъ поселиться гдѣ Господь Богъ ему укажетъ. Другая царская грамота къ купцамъ, гостямъ и народу объявляла, что Царь къ нимъ милостивъ и нѣтъ на нихъ ни гнѣва, ни опалы.

Отъѣздъ Царя 1564

Когда содержаніе царскихъ грамотъ сдѣлалось извѣстнымъ, ужасъ овладѣлъ Москвою! Безъ различія званій бросились къ митрополиту съ требованіемъ, чтобы онъ ѣхалъ молить Царя не покидать Государства. *«Онъ намъ Владыка Богомъ данный, иного не видамъ; мы вси съ своими головами пдемъ за тобою бить челомъ Государю и плакаться»*. Изъ толпы громко высказывалось желаніе, чтобы Государь указалъ имъ своихъ лиходѣевъ и измѣнниковъ, тогда они сами ихъ казнятъ. Народная тревога такъ усиливалась, что митрополитъ Аѳанасій не счелъ благоразумнымъ оставлять Москву. Составилось посольство изъ высшаго духовенства, бояръ, окольничихъ, дворянъ, приказныхъ людей, купцовъ, мѣщанъ и двинулись въ путь прямо изъ палатъ митрополитовыхъ, не забѣгая даже къ себѣ домой. 5-го января Іоаннъ ихъ принялъ. Въ отвѣтъ на ихъ моленія онъ долго обвинялъ бояръ въ замыслахъ противъ него и его семейства и рѣшился взять *«свои Государства»*, но не иначе какъ съ условіемъ, чтобы не было ему *«докуки и стуженія»* за опалы и казни лиходѣевъ. Только 2 февраля возвратился Царь въ свою столицу. Въ короткое вре-

мя отсутствія, наружность его до того измѣнилась, что никто его не узнавалъ. Высокій станъ погнулся, густые волосы на головѣ и бородѣ выпали, выразительное лицо съ римскимъ носомъ болѣе не освѣщалось взглядомъ огненныхъ сѣрыхъ глазъ, они какъ бы потухли. Всѣмъ было ясно, что Царь испыталъ тяжкое душевное потрясеніе и сильно страдаетъ отъ какого-то нравственнаго недуга. Ожидали грозы и не напрасно!

3 февраля Іоаннъ IV, собравъ во дворцѣ духовенство, бояръ и другихъ, объявилъ имъ учрежденіе «*Опричнины*», новости неслыханной! Избранные изъ всѣхъ сословій въ опричнину, будутъ составлять его дворъ и тѣлохранителей и на первый разъ число ихъ опредѣлялось въ 1.000 человѣкъ. Изъ этихъ людей назначались чиновники для царскихъ услугъ въ качествѣ особыхъ дворецкихъ, казначеевъ, ключниковъ, дьяковъ приказныхъ, дѣтей боярскихъ, даже поваровъ, разныхъ слугъ и приспѣшниковъ. Для содержанія опричины отдѣлялись доходы съ 20 городовъ. Помѣстья въ этихъ городахъ отбирались у владѣльцевъ въ пользу опричниковъ, въ самой Москвѣ имъ было отдано нѣсколько улицъ, въ томъ числѣ Арбатская и половина Никитской; между этими двумя улицами на Неглинной, Царь приказалъ себѣ строить новый укрѣпленный дворецъ вмѣсто кремлевскаго и назначилъ себѣ 100,000 руб. изъ земскаго Приказа въ возмѣщеніе путевыхъ расходовъ. Наиболѣе же были удивлены всѣ, страннымъ раздѣленіемъ царства на опричнину и земство. Царь постановилъ, что опричнина останется подъ его непосредственнымъ вѣдѣніемъ, все остальное Государство получало названіе Земщины и поручалось управленію земскихъ бояръ, которые имѣли докладъ у Царя, только въ случаяхъ крайней важности. Эти мнимо-уполномоченные ничего не смѣли рѣшать безъ воли Іоанна, но онъ имъ тоже не довѣрялъ и потому главою надъ ними поставилъ крещеннаго татарина Симеона Бекбулатовича съ титуломъ «*князя всея Руси*». Такое небывалое княженіе просуществовало недолго.

4 февраля, Москва, вчера только удивленная неслыханнымъ учрежденіемъ, сегодня поражена была ужасомъ при видѣ князя Горбатаго-Шуйскаго, участника покоренія Казани, объ руку идущимъ на казнь съ своимъ семнадцатилѣтнимъ сыномъ, по нелѣпому обвиненію въ умыслахъ противъ Царя, покойной Царицы Анастасіи и ея дѣтей *). Эти двѣ жертвы клеветы и по-

*) Не желая видѣть казнь отца, сынъ поспѣшилъ положить голову подъ сѣкиру палача, но князь Александръ отвелъ его отъ плахи, сказавъ: „*да не зрю тебя мерт-*

дозрительности Іоанна, открыли путь длинному ряду своихъ невольныхъ послѣдователей. но до поры Грозный потребовалъ только поручителей за вѣрность нѣкоторыхъ бояръ. а духовенство уже не смѣло *«печаловиться»* за опальныхъ. Но неспокойно себя чувствовалъ Іоаннъ во дворцѣ на Неглинной: всюду мерещились ему крамолы и онъ переѣхалъ въ Александровскую слободу, быстро превратившуюся въ богатый, укрѣпленный городъ.

Безчисленныя казни по подозрѣнію, сомнѣнія въ справедливости своихъ подозрѣній, неукротимая злоба противъ мнимыхъ враговъ и страхъ загробной отвѣтственности привели болѣзненнаго духомъ Іоанна къ крайней религіозности, повидимому несовмѣстимой съ его жестокостію.

Изъ своихъ выборныхъ опричниковъ онъ учредилъ *«братію»*, назвавъ себя Игуменомъ, князя Афанасія Вяземскаго Келаремъ, Малюту Скуратова Параекклисіархомъ (пономаремъ) и даже хотѣлъ обратить дворецъ въ монастырь. Во время *«братской трапезы»* Іоаннъ, не принимая въ ней участія, обыкновенно читалъ братіи житіе Святаго на настоящій день. Неуклонно соблюдались посты и церковныя установленія, но казни все же продолжались своимъ чередомъ.

Опричники давали Царю особую присягу доносить ему обо всемъ, не ѣсть и не пить съ земскими людьми. Съ собою они возили у сѣделъ собачьи головы и метлы какъ знаки, что они грызутъ царскихъ лиходѣевъ и выметаютъ ихъ изъ Царства. Обида опричнику считалась обидою самому Іоанну и ихъ доносы принимались за безспорное доказательство. Число опричниковъ потомъ возросло до 6000 и заслуженная ими народная ненависть прокляла изъ названіемъ *«кромышниковъ»*.

Къ числу знаменитѣйшихъ жертвъ этого времени, неповинно пострадавшихъ отъ гнѣва Іоанна, несомнѣнно долженъ быть причисленъ митрополитъ Св. Филиппъ изъ знатнаго рода бояръ Колычевыхъ. Тридцати лѣтъ удалившись въ Соловецкій монастырь, онъ все свое большое состояніе пожертвовалъ для устройства жителей на монастырскихъ земляхъ. Подъ рукою Игумена Филиппа, замѣчательно искуснаго хозяина, край процвѣталъ и среди его населенія исчезло пьянство, тунеядство и воровство. Филиппа знали вездѣ и потому, когда на немъ остановился вы-

---

ваго". Отсѣченную голову отца сынъ поцѣловалъ какъ святыню, взглянулъ на небо и умеръ безъ признаковъ страха.

борь Царя, то этому не радовался только самъ Филиппъ. Онъ требовалъ уничтоженія опричины, говоря царю словами Господа: *«аще царство раздѣлится, запустѣетъ»*. Іоаннъ только гнѣвался! Наконецъ Св. Филиппъ подчинился назначенію, но ставши во главѣ церкви, онъ теперь считалъ сугубымъ для себя грѣхомъ бездѣйствовать противъ злодѣяній опричины, а потому столкновеніе съ Царемъ было неминуемо и кончилось гибелью митрополита. Въ день Архангела Михаила, 8 ноября, когда онъ въ полномъ облаченіи, готовился начать обѣдню въ храмѣ Успенія, туда явился боярин Алексѣй Басмановъ, прочелъ предъ народомъ низложеніе Филиппа. Соборомъ епископовъ, приказалъ сорвать съ него одежду и знаки его сана, заковать въ колодки и метлами гнать изъ Собора до приготовленной для него телѣги. Филиппъ былъ предварительно отправленъ на заточеніе въ Отрочь-Монастырь, гдѣ впослѣдствіи былъ задушенъ опричникомъ Малютою-Скуратовымъ, который объявилъ монахамъ, что Филиппъ умеръ отъ угара. Смерть св. Филиппа 1569

Послѣ этого низложенія, грозный Царь призвалъ въ Александровскую слободу двоюроднаго своего брата князя Владиміра Андреевича и заставилъ его вмѣстѣ съ женою и сыновьями принять ядъ. Князя подозрѣвали въ намѣреніи бѣжать къ польскому Королю, но Малюта Скуратовъ и Василій Грязной обвинили его въ умыслахъ противъ Царя и въ томъ, что онъ съ этою цѣлью подкупалъ царскаго повара. Не менѣе круто обошелся Царь и съ цѣлымъ Новгородомъ, когда получился извѣтъ, будто Новгородскій архіепископъ со множествомъ жителей замышляютъ отдаться подъ Литву. Царь пошелъ на Новгородъ чуть не съ арміею. Казни начались съ духовенства и продолжались въ теченіе пяти недѣль безъ пощады пола и возраста. О числѣ жертвъ говорится разно, но наиболѣе скромная цифра опредѣляетъ его въ 1015, при чемъ сдѣлана помѣтка *«ихъ же Ты Господи, вѣси»*. Смерть Владиміра Андреевича 1569

Разгромъ Новгорода 1570

Но нигдѣ и ни въ чемъ не встрѣчалъ Іоаннъ самомалѣйшаго сопротивленія своимъ повелѣніямъ. Никакая подозрительность не могла выдержать борьбы съ выраженіемъ такой преданности къ Самодержавію и отмѣнилъ Царь Іоаннъ ненавистную опричнину, снялъ опалу съ Земщины и стала она по прежнему именоваться своимъ славнымъ именемъ Россіи.

Война съ Польшею, Турціею и Крымомъ. Суровое, страстное и постоянное преслѣдованіе крамолы не отвлекло зоркаго вниманія Царя отъ Запада. Магистръ Кетлеръ, уступая Сигиз-

мунду II Августу Ливонію, на половину завоеванную Русскими, такъ сказать, втянулъ Россію въ войну съ Польшею и соединенною съ нею Литвою. Сватовство Іоанна на Екатеринѣ, младшей сестрѣ Сигизмунда II Августа, не могло отклонить войны, потому что Король потребовалъ ранѣе утвержденія брачнаго договора уступки ему Новгорода, Пскова, Смоленска и Сѣверской земли.

Борьба открылась, по обычаю того времени, опустошеніемъ непріятельской земли и Ливонію не пощадили, но вообще война слабо поддерживалась съ обѣихъ сторонъ. Главныя силы польскаго Короля разбились по Ливонскимъ крѣпостямъ, только небольшіе отряды бродили въ полѣ, а Іоаннъ, опасаясь крымцовъ, держалъ полки на югѣ Россіи. Со стороны Литовскихъ вельможъ начались было мирные переговоры, но королевскіе послы въ Москву не явились и потому когда крымскій Ханъ былъ прогнанъ изъ подъ Мценска, то Іоаннъ, не только отказавшійся отъ намѣренія породниться съ Сигизмундомъ, но уже женившійся на Маріи, дочери Черкесскаго князя Темрюка, немедленно выступилъ въ Ливонію, лично предводительствуя арміею въ 360,000 при 200 орудіяхъ *).

Походъ на Литву

1563 31 января Царь осадилъ Полоцкъ, который сдался черезъ двѣ недѣли. Пощады городу не было и не только казна, даже частное имущество гражданъ поступило въ собственность побѣдителя. Латинскія Церкви были разорены, евреи, упорствовавшіе въ принятіи крещенія, утоплены; только однимъ иноземнымъ воинамъ оказана была милость, выдали имъ пропускъ и даже шубы. Царь назвалъ себя Великимъ Княземъ Полоцкимъ и писалъ митрополиту Аѳанасію, что исполняется пророчество Св. Петра Іоанну I Даниловичу Калитѣ: «*Москва вознесетъ руки свои на плещи враговъ ея*». Паденіе многолюднаго и крѣпко укрѣпленнаго Полоцка такъ встревожило Короля и пановъ, что даже побѣда надъ Русскими не вдалекѣ отъ Орши не расположила Поляковъ продолжать войну и они предложили перемиріе съ уступкою всѣхъ городовъ и земель, занятыхъ Русскими. Лично Іоаннъ ограничился пожалованіемъ Литвѣ перемирія только на 6 мѣсяцевъ, въ остальномъ рѣшать вопросъ о мирѣ и войнѣ, предоставилъ собору, для этого созванному изъ Духовенства, бояръ, дворянъ, дьяковъ, московскихъ купцовъ и лучшихъ жителей литовскихъ

*) 280,000 дѣйствующей арміи и 80,000 обозныхъ.

границъ. Соборъ положилъ просить Царя «*добывать всю Ливонію оружіемъ*», но Ливонію однакоже не добыли и перемиріе было заключено на три года. Перемиріе 1570

Между тѣмъ, глава Магометанъ, турецкій Султанъ Селимъ. сынъ Солимана Великаго. увлекаясь взглядомъ своихъ предшественниковъ и подстрекаемый польскимъ Королемъ, задался непремѣннымъ намѣреніемъ отнять у Русскихъ Казань и Астрахань. По его повелѣнію къ предѣламъ Россіи выступилъ 31 мая паша Касимъ во главѣ 15,000 спаговъ и 2000 янычаръ, къ которымъ на пути присоединились 50,000 татаръ. Турки должны были соединить каналами Донъ съ Волгою по переволоку, гдѣ эти рѣки сближаются, и Азовское море съ Каспійскимъ, взять Астрахань и построить въ тѣхъ мѣстахъ крѣпость. Началось безумное рытье канала, но напрасно истомивъ войско. которое вдобавокъ волновалось отъ нежеланія зимовать въ степяхъ. Касимъ, услыхавъ о вступленіи князя Серебрянаго въ Астрахань. не пожелалъ съ нимъ встрѣтиться и торопливо пошелъ обратно. Іоаннъ IV не желалъ войны съ Султаномъ, отъ котораго крымскій Ханъ находился въ зависимости, а потому дворянинъ Новосильцевъ ѣздилъ поздравлять Селима съ воцареніемъ. Доказывая Султану вѣротерпимость Русскихъ, посолъ, предлагая дружбу Москвы. соглашался срыть нашу новую крѣпость въ Кабардѣ. но Султанъ требовалъ Астрахани и Казани или чтобы Іоаннъ IV обязался ему платежомъ дани. Такое нелѣпое предложеніе конечно осталось безъ отвѣта. Въ тоже время Крымскій Ханъ. увѣряя Царя, что онъ умышленно истомлялъ Турецкую армію движеніями по самымъ неудобнымъ степнымъ мѣстамъ, съ тѣмъ вмѣстѣ тайно сносился съ русскими измѣнниками и убѣдившись, что войска Іоанна сосредоточены въ Литвѣ. остальныя же раздѣлены по крѣпостямъ, явился врасплохъ передъ Москвою во главѣ 120.000 войска. Походъ Касима 1569 Вторженіе Хана 1571

Со всѣхъ мѣстъ сельское населеніе, спасаясь отъ Крымцовъ, направлялось подъ защиту Москвы и такимъ образомъ въ огромномъ числѣ собралось въ ея предмѣстьяхъ. Въ день Вознесенія. 24 мая, началась осада и Ханъ приказалъ зажечь эти предмѣстья. Въ тихое и ясное утро поднялся вихрь; отъ раскаленнаго воздуха и въ три часа времени отъ Москвы уцѣлѣлъ одинъ каменный Кремль, гдѣ въ церкви Богоматери укрылся митрополитъ Кириллъ со святынями и казною.

Говорятъ, что при этомъ пожарѣ погибло до 800 тысячъ человѣкъ, — сгорѣлъ конечно и Арбатскій дворецъ Іоанна, но татары въ этомъ огнѣ тоже ни чѣмъ не поживились. Девлетъ-Гирей не рѣшился осаждать Кремль и обозрѣвъ въ высоты Воробьевыхъ горъ кучи дымящагося пепла на пространствѣ 30 верстъ, повернулъ въ Крымъ, куда пригналъ болѣе 100,000 русскихъ плѣнныхъ.

Въ слѣдующемъ году Ханъ съ такою же вооруженною силою повторилъ свое нашествіе, но Русскіе хотя много уступали татарамъ въ численности, смѣло вступили съ ними въ бой и подъ начальствомъ Князя Воротынскаго разгромили невѣрныхъ на берегахъ Лопасни. Татары потеряли весь обозъ, даже Ханское знамя и по возвращеніи въ Крымъ не досчитывались до 100,000 изъ своихъ. Отмщеніе утвердило подданство Астрахани и Казани и татары унялись надолго.

Бѣдствіе Москвы не осталось однакоже и безъ нѣкоторыхъ хорошихъ послѣдствій. Въ южныхъ предѣлахъ Государства и вообще на окраинахъ возникла сторожевая служба, а затѣмъ появились города: Веневъ, Епифань, Чернь, Данковъ, Тетюши, Арзамасъ, Рязскъ, Чебоксары, Волховъ, Орелъ и др.

Смерть Сигизмунда II Августа 1572

Борьба съ Баторіемъ и Шведами. Король Магнусъ. Новый Бракъ Царя. Бракъ Царевича Ѳеодора. Самоубійство. Между тѣмъ послѣдній изъ Ягеллоновъ, бездѣтный Сигизмундъ II Августъ умеръ, и соединенная Польша Литва предложила Іоанну дать ей своего втораго сына Ѳедора въ Короли, но Іоаннъ болѣе всего соблазнялся собственнымъ желаніемъ сдѣлаться Великимъ Княземъ Литовскимъ, гдѣ еще православіе не было вытѣснено католичествомъ. Переговоры по этому вопросу не привели ни къ чему и на Польскій престолъ избранъ былъ Французскій Принцъ Генрихъ д'Анжу. Мало способный, притомъ не зная другаго языка кромѣ своего отечественнаго, развѣ кое-что по итальянски.

Избраніе Генриха д'Анжу 1574

Генрихъ проскучалъ въ Польшѣ около четырехъ мѣсяцевъ и при первомъ извѣстіи о смерти своего безцѣтнаго брата, Французскаго Короля Карла IX, тайно бѣжалъ 18 іюня изъ Кракова. Поляки избрали своимъ Королемъ Трансильванскаго Воеводу Баторія.

Избраніе Баторій 1575

Іоаннъ IV былъ этимъ избраніемъ недоволенъ и совершенно оскорбленъ тѣмъ, что Баторій въ сношеніяхъ съ нимъ осмѣливался называть его своимъ братомъ. Между ними легло взаимное нерасположеніе; — въ то же время Іоаннъ торопился покончить съ Ливоніею.

Лѣтъ пять ранѣе, Іоаннъ вызвалъ въ Москву владѣтеля острова Эзеля, Магнуса. и пышно его чествовалъ. Политическій смыслъ этого приглашенія заключался въ томъ, чтобы женивъ Магнуса на своей племянницѣ Евфиміи, дочери казненнаго Владиміра Андреевича. объявить его Ливонскимъ Королемъ. подъ верховною властію Московскаго Царя и такимъ образомъ обезпечить за Россіею свободныя сношенія съ Европою. Магнусъ возвратясь къ себѣ, плѣнялъ Ливонцевъ будущностію Ливонскаго Королевства и Русскіе, для осуществленія этого предположенія, осадили Ревель. принадлежавшій Шведамъ, но были отбиты*), Весною прибылъ въ Ливонію самъ Іоаннъ съ очень большимъ войскомъ. но направился не въ Шведскую. а въ Польскую Ливонію. Города сдавались Царю одинъ за другимъ. а Кокенгаузенъ. Роненбургъ. Вольмаръ. Вендень и др. сдались безъ сопротивленія Магнусу и признали его своимъ Королемъ, разсчитывая этимъ путемъ обезпечить себя отъ гнѣва Московскаго Царя. Магнусъ извѣстилъ Царя о своихъ успѣхахъ и въ качествѣ владѣтеля всей Ливоніи потребовалъ. чтобы Ливонскія земли были оставлены въ покоѣ. а ему возвращены всѣ захваченные города даже Юрьевъ (Дерптъ). Іоанну были извѣстны слухи о сношеніяхъ Магнуса съ панами.—теперь онъ убѣдился въ ихъ справедливости. Взявши Кокенгаузенъ. Іоаннъ велѣлъ казнить 50 нѣмцевъ изъ дружины Магнуса. а самому Магнусу писалъ. что онъ разрѣшилъ ему взять только одинъ Вендень. упрекалъ его въ безразсудности. грозилъ своею расправою и требовалъ послушанія или: *«иди за море въ свою землю. Могу отправить тебя и въ Низовъ»*.

Въ Кокенгаузенѣ Іоаннъ отдыхалъ два дня, и любя богословскіе диспуты милостиво бесѣдовалъ съ однимъ лютеранскимъ пасторомъ, котораго впрочемъ приказалъ было казнить за дерзкое сравненіе Лютера съ Апостоломъ Павломъ и наконецъ двинулся къ Вендену. Магнусъ боялся ѣхать къ Царю на встрѣчу и отправилъ къ нему двухъ пословъ. но пословъ высѣкли розгами и

---

*) Чухны, прежде ненавидѣвшіе бароновъ, теперь дрались противъ Русскихъ, а то, что они ихъ нещадно разоряли при каждомъ своемъ вторженіи и, начальникъ ихъ ополченія Ина Шенкенбергъ, прозванный за храбрость Аннибаломъ, не щадилъ ни одного Русскаго.

*) Русскіе послы говорили полякамъ: *Вашъ король Стефанъ не ровня намъ, Мало кого выберете вы себѣ въ Короли. Были слухи, что вы хотѣли посадить на королевство Яна Костку или Николая Радзивилла. Чтожъ, по вашему избранію намъ и этихъ считать братьями.*

приказали передать Магнусу, чтобы онъ немедленно явился. Магнусъ повиновался и встрѣтивши Царя, сошелъ съ лошади и бросился ему въ ноги. Назвавши Магнуса глупцемъ, Іоаннъ приказалъ запереть его въ одномъ пустомъ домѣ, гдѣ онъ провелъ нѣсколько дней на соломѣ, но былъ прощенъ.

Когда Іоаннъ возвратился въ Москву, Баторій, упрекая его въ нарушеніи мира, предложилъ дружбу, но съ тѣмъ вмѣстѣ требовалъ возврата всей Ливоніи и Русскихъ областей отъ Калуги до Чернигова и Двины. Іоаннъ, съ своей стороны величая Короля только сосѣдомъ, потребовалъ, чтобы Поляки не вступали въ Ливонію и Курляндію, возвратили Россіи Кіевъ, Каневъ, Витебскъ и другіе еще города, и называя Іоанна Царемъ, добавляли въ титулѣ Великій Князь Смоленскій и Полоцкій. Война возобновилась въ той же Ливоніи, но Магнусъ, женатый за смертью Евфиміи, на ея тринадцатилѣтней сестрѣ Маріи, не смотря на родство съ царемъ, передался Баторію Поляки вмѣстѣ со Шведами нанесли Русскимъ чувствительное пораженіе подъ Венденемъ. Гнѣвный Іоаннъ изготовлялся къ рѣшительному покоренію Ливоніи въ слѣдующемъ году и заранѣе отправилъ въ Псковъ *«тяжелый нарядъ»* (артилерію), назначенный для Ревеля, но непріятель, вопреки его предположеніямъ, появился уже на Русской землѣ и потому ходъ военныхъ дѣлъ принялъ другое направленіе.

Битва при Вендѣ 1578

Баторій сначала отобралъ Полоцкъ, въ слѣдующемъ году Великіе Луки, нѣсколько другихъ городовъ и затѣмъ крѣпость Островъ. Шведъ Делагарди тоже удачно дѣйствовалъ противъ Русскихъ въ Ливоніи. Наконецъ Баторій осадилъ Псковъ, но здѣсь остановились его успѣхи. Во время одного изъ приступовъ, *«Свинская башня»*, которою овладѣли Поляки, была взорвана и въ тотъ же моментъ Русскіе произвели стремительную вылазку. При этомъ взрывѣ Баторій разомъ потерялъ до 5.000 человѣкъ. Русскіе не принимали никакихъ переговоровъ во все время осады, но когда получилось воззваніе Баторія, прикрѣпленное къ пущенной стрѣлѣ, то съ такою же почтою отвѣчали Королю: *Мы не жиды, не предаемъ ни Христа, ни Царя ни Отечества. Тесни ни сушемъ, угрозъ не боимся»*.

Взятіе Полоцка 1579

Баторію нужны были подкрѣпленія, а сеймъ ихъ не давалъ и потому, поручивъ войска Замойскому, онъ уѣхалъ въ Варшаву*).

---

*) Замойскій послалъ къ защитнику Пскова Ивану Петровичу Шуйскому шкатулку и письмо будто отъ какого-то нѣмца Моллера, прежде служившаго Царю, съ

Исковъ отбился, но за то Шведы взяли Нарву, Иванъ-Городъ, Ямъ, Копорье.

Въ самое время этой войны, Царь отпраздновалъ свадьбу своего сына Феодора на Ирине Ѳеодоровне Годуновой, а самъ еще разъ женился на Марьѣ Ѳеодоровнѣ Нагой *).

Потеря многихъ городовъ съ бою дѣлала положеніе Москвы опаснымъ. Іоаннъ обратился къ Папѣ Григорію XIII съ предложеніемъ о посредничествѣ между имъ и Баторіемъ. Папа отправилъ къ Царю Іезуита Антонія Поссевина, который, не находя возможности привести Іоанна къ Латинству, явно держалъ сторону Баторія. Наконецъ перемиріе было заключено въ с. Киверова Гора на 10 лѣтъ, причемъ Русскіе уступили Полоцкъ и и всѣ свои завоеванія въ Ливоніи.

Уступка завоеваній въ Ливоніи 1582

Отъ временъ Св. Владиміра, около шестисотъ лѣтъ, Россія называла Ливонію своимъ владѣніемъ. Уступка Ливоніи казалась Русскимъ несносною обидою и Царевичъ Іоаннъ потребовалъ у отца войска для ея возвращенія, но Царь, знавшій общее сожалѣзнованіе о Ливоніи, не снесъ такого укора и въ гнѣвѣ такъ неосторожно ударилъ сына жезломъ въ голову, что тотъ упалъ. Въ грозномъ Царѣ, въ жестокомъ человѣкѣ пробудился отецъ. Бросившись поднимать сына, Іоаннъ цѣловалъ его руки, плакалъ, рвалъ на себѣ волосы, звалъ докторовъ, давалъ обѣты Богу и людямъ, но ничто не помогло и Царевичъ умеръ четыре дня спустя, 19 ноября **). Мрачное отчаяніе отца только на похоронахъ сына разрѣшилось спасительными рыданіями и хотя Іоаннъ Васильевичъ бился въ скорбяхъ о гробъ и землю, но его здоровье было спасено.

Завованіе Сибири. Двадцать четыре года продолжалась Ливонская война и окончилась неудачно, но временная потеря Ливонскихъ земель чрезвычайно вознаградилась пріобрѣтеніемъ на вѣчно, богатой и громадной Сибири.

просьбою вынуть золото и соблюсти до его прихода. Догадались, что значитъ эта посылка, и когда мастеръ вскрылъ ящикъ, то въ немъ нашли пищали, приготовленныя для взрыва.

*) Посаженымъ отцомъ Царя былъ его сынъ Ѳеодоръ, а дружками со стороны жениха Кн. Василій Ивановичъ Шуйскій, а со стороны невѣсты Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, всѣ будущіе Цари Московскіе.

**) Борисъ Годуновъ, тутъ же случившійся, получилъ нѣсколько ранъ. Іоаннъ навѣстилъ Годунова, котораго Ѳедоръ Нагой оклеветалъ въ притворствѣ. Тамъ Царь засталъ врача Строгонова, которому за искусство леченія далъ право называться полнымъ отчествомъ „вичемъ», высокая тогда милость, и приказалъ поставить вичемъ не недужному тестю такія же заволоки, какія онъ видѣлъ у больнаго.

Хотя Западная Сибирь находилась въ зависимости отъ Россіи еще со времень Іоанна III, но зависимость эта была такою слабою, что сибирскіе Татары не боялись дѣлать набѣги на Пермскую и другія восточныя области Россіи по Волгѣ, а потому Іоаннъ IV всегда покровительствовалъ переселеніямъ изъ Россіи въ стени между Двиною и Камою. Онъ не только разрѣшилъ двумъ братьямъ — промышленникамъ Строгоновымъ, занять берегъ Камы на 146 верстъ, съ обязательствомъ поставить городокъ, приманить туда людей, завести хлѣбопашество и соляныя варницы, но нѣсколько лѣтъ спустя жаловалъ ихъ чрезвычайною грамотою на право переходить Уралъ, вести войну съ измѣнникомъ Кучумомъ (данникомъ Іоанна), выдѣлывать желѣзо, мѣдь, олово, свинецъ, сѣру и безпошлинно торговать съ Бухарцами и Киргизами*).

Строгоновъ получилъ берегъ Камы 1558

Новая грамота 1574

Въ тѣхъ мѣстахъ ходила тогда громкая слава объ удальствѣ Волжскихъ Атамановъ, Ермака Тимофеевича и одного опальнаго Ивана Кольцо, который былъ осужденъ Іоанномъ на смерть. Строгоновы предложили имъ, а также атаманамъ Никитѣ Пану и Ивану Мещеряку, сдѣлаться воинами «Царя Бѣлаго». Суровые Атаманы даже прослезились отъ этой надежды. Снабженные оружіемъ и пушками, они пошли на Сибирскаго Султана съ ратью въ 850 человѣкъ**). Совершая путь по рѣкамъ и переволокамъ, Ермакъ, углубившись до такъ называемаго Сибирскаго пути, построилъ тамъ небольшое земляное укрѣпленіе, которое назвалъ Кокуй-Городкомъ. Казаки, наводя на дикарей паническій ужасъ громомъ выстрѣловъ, легко побѣждали улусныхъ князьковъ, наконецъ подобрались къ самому Хану Кучюму и 26 октября овладѣли его столицею Искеръ или Сибирь. Племянникъ Кучюма, храбрый Махметкулъ, наиболѣе тревожилъ Русскихъ удальцовъ своими нападеніями, но при одномъ изъ нихъ взятъ былъ въ плѣнъ.— впослѣдствіи переданъ царскимъ воеводамъ и отправленъ въ Москву, гдѣ принялъ Царскую службу.

Взятіе Искера 1581

Все слѣдующее лѣто Ермакъ употребилъ на распространеніе власти въ городкахъ и улусахъ по Иртышу и Оби и, наконецъ, послалъ Ивана Кольцо въ Москву съ челобитною къ Царю о по-

---

*) Богатые Строгоновы принимали участіе въ выкупѣ изъ плѣна Василія II Темнаго.

**) По Карамзину — 540 челов. По Соловьеву — 850. По Строгоновск. и Есиповск. л. 540. По Ремизовск. у Ермака на Волгѣ было 7000 ч.

велѣніи принять отъ него Сибирскія царства. Іоаннъ щедро наградилъ прибывшихъ казаковъ, Ермаку пожаловалъ кольчугу и свою шубу, а для принятія сибирскихъ городовъ послалъ туда воеводъ съ отрядами войска.

Ермакъ *) устраивалъ покоренныя земли какъ могъ, и очень заботился о безпрепятственномъ путешествіи торговыхъ караванов. Прослышавъ объ одномъ бухарскомъ караванѣ, на который самъ Кучюмъ хотѣлъ учинить нападеніе, Ермакъ съ 50 товарищами отправился ему на встрѣчу. Не дождавшись каравана въ цѣлый день, утомленные казаки, расположившись на ночлегъ, крѣпко заснули.—Кучюмъ же, подъ прикрытіемъ бурной и дождливой ночи, напалъ на нихъ врасплохъ. Ермакъ, видя гибель казаковъ, бросился къ своему стругу, который, по несчастію, стоялъ не у берега. Храброму атаману пришлось къ нему добираться вплавь; такъ онъ и сдѣлалъ, но тяжесть кольчуги и доспѣховъ мѣшали бороться съ волнами и онъ утонулъ. Гибель Ермака 1584

Между тѣмъ Царь болѣлъ. Уже 10-го марта, чувствуя себя нехорошо, онъ созвалъ бояръ и по завѣщанію объявилъ своего сына Ѳеодора отъ перваго брака съ Анастасіею наслѣдникомъ престола, а младенцу Димитрію отъ послѣдней супруги Маріи Ѳеодоровны Нагой назначилъ въ удѣлъ городъ Угличъ. Однажды, временное улучшеніе въ состояніи здоровья обмануло Іоанна самого, но 18 марта онъ неожиданно умеръ, приготовляясь играть въ шахматы съ Бѣльскимъ.

Іоаннъ IV Васильевичъ, прозванный Грознымъ, отличался рѣдкою памятью, зналъ наизусть библію, исторію отечественную, римскую и греческую. Себя онъ не считалъ тираномъ, но справедливымъ карателемъ враговъ и открыто высказывалъ такое убѣжденіе въ своей рѣчи и къ литовскимъ посламъ.

Соблюденіе царской чести увлекало Іоанна IV къ великимъ дѣламъ, но въ мелочахъ иногда переходило границы серьезнаго къ ней отношенія, напр., онъ велѣлъ изрубить бѣлаго слона, присланнаго ему въ даръ изъ Персіи, за то, что животное, заупрямившись, не преклонило предъ нимъ колѣнъ. Іоаннъ не терпѣлъ пьянства и народу дозволялось веселиться въ кабакахъ только на Рождество Христово и Святой недѣлѣ. Грубая лесть также

*) Ермакъ, въ переводѣ значилъ не имя собственное, а жерновой камень. Донской казакъ Василій Тимофѣевичъ былъ такъ прозванъ за физическую свою силу и твердость права.

не всегда находила въ немъ терпѣливаго слушателя. Однажды Юрій Барятинскій, котораго Іоаннъ выкупилъ изъ литовскаго плѣна, сталъ за обѣдомъ говорить, что Польскій Король трепещетъ предъ именемъ Іоанна. «Бѣдный Король», сказалъ царь и тутъ же изломалъ на льстецѣ свой посохъ въ мелкія щепы.

Кромѣ древней боярской Думы, Іоаннъ IV для скорѣйшаго хода дѣлъ учреждалъ Приказы, изъ которыхъ главными были посольскій, разрядный для воинскихъ дѣлъ, помѣстный, вѣдавшій землями, для раздачи служилымъ людямъ; казанскій Приказъ и др. Іоаннъ преслѣдовалъ мѣстничество, учредилъ постоянное войско, до него небывалое, значительно увеличилъ его численность, заботился о лучшемъ вооруженіи и раздѣлилъ его на полки по областямъ. Онъ же отмѣнилъ право духовныхъ и монастырей покупать вотчины и принимать даянія земли по душѣ. При немъ была заведена въ Москвѣ первая типографія. Первыми русскими мастерами были дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ, которые въ годъ открытія типографіи напечатали книгу Дѣяній Апостольскихъ, а потомъ Домострой—Сильвестра *), Степенную книгу и Макарьевскія Минеи, составленныя при жизни царя Іоанна IV Грознаго.

Первая Типографія 1563

Ѳеодоръ Іоанновичъ. (1584—1598).

Верховная Дума. Умирая. Іоаннъ IV учредилъ «верховную Думу» изъ пяти человѣкъ, въ помощь своему наслѣднику Ѳеодору, слабому тѣломъ и духомъ.

Членами этой думы назначены: князь Иванъ Мстиславскій, потомокъ литовскаго Гедимина. Никита Романовичъ Юрьевъ, дядя новаго Государя, князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, изъ Рюриковичей, любимецъ московскаго народа, который не забывалъ его защиты Пскова, князь Богданъ Бѣльскій, воспитатель царевича Димитрія по повелѣнію Іоаннаго Грознаго и братъ царицы Ирины, Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ.

*) Домострой выразилъ свои поученія главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: 1) како вѣровати; 2) како Царя чтити и вообще свѣтскую власть; 3) какъ чтити святительскій чинъ и вообще духовную власть; 4) како жити въ миру или наказъ о мірскомъ строеніи и 5) о домовомъ строеніи или хозяйственномъ. Возвышая родительскую власть до святости, онъ возлагаетъ на главу дома и нравственную отвѣтственность за все, чтобы въ домѣ ни случилось. Милость къ нищимъ Домостроя ставилъ высшею добродѣтелью.

Выборъ Іоанна Грознаго палъ на людей совершенно заслуженно пользовавшихся почетомъ и уваженіемъ, хотя Бѣльскаго народъ не любилъ; тѣмъ не менѣе, когда эти лица составили изъ себя верховное Правленіе, то ихъ личные виды не замедлили стать впереди государственной пользы и вредъ этого учрежденія скоро обнаружился.

Началомъ смутъ послужилъ удѣльный князь Углича, Димитрій, хотя и младенецъ.—но гдѣ удѣлъ, тамъ и сторонники удѣльнаго Князя.

Верховная Дума опасалась развитія происковъ со стороны Нагихъ и Бѣльскаго, а потому однимъ изъ первыхъ ея распоряженій было удаленіе вдовствующей царицы Маріи, вмѣстѣ съ сыномъ, царевичемъ Димитріемъ, въ Угличъ. Князь Бѣльскій, пѣстунъ малолѣтняго Димитрія, не пожелалъ за нимъ слѣдовать, предпочитая такому почетному изгнанію свое личное присутствіе въ верховной Думѣ. Такое поведеніе со стороны Бѣльскаго, человѣка ловкаго и его присутствіе въ Москвѣ и Думѣ мѣшало честолюбивымъ видамъ князей Шуйскихъ на объединеніе власти въ однѣхъ своихъ рукахъ. Положили отдѣлаться отъ Бѣльскаго такъ или иначе. Сначала по Москвѣ пошли слухи, неясные, неопредѣленные объ опасности, существующей противъ Государя, затѣмъ стало произноситься имя Бѣльскаго, какъ будто отравителя царя Іоанна IV. Ляпуновы и Кикины, приверженцы Шуйскихъ, тонко повели дѣло. Обманутый народъ заволновался въ такой степени, что, преслѣдуя Бѣльскаго, покушался стрѣлять изъ Царь-пушки по Флоровскимъ воротамъ Кремля, царскаго обиталища. Заправители народнаго смущенія быть можетъ и спохватились, что перешущено черезъ край, такъ какъ преданный народъ въ рвеніи охранить Государя оскорбилъ своимъ своевольствомъ священныя права его Самодержавія, но кроткій, болѣзненный Ѳеодоръ и не думалъ, и не желалъ обращаться къ какимъ бы то ни было крутымъ мѣрамъ. Въ ту минуту онъ былъ поглощенъ преобладающею мыслью спасти завѣдомо ему неповиннаго Бѣльскаго и осчастливленный возможностью укрыть его въ своей опочивальнѣ, выслалъ бояръ Мстиславскаго и Никиту Романовича *) для переговоровъ съ мятежниками, въ тысячу голосовъ требовавшихъ Бѣльскаго. Волненіе успокоилось, какъ только было

*) Никита Романовичъ вскорѣ былъ разбитъ параличемъ, не участвовалъ въ засѣданіяхъ „Думы“ и умеръ въ 1586 г.

объявлено о ссылкѣ Бѣльскаго, который немедленно и уѣхалъ; — но на воеводство въ Нижній-Новгородъ.

Годуновъ понялъ, что онъ также стоитъ на дорогѣ Шуйскихъ и слѣдовательно также ими обреченъ на гибель; видѣлъ изъ свѣжаго примѣра, что соперники по власти не остановятся ни передъ какими средствами, зналъ, что средства эти при правительственной слабости всегда найдутся въ народномъ своеволіи и что такимъ образомъ само Государство можетъ быть доведено до крайнихъ затрудненій. Онъ обратился къ своей сестрѣ, царицѣ Иринѣ.

Царь Ѳеодоръ, въ сознаніи своей слабости, не искалъ себѣ ни помощника, ни совѣтника, онъ просто желалъ передать тяжесть правленія въ надежныя руки. Такое задушевное настроеніе Царя при посредствѣ истинно любимой имъ Царицы, встрѣтившись съ честолюбіемъ близкаго родственника, умнаго и энергичнаго Бориса Годунова, естественно должно было окончиться взаимностью исполненія желаній.

Годуновъ—Правитель. 31 мая, по истеченіи шестинедѣльнаго срока послѣ смерти Іоанна IV, насталъ день коронованія Царя Ѳеодора. Царскія милости никого не обошли! Знаменитому защитнику Пскова, Ивану Петровичу Шуйскому, отданы были всѣ доходы этого города, но всѣ милости личныя и имущественныя, взятыя вмѣстѣ, совершенно стушевывались передъ тѣми, которыми воспользовался Борисъ Годуновъ. Мало, что онъ былъ возведенъ въ древній санъ «*конюшаго*», семнадцать лѣтъ до того никому не жалованный, назвать «*Великимъ ближнимъ Боярином*» и намѣстникомъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго, ему сверхъ того были предоставлены земли съ такимъ доходомъ, который безъ стѣсненія дозволилъ бы ему издержки на содержаніе 100,000 арміи. Никогда, ни одинъ вельможа въ Россіи не располагалъ такимъ богатствомъ, но, къ несчастію Россіи, 32-хъ лѣтній честолюбецъ и всѣмъ этимъ не удовольствовался.

Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, желая вполнѣ оправдать царское довѣріе по дѣламъ государственнаго управленія, совершенно успѣвалъ въ этомъ благомъ начинаніи. Наказавши за Московскіе безпорядки Лятуновыхъ, Нагихъ и другихъ народныхъ подстрекателей, онъ смѣстилъ прежнихъ служилыхъ людей, по крайней мѣрѣ главныхъ, какъ напр. намѣстниковъ, воеводъ, судей и замѣнилъ ихъ новыми, но сдѣлалъ это послѣ предварительной оцѣнки вреда или полезности каждаго изъ нихъ;

грозилъ служащимъ казнію за неправду и лихоимство, но за то во избѣжаніе соблазна по нуждѣ, удвоилъ имъ жалованье и принялъ военныя мѣры тамъ, гдѣ требовалось водворить государственное спокойствіе, но опять же избѣгая кровопролитія всюду, гдѣ можно было обойтись безъ крайнихъ мѣръ. Волненіе Черемисовъ въ Казанской области требовало человѣческихъ жертвъ, но Годуновъ достигъ умиротворенія края, убѣдивъ населеніе во всепрощеніи старыхъ грѣховъ отцомъ, новымъ Государемъ, если они ему принесутъ искреннее раскаяніе. Казанскіе старѣйшины немедленно прибыли въ Москву и поклялись въ сохраненіи вѣрности, а правитель, устранивъ такимъ образомъ помѣху, немедленно распорядился постройкою крѣпостей: Цывильска, Уржума, Санчурска, Царево-Кокшайска, Саратова, Царицына, какъ на горной, такъ и на луговой сторонѣ Волги. Кромѣ того, на сѣверѣ построился Архангельскъ, на югѣ Ливны, Курскъ и Воронежъ, а между городами устроились станицы.

Не получивъ еще тогда извѣстія о смерти Ермака Тимофеевича, но вѣрно догадываясь, что серьезнаго подкрѣпленія быть къ нему не откуда, Годуновъ послалъ въ Сибирь знатные отряды стрѣльцовъ съ воеводами, которые застали «*доблихъ*» казаковъ на пути своего превращенія изъ побѣдителей въ изгнанниковъ. Справедливо полагая, что завоеваніе да еще и отдаленной земли не можетъ быть упрочено за побѣдителями безъ гражданской связи, онъ объ ней очень заботился и усердно поощрялъ переселеніе въ Сибирь жителей внутреннихъ Русскихъ областей, и эти переселенцы создали города: Тобольскъ, Березовъ, Пелымъ *) и др.

Значеніе и власть Годунова возрастали со дня на день, но и зависть людей, слившихся во враждебную ему партію подъ главенствомъ князей Шуйскихъ, не оставалась безъ такого же возрастанія. Годуновъ всячески старался лично не раздражать враговъ. Старѣйшимъ уступалъ первыя мѣста въ Совѣтѣ, устроивалъ для нихъ разныя отличія, знаки царской милости, царскіе обѣды, на которые иногда не показывался, какъ бы не приглашенный, но всѣ чувствовали, что человѣкъ, принимающій у себя иностранныхъ пословъ, обмѣнивающійся перепискою и дарами съ государями Европы и Азіи, есть на самомъ дѣлѣ властелинъ **):

*) Около 1586 г. изъ Сибири было доставлено въ казну, кромѣ горностаевъ и бобровъ, еще 200,000 соболей, 10,000 черныхъ лисицъ и 500,000 бѣлокъ.

**) До Бориса Годунова, никто изъ русскихъ подданныхъ не пользовался такими правами.

Годуновъ имѣлъ полную возможность смирить своихъ враговъ ужасомъ, но этого онъ такъ не хотѣлъ, что предпочелъ примириться съ Шуйскими, сильными народнымъ къ нимъ расположеніемъ. Митрополитъ Діонисій взялся быть посредникомъ, но когда Иванъ Петровичъ Шуйскій вышелъ изъ его Кремлевскихъ палатъ съ веселымъ лицомъ и объявилъ народу о состоявшемся примиреніи, то изъ толпы отдѣлились два купца, говоря ему: *«князь Иванъ Петровичъ! Вы миритесь нашими головами: и намъ, и вамъ будетъ гибель отъ Бориса»*. Изъ этихъ словъ и народнаго участія къ дѣламъ Шуйскихъ, Годуновъ понялъ что враги умѣли глубоко посѣять личную къ нему нелюбовь въ народѣ и что въ его рукахъ осталось одно и послѣднее средство: - къ этому средству онъ и обратился. Оба купца, неодобрившіе примиреніе, исчезли въ ту же ночь неизвѣстно куда, но этимъ обиженные Шуйскіе, сочли мировую съ Годуновымъ нарушенною, а себя для борьбы съ нимъ совершенно свободными. Сила Годунова заключалась въ супружеской привязанности царя Осодора, женатаго на его сестрѣ, но какъ царственная чета оставалась бездѣтною, то на этомъ обстоятельствѣ построился очень опасный заговоръ противъ Царицы и правительства. Иванъ Петровичъ Шуйскій согласилъ митрополита, многихъ бояръ, съ нимъ же за одно стали Московскіе гости и купцы, бить Царю челомъ о разводѣ съ безплодною Царицею и эту челобитную подкрѣпить волненіемъ черни;--будущею же супругою Царя назначалась княжна Мстиславская, дочь бывшаго *«верховника»*, сосланнаго Годуновымъ и постриженнаго въ монахи. Но краснорѣчивый Діонисій, прозванный Грамматикомъ, не могъ оспорить Годунова, доказывавшаго ему безъ малѣйшаго признака раздраженія, что разводъ есть дѣло беззаконія, что царственная чета еще очень молода и проч. Послѣдовало новое примиреніе, при чемъ пострадала ни въ чемъ неповинная княжна Мстиславская, которую насильно постригли въ монахини.

Чтобы избавиться отъ опасныхъ соперниковъ, Годуновъ пользуясь временемъ затишья прибѣгнулъ къ ложнымъ доносамъ. Шуйскихъ обвинили въ измѣнѣ и сослали, а ихъ приверженцевъ пытали и казнили. Митрополитъ рѣшился говорить Царю о неправдахъ правителя, но за эти обличенія, кото-

*) Князя Ивана Мстиславскаго обвинили, будто онъ составилъ заговоръ противъ царскаго шурина, Бориса Годунова, съ намѣреніемъ его убить у себя на пиру.

рымъ не дали вѣры, онъ былъ низложенъ и заточенъ, а на его мѣсто призвали Ростовскаго архіепископа Іова, совершенно преданнаго Годунову.

Шуйскихъ Андрея и Ивана Петровичей удавили въ тюрьмѣ. Враждебная Годунову партія разсѣялась.

Въ это время никто не понималъ, почему забытую вдову короля Магнуса, Марію Владимировну, Годуновъ соблазнялъ переѣхать изъ Пильтена, гдѣ умеръ ея мужъ, въ Москву, вмѣстѣ съ ея двухлѣтнею дочерью. Когда же она наконецъ пріѣхала, то вмѣсто обѣщаннаго знатнаго жениха ей предложили на выборъ монастырь или тюрьму. Ребенокъ ея вскорѣ умеръ, а она лѣтъ черезъ восемь послѣ.

Вся заботливость правителя теперь обратилась на его сестру, Царицу Ирину, но эта заботливость была другая, и всевозможное добро постоянно творилось въ Россіи только именемъ Царицы Ирины. Такими путями дальновидный Борисъ Годуновъ подготовлялъ свою царственную будущность.

Сношенія съ Польшею. Смерть Баторія. Выборы Короля. Сапѣга, незадолго до смерти Короля Баторія, представляясь Царю, въ качествѣ посла, объявилъ за тайну, что Султанъ намѣренъ воевать Московское Государство. Запугиванію не повѣрили, за вѣсти благодарили, но послу оказали честь безъ ласки, т. е. приняли торжественно, но не пригласили къ царскому столу; въ переговорахъ съ нимъ не сдѣлали никакихъ уступокъ. тѣмъ болѣе Государь не отказался отъ титула ливонскаго князя. Сапѣга остался недоволенъ всѣмъ и всѣми. Баторій, непримиримый врагъ Россіи, грозилъ войною, прибывшихъ къ нему пословъ Троекурова и Безнина принялъ холодно, но когда рѣчь зашла о тѣсномъ союзѣ противъ крымскаго Хана, то онъ охотно выдалъ «*мирную грамоту*», и отправилъ въ Москву посломъ, литовца греческой вѣры Гарабурду, но съ такими предложеніями, которыя по неожиданности крайне изумили царскій совѣтъ.

Гарабурда говорилъ московскимъ боярамъ: «*мы съ вами братья единаго славянскаго племени, отчасти и единой вѣры, для чего намъ не имѣть единаго властителя? Но они смертны: мы готовы въ случаѣ Стефановой кончины присоединить Великое Княжество Литовское и Польшу къ державѣ Ѳеодора такъ, чтобы Краковъ считался съ Москвою, а Вильно съ Новымгородомъ, если въ случаѣ Ѳеодоровой смерти, обяжетесь признать Стефана Государемъ всея Россіи. Вотъ самый надежный способъ и нѣтъ*

ничего, чтобы утвердить тишину, незыблемое истинное дружество между Государствами». Донесли Царю и послѣ совѣщанія думы и духовенства, которымъ не по душѣ было приравниваніе Кракова къ Москвѣ, отвѣчали согласіемъ только на одинъ вѣчный миръ. Гарабурда не хотѣлъ о немъ и слышать безъ договора о будущемъ соединеніи Государствъ. Переговоры окончились совсѣмъ не такъ дружелюбно, какъ начались, и Стефанъ Баторій, если не поднялъ тогда же войны противъ Россіи, то единственно по недостатку денегъ, въ которыхъ сеймъ ему отказалъ.

Смерть Баторія 1586

По смерти Баторія при выборахъ Поляками новаго Короля, вопросъ о соединеніи Россіи, Литвы и Польши получилъ новую силу. Литовскіе вельможи совѣтовали боярамъ прислать пословъ съ деньгами на сеймъ въ Варшаву. Ѳеодоръ Іоаннович отправилъ Троекурова въ Варшаву съ 48 письмами къ духовнымъ и свѣтскимъ вельможамъ, но безъ даровъ. На шумныхъ королевскихъ выборахъ, даже вооруженная драка между избирателями не считалась рѣдкостью, а потому, во избѣжаніе безпорядковъ, рѣшили выставить въ полѣ характерные значки, по которымъ сторонники каждаго избираемаго могли бы не ошибаясь отличать его національность. Такимъ образомъ, на этихъ выборахъ московская шапка, нѣмецкая шляпа и селедка, служили для избирателей знаками Русскаго Царя, германскаго Императора и шведскаго принца Сигизмунда, выборъ котораго, какъ объединяющаго подъ своею властію Польшу и Швецію, былъ желательнымъ Москвѣ наименѣе.

Подъ московскою шапкою собралось такое множество народа, что ничтожное меньшинство шляпы и селедки, устыдясь такого перевѣса, тоже къ нему присоединилось, но когда дошло до переговоровъ съ католическимъ духовенствомъ и панами, то русскіе послы наткнулись на совершенно противное народному избранію. Русскимъ были немедленно предложены вопросы о томъ, согласится ли Царь на перемѣну религіи и будетъ ли писать въ своемъ титулѣ королевство польское выше Московскаго царства. Русскіе послы на эти наглые вопросы отвѣчали конечно отрицаніемъ и прибавили: «*Если бъ Римъ старый и Римъ новый или царствующій градъ Византія приложились къ намъ, то и древняго, славнаго ихъ имени Государь не поставилъ бы въ своемъ титулѣ выше Россіи*». Когда же паны намекнули о щедрости Императора за избраніе Максимиліана, давая этимъ понять, чего они желаютъ, то въ отвѣтъ услыхали: «*Если казна*

для васъ милье покоя христіанскаго, то знайте, что Государь не хочетъ быть купцомъ и за деньги ему не надобно ни доброжелателей, ни вашего королевства». Литовскіе вельможи утверждали, что *«нѣмецкій языкъ никогда славянску му добра не мыслитъ»*, но ихъ поддержка ни къ чему не привела и Сигизмундъ былъ избранъ Королемъ, а съ Россіею Польша заключила перемиріе на 15 лѣтъ. Избраніе Сигизмунда 1587

Учрежденіе патріаршества. Когда антіохійскій патріархъ Іоакимъ прибылъ въ Москву за *«милостынею»*, то царь Ѳеодоръ сообщилъ ему свою мысль и желаніе учредить патріаршество въ Россіи. Іоакиму очень понравилось это предложеніе и онъ передалъ его собору греческой церкви. Собору тоже понравилась идея о патріаршествѣ въ Россіи, и потому прибывшему въ Москву старшему константинопольскому патріарху Іереміи, Годуновъ предложилъ остаться Россійскимъ патріархомъ, но съ условіемъ, ему Іереміѣ жить во Владимірѣ въ виду того, что, не зная Русскаго языка, онъ не могъ быть наставникомъ Царя безъ посредства толмача. На самомъ же дѣлѣ такое условіе было поставлено потому, что разсчитывая на несомнѣнный отказъ Іереміи, Годуновъ оказывая уваженіе, первенствомъ къ нему обращенія съ предложеніемъ патріаршества, этимъ самымъ устранялъ въ немъ опаснаго врага отъ намѣченнаго избранника, преданнаго ему митрополита Іова, возвышеніе котораго въ глазахъ православной паствы было правителю необходимо. Іеремія дѣйствительно не принялъ Русскаго патріаршества, обусловленнаго жизнію вдали отъ Царя, но согласился посвятить въ патріархи Іова, изъ числа трехъ кандитатовъ, представленныхъ для царскаго выбора. Послѣ литургіи самъ Государь возложилъ на Іова патріаршіе знаки и подалъ ему жезлъ св. Петра митрополита. Пріѣздъ Іереміи 1588

Тогда же Царь соборно и съ двумя патріархами установилъ быть митрополитамъ въ Россіи: новгородскому, казанскому, ростовскому и крутицкому.

По прошествіи 110 лѣтъ Великій Петръ упразднилъ патріаршество.

Война со Швеціею и Крымомъ. Подданство Грузіи. Сношенія съ Турціею, Англіею и Австріею. Успѣхи сопровождали правленіе Годунова почти вездѣ и во внѣшней политикѣ. Война со Швеціею окончилась возвращеніемъ городовъ Яма, Ивань-Города и Копорья, отнятыхъ у Іоанна IV. Война со Швеціею 1590

Когда послѣ смерти Шведскаго Короля Іоанна прибылъ въ Стокгольмъ его сынъ, Польскій Король Сигизмундъ, то вмѣсто

Смерть шв. короля Іоанна 1592

объединенія подъ своею властію обоихъ государствъ онъ своимъ католическимъ фанатизмомъ только оттолкнулъ отъ себя шведовъ-лютеранъ, а за тѣмъ Шведы, пользуясь его возвращеніемъ въ Польшу, провозгласили Королемъ его дядю Карла. Вслѣдствіе этого ожидая возможной войны съ Поляками, Шведы заключили съ Россіею вѣчный миръ и пріобрѣтенія Царя Ѳеодора за нимъ и остались.

Вѣчный миръ Россіи со Швеціею 1595

Крымскій Ханъ Казы-Гирей, отбитый отъ Москвы, принужденъ былъ бѣжать, но въ слѣдующемъ затѣмъ году Крымцы сдѣлали набѣгъ и очень сильно разорили рязанскія, тульскія и каширскія земли. Царь Ѳеодоръ искалъ союза у Султана и не нашелъ, но цѣль этого исканія, обезпеченіе южныхъ предѣловъ Россіи отъ крымскихъ набѣговъ, была достигнута построеніемъ крѣпостей: Ливны, Кромъ, Воронежа, Бѣлгорода, Оскола и Валуйки. Города эти были вооружены пушками, а гарнизоны лѣтомъ высылали конные отряды для наблюденія за степью.

Набѣгъ Казы-Гирея на Москву 1591—1592

Турція не переставала злобно относиться къ Россіи изъ-за Казани и Астрахани. Это непріязненное настроеніе южнаго сосѣда побуждало Москву принять и утвердить за собою дружественный союзъ съ Персіею. Шахъ которой, Аббасъ Великій, находился съ Турціею въ открытыхъ враждебныхъ отношеніяхъ. Общность врага скрѣпляла этотъ союзъ, тѣмъ болѣе, что Шахъ Аббасъ, въ доказательство искренности своего расположенія къ Москвѣ, безспорно уступалъ намъ Иверію (Грузію), Князь которой, Александръ, самъ пожелалъ признать свое подданство Московскому Царю. Царь Ѳеодоръ, объявляя себя верховнымъ владыкою Иверіи, немедленно отправилъ военный отрядъ противъ ея врага, тарковскаго Хана Шевкала, а для исправленія въ Грузіи церковныхъ обрядовъ послалъ нѣсколькихъ монаховъ, іереевъ, иконописцевъ и принялъ титулъ: «*Государь земли иверской, грузинскихъ Царей и кабардинской земли, черкасскихъ и горскихъ Князей*».

Подданство Грузіи 1586

Отношенія къ Англіи были вполнѣ миролюбивыя. Королева Елизавета хлопотала о торговыхъ льготахъ для своихъ купцовъ, писала дружескія письма къ Царю Ѳеодору, Царицу Ирину называла кровною сестрою, и прислала ей доктора Якоби, рекомендуя его искусство по леченію женскихъ недуговъ, а Годунова

*) Въ этотъ походъ Русскіе возобновили брошенную козанами крѣпость Терскъ на р. Теренѣ.

называла своимъ кровнымъ пріятелемъ. Годуновъ былъ очень польщенъ ея вниманіемъ, но уступкамъ зналъ мѣру и признавъ за Англичанами право безпошлинной торговли, почти рѣзко отказалъ гордой Елисаветѣ въ ея домогательствѣ, о дарованіи монополіи учрежденному ею обществу «Лондонскихъ купцовъ».

Австрія не прекращала дружескихъ къ Россіею переговоровъ о союзѣ христіанскихъ государствъ, противъ могущественнаго Магометанства и по этому поводу, императоръ Рудольфъ просилъ денежной помощи на военныя издержки противъ Турціи. Ему отправили такое количество мѣховъ, что Богемскіе купцы и евреи оцѣнили ихъ стоимость въ восемь бочекъ золота, но когда прибылъ Австрійскій Посолъ Авраамъ, бургграфъ Додавскій съ объявленіемъ, что наши услуги должны еще выразиться въ посылкахъ Императору казны въ опредѣленномъ размѣрѣ, по установленнымъ срокамъ и то металломъ, а не мѣхами, которые Рудольфъ не можетъ выгодно продавать въ Европѣ, то ему отвѣтили, что безъ письменнаго обязательства со стороны Австріи, Москва на нее не намѣрена расточать сокровищъ свой земли и не будетъ, тѣмъ болѣе, что Австрія до сихъ поръ манила Русскихъ лишь однѣми обѣщаніями.

Убіеніе царевича Димитрія. Между тѣмъ царевичъ Димитрій подросталъ въ полномъ здоровьи, а здоровье Царя Ѳеодора день ото дня слабѣло. Борису Годунову было извѣстно, что Нагіе воспитываютъ царевича въ чувствахъ къ нему ненависти и мести и что за смертію царя Ѳеодора, самого его Бориса Годунова, нынѣ почти всемогущаго правителя, неминуемо ожидаетъ плаха, а потому выборъ между казнію преступника и шапкою Мономаха могъ ли быть сомнительнымъ?

Такимъ образомъ участь царевича Димитрія была рѣшена.

Но для преступленія, которое не могло не потрясти всего Государства, нужны были вѣрные соучастники. Борисъ Годуновъ искалъ ихъ между своими ближними и первымъ изъ нихъ, которому онъ открылся, былъ дворецкій Григорій Васильевичъ Годуновъ, но тотъ въ отвѣтъ на страшное откровеніе залился слезами, — его удалили изъ совѣта и поискали другихъ. Царскій дядька, Окольничій Лупъ Клешнинъ не заплакалъ и за золото и посулы нашелъ еще пособниковъ и исполнителей. Дьякъ Битяговскій съ сыномъ Даніломъ и племянникомъ Никитою Качаловымъ, мамка царевича, боярыня Василиса Волохова съ сыномъ Осипомъ взялись за дѣло. Начались опыты отравленія, но они

почему то не удавались Волоховой,—сама ли она теряла мужество въ рѣшительныя минуты или потому, что мать и Ирина Жданова, «кормилица» почти не разставались съ ребенкомъ и всегда кормили его изъ собственныхъ рукъ. Время однако же шло, заговоръ могъ быть нечаянно открытъ, а убійцы хорошо знали что въ этомъ случаѣ, ихъ судьею неумолимымъ явится самъ Годуновъ, тогда какъ исполнивши его волю, они могли разсчитывать только на его покровительство. Подъ вліяніемъ этой логики они рѣшились на открытое нападеніе.

Убійство царевича Димитрія 1591

15 мая въ полдень, когда Царица, вернувшись съ Царевичемъ изъ церкви, готовилась обѣдать, Василиса Волохова позвала Царевича гулять по двору и вывела его къ нижнему крыльцу. Первымъ подошелъ къ нему Осипъ Волоховъ, взялъ его за руку и спросилъ: «*Государь, у тебя новое ожерелье*»! «*Нѣтъ, старое*», отвѣчалъ ребенокъ, поднимая къ нему голову. Поворотъ головы былъ удобенъ и ударъ ножемъ по горлу тутъ же послѣдовалъ, но по странной случайности едва коснулся жертвы. Ножъ выпалъ изъ рукъ растерявшагося убійцы и онъ бросился бѣжать. Тогда Битяговскій и Качаловъ накинулись на девятилѣтняго беззащитнаго ребенка и его зарѣзали. Бѣгство не спасло преступниковъ отъ народной мести, которая разразилась надъ ними въ тотъ же часъ. Но требовалось слѣдствіе! Донесеніе въ Москву было немедленно отправлено съ гонцемъ отъ углицкаго городоваго приказчика и Борисъ Годуновъ также не замедлилъ послать слѣдователей для розыска про дѣло. Главнымъ слѣдователемъ назначался Василій Ивановичъ Шуйскій, всѣмъ извѣстный какъ личный врагъ Годунова, а его помощниками заговорщикъ окольничій Лупъ Клешнинъ и дьякъ Вылузгинъ. Назначеніе Шуйскаго должно было отклонить отъ Годунова всякое подозрѣніе въ соучастіи въ такомъ преступленіи, которое только ему одному могло принести пользу, но кажущіеся враги передъ тѣмъ помирились и породнились *).

Глубоко прорѣзанное горло Димитрія свидѣтельствовало о силѣ удара, но составленное Царю донесеніе сдѣлало другое открытіе, будто 12 мая въ среду Димитрій занемогъ падучею болѣзнью, а 15 мая въ субботу, играя ножемъ съ молодыми «*жильцами*» **) въ «*тычку*», самъ проткнулъ себѣ горло въ припадкѣ

*) Меньшой братъ Димитрій Васильевичъ Шуйскій женился на своячепицѣ Бориса Годунова и былъ пожалованъ саномъ боярина.

**) Дѣти боярскіе царевича.

чернаго недуга, долго бился о землю и потомъ умеръ. Слѣдователи кромѣ того обвинили Царицу Марію и брата ея Михайлу въ приказаніи убить будто ни въ чемъ неповинныхъ Битяговскихъ и Качалова.

Крутицкій митрополитъ Геласій отпѣлъ преставившагося Царевича Димитрія. Царицу насильно постригли, а Михайла Нагаго подвергли пыткѣ, но не допытались до желаемыхъ отвѣтовъ;— затѣмъ всѣхъ Нагихъ разослали по тюрьмамъ удаленныхъ городовъ. Убійцъ же Царевича, признанныхъ по слѣдствію жертвами народнаго недоразумѣнія, вынули изъ ямы, въ которую тѣла ихъ были брошены народомъ, и послѣ отпѣванія, предали землѣ «*съ великою честью*». Двѣсти гражданъ Углича были объявлены соучастниками въ убійствѣ Битяковскихъ и Качалова; многихъ изъ нихъ казнили смертью, другимъ отрѣзали языки, и чуть не всѣхъ остальныхъ жителей вывели на поселеніе въ Сибирь, въ городъ Пелымъ.

Соучастники Годунова и родственники убитыхъ Битяговскихъ и Качалова были щедро награждены, но одинъ изъ нихъ окольничій Клешнинъ не перенесъ укоровъ проснувшейся совѣсти и чрезъ нѣсколько лѣтъ умеръ схимникомъ.

Царь Ѳеодоръ искренно оплакалъ страдальческую кончину Царевича Димитрія.

Законъ о закрѣпленіи крестьянъ и слугъ. Крестьяне, пользуясь правомъ перехода отъ одного владѣльца къ другому, постоянно оставляли бѣднѣйшаго изъ нихъ для болѣе зажиточнаго или богатаго. Между тѣмъ войско составлялось изъ дворянъ и боярскихъ дѣтей, которые, вмѣсто жалованья, надѣлялись земельными участками и обязывались за эти надѣлы являться, по призыву правительства, не только вооруженными, но и на конѣ и съ извѣстнымъ числомъ своихъ ратниковъ, «*конны, людны и оружны*». Такимъ образомъ, всѣ средства дѣтей боярскихъ къ отправленію царской службы заключались въ доходности владѣній, а эта доходность никогда не была обезпечена при кочующихъ работникахъ. Новый указъ воспрещалъ крестьянамъ произвольное странствованіе и «*Холопій Приказъ*» выдавалъ владѣльцамъ земли кабалы на всѣхъ холопей и даже на вольныхъ людей, которые служили господамъ не менѣе шести мѣсяцевъ. Исключались одни отпущенники съ ихъ женами и дѣтьми. Впослѣдствіи, въ царствованіе Бориса Годунова, законъ этотъ былъ измѣненъ въ томъ отношеніи, что разрѣшался переходъ крестьянъ не толпою, не

болѣе какъ по два вдругъ, но ни въ какомъ случаѣ иначе, какъ только отъ «неизбыточнаго владѣльца къ другому неизбытному».

Смерть Царя Ѳеодора 1598

Рожденіе Царевны Ѳеодосіи. Смерть Ѳеодора. Избраніе Бориса Годунова. Годъ послѣ убіенія Царевича Димитрія, у Царя родилась дочь, Ѳеодосія, но умерла въ слѣдующемъ же году, а пять лѣтъ позже тихо и безболѣзненно скончался кроткій Царь Ѳеодоръ, со смертью котораго на престолѣ Россіи пресѣкся домъ Рюрика, царствовавшій 736 лѣтъ.

Народъ такъ печалился о его смерти, что по выраженію современника, каждый домъ отъ палатъ до хижины былъ «*домомъ плача*».

Умирая, Ѳеодоръ Іоанновичъ на вопросъ Іова: «Государь! Кому приказываешь царство, насъ сирыхъ и Царицу?», тихо отвѣтилъ: «*Въ царствѣ, въ васъ и въ моей Царицѣ волитъ Господь Всевышній... оставляю грамоту духовную*». По этой грамотѣ держава вручалась Иринѣ Ѳеодоровнѣ и Москва ей присягнула, но Царица отрекшись отъ міра выѣхала въ Новодѣвичій монастырь, и черезъ девять дней постриглась подъ именемъ Александры. Борисъ Годуновъ переѣхалъ въ тотъ же монастырь, плакалъ, молился вмѣстѣ съ огорченною сестрою и принялъ на себя видъ человѣка, презрѣвшаго мірскую суету. Но многочисленные его единомышленники иначе понимали трогательное смиреніе правителя и бодрствовали надъ недоумѣвающимъ народомъ.

Послѣ постриженія Царицы Ирины Ѳеодоровны именемъ которой правилось Государство во избѣжаніе междуцарствія, государственный дьякъ и печатникъ Щелкаловъ, предложилъ собравшемуся въ Кремлѣ духовенству, важнѣйшимъ чиновникамъ и гражданамъ Москвы, присягнуть на имя Боярской думы. Объ этомъ никто и слышать не хотѣлъ,—ссылались на присягу вдовствующей Царицѣ. Щелкаловъ посовѣтовавшись съ боярами снова началъ говорить народу, что Царица Ирина, инокиня и дѣлами міра уже не занимается и, что во избѣжаніе государственнаго крушенія необходимо присягнуть боярской думѣ: тогда въ толпѣ поднялся крикъ, чтобы въ такомъ случаѣ Ирина благословила на царство своего брата. Избранникъ, повидимому, крайне ужаснулся, когда митрополитъ Іовъ отъ имени Москвы предложилъ ему украситься шапкою Мономаха и на отрѣзъ отказался. Но зналъ Годуновъ, что Земскій Соборъ долженъ собраться черезъ шесть недѣль по смерти Царя: что не дремали его вѣрные люди всюду разосланные, и терпѣливо ждалъ своего избранія всею зем-

лею. Такое избраніе было неоспоримо законное и исключало всякую возможность боярскаго покушенія на ограниченіе власти Царя избираемаго.

17 февраля открылся Государственный Соборъ. По выраженію Карамзина, «*часъ опасный: кто избираетъ, тотъ даетъ власть*», но и въ этотъ опасный часъ ни одинъ голосъ не поднялся противъ патріарха, исчислявшаго заслуги и достоинства Бориса. Потомки Рюрика: Шуйскіе. Сицкіе. Воротынскіе. Телятевскіе, Ростовскіе и др. знали, что Соборъ въ большинствѣ состоитъ изъ людей, интересы которыхъ совпадали съ избраніемъ Бориса, знали, что это не искренній голосъ народа, а партія, и не смотря на это вмѣстѣ съ нею отправились въ Новодѣвичій монастырь молить правителя о томъ, чего вовсе не желали. Но Годуновъ и теперь отказался! Тогда 20 февраля, въ первый день Сырной недѣли, патріархъ, послѣ трехдневнаго поста всей Москвы, пошелъ въ Новодѣвичій монастырь крестнымъ ходомъ. Тамъ онъ, рыдая, заклиналъ Царицу благословить брата, кланялся земнымъ поклономъ со всѣмъ духовенствомъ, вельможами и боярами, а по поданному знаку весь народъ въ оградѣ монастыря и за оградою палъ на колѣни и воетъ. Говорятъ, что неусердныхъ въ воплях пристава грозили штрафомъ. Борисъ и тутъ еще упрямился, но наконецъ, и повидимому къ общей радости, настоятельность Царицы сломила его твердость въ отказахъ и его робость передъ правомъ повелѣвать Великому народу.

Борисъ Осодоровичъ Годуновъ. (1598—1605).

Борисъ Годуновъ—царь. Царь Борисъ на время отложилъ торжество своего вѣнчанія на царство и принялъ личное предводительство надъ арміею противъ крымскаго Хана, по донесеніямъ гонцовъ изъ окраинъ будто опять вторгнувшагося въ Россію. Такимъ великодушіемъ Борисъ показывалъ, что не существуетъ для него ничего выше народнаго благоденствія, но вмѣсто грозныхъ полчищъ Хана, въ дѣйствительности явились къ Царю подъ Серпуховымъ, послы Казы-Гирея съ предложеніемъ вѣчнаго мира.

*) Соборъ состоялся въ числѣ 474 человѣкъ, изъ которыхъ 90 принадлежали къ духовному званію и 272 къ классу служилыхъ людей. Духовные шли за патріархомъ, лично преданнымъ Борису,—служилые люди получили отъ правителя свои мѣста, слѣдовательно на долю народнаго голоса оставалась только четвертая часть избирателей.

Тревоги вооруженія и похода оказались напрасными. Но самоотверженіе Годунова расположило къ нему народъ тѣмъ болѣе, что до его времени Россія у себя еще не видала такой защиты, какую теперь ей представляла хорошо вооруженная армія въ 500,000, съ новинкою въ видѣ «*плавной*» или судовой рати. Да и армія никогда прежде, выходя на боевое поле, не находилась въ такомъ обезпеченномъ положеніи относительно продовольствія. Царь угощалъ ежедневными обѣдами не менѣе 10,000 человѣкъ, а въ день св. Петра и Павла, на обширныхъ лугахъ Оки, всѣ 500,000 пировали на царскій счетъ.

Личное громадное богатство Годунова дозволяло ему эту роскошь, и ратные люди, очарованные этимъ хлѣбосольствомъ, утверждали, что набѣгъ Хана не состоялся потому только, что, свѣдавъ о могуществѣ Царя, Ханъ предпочелъ замѣнить свой набѣгъ искреннимъ и мирнымъ посольствомъ. Москва встрѣтила Годунова по крайней мѣрѣ также торжественно, какъ Іоанна IV послѣ покоренія Казани.

Сношенія царя Бориса съ иностранными державами. Купюмъ. Царь Борисъ такъ же какъ и Іоаннъ IV внимательно слѣдилъ за Ливоніею и въ нѣкоторыхъ случаяхъ повторялъ пріемы Грознаго. Сознавая въ себѣ отсутствіе военнаго таланта, Годуновъ не любилъ войны вообще, но желая добиться отъ Швеціи уступки Нарвы, а отъ Польши хотя нѣкоторой части Ливоніи, онъ прибѣгнулъ къ любимому имъ дипломатическому искусству. Въ данномъ случаѣ оно не оказало ему никакой услуги. Своего дядю Карла, Сигизмундъ считалъ похитителемъ у него шведскаго престола; Карлъ это зналъ и оба Государя, другъ другу лично враждебные, искали въ московскомъ Царѣ союзника, но ни Сигизмундъ, ни Карлъ не попадались на словесныя заигриванія Бориса сойзить съ тѣмъ изъ нихъ, который болѣе окажетъ уступчивости при выдѣлахъ изъ своихъ владѣній.

Сколько по политическому взгляду на пріобрѣтеніе Ливоніи, столько же и по желанію придать своей династіи болѣе уступчивости, Годуновъ искалъ для своей дочери, красавицы Ксеніи, жениховъ между принцами царствующихъ домовъ въ Европѣ, имѣя въ виду поставить будущаго зятя вассальнымъ королемъ Ливоніи. Но изгнанникъ Густавъ, сынъ шведскаго Короля Эрика XIV, по прибытіи въ Москву отказался присоединиться къ греческой церкви и былъ удаленъ въ Угличъ, а братъ датскаго короля Христіана IV, принцъ Іоаннъ, который своимъ умомъ, любезнымъ

обращеніемъ и рѣдкою по тогдашнему времени образованностью очаровалъ всѣхъ Русскихъ, скончался въ Москвѣ на 20 году отъ роду. Въ честь его памяти Царь Борисъ далъ колокола вновь построенной церкви Аугсбургскаго исповѣданія, съ правомъ звонить по Воскресеньямъ.

Англійская Королева оказывала Годунову свое расположеніе и прежде, но это чувство получило гораздо болѣе искренности послѣ того, что царскій посланникъ Микулинъ принялъ личное участіе въ защитѣ королевы во время неудавшагося возмущенія лорда Эссекса. Тѣмъ не менѣе союзъ Англіи съ Россіею противъ Султана, не представляя Англичанамъ никакихъ особенныхъ выгодъ, не состоялся; утвердились одни торговыя сношенія, также какъ и съ Ганзою.

Крымскій Ханъ смирно теперь сидѣлъ въ своихъ Улусахъ. Личные его нелады съ Султаномъ и выростающія одна за другою крѣпости въ русскихъ степяхъ заставили его быть сговорчивымъ съ Русскими послами.

Въ Сибири еще жилъ и еще дѣйствовалъ Ханъ Кучюмъ. 1593
Воевода Воейковъ настигъ его на берегахъ Оби, разбилъ окончательно и взялъ въ плѣнъ всю его семью. Сожигая, чего нельзя было взять съ собою, Воейковъ не погнался за остатками бѣгущаго врага полагая, что Кучюмъ утонулъ, но ошибся. Наши воеводы отыскали его потомъ въ землѣ Чатской, но престарѣлый Кучюмъ не согласился ѣхать къ Московскому Царю, по слухамъ, ушелъ въ степи къ Ногаямъ и тамъ былъ убитъ.

Австрія вела переговоры съ Москвою на прежній ладъ. Императоръ Рудольфъ говоря о союзѣ противъ невѣрныхъ сообщалъ, что любя Царя онъ не желаетъ подвергать его случайностямъ войны и битвы, но все просилъ денегъ. Царь по немногу ссужалъ его казною, удерживалъ Казы-Гирея отъ набѣговъ на Венгрію и стараясь установить дружбу между Персіею и Рудольфомъ пропускалъ егоословъ къ Шахъ-Аббасу.

Знаменитый Шахъ-Аббасъ, въ знакъ особеннаго расположенія 1603
къ своему *«брату Московскому»*, прислалъ ему въ даръ золотой тронъ древнихъ Персидскихъ Государей. Но эта дружба вдругъ порвалалась изъ за той самой Грузіи, которую нѣсколько лѣтъ назадъ, тотъ же Шахъ безспорно уступилъ Царю Ѳеодору.

Грузинскій Царь Александръ, печалясь о несчастіяхъ своей страны, просилъ защиты у Царя отъ невѣрныхъ, но ему указали

на его собственныя сношенія съ Турціею. Тогда Александръ предложилъ укрѣпить союзъ Грузіи съ Россіею, постройкою русскихъ крѣпостей въ Таркахъ, Тузлукѣ и на рѣкѣ Буйнакѣ. Царь послалъ войско къ Терску и воеводѣ Михаилѣ Татищеву выдалъ 300.000 руб. на издержки похода. Изгнавъ Шевкала изъ Тарки, воеводы доносили въ Москву объ успѣхѣ, а отъ Царя Грузинскаго ожидали подмоги для покоренія всего Дагестана. Между тѣмъ Шахъ Аббасъ, давно примѣтившій, что въ его враждѣ съ Султаномъ, дѣйствительной помощи со стороны Москвы ожидать нечего. расчелъ что при такомъ положеніи дѣлъ всѣ его уступки Москвѣ ему же вредны, во всякомъ случаѣ безполезны и потому вызвалъ къ себѣ Александра уже не обращая никакого вниманія на его качество Русскаго данника. Царь Александръ возвратился въ сопровожденіи своего сына Константина, принявшаго въ Персіи магометанство и подъ начальствомъ котораго прибылъ въ Грузію отрядъ изъ 2000 лучшихъ персидскихъ наѣздниковъ. Эта свита должна была собрать всѣхъ Грузинскихъ воиновъ безъ остатка и вмѣстѣ идти немедленно къ Шемахѣ. Такимъ образомъ Русскіе лишались ожидаемой помощи. но Константину было дано и тайное повелѣніе, во исполненіе котораго среди дня, въ самомъ дворцѣ, были обезглавлены Александръ и другой его сынъ Юрій за союзъ съ Россіею, но подъ предлогомъ наказанія за союзъ съ Турціею. Константинъ убійца своего отца и брата объявилъ Татищеву. что онъ только временно остается подданнымъ Шаха. но на всегда другомъ Россіи и будетъ защищать Христіанъ.

Татищевъ немедленно уѣхавъ изъ Загема, объявивши измѣннику Константину, что нарушеніе дружбы съ Россіею Шахомъ. отюдь не измѣняетъ правъ Царя Русскаго на Грузію, но Русскіе. оставшись безъ ожидаемой помощи, были выбиты Турками изъ Тарки, а Кумыки перерѣзали ихъ во время отступленія. Погибло до 7000 воиновъ съ воеводами и Русское владычество въ этой странѣ утратилось.

Заботы Царя о просвѣщеніи. По предмету просвѣщенія у Царя Бориса Ѳеодоровича развернулись широкіе планы. Намѣреваясь завести школы и университеты, онъ послалъ въ Германію нѣмца Іоанна Крамера, добывать профессоровъ и Медиковъ. Одинъ ученый, Товія Лонціусъ, профессоръ правъ, восхищенный такими намѣреніями Бориса. писалъ къ нему изъ Германіи: *«Ваше Царское Величество хотите быть истиннымъ отцомъ*

Отечества и заслужить всемірную безсмертную славу». Но собственное Духовенство сильно возставало противъ стяженія безсмертной славы такими новшествами и представило Царю *«что разность языковъ можетъ произвести и разность въ мысляхъ, опасную для церкви, то во всякомъ случаѣ неблагоразумно ввѣрять ученіе юношества католикамъ и лютеранамъ»*. Подъ вліяніемъ такого взгляда пастырей церкви, Царь отказался отъ университетовъ, но посылалъ молодыхъ людей учиться языкамъ за границу, подобно тому какъ въ Москву пріѣзжали Англичане и Французы за изученіемъ русскаго языка. Царь вообще ласкалъ иностранцевъ, охотно принималъ ихъ на службу; иностранцы были въ свою очередь были ему искренно преданы. Многіе русскіе глядя на Царское расположеніе къ иностранцамъ, сами, по доброй волѣ, старались имъ подражать въ чемъ могли, но брадобритіемъ очень не угодили старообрядцамъ.

Начало смуты. Доносы и опалы. Все казалось покойнымъ въ Государствѣ и два первыхъ года царствованія Бориса Годунова протекли въ его неусыпныхъ трудахъ и радѣніи о народѣ, но роковая тайна смерти Царевича Димитрія, бременила его душу и создавала ему образы, возбуждающіе чрезвычайную мнительность у виновныхъ. Выраженіе такого печальнаго настроенія обнаружилось сначала въ отмѣнѣ древняго обычая принимать челобитныя въ опредѣленное время, а затѣмъ извѣстная наклонность къ преслѣдованіямъ у людей, охваченныхъ чувствомъ подозрительности, быстро развилась у смущеннаго Царя. Первою жертвою Годуновскихъ смущеній сдѣлался князь Бѣльскій, нѣкогда его другъ. Царь послалъ его строить въ степи новую крѣпость Борисовъ на берегу Донца Сѣверскаго. Богатый и тщеславный Бѣльскій щедро платилъ за работу, и потому его крѣпость построилась лучше и скорѣе другихъ, а Борису донесли, что онъ даже сказалъ: *«Борисъ-Царь въ Москвѣ, а я Царь въ Борисовѣ»*. Этого вздорнаго доноса было достаточно Годунову, чтобы у подозрительнаго Бѣльскаго отобрать имѣніе, самого его сослать, и приказать хирургу шотландцу Габріелю, выщипать у обвиненнаго всю его густую бороду.

Бѣльскій снесъ позоръ и оскорбленіе и дожилъ до дня возмездія, но до тѣхъ поръ клевета разнуздалась и посыпались къ Царю доносы со всѣхъ сторонъ! Знатность породы и личныя достоинства, въ особенности признанныя народомъ, вдругъ сдѣлались преступле-

ніями, а потому домъ Романовыхъ болѣе всѣхъ подвергся ничѣмъ незаслуженнымъ гоненіямъ. Предлогомъ къ ихъ обвиненію послужилъ ложный доносъ вельможи Семена Годунова, который съ помощью подкупа склонилъ казначея Романовыхъ, спрятать въ своей кладовой мѣшки съ кореньями и затѣмъ обвинить господъ въ составленіи ядовъ съ умысломъ на Царя. Приняли и такой извѣтъ,—нашли коренья по указанію въ кладовой и учинили немедленное осужденіе. Ѳедора Никитича Романова постригли въ иноки подъ именемъ Филарета, сослали въ Сійскую обитель Антонія и затѣмъ перестали допускать туда богомольцевъ; супругу его Ксенію Ивановну, урожденную Шестову, названную въ постриженіи Марѳою, отправили въ одинъ изъ Заонежскихъ погостовъ; шестилѣтняго ихъ сына Михаила (будущаго Царя) съ теткою и ея мужемъ княземъ Черкасскимъ—на Бѣлоозеро; Александра Никитича въ Усолье-Луду къ Бѣлому морю; Михаила Никитича въ Великую Пермь, въ Ныробскую волость; Ивана Никитича въ Нелымъ и Василія Никитича въ Яренскъ, откуда его вскорѣ перевезли къ Ивану разбитому параличемъ, а ближайшихъ родственниковъ Дома Романовыхъ разослали по разнымъ другимъ отдаленнымъ мѣстамъ, поручивъ надзоръ за ними всѣми особымъ приставамъ. Вотчины и помѣстья Романовыхъ были розданы разнымъ лицамъ, но дома и имущество отписаны на казну. Василій, Александръ и Михаилъ Никитичи Романовы вскорѣ умерли. Силачъ Михаилъ Никитичъ обремѣненный оковами въ два пуда вѣсомъ былъ посаженъ въ сырую и тѣсную землянку, хлѣбъ и вода составляли его пищу, но дѣти мѣстныхъ жителей, тайкомъ опускали ему въ дудкахъ квасъ, масло, медъ, словомъ все, что имѣли лучшаго. Оковы Михаила Никитича сохранялись въ Ныробской церкви, а надъ его могилою, въ 7 верстахъ отъ Чердыня выросли два большихъ кедра, посаженные неизвѣстною православною рукою. Участь безвинно сосланныхъ бояръ Романовыхъ, тѣхъ, которые пережили ссылку, была потомъ облегчена. Иванъ хотя оставался подъ надзоромъ, но въ Уфу былъ отправленъ на службу, безъ названія «*злодѣя*» и потомъ возвращенъ въ Москву; дѣти Ѳедора Никитича съ его сестрой, овдовѣвшею Марѳою Никитичною Черказкою, переселены въ отчину Романовыхъ Юрьевскаго уѣзда въ С. Клинъ, гдѣ отрокъ Михаилъ прожилъ до смерти Бориса Годунова, а Филарета Никитича посвятили въ Архимандриты. Ссылкою Романовыхъ не ограничились преслѣдованія между знатнѣйшими домами Россіи, а Мстислав-

скому и Василію Шуйскому, какъ потомкамъ Рюрика, дѣти которыхъ могли быть опасными соперниками, роду Годуновыхъ было запрещено вступать въ браки. Но кромѣ знатныхъ, преслѣдованію безъ вины подвергалось такое множество изъ всѣхъ классовъ народа, что неувѣренность за себя, за близкаго очень скоро обобщилась и породила почти поголовное неудовольствіе и недовѣріе къ Борису, которому теперь готовы были приписать всякое злодѣяніе. По словамъ келаря Палицына, подданные «*уже не любили Бориса*».

Голодъ. Въ разгаръ этихъ печальныхъ происшествій подошли годы страшнаго народнаго бѣдствія. Въ первый изъ нихъ, безпрерывные, проливные дожди весною, въ продолженіе десяти недѣль и жестокій, ранній морозъ (15 августа) совершенно истребили хлѣбъ и плоды въ большей части Россіи. Были еще запасы хорошаго зерна, но точно сговорились и почти вездѣ употребили на посѣвы тощее и недоброкачественное зерно послѣдняго урожая и новаго уже не увидали. Все погибло, а запасы въ конецъ истощились и насталъ голодъ неслыханный! Ѣли собакъ, кошекъ, падаль, даже мертвецовъ, а у этихъ въ самой Москвѣ, находили во рту траву и сѣно. Человѣческое мясо продавалось въ пирогахъ на рынкахъ! Душегубцевъ казнили, жгли, топили, но голодъ плодилъ новыя и новыя преступленія и они не уменьшались, а казни и наказанія только соединили крѣпкимъ союзомъ бѣглецовъ отъ суда да разнаго рода бѣдствующихъ съ дворянскими холопами, которыхъ выгоняли по недостатку продовольствія и съ холопами опальныхъ Романовыхъ, которыхъ по указу Царя никуда не принимали. Всѣ они направлялись въ Сѣверскую Украйну, прежнюю опасную границу отъ татаръ, и поэтому со временъ Іоанна IV, заселяемую людьми, въ большинствѣ приличившихся въ какомъ либо преступленіи или по чему либо другому потерявшими право гражданскаго существованія въ отечествѣ, т. е. людьми почти поголовно озлобленными противъ всякаго правительства. Изъ этого сброда образовалась въ Государствѣ новая разъѣдающая сила—разбойничьи шайки и такія, которыя не устрашались «*сыскныхъ воинскихъ дружинъ*». Извѣстный тогда разбойничій атаманъ Хлопко или Косолапъ чуть не подъ самою Москвою смѣло вступилъ въ бой съ окольничимъ Иваномъ Федоровичемъ Басмановымъ, и спорилъ съ нимъ о побѣдѣ *),

*) Басмановъ былъ убитъ въ этой встрѣчѣ, но Косолапъ попался въ плѣнъ съ остатками своей разбойничьей шайки.

Среди этихъ ужасовъ Борисъ не падалъ духомъ. Съ рѣдкою энергіею проявлялъ онъ всюду чрезвычайную попечительность о страждущемъ народѣ и царскія житницы открылись вездѣ, гдѣ онѣ были. Примѣромъ и настояніями, Царь убѣдилъ духовенство и вельможъ продавать хлѣбные запасы по низкой цѣнѣ. Не жалѣлъ онъ и казны своей! Въ Москвѣ на четырехъ опредѣленныхъ пунктахъ раздавались деньги съ ранняго утра по двѣ Московки на каждаго приходящаго, а за этимъ подаяніемъ приходило такое множество, что ежедневный расходъ казны превосходилъ нѣсколько тысячъ рублей! Вѣсти о царской благотворительности привлекали въ столицу новыя толпы несчастныхъ, даже изъ мѣстъ неближнихъ, а и безъ нихъ дѣлалось уже невозможнымъ прокормиться на серебряную копѣйку въ сутки, такъ какъ безсовѣстность торгашей *), поднимала цѣну съѣстнаго сильнѣе всякаго неурожая **) и выше всякой благотворительности. Царь вскорѣ увидѣлъ, что его обильная милостыня не идетъ впрокъ народу, лишь обогащаетъ кулаковъ да подобныхъ имъ плутовъ и прекратилъ денежную раздачу. Велѣно было особенно назначеннымъ чиновникамъ скупать хлѣбъ вездѣ, гдѣ только его найдутъ по областямъ, по цѣнѣ опредѣленной правительствомъ и развозить въ мѣста, гдѣ въ немъ нуждались. но и тутъ завелись плутни. да вдобавокъ голодъ разогналъ ямщиковъ и доставка грузовъ оказалась дѣломъ крайней затруднительности. Не смотря на это ни одинъ городъ не остался забытымъ или пропущеннымъ во вниманіи Царя. Но страшный голодъ, какъ всегда, сопровождаемый повальными болѣзнями, сдѣлалъ свое дѣло. По сказанію Авраамія Палицына. въ одной Москвѣ въ теченіе двухъ лѣтъ и 4 мѣсяцевъ было схоронено приставами 127,000 жертвъ. а заботливостью родныхъ. близкихъ и благотворителей еще втрое столько.

Борисъ всегда тщательно скрывалъ отъ иноземнаго глаза всѣ бѣдствія Русской земли, но послѣднее пуще другихъ. Тамъ, гдѣ проѣзжали иностранные послы, всюду являлись хорошо одѣтые люди, рынки изобиловали мясомъ и хлѣбомъ. Нареченнаго своего зятя, датскаго принца, онъ пышно угощалъ, Кремль украшалъ огромною колокольнею Ивана Великаго и каменными палатами. Постройки возводились съ цѣлью доставить заработокъ бѣднымъ

*) Торговые люди путемъ обмановъ покупали хлѣбъ по дешевой цѣнѣ въ житницахъ, открытыхъ ради общаго бѣдствія.

**) Цѣна одной четверти ржи возвысилась до 15 р. нынѣшнихъ.

людямъ, но иностранцы въ нихъ видѣли богатство и силу. Свои же люди теперь смотрѣли иначе и во многихъ случаяхъ съ долею преувеличенія. Тайно, но многими говорилось, что царствованіе Бориса и его племени не можетъ быть счастливо, потому что царство имъ досталось душегубствомъ, упрекали Годунова за гоненіе знаменитыхъ людей, за введеніе откуповъ, порчу нравовъ и пристрастіе къ иноземному.

Въ это время скончалась первая державная царица Россіи, Ирина, искренно всѣми любимая.

Появленіе Самозванца, Физическое бѣдствіе, — голодъ наконецъ прекратился, но его слѣды, предшествуемые 24 годовою жестокостью Іоанна, насильственною смертію Царевича Димитрія, преслѣдованіями коварнаго Бориса, все это, одно за другимъ, расположило народное настроеніе не въ пользу Государственнаго спокойствія. Суевѣріе стало многимъ показывать по два восходящихъ солнца, по двѣ, по три луны и къ довершенію всеобщаго предчувствія бѣдъ, появилась комета среди свѣтлаго лѣтняго дня. Почва для безпорядковъ была уснащена съ избыткомъ и мѣриломъ общей духовной напряженности оказалась возможность успѣховъ самозванца, фактъ, по выраженію Карамзина, «*истинный и невѣроятный*».

Юшка Отрепьевъ, сынъ стрѣлецкаго сотника, Богдана-Якова, зарѣзаннаго въ Москвѣ пьянымъ литвиномъ, служилъ въ домѣ Романовыхъ и у князя Бориса Черкасскаго. Опасаясь быть подвергнутымъ допросу и пыткѣ, какъ обыкновенно дѣлалось со слугами ссыльныхъ бояръ, онъ постригся въ монахи подъ именемъ Григорія и послѣ шлянья съ мѣста на мѣсто поступилъ въ Чудовъ монастырь подъ начало своего дѣда, монаха Замятни-Отрепьева. Будучи грамотнымъ, онъ былъ взятъ Патріархомъ Іовомъ для «*книжнаго дѣла*» и наконецъ посвященъ въ Діаконы. Отъ природы склонный къ мечтательности, любознательный и любопытный, онъ читалъ лѣтописи и жадно прислушивался къ тайнымъ разсказамъ о Царевичѣ Димитріи и его смерти. Увлекаясь сказочными представленіями разгоряченнаго воображенія онъ иногда въ шутку говорилъ Чудовскимъ монахамъ: «*Знаете, что я буду Царемъ на Москвѣ?*»

Эта сумазбродная и наглая рѣчь, хотя произносимая молодымъ человѣкомъ низкаго рода и низкаго положенія, пугала слушателей своею дерзостью и отъ нихъ дошла до Ростовскаго Митрополита Іоны, къ Патріарху и даже до самого Царя. Ему

доложили, что «*недостойный Инокъ Григорій хочетъ быть сосудомъ діавольскимъ*». Какъ безумца, Отрепьева не казнили, но во избѣжаніе соблазна отъ неуважительныхъ рѣчей велѣно было дьяку Смирнову отправить «*сосудъ дьявольскій*» въ Соловки на вѣчное покаяніе. Смирной, не придавая особеннаго значенія всему дѣлу, разсказалъ о немъ другому дьяку, Евфимьеву, а этотъ, будучи свойственникомъ Отрепьевыхъ, далъ Гришкѣ возможность спастись вмѣстѣ съ священникомъ Варлаамомъ и крылошаниномъ Мисаиломъ Повадинымъ. За такими во всѣхъ отношеніяхъ ничтожными людишками даже и не погнались.

При обычномъ на Руси паломничествѣ и просто бродяжничествѣ монаховъ. Отрепьеву вовсе не было трудно Христовымъ именемъ пробираться, въ любую сторону, не возбуждая ничьего подозрѣнія, а по этому нисколько и не удивительно, что онъ при искусномъ врань нашелъ гостепріемство у Архимандрита Спаской обители въ Новгородѣ-Сѣверскѣ. Но пораженіе радушнаго настоятеля и его ужасъ не имѣли границъ, когда послѣ ухода странствующаго молодаго монаха, онъ нашелъ въ его кели «*памятицу*» такого содержанія: «*Азъ есмь Царевичъ Димитрій, сынъ Іоанновъ и не забуду твоей ласки, когда сяду на престолъ отца моего*». Уничтоженный архимандритъ рѣшился молчать.

Въ Кіевскихъ монастыряхъ Гришка священнодѣйствовалъ въ качествѣ дьякона, но его сумазбродная мысль, вѣроятно, находила у кого нибудь поддержку, потому что онъ ее не покидалъ и она все болѣе и болѣе дѣлалась руководящею его поведеніемъ. Заметая свой слѣдъ, онъ убѣдилъ какого то монаха Леонида назваться Григоріемъ Отрепьевымъ, самъ же бросилъ монашеское платье, ушелъ въ Запорожье и тамъ вписался въ сотню Герасима Евангелика. Перебравшись потомъ въ Польскія владѣнія, Гришка занялся Польскою и Латинскою грамматикою въ школѣ мѣстечка Ганца Луцкаго уѣзда и наконецъ поступилъ на службу къ Польскому вельможѣ князю Адаму Вишневецкому. Здѣсь Отрепьевъ рѣшился приступить къ своему «быть или не быть».

Наружность Отрепьева не отличалась красотою. Рыжеватые волосы, круглое лицо съ бородавкою подъ правымъ глазомъ и и другою на лбу, широкій носъ, тусклые голубые глаза, при среднемъ ростѣ и одной рукѣ короче другой не дѣлали его вида привлекательнымъ, но отвага, сила, ловкость, складная, бойкая рѣчь и живой умъ располагали многихъ въ его пользу. Такъ случилось и съ Вишневецкимъ.

Замѣтивъ къ себѣ ласку своего господина. Гришка притворился тяжко больнымъ и потребовалъ духовника, которому на исповѣди передалъ просьбу о своемъ погребеніи съ честію, воздаваемою царскимъ дѣтямъ.

Загадочность рѣчи и загадочность самого, неизвѣстно откуда взявшагося, молодаго человѣка, теперь умирающаго и готоваго унести въ могилу какую-то необыкновенную тайну, поразила Іезуита и онъ отъ смертнаго одра поспѣшилъ съ разсказомъ къ Вишневецкому. Князь бросился къ странному слугѣ и наконецъ при обыскѣ постели больнаго открыли великую тайну изъ свитка заранѣе положеннаго туда, гдѣ ему надлежало быть. Документъ*) этотъ утверждалъ, что лежащій передъ ними есть Царевичъ Димитрій, который при разыгравшейся въ Угличѣ драмѣ былъ спасенъ своимъ медикомъ, а зарѣзанный ребенокъ былъ сынъ какого-то іерея; утверждалъ также, что спасеннаго Царевича укрыли вельможи и дьяки Щелкаловы **) и выпроводили его на Литву, исполняя указъ Іоанна, данный въ предвидѣніи злаго случая. Вишневецкій колебался увѣровать въ такую дивную судьбу. Тогда Отрепьевъ энергически, хотя и слабымъ голосомъ укорилъ духовника, за нарушеніе исповѣднаго довѣрія и потомъ обратась къ Вишневецкому, какъ бы въ борьбѣ съ самимъ собою, сказалъ ему: *«Такъ! я Царевичъ Димитрій и вотъ мое доказательство»*. При этомъ словѣ, глазамъ изумленнаго князя представился на груди его бѣднаго слуги золотой крестъ, осыпанный драгоцѣнными камнями, а голосъ несчастливца продолжалъ сквозь слезы: *«Эти святыя возложены на меня крестнымъ моимъ отцемъ княземъ Иваномъ Мстисловскимъ»*.

Исчезли всѣ сомнѣнія и Отрепьевъ, немедленно окруженный почетомъ и внимательностью, быстро сталъ оправляться отъ мнимой болѣзни, еще быстрѣе летѣла по всей Литвѣ молва а чудесномъ спасеніи Царевича.

Братъ Адама Вишневецкаго, Константинъ, и его тесть, Сендомірскій Воевода Юрій Мнишекъ, жившій въ Самборѣ, также увѣровали во всѣ странности переданнаго разсказа, неожиданно подкрѣпленнаго свидѣтельствомъ бѣглеца Петровскаго, уличеннаго вора. — будто Царевичъ дѣйствительно отличался неровностью рукъ и бородавками, т. е. очень рѣзкими примѣтами, но до тѣхъ

*) Неизвѣстно, кѣмъ была эта бумага писана и подписана.

**) Щелкаловы не были взысканы никакою милостію Самозванца въ годъ его царствованія.

поръ никому неизвѣстными, и еще показаніемъ одного холопа, который при Іоаннѣ IV находился въ Московскомъ плѣну,—но по сличенію времени онъ могъ видѣть Царевича въ возрастѣ не старше трехъ лѣтъ отъ роду и къ тому же какъ плѣнный холопъ, развѣ случайно, мелькомъ. Если вещественныя доказательства Отрепьева и свидѣтельство двухъ холопей могли разсѣять всякія сомнѣнія пановъ, стоящихъ у самаго источника нелѣпицы, то всѣ ея пробѣлы пополнялись для остальнаго люда стоустою молвою, тѣмъ болѣе, что въ этой мутной водѣ, Отцы-іезуиты узрѣли возможность дойдти до итоговъ чрезвычайныхъ. Чего только нельзя требовать отъ признательнаго Царя, имъ обязаннаго всѣмъ? Съ этого времени началось въ польскихъ земляхъ необыкновенно горячее участіе къ судьбѣ вышедшаго изъ могилы Царевича Димитрія, но воскресшаго уже, съ бородавками на лицѣ, потерявшимъ прежнюю смуглость и съ одною, рукою очень укороченною. Лже-Димитрій прибылъ въ Краковъ въ сопровожденіи Сендомирскаго воеводы, а папскій нунцій Рангони, предварительно заручившись обязательствомъ Отрепьева принять Латинство, представилъ его Королю. Отрепьевъ поцѣловалъ у Короля руку, потомъ разсказалъ ему свои несчастія и просилъ покровительства. «*Да поможетъ Вамъ Богъ Московскій Князь Димитрій!*» говорилъ Король, приподнявъ свою шляпу, *а Мы выслушавъ всѣ ваши свидѣтельства, несомнѣнно видимъ въ Васъ Іоаннова сына и въ доказательство нашего искренняго благоволенія, опредѣляемъ Вамъ ежегодно 40,000 злотыхъ на содержаніе и всякія издержки. Сверхъ того, Вы, какъ истинный другъ Республики, вольны сноситься съ нашими панами и пользоваться ихъ усерднымъ вспоможеніемъ.*

Лже-Димитрій обязался вводить Латинство во всей Россіи и для начала, присоединился къ Латинской церкви самъ. Объ томъ и другомъ рѣшено было до времени не дѣлать огласки, въ виду извѣстной привязанности Русскихъ къ своему Греческому православію.

Старикъ Замойскій, Жолкѣвскій, Князь Острожскій, и другіе паны совѣтовали Королю воздержаться отъ вмѣшательства въ это темное дѣло; панъ Збаражскій открыто говорилъ и доказывалъ, что величающій себя Московскимъ Димитріемъ, несомнѣнно обманщикъ; но слишкомъ соблазняла Сигизмунда III возможность внести въ ненавистную Россію раздоръ и междоусобіе. Внявъ однакоже благоразумію совѣтниковъ, представлявшихъ ему опаспость преждевременно раздражать могуще-

ственнаго Русскаго Царя изъ-за призрака еще не воплотившагося, онъ отказался помогать Разстригѣ своими войсками, но при разставаніи собственноручно возложивъ на него золотую цѣпь съ своей груди, въ остальномъ поручилъ все дѣло талантамъ Вишневецкаго и воеводы Мнишка, нравственность котораго въ самой Польшѣ признавалась доказанно сомнительною *). Марина, дочь Мнишка, съ восторгомъ приняла предложеніе Лже-Димитрія быть его женою и была объявлена невѣстою Русскаго Царевича. Лже-Димитрій, по формальному договору, обязался уступить Новгородъ и Псковъ съ самодержавными на нихъ правами своей нарѣченной невѣстѣ, а ея отцу отдать въ наслѣдственное владѣніе княжества Смоленское и Сѣверское, предварительно уплативъ еще всѣ его долги и кромѣ того нѣкоторые уѣзды назначались въ даръ Королю и Польской республикѣ. Бракъ былъ отложенъ до времени воцаренія Лже-Димитрія.

Такимъ образомъ, бѣглый дьякъ, окрыленный надеждами, собирался быть предателемъ единства Россіи и ея православія.

Въ чаяніи будущихъ благъ, Мнишекъ, въ своемъ Самборѣ, развернулся расточительною щедростью, но на его призывы охотниковъ, подъ знамена Лже-Димитрія шла большею частью полуголодная шляхта, да бродяги. По справедливому выраженію Карамзина, ополчалась на Россію одна «сволочь» **).

Не такая рать нужна была Разстригѣ и, къ несчастію, онъ ее нашелъ между обманутыми Русскими. Донскіе удальцы, получивъ его грамоту, отправили въ Польшу Атамановъ Андрея Корела и Михаила Нѣжакожа за собираніемъ достовѣрныхъ свѣдѣній о Царевичѣ Димитріи. Тѣ, вовратясь, разсказали своимъ, что паны воздаютъ Царевичу подабающія почести и тогда казачество рѣшилось умирать за Царевича. Впрочемъ козаки и прежде становились подъ знамена самозванцевъ въ Молдавіи.

Слухи о Самозванцѣ скоро дошли и до Москвы. Борисъ открыто обвинялъ Поляковъ въ подлогѣ, но, соблюдая достоинство государственныхъ сношеній, отправилъ къ Королю и панамъ объяснительныя грамоты противъ Самозванца, а между тѣмъ произ-

*) Мнишекъ игралъ самую унизительную роль при жизни Сигизмунда-Августа и такъ обокралъ его послѣ смерти, что не во что было одѣть остатки опочившаго Короля.

**) Въ то время на Литвѣ проживали многіе бѣглецы изъ Русскихъ, ненавистники Годунова и одинъ изъ нихъ Яковъ Пыхачевъ всенародно и какъ говорятъ, даже передъ лицемъ короля свидѣтельствовалъ о грубомъ обманѣ.

водились тщательные розыски о заговорѣ. Но никакого заговора въ Россіи не находили, его и не было, за то розыски убѣдили Царя что противъ такого страннаго врага, какимъ являлся Самозванецъ, побѣда не зависитъ отъ одного ратнаго успѣха. Патріархъ предалъ проклятію Гришку Отрепьева и всѣхъ его послѣдователей; по убитомъ Царевичѣ Димитріи пѣли «*вѣчную память*» во всѣхъ храмахъ, тѣмъ не менѣе подметныя грамоты Ляже-Димитрія, ежедневно увеличивали число его приверженцовъ. Наконецъ и онъ самъ, предшествуемый манифестами, двинулся въ Россію въ сопровожденіи двухъ іезутиовъ и Мнишка, 1500 человѣкъ вооруженыхъ исправно и толпы бродягъ безъ всякаго оружія. Подъ Кіевомъ къ нему присоединились 2000 казаковъ, съ ними еще толпы разной вольницы и въ октябрѣ Самозванецъ переправился черезъ Днѣпръ. Города Сѣверской земли: Путивль, Рыльскъ, Бѣлгородъ, Черниговъ, Оскольъ, Валуйки, Елецъ, Воронежъ и др., отдались безъ сопротивленія; — одинъ Новгородъ-Сѣверскъ не убѣждался воззваніями ляха Бучинскаго о сдачѣ. Воевода Петръ Басмановъ отвѣчалъ, что «*Великій Князь и Царь въ Москвѣ, а Ваши Димитріи разбойники, сядетъ на колъ вмѣстъ съ Вами*». Самозванцу не удалось взять городъ ни краснымъ словомъ, ни осадою, ни приступомъ. Станъ его пріуныль, а между тѣмъ и Царское войско приближалось подъ начальствомъ Мстиславскаго. Но Московское войско шло неохотно и сомнѣніе ратниковъ,—не сражаются ли они противъ законнаго Государя, внушало имъ отвращеніе къ предстоящему междоусобію. Подъ Новгородъ-Сѣверскомъ произошла встрѣча Царскихъ войскъ съ дружиними Самозванца и Царская рать побѣжала. Князь Мстиславскій, удивленный такою робостью, непонятною паникою, хотѣлъ удержать бѣглецовъ, дрался въ свалкѣ, но палъ обливаясь кровью своихъ пятнадцати ранъ. Дружина стрѣльцовъ успѣла его спасти, но битва была проиграна и если Московская рать не потеряѣла гораздо большихъ потерь, то этимъ была обязана вылазкѣ Басманова, который ударилъ въ тылъ Самозванца и зажегъ его укрѣпленный лагерь.

Успѣхъ битвы мало веселилъ мнимаго побѣдителя. Противники, правда бѣжали, но бѣжали отъ него, а для успѣха затѣяннаго дѣла Самозванцу было нужно, чтобы Царская рать бѣжала къ нему.

Царь никому не оказалъ особеннаго гнѣва за неудачу и чашника Вельяминова послалъ ударить челомъ Мстиславскому за

его кровь пролитую, послалъ ему и врача. Приказано было увѣрить войско въ неизмѣнности Царской милости, только воеводамъ объявили Царское неблаговоленіе, но Басманова за мужественную защиту крѣпости и вылазку наградили особо. Его вызвали въ Москву и въ собственныхъ царскихъ саняхъ торжественно провезли черезъ столицу до царскихъ чертоговъ. Царь благодарилъ Басманова лично, кромѣ того было ему пожаловано золотое блюдо, насыпанное червонцами, 2000 руб. деньгами, доходное помѣстье и Боярскій чинъ.

Раненаго Мстиславскаго замѣнилъ Василій Ивановичъ Шуйскій, и хотя онъ не былъ искусенъ въ ратномъ дѣлѣ, но 21 января подъ Сѣвскомъ, при Добрыничахъ, Самозванецъ, не смотря на свою храбрость, потерпѣлъ полнѣйшее пораженіе. Воеводы были увѣрены, что при залпѣ изъ 40 пушекъ по наѣздникамъ, передъ которыми несся Отрепьевъ, самъ онъ убитъ и всей смутѣ конецъ и потому бѣгущихъ не преслѣдовали.

Несказанно обрадовался этой побѣдѣ Царь Борисъ. Вѣстника назвалъ Окольничимъ, воеводамъ послалъ золотыя медали, войску 80,000 руб., и особенно блогодарилъ нѣмца Вальтера Розена и француза Якова Маржерета вмѣстѣ съ ихъ иноземными дружинами. Но скоро пришли худыя вѣсти. Самозванецъ здравствовалъ и заперся въ Путивлѣ, куда на подмогу прибыли къ нему казаки въ числѣ 4000.

Дѣла запутывались, бунтъ распространялся, но не смотря на это, когда шведы предложили Русскому Царю помощь противъ мятежниковъ, Царь ее отвергъ.

Смерть Царя Бориса Ѳодоровича Годунова. Среди этихъ заботъ Царь Борисъ, отъ молодыхъ лѣтъ страдавшій подагрою, умеръ скоропостижно 50 лѣтъ отъ роду. Еще утромъ онъ присутствовалъ въ Думѣ, потомъ принималъ знатныхъ иностранцевъ, обѣдалъ съ ними, но, вставши изъ за стола, почувствовалъ себя дурно; кровь хлынула и полилась изъ носу, изъ ушей и рта. Въ два часа времени угасла его дѣятельная жизнь, но онъ успѣлъ принять схиму, при которой былъ нареченъ именемъ Боголѣпа, и уже теряя сознаніе, косившею рукою благословить своего сына Ѳеодора Борисовича.

Ѳеодоръ II Борисовичъ Годуновъ. (1605).

Измѣна Басманова и ея слѣдствія. Москва присягнула Ѳеодору, какъ законному наслѣднику Царя почившаго, войско тоже,

Молодой Государь, о воспитаніи и образованіи котораго отецъ усердно позаботился, подавалъ большія надежды *).

Окруженный умными совѣтниками, въ числѣ которыхъ появился Бѣльскій, возвращенный изъ ссылки, Царь Ѳеодоръ распорядился вызвать изъ арміи Князя Василія Ивановича Шуйскаго и замѣстить его Басмановымъ, какъ всѣми признаннымъ за лучшаго военачальника. Отъѣзжая къ войску, Басмановъ, облагодѣтельствованный Царемъ Борисомъ, клялся его сыну въ преданности, но и безъ новыхъ клятвъ измѣна Басманова ничего бы не утратила ни въ своей неожиданности, ни въ своей гнусности. Въ заговорѣ съ нимъ сошлись два князя Голицына, Василій и Иванъ Васильевичи и Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, все честолюбцы, бившіе на положеніе временьщиковъ. Осторожный Василій Васильевичъ Голицынъ приказалъ себя связать, чтобы въ Москвѣ знали, что онъ передался не по волѣ, — войска же передались, когда Басмановъ 7 мая явившись передъ ними, громко объявилъ Самозванца истиннымъ сыномъ Грознаго, Димитріемъ Іоанновичемъ, Царемъ Московскимъ. «*Да здравствуетъ Отецъ нашъ, Царь Димитрій Іоанновичъ*», раздалось по войску, а потомъ и вездѣ отъ Десны до Оки. Путь Самозванцу къ Москвѣ былъ открытъ!

Крѣпости спѣшили сдаваться Лже-Димитрію, народъ и войска вездѣ его встрѣчали какъ Царя благодатнаго, страдальца много потерпѣвшаго; — вокругъ Царя Ѳеодора Борисовича очень порѣдѣли преданные люди.

Смущеніе Москвы. Въ Москвѣ было тихо, но никому не по себѣ и въ самой тишинѣ чувствовалось недоброе, а правительство бездѣйствовало, только перехватывало гонцовъ съ грамотами отъ Разстриги. Самозванецъ направился изъ Путивля не прямо въ Москву. Туда онъ послалъ Наума Плещеева и Гаврилу Пушкина съ призывною грамотою къ народу, самъ же въ ожиданіи новостей оставался въ Тулѣ.

Пушкинъ и Плещеевъ прибыли сначала въ Красное Село. Купцы и ремесленники, прослушавъ грамоту Самозванца, немедленно ему присягнули, пославъ торжественно повезли въ Москву. Грамота и здѣсь произвела сильнѣйшее впечатлѣніе, хотя были и сомнѣнія;—наконецъ потребовали свидѣтельства отъ Василія

*) Въ 1614 г. подъ его именемъ была издана нѣмцемъ Герардомъ географическая карта.

Ивановича Шуйскаго. Князь Шуйскій, съ высоты Лобнаго мѣста громко и отчетливо сказалъ: «*Борисъ послалъ убить Димитрія Царевича, но Царевича спасли, вмѣсто него погребенъ поповъ сынъ*», Большаго, конечно, и требоваться не могло! Народъ вломился въ Кремлевскій дворецъ. Тамъ юный Царь сидѣлъ на престолѣ, а защитниками престола стояли только мать родная да сестра съ образами на рукахъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ словъ Шуйскаго, эта картина не могла умилить народъ, и Царя Ѳеодора еще не вѣнчаннаго, силою стащили съ трона, но слезы матери, павшей къ ногамъ мятежниковъ, повліяли на отзывчивое Русское сердце и Годуновыхъ безъ вреда отвезли въ ихъ Кремлевскій домъ, но окружили стражею. Теперь уже знатнѣйшіе вельможи, граждане, обыватели, всѣ присягали Лже-Димитрію и кто могъ, спѣшилъ въ Тулу съ повинною. Нѣкоторые изъ прежде случайно видѣвшихъ Гришку Отрепьева, хорошо его узнавали, удивлялись, но только про себя,— страхъ сковывалъ уста.

Самозванецъ не могъ быть и не былъ успокоенъ даже искреннимъ, въ настоящее время, выраженіемъ преданности обманутаго народа. Ему была нужна увѣренность, что эта преданность и впредь ничѣмъ не будетъ соблазняема, а между тѣмъ такой соблазнъ могъ осуществиться въ лицѣ неповиннаго и прекраснаго семейства Бориса Годунова, которое не могло остаться безъ тайныхъ доброжелателей. И вотъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ и князь Рубецъ-Масальскій отправились въ Москву съ особенными порученіями, а Басмановъ съ воинскою дружиною. Патріарха Іова, слишкомъ хорошо знавшаго Разстригу, схватили во время божественнаго служенія, осыпали градомъ оскорбленій, посадили на площади въ простую телѣгу и отправили въ Старицкій монастырь на заточеніе; бояръ Годуновыхъ, Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ, подозрѣваемыхъ въ сочувствіи павшему Царю, разсадили скованными по темницамъ дальнихъ городовъ; Семена Годунова, погубившаго ложнымъ извѣтомъ Романовыхъ, удавили въ Переяславлѣ, а 10 іюня, Василій Голицынъ, Рубецъ-Масальскій съ чиновниками Молчановымъ, Шереметиновымъ и тремя стрѣльцами вошли въ домъ Годуновыхъ, застали несчастное семейство вмѣстѣ, но развели по комнатамъ. Царицу вдову задушили веревкою, Ѳеодора. одареннаго большею физическою силою, истязали въ борьбѣ и потомъ задушили, а обездоленную Ксенію, несчастливейшую изъ всего семейства, отвезли въ домъ къ Масальскому. Убитыхъ объявили отравившимися,

хотя ихъ трупы, дерзко выставленные на показъ народу, носили явные знаки совершеннаго надъ ними насилія. Но въ расправѣ съ Годуновыми на этомъ не остановились и нарушили даже могильный покой Царя Бориса, котораго, какъ похитителя царскихъ правъ Лже-Димитрія отрыли. переложили въ деревянный гробъ и перевезли изъ церкви Св. Михаила въ Дѣвичій монастырь Св. Варсонофія на Срѣтенкѣ, гдѣ его предали землѣ вмѣстѣ съ женою и сыномъ.

Лже-Димитрій, (1605—1606).

Въѣздъ Самозванца въ Москву. Милости. Поведеніе Самозванца. Патріархъ Игнатій. 20 іюня Самозванецъ торжественно вступилъ въ Москву къ величайшей радости ея жителей. Но въ то именно время, когда онъ прошелъ Москворѣцкія ворота и верхомъ въ золотой одеждѣ показался на Кремлевской площади, гдѣ его ожидало духовенство въ облаченіи съ образами и хоругвями, внезапно сорвался вихрь съ такою силою, что остановилъ поѣздную церемонію. Народное суевѣріе смутилось этою случайностью, которой было придано значеніе дурнаго предзнаменованія и въ толпѣ крестились не безъ ужаса. Веселое настроеніе благочестивой Москвы окончательно упало, когда Самозванецъ, сошедши съ лошади, сталъ прикладываться къ образамъ совсѣмъ не по русски, цѣловалъ ихъ въ уста, и въ то же время звуки польскихъ трубачей, заглушали пѣніе молебна.

Наконецъ бѣглый Разстрига усѣлся въ чертогахъ Іоанна Грознаго и начались милости. Возвращали изъ ссылки опальныхъ бояръ, а Романовымъ и Нагимъ, какъ своимъ родственникамъ, Самозванецъ поручилъ важнѣйшія должности, при чемъ инокъ Филаретъ возведенъ былъ въ санъ Митрополита Ростовскаго, а его супруга получила разрѣшеніе жить вмѣстѣ съ сыномъ Михаиломъ *) въ предѣлахъ Ростовской эпархіи, въ Ипатьевскомъ монастырѣ близъ Костромы **); самые гробы Романовыхъ и Нагихъ, погибшихъ въ ссылкахъ были съ почетомъ перенесены въ Москву; войску и чиновникамъ удвоили жалованье; строжайше запретили

---

*) Будущій Царь.

**) Ипатьевскій монастырь былъ основанъ въ XIV в. крестившимся Мурзою Чета, предкомъ Годунова.

взяточничество и объявили, что каждую среду и субботу Царь самъ будетъ принимать челобитныя.

Всѣмъ этимъ Самозванецъ привлекалъ къ себѣ народное расположеніе, — ему снисходительно забыли неумѣніе по русски прикладываться къ образамъ, говорили: онъ былъ долго въ чужой землѣ: но общее хорошее впѣчатлѣніе онъ скоро самъ испортилъ рѣзкимъ предпочтеніемъ ляховъ своимъ, безумною расточительностію *) и презрѣніемъ къ русскимъ обычаямъ: не крестился передъ образами, ѣлъ телятину, не терпѣлъ бани и не ложился спать послѣ обѣда. Кромѣ того, въ немъ не было царской важности: носился безпрестанно на дикихъ лошадяхъ, строилъ и бралъ земляныя крѣпости, толкаясь въ общей свалкѣ, билъ палкою знатнѣйшихъ воеводъ за малѣйшую ошибку, но всего хуже оскорбилъ онъ патріотическую народную гордость, когда впослѣдствіи, при пріемѣ королевскихъ пословъ 8 Мая, возсѣдая на престолѣ унизился до пререканій съ посломъ Олесницкимъ, который не привѣтствовалъ его титуломъ Царя и заставилъ встать при вопросѣ о здоровьи короля Сигизмунда.

Уже и до этого случая у многихъ развивалось сомнѣніе на счетъ царскаго происхожденія Самозванца, но когда онъ возвелъ приверженца Латинской церкви, грека Игнатія въ санъ Патріарха и погубилъ горькую сироту Ксенію Годунову, то къ чувству нерасположенія къ нему многихъ присоединилось всеобщее презрѣніе.

Свиданіе Самозванца съ мнимою матерью. Какъ не былъ легкомыслен Самозванецъ, онъ однакоже усердно заботился о главномъ: убѣдить народъ въ томъ, что онъ дѣйствительно сынъ Іоанна IV. Вѣрнымъ средствомъ было бы признаніе Царицы инокини Маѳы его своимъ сыномъ. Онъ зналъ, что для этой цѣли нужно было заглушить въ ней крикъ материнскаго сердца, совѣсть монахини и самолюбіе Царицы, но также зналъ, что жертвою его домогательства представлялась перепуганная женщина, которой не въ комъ было искать опоры. Въ тайныхъ предварительныхъ объясненіяхъ, вѣрные Самозванцу люди просили Царицу инокиню Мароу разрѣшить сомнѣнія Царя о признаніи его своимъ сыномъ и тѣмъ самымъ опредѣлить собственный для себя выборъ между Царскою жизнью и пыткою до смерти. А что тайно

*) Въ три мѣсяца онъ издержалъ болѣе 7 милліон. рублей.

замученную не трудно объявить, съ сердечными сокрушеніями на пышныхъ похоронахъ, скоропостижно умершею—знала она и сама.

Вслѣдъ за-тайно полученнымъ согласіемъ Царицы, къ ней былъ отправленъ Великій мечникъ Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, какъ посолъ съ просьбою благословить сына на Царство.

Самозванецъ устроилъ встрѣчу съ мнимою матерью на большой дорогѣ у села Тайнинскаго, въ 15 верстахъ отъ Москвы. Предлогомъ такой встрѣчи внѣ Москвы въ полѣ, выставлялось глубокое уваженіе Царя къ родительницѣ, на самомъ же дѣлѣ нужно было собрать возможно большее число свидѣтелей. Раскинули богатый шатеръ близъ самой дороги и Марія Нагая была въ него введена прежде, чѣмъ показалась народу въ слезахъ и объятіяхъ сына, расточающаго ей ласки. Восторженное умиленіе довело самихъ зрителей до слезъ и никто изъ нихъ тогда не догадывался, что слезы Маріи были горкія слезы и что они лились о зарѣзанномъ 13 лѣтъ назадъ сынѣ и отъ стыда, всенароднаго признанія себя матерью неизвѣстнаго проходимца.

Вѣнчаніе на Царство. Помилованіе Шуйскаго. Преслѣдованія. Лже-Петръ. Три дня послѣ, 21 Іюля, Лже-Димитрія вѣнчали на Царство. Но эта священная церемонія, благодаря сумазбродству Самозванца, закончившись латинскою рѣчью іезуита патера Черниковскаго, произвела на присутствующихъ удручающее впечатлѣніе. Между тѣмъ невыгодный для Самозванца шопотъ все усиливался: не стали пропускать безъ вниманія и мелкихъ обстоятельствъ и придавали имъ крупное значеніе, напр., почему онъ никогда не посѣщаетъ Чудовской обители; тутъ явился какой-то монахъ, который во всеуслышаніе объявилъ, что нынѣшній Царь извѣстенъ ему съ малыхъ лѣтъ подъ именемъ Гришки Отрепьева и что Отрепьевъ учился у него грамотѣ. Появлялись и другіе подобные обличители—всѣ они безъ слѣда исчезали, но не исчезъ опаснѣйшій изъ нихъ Василій Ивановичъ Шуйскій. Нѣсколько дней послѣ воцаренія Лже-Димитрія, Басмановъ захватилъ купца Конева и еще другихъ торговыхъ людей, которые показали противъ Шуйскаго, будто онъ распускаетъ соблазнительные слухи о Царѣ. Шуйскій не отпирался передъ судьями, смѣло говорилъ истину, но молчалъ, когда его пытали. До тѣхъ поръ небывалый всесословный судъ приговорилъ царскаго поносителя къ смерти, но въ ту минуту, когда Шуйскій клалъ говову на плаху, царскій гонецъ остановилъ казнь, по слезному моленію

Царицы матери. Шуйскаго сослали. Марѳа, пособница народнаго обмана, чувствовала облегченіе грѣха за спасеніе распространителя правды, но другихъ такихъ облегченій кающейся инокинѣ не предоставляли, быть можетъ не доходили до нея слухи о казняхъ людей попроще. Народъ любилъ Шуйскаго и хвалилъ Царя за милость, которая впрочемъ по той же винѣ на дворянина Петра Тургенева и мѣщанина Ѳедора не распространилась. Вдова Варвара, мать Лже-Димитрія и его братъ, за обличенія, были посажены въ тюрьму, а дядя Смирной Отрепьевъ, съ тѣмъ же ѣздившій къ Сигизмунду, сосланъ въ Сибирь. Доносы начались во множествѣ и съ ними воскресли пытки, казни и душегубство по темницамъ, но Шуйскаго легкомысленный Самозванецъ въ припадкѣ веселости возвратилъ изъ ссылки черезъ полгода. Какъ пострадавшій, Шуйскій имѣлъ на народъ огромное вліяніе и самъ, но скоро онъ нашелъ сильнаго союзника въ духовенствѣ, которое Разстрига подвергалъ торговой казни, всячески оскорблялъ и къ тому же не только не возвращалъ монастырямъ своихъ займовъ, но обиралъ ихъ какъ только могъ. Однако же на ряду съ такими отношеніями къ монастырямъ Лже-Димитрій почти ежедневно посѣщалъ Думу и дивилъ бояръ быстротою соображенія и начитанностью; обѣщалъ имъ разрѣшеніе ѣздить заграницу для научнаго образованія и много говорилъ о желаніи государствовать не страхомъ, а щедротами и милостію.

Въ это время одинъ молодой казакъ Илейка *) сталъ себя выдавать за Петра, сына Царя Ѳеодора Іоанновича, котораго будто Годуновъ подмѣнилъ неизвѣстною дѣвочкою. Волжскіе и Терскіе казаки завидовали благополучію Донцевъ, хорошо содержанныхъ въ Москвѣ, и, добиваясь такой же доли, усердно распускали небылицу. Дошла она и до Лже-Димитрія; тотъ призналъ Илейку племянникомъ и звалъ въ Москву, обѣщая почести, но вѣроятнѣе для того, чтобы его имѣть въ своихъ рукахъ. Когда Лже-Петръ дошелъ до Свіяжска, то тамъ уже знали о печальномъ исходѣ, царствованія мнимаго его дяди, Самозванца и лже-племянникъ вмѣсто Москвы повернулъ на Донъ.

Запутываніе Лже-Димитрія Поляками. Обрученіе Марины. Гонсѣвскій сообщилъ Царю за тайну, что одинъ приказный, выѣхавшій изъ Россіи, увѣряетъ, что когда Царь Борисъ убѣдился

*) Илья Коровинъ.

въ побѣдѣ Лже-Димитрія то распорядившись похоронами какого то человѣка подъ его именемъ, самъ скрылся съ богатствами въ Лондонѣ и что Сигизмундъ послалъ туда вѣрныхъ людей за справками и проч. Сказка не испугала Самозванца и хотя онъ приказалъ благодарить Сигизмунда за участіе, но заявилъ, что въ дружбѣ къ нему Короля начинаетъ сомнѣваться, такъ какъ вопреки обѣщаніямъ титуловать его Царемъ. Сигизмундъ назвалъ его въ письмахъ только Господаремъ и Великимъ Княземъ. Въ отмѣстку Лже-Димитрій сталъ именоваться *«непобѣдимымъ Цесаремъ»*.

7-го ноября совершилось въ Краковѣ обрученіе Марины съ Лже-Димитріемъ, въ лицѣ *«Великаго посла Царскаго Аѳанасія Власьева»*. Церемонія обрученія происходила въ присутствіи Короля, Королевича Владислава и сестры Сигизмунда, шведской Королевы Анны, послѣ чего Маринѣ были поднесены дары отъ жениха: образъ Св Троицы, перо изъ рубиновъ, часы удивительные съ флейтами и трубами, нѣсколько золотыхъ фигуръ и три пуда жемчугу.

Пріѣздъ Марины. Заговоръ Шуйскаго. Смерть Самозванца. Месть Полякамъ. Наконецъ 25 апрѣля давно ожидаемая Царская невѣста съ своимъ отцомъ и окруженная Ляхами, пышно въѣхала въ Москву и остановилась у Вознесенскаго Дѣвичьяго монастыря, гдѣ ее приняла Царица-инокиня Марѳа.

Для развлеченія невѣсты Лже-Димитрій устраивалъ въ кельяхъ монастыря музыку и пляску, но неудовольствіе народа по этому поводу перешло въ ропотъ, когда 8 мая, самый его бракъ съ некрещенною Полькою совершился вопреки церковнаго устава подъ праздникъ *), наканунѣ Пятницы, а сама некрещенная иновѣрка была облечена въ санъ Русской Царицы.

Шуйскій зналъ по собственному опыту, что распусканіемъ слуховъ можно нажить бѣду, прежде чѣмъ поднимется народъ противъ Царя, хотя бы и ненавистнаго, а у этого были друзья. Нужны были способы болѣе вѣрные, а потому Шуйскіе собрали изъ своихъ помѣстьевъ нѣсколько тысячъ человѣкъ и направили ихъ въ Москву подъ предлогомъ, поглядѣть на Царскую свадьбу. Въ то же время, когда у Самозванца пиры смѣнялись пирами, а пьяные ляхи безчинствовали пуще прежняго, Василій Ивановичъ при сообщничествѣ Князя Василія Васильевича Голицына

*) С. Николая.

созвалъ къ себѣ многихъ дворянъ, чиновниковъ, сотниковъ, пятидесятниковъ и открылъ преды ними душу. Сотники и пятидесятники взяли на себя отвѣтственность за народъ, военные начальники за воиновъ, господа за слугъ и всѣ присутствовавшіе безъ разногласія рѣшили *«избыть Разстригу и Ляховъ»*.

17 мая въ 4 часа утра раздался набатъ по всей Москвѣ. Народъ бросился на Красную площадь и тамъ увидѣлъ бояръ и воеводъ конными и въ доспѣхахъ ратныхъ. Князь Василій Иванович Шуйскій появился съ крестомъ въ одной рукѣ, съ мечемъ въ другой и сказавши: *«во имя Божіе идите на злаго еретика»*, знакомъ указалъ на Кремлевскій дворецъ. Басмановъ, ночевавшій во дворцѣ и прежде другихъ услыхавшій шумъ, выбѣжалъ уговаривать народъ, но тотчасъ же былъ убитъ Михаиломъ Татищевымъ и сброшенъ съ крыльца. Самозванецъ, вначалѣ показавшись съ бердышемъ въ рукѣ и кричавшій въ толпу: *«я вамъ не Годуновъ»*, принужденъ былъ скрыться отъ раздавшихся выстрѣловъ. Разстерянный, бѣгалъ онъ изъ комнаты въ другую, рвалъ на себѣ волосы и наконецъ выскочилъ изъ окна на *«житный дворъ»*, но такъ неудачно, что разбилъ себѣ голову, грудь и вывихнулъ ногу. Стрѣльцамъ, его окружившимъ, онъ обѣщалъ богатство и чины за свое спасеніе и молилъ не выдавать народу, но народъ, овладѣвъ дворцомъ, уже собирался и на дворѣ. Стрѣльцы отказывались выдать раненаго говоря, что если Царица-инокиня Марѳа подтвердитъ, что онъ ея сынъ, то они умрутъ за него. Но инокиня Марѳа безъ другаго принужденія, кромѣ своей совѣсти громко винилась въ грѣхѣ передъ Богомъ, передала слушающимъ какъ она подъ страхомъ угрозъ согласилась по своей слабости на обманъ народа, что тайно она въ томъ многимъ открывалась,—наконецъ показала изображеніе убитаго Царевича, ни единою чертой не сходное съ наружностью Разстриги. Позвали другихъ Нагихъ, они показали тоже самое. Тогда Самозванецъ былъ внесенъ во дворецъ для допроса, но прежде чѣмъ окончиться допросу, дворяне Иванъ Воейковъ и Григорій Волуевъ убили его двумя выстрѣлами въ упоръ. На столѣ близъ Лобнаго мѣста былъ выставленъ истерзанный трупъ Разстриги въ маскѣ, съ дудкою во рту и волынкою, какъ свидѣтельства его любви къ скоморошеству, а убитаго Басманова положили у его ногъ на скамейкѣ.

Когда такимъ образомъ народъ убѣдился какого достоинства Царя доставили ему ляхи изъ Кракова, то взрывъ негодованія.

за поруганіе священнаго престола Русскихъ Царей, обрушился всею тяжестію на Московскихъ гостей, безъ разбора виновныхъ. Не было пощады ни малому, ни старому, ни сонному, убивали всѣхъ и эта казнь протянулась до 4-хъ часовъ пополудни.

Шуйскій и бояре, ѣздившіе по всѣмъ улицамъ останавливать рѣзню, успѣли спасти Вишневецкаго, Марину, ея отца и еще нѣкоторыхъ другихъ, но въ народѣ какъ съ праздникомъ поздравляли другъ друга съ избавленіемъ отъ Разстриги и ляховъ.

Трупъ Гришки Отрепьева сожгли за Серпуховскими воротами и зарядивъ пушку его пепломъ, выпалили въ ту сторону, откуда онъ пришелъ въ Москву.

Василій Іоанновичъ Шуйскій. (1606—1610).

Избраніе Царя. Добровольное ограниченіе Царской власти и послѣдствія. На другой день народъ и Дума, собранная Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ избрали Царемъ его же самого*).

Выборъ этотъ былъ вполнѣ неудаченъ. Конечно, Василій Васильевичъ Голицынъ, который домогался собственнаго избранія въ Цари, уступалъ Шуйскому въ знатности рода, но измѣны Годына Годунову и Самозванцу не были предосудительнѣе нравственности Василія Ивановича Шуйскаго, который, располагая довѣріемъ народа, два раза его обманулъ лжесвидѣтельствами о смерти Царевича Димитрія.

Василій Ивановичъ необладалъ, ни симпатичною внѣшностью: малаго роста, толстый, съ подслѣповатыми глазами и большимъ ртомъ на смугломъ лицѣ, ни симпатичными свойствами характера. При холодномъ сердцѣ, онъ отличался чрезмѣрною скупостію, по расположеніемъ народа овладѣлъ своею доступностью, ласковымъ обращеніемъ, строгимъ соблюденіемъ старыхъ обычаевъ и въ особенности сохраненіемъ достоинства при преслѣдованіи Разстригою.

Сдѣлавшись Царемъ по избранію и то одною Москвою, такъ сказать, тайкомъ отъ земли, Василій Іоанновичъ въ первые дни

---

*) В. И. Шуйскій былъ потомокъ Димитрія Суздальскаго, спорившаго съ Димитріемъ Донскимъ за Вел. Княженіе, внукъ Андрея Шуйскаго убитаго псарями по приказанію Іоанна IV Грознаго и сынъ Ивана Андреевича Шуйскаго, погибшаго въ бою со Шведами при осадѣ Лоде въ 1573 году.

теплой признательности желая, чѣмъ нибудь плѣнить бояръ—избирателей не поступаясь казною, рѣшился, на что не имѣлъ ни малѣйшаго права и къ удовольствію немногихъ, но ко вреду всего Государства, измѣнилъ священнымъ правамъ Самодержавія. Доброхотно ограничивая Царскую власть, новоизбранный Царь цѣловалъ крестъ въ томъ, что «*не осудя истинымъ судомъ съ боярами своими никого смерти не предавать, вотчинъ, дворъ и имѣній у братьевъ, жены и дѣтей преступника не отнимать, если они не виновны; доносовъ лживыхъ не слушать, но изслѣдовать дѣло какъ можно обстоятельнѣе; а ложныхъ доносчиковъ казнить, смотря по винѣ, которую возвели на другаго*». Но вмѣсто одобренія онъ слышалъ только выраженіе негодованія отъ многихъ знатныхъ и незнатныхъ. Карамзинъ по этому поводу говоритъ: «*Сіи Россіяне были истинные друзья Отечества, не рабы и не льстецы низкіе: имѣя въ свѣжей памяти грозы тиранства еще помнили и бурные дни Іоаннова младенчества когда власть Царская въ пеленахъ дремала*».

Царь, не внималъ такому сужденію.—за то при первомъ же случаѣ, когда служебная необходимость потребовала смѣщенія чиновниковъ Лже-Димитрія, то и тутъ поднялся ропотъ противъ Василія Іоанновича въ нарушеніи данныхъ обѣтовъ: бояре считали себя теперь равными Царю по правамъ власти, и кто изъ зависти, кто потому, что скупой Царь не сыпалъ милостями, не стѣсняясь, осуждали его поступки, дѣятельность и даже самое избраніе; народъ не былъ доволенъ тѣмъ, что боярская власть черезчуръ возвысилась, а неудовольствіе населенія, избравшаго въ одинъ годъ четырехъ Царей, при совершившихся двухъ цареубійствахъ, угрожало своеволіемъ.—въ областяхъ также не было спокойствія. Тамъ были сбиты съ толку грамотою, всюду разосланною отъ имени бояръ и всѣхъ людей Московскихъ, въ которой говорилось, что Гришка Отрепьевъ овладѣлъ Государствомъ съ «*бѣсовскою помощью*», что этотъ обманщикъ и еретикъ погибъ за свои злодѣйства и что избранъ новый, благодатный Царь, но ничего не говорилось, почему годъ назадъ такія же грамоты извѣщали, что Ѳеодоръ Годуновъ свергнутъ законнымъ наслѣдникомъ престола Царевичемъ Димитріемъ, вдругъ превратившагося въ Гришку Отрепьева, ни за какія злодѣйства и какъ именно погибъ Лже-Димитрій и наконецъ были недовольны тѣмъ, что новый Царь нарушилъ форму уже священную, по которой выбор-

ные Цари садились на престолъ только по совѣту и выбору всей земли.

Ко всему этому, Василій Іоанновичъ переживалъ въ одиночествѣ шестой десятокъ лѣтъ и слѣдовательно вопросъ о престолонаслѣдіи былъ на очереди.

Перенесеніе мощей. Избраніе Патріарха. Желая доказать народу, что Разстрига былъ никто другой какъ дерзкій самозванецъ, Царь Василій Іоанновичъ распорядился перенесеніемъ тѣла Царевича Димитрія изъ Углича въ Москву, но этимъ онъ также воскресилъ воспоминаніе о своихъ двухъ лже-свидѣтельствахъ и не въ свою пользу.

Могила Царевича Димитрія, опальная при Самозванцѣ, теперь была вскрыта съ великою честію. Тѣло зарѣзаннаго младенца оказалось и послѣ 15 лѣтъ въ состояніи почти совершеннаго нетлѣнія. Сохранилась и одежда, даже горсть орѣховъ въ его правой рукѣ, что свидѣтельствовало о мгновенности смерти, а не такъ какъ когда-то доносилъ Василій Ивановичъ Шуйскій, что Царевичъ зарѣзавшись, долго передъ смертію бился о землю. Всѣ сословія народа несли Раку Святаго на перемѣнныхъ рукахъ отъ самаго Углича. Подъ Москвою мощи Царевича были встрѣчены Царемъ и онъ, возложивъ ихъ «*на рамена*», самъ несъ до храма Михаила Архангела. Здѣсь Царица-инокиня Марѳа, обливаясь слезами, громко молила Царя, духовенство и народъ отпустить ей грѣхъ подневольнаго согласія съ Лже-Димитріемъ на обманъ народа. Святители, съ согласія Царя, освободили ея совѣсть отъ этихъ мучительныхъ укоровъ.

Послѣ перенесенія мощей, Царь возвелъ казанскаго митрополита Гермогена въ санъ патріарха, безъ котораго оставалась церковь послѣ низверженія грека Игнатія, въ первый день воцаренія Василія Іоанновича.

Внѣшняя политика Василія Іоанновича Шуйскаго. Большою заботою Царя было примиреніе съ Польшею. Дворянинъ князь Григорій Волконскій отправился въ Краковъ, съ изъявленіемъ Королю сожалѣнія о нарушеніи дружескихъ отношеній дѣломъ Гришки Отрепьева и съ объясненіемъ, что Царь не только не повиненъ въ московскихъ убійствахъ поляковъ, но что онъ спасъ многихъ изъ нихъ, въ томъ числѣ и Мнишка съ дочерью. Но царскій посолъ, проѣзжая польскія владѣнія, встрѣтилъ со стороны народа ругань и оскорбленія. а Королемъ былъ принятъ

холодно и съ притворнымъ недовѣріемъ ко всему, что онъ говорилъ. Даровъ Сигизмундъ не принялъ и желая писать къ Царю, объявилъ намѣреніе отправить свою грамоту съ самимъ Волконскимъ. Тогда окончательно оскорбленный посолъ отказался принять ее. говоря Королю *«я не гонецъ»*. Возвратившись къ Царю съ поклономъ отъ Короля, Волконскій донесъ, что Король обѣщалъ прислать въ Москву своего чиновника для переговоровъ. Но ожидаемый чиновникъ не показывался, а Царь, желая и наконецъ установить прочную дружбу со всѣми Державами въ Европѣ и Азіи, все разсчитывалъ на миръ съ Польшею и поэтому отклонялъ и не соглашался принять союзъ, который ему предлагалъ Карлъ IX шведскій противъ Сигизмунда.

Возмущеніе южныхъ городовъ. Скоро объяснились причины несговорчивой гордости Сигизмунда. Дворянинъ Михайло Молчановъ, битый кнутомъ въ царствованіе Бориса и низкій убійца юнаго Царя Ѳеодора Борисовича Годунова, скрылся во время казни самозванца и дѣйствуя по условію съ княземъ Григоріемъ Шаховскимъ. оглашалъ гдѣ могъ будто Лже-Димитрій не погибъ. Перебѣжавши въ Польшу. Молчановъ немедленно нашелъ пристанище и помощь. Волконскій еще будучи въ Краковѣ зналъ, что какая-то таинственная личность. находящаяся въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми знатными Русскими. проживаетъ то въ Сендомирѣ, то въ Самборѣ. что она окружена большимъ почетомъ и что жена воеводы Мнишка хотя и называетъ эту особу своимъ зятемъ, но очень тщательно скрываетъ ее отъ людей. Никто тогда не подозрѣвалъ, чтобы съ таинственною особою Самбора могъ находиться въ сношеніяхъ князь Григорій Шаховской, хотя бывшій любимецъ Разстриги. но такъ усердно клявшій его память, что Царь Василій въ знакъ особеннаго довѣрія назначилъ его воеводою въ Путивль. одинъ изъ главныхъ городовъ Сѣверской Украины. Шаховской ненавидѣлъ Василія Іоанновича Шуйскаго, лишившаго его важной роли при Разстригѣ и теперь, считая положеніе Царя шаткимъ, находилъ это время удобнымъ для новой смуты. Онъ торжественно объявилъ гражданамъ Путивля, что вмѣсто Димитрія убили какого-то нѣмца, что самъ Царь Димитрій живъ и скрывается въ Польшѣ въ ожиданіи помощи отъ людей ему вѣрныхъ, и что озлобленный Василій готовитъ Путивлю судьбу Новгорода временъ Іоанна Грознаго. Къ нему присталь черниговскій воевода князь Андрей Телятевскій; чернь

тоже охотно приняла воззванія къ ней и всѣ почти города Южной Россіи одинъ за другимъ отложились отъ Москвы. Стрѣльцы, торговые люди, народъ и казаки избрали своимъ предводителемъ бывшаго слугу Телятевскаго, Болотникова, который прибылъ гонцомъ къ Шаховскому изъ Польши отъ втораго лже-Димитрія. Правительство Москвы, быть можетъ не считая возможнымъ чтобы успѣхи перваго Самозванца повторились еще разъ при второмъ, ограничилось тѣмъ, что въ Сѣверскую землю отправило крутицкаго митрополита Пафнутія. Но пастырскія увѣщанія Пафнутія, какъ и грамоты Царицы-инокини Марѳы, не имѣли успѣха. Шуйскому не вѣрили, вѣрность ему называли измѣною и шли къ Болотникову, который принималъ въ шайки всѣхъ людей безъ разбора, обѣщая имъ не только волю и богатство, но и почести.

Повсемѣстно начались грабежи и злодѣйства: посадскіе люди убивали воеводъ, холопы убивали господъ, насиліемъ женились на боярскихъ дочеряхъ и всякому имущему вмѣнялся въ тяжкое преступленіе его достатокъ.

Успѣхи Болотникова. Спохватились въ Москвѣ и выслали войско для усмиренія мятежа къ Ельцу и Кромамъ, но Болотниковъ разбилъ царское войско, а тѣмъ временемъ боярскій сынъ Пашковъ успѣлъ возмутить Тулу, Веневъ, Каширу; рязанскій дворянинъ Прокопій Ляпуновъ и Сунбуловъ подняли Рязанскую область. Мятежъ распространился и по Волгѣ, охватилъ Пермь, Вятку и даже отдаленная Астрахань признала своимъ царемъ Самозванца. Сильная Тверь, славимая въ лѣтописяхъ за вѣрность и теперь осталась внѣ мятежнаго волненія но это не могло удержать наступательнаго движенія Болотникова. Онъ перешелъ Оку и разбилъ еще одну царскую рать у села Троицкаго въ 50 верстахъ отъ Москвы и двинулся къ самой Москвѣ. Засѣвши въ октябрѣ въ селѣ Коломенскомъ въ 7 верстахъ отъ столицы, Болотниковъ началъ подметными письмами возбуждать ея населеніе къ избіенію высшихъ классовъ. Одна лѣтопись, описывая это время, говоритъ, что «*Царь безъ искусныхъ стратиговъ и безъ казны сѣтъ орелъ безкрылый*» и что положеніе Василія Шуйскаго было именно такимъ, потому что Лже-Димитрій послѣ Бориса нашелъ богатую казну и только одного измѣнника, Басманова, а Царю Василію онъ оставилъ только одинѣхъ измѣниковъ. Дѣйствительно, положеніе Василія Іоанновича дѣлалась до того стѣсненнымъ, что

онъ терялъ надежду на успѣхъ, но по счастію, воеводы городовъ не захотѣли подчиняться Болотникову, который уже величалъ себя царскимъ воеводою, требовали отъ него и отъ Шаховскаго, чтобы они указали гдѣ же Царь Димитрій? Когда изъ такихъ запросовъ объяснилось для воеводъ, что они вовсе не служатъ высокой государственной цѣли, а что въ союзѣ съ холопями они какъ и союзники сдѣлались разбойниками своей родной земли, то Прокопій Ляпуновъ первымъ пошелъ съ повинною къ Царю, а за нимъ всѣ Рязанцы, Сунбуловъ и другіе. Въ то-же время царскій 20 лѣтній племянникъ Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, при помощи ратныхъ людей, присланныхъ отъ вѣрныхъ городовъ Твери и Смоленска разбилъ мятежниковъ у Даниловскаго монастыря. Болотниковъ бѣжалъ къ Серпухову, но тамъ его не захотѣли, тогда онъ кинулся въ Калугу, укрѣпилъ городъ, вновь собралъ нѣсколько тысячъ мятежниковъ и блистательно выдерживая осаду царскихъ войскъ, наконецъ разбилъ ихъ и подкрѣпленный 15,000 перебѣжчиковъ выступилъ въ Тулу, гдѣ соединился съ Шаховскимъ и Илейкою (Лже-Петромъ).

Осада Тулы 1607 (Май)

Осада и взятіе Тулы. Лже-Димитрій II. Теперь Царю представлялся удобный случай подавить мятежъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ противъ главарей, собравшихся вмѣстѣ. Василій Іоанновичъ собралъ стотысячную армію и повелъ ее къ Тулѣ подъ личнымъ своимъ предводительствомъ.

Между тѣмъ осажденные писали въ Польшу, что однимъ именемъ Самозванца нельзя долѣе удерживать народъ въ ослѣпленіи и настоятельно требовали скорѣйшей присылки какого-нибудь Лже-Димитрія. Польша отозвалась и 1-го августа въ Стародубѣ появился Лже-Димитрій II.

Въ точности неизвѣстно его происхожденіе. По увѣренію лѣтописцевъ, новый самозванецъ былъ бродяга, поповскій сынъ Матвѣй Веревкинъ, по свидѣтельству же государственныхъ бумагъ онъ былъ жидъ. Смуглый съ черною бородою и крючковатымъ носомъ, онъ вовсе не походилъ на перваго самозванца, но тоже твердо зналъ Русскій и Польскій языки, Св. писаніе и кругъ церковный. Въ обращеніи былъ грубъ и «*корыстолюбивъ до низости*». Многіе люди Сѣверской земли знали въ лице перваго самозванца, въ особенности Атаманъ Заруцкій, но это ему не помѣшало пасть къ ногамъ Стародубскаго обманщика и исчислять передъ нимъ тѣ битвы, въ которыхъ будто они вмѣстѣ были участ-

никами. Дружины всей Сѣверской области также не замедлили собираться вокругъ Лже-Димитрія II, но онѣ не представляли такой силы, чтобы можно было съ ними отважиться на выручку Тулы, которая держалась, но терпѣла недостатокъ въ провіантѣ и соли. Наконецъ Тулу взяли, когда по предложенію муромца Сумина Кравкова ее подтопили удержавши теченіе Упы запрудами. Шаховскаго сослали въ Каменную область Кубенскаго озера. Болотникова, Атамана Нагибу и еще нѣкоторыхъ тайно утопили въ Каргополѣ, Илейку повѣсили на Серпуховской дорогѣ, но къ стыду правосудія Василія Іоанновича. князя Телятевскаго оставили безъ наказанія, уважая въ немъ высокое происхожденіе.

Въ то же время появился еще одинъ Самозванецъ, который придумалъ выдавать себя за Ѳеодора, мнимаго сына Царя Ѳеодора, но его убили по приказанію Стародубскаго Самозванца.

Женитьба Царя. Тушинскій лагерь. Пріѣздъ Марины въ Тушино. Царь возвратился въ Москву съ полнымъ убѣжденіемъ, что главное покончено и занявшись личнымъ, давно желаннымъ дѣломъ, вступилъ въ бракъ съ дочерью боярина Петра Ивановича Буйносова-Ростовскаго. Но спокойствіе Василія Іоанновича вскорѣ было нарушено новыми вѣстями о Самозванцѣ. къ которому на подкрѣпленіе пришли польскіе отряды наѣзднка Лисовскаго, князя Рожинскаго, донскіе казаки съ Заруцкимъ и въ изрядномъ числѣ Запорожцы. Царское войско выступило подъ начальствомъ Дмитрія Шуйскаго и подъ Волховымъ встрѣтилось съ Самозванцемъ. Первымъ бросился на врага князь Василій Васильевичъ Голицынъ и первымъ убѣжалъ. Подкупленный нѣмецъ Ламсдорфъ долженъ былъ передаться врагу во время боя. но напился пьянымъ и забылъ объ уговорѣ, вслѣдствіе чего, когда Московская рать побѣжала, его зарубили вмѣстѣ съ подчиненными ему нѣмцами. Пользуясь побѣдою, Самозванецъ спѣшилъ къ Москвѣ, но потерпѣвъ неудачу на р. Ходынкѣ, занялъ 1 іюня с. Тушино въ 12 верстахъ отъ Москвы и окопавшись въ немъ. превратилъ его въ укрѣпленный лагерь. Въ то же самое время королевскіе послы мирнымъ договоромъ въ Москвѣ, обязывались отъ имени Короля за освобожденіе Мнишка съ дочерью и поляковъ, задержанныхъ послѣ казни перваго Самозванца: 1) заключить перемиріе на 3 года и 11 мѣсяцевъ и въ этотъ промежутокъ времени условиться о вѣчномъ мирѣ. при чемъ владѣнія Государствъ останутся какъ были: 2) отозвать Рожинскаго. Вишневецкаго и

Битва подъ Волховымъ 1608

всѣхъ поляковъ, вступившихъ на службу къ Самозванцу; 3) впредь никакихъ самозванцевъ не признавать и никакому поляку къ самозванцамъ не приставать; 4) Юрію Мнишку не смѣть признавать новаго Самозванца своимъ зятемъ; 5) Маринѣ не смѣть называться Московскою Царицею. По этому же договору для охраны освобожденныхъ поляковъ въ дорогѣ, была назначена дружина, начальство надъ которою поручили князю Владиміру Долгорукому. Но у Мнишка были сношенія съ Тушинцами, вслѣдствіе которыхъ онъ замедлялъ свое приближеніе къ границѣ, а тушинскіе поляки, свободно сносившіеся съ послами Короля во время ихъ переговоровъ въ Москвѣ, теперь отказались исполнить Московскій договоръ и кромѣ того перехватили на Смоленской дорогѣ Марину вмѣстѣ съ ея отцемъ. Такой грубый обманъ вызвалъ справедливое негодованіе Русскихъ, но поляки не смотря на жесткія упреки боярскихъ грамотъ, не обращали на нихъ вниманія, и ликовали за успѣхъ и еще отъ того, что разосланные отряды распространили слухъ объ освобожденіи плѣнной Царицы.

Марина, которой объявили, что супругъ ожидаетъ ее съ нетерпѣніемъ была встрѣчена парадною пушечною пальбою и остановилась въ шатрахъ за версту до Тушина. Здѣсь произошло ея первое свиданіе съ Самозванцемъ, котораго гадкая наружность и грубость заставили ее содрогнуться, но честолюбіе говорило въ ней сильнѣе чувства брюзгливости и достоинства добродѣтели. Мнишекъ, поторговавшись, продалъ свое согласіе, а Марина, тайно обвѣнчанная духовникомъ своего отца, признала Лже-Димитрія II за своего перваго мужа Отреньева.

Союзъ съ Швеціею, Осада Троицкой Лавры. Филаретъ. Царь Василій обманутый поляками и ежедневно замѣчающій бѣгство многихъ знатныхъ къ Самозванцу, поздно убѣдившійся примѣрами народнаго своеволія, что лично самъ онъ, полудержавный Царь, не можетъ вызвать въ народѣ того общаго напряженія, которое необходимо для изгнанія поляковъ, засѣвшихъ въ Россіи съ Самозванцемъ, смирилъ свою оскорбленную гордость и послалъ Михаила Скопина-Шуйскаго въ Новгородъ для переговоровъ со Шведами о помощи, а къ Германскому Императору, Королю Датскому и Королю Англійскому обратился съ воззваніями о безпристрастномъ Судѣ надъ вѣроломствомъ Сигизмунда III. Но никто не отозвался къ Царю погибающей Россіи!

Между тѣмъ Сапѣга и Лисовскій, желая дѣйствовать отдѣльно отъ самозванца, осадили 23 сентября Троицко-Сергіевскую Лавру *), которая своими богатствами манила ихъ алчность. Но Лавра еще при Іоаннѣ IV была обнесена крѣпкими каменными стѣнами, а Царь Василій успѣлъ заблаговременно снабдить ее всѣмъ необходимымъ для защиты. Гарнизонъ Лавры, по собственному ея небольшому размѣру не могъ быть великъ, и казалось, что онъ не будетъ въ состояніи отстоять мощи Св. Сергія противъ 30,000 поляковъ, казаковъ, тульскихъ и рязанскихъ мятежниковъ, но религіозное одушевленіе и его ненависть къ полякамъ дѣлали чудеса. Подъ предводительствомъ Григорія Долгорукаго и Алексѣя Голохвастова, горсть людей въ теченіе шестнадцати мѣсяцевъ осады безропотно переносила болѣзни, голодъ и отразила всѣ приступы врага. Величаво стояла осажденная Лавра, но вмѣсто подражанія ей и помощи, въ которой она чрезвычайно нуждалась, сѣверные города: Суздаль **) Владиміръ, Переяславль Залѣсскій, передались самозванцу. Ростовъ защищался, но мятежники одолѣли, разграбили городъ и церкви. Въ соборномъ храмѣ они схватили митрополита Филарета и привезли его въ Тушино въ рубищѣ и босымъ. Самозванецъ выразилъ участіе, оказалъ племяннику Царицы Анастасіи ***) всѣ знаки сугубаго уваженія, провозгласилъ его патріархомъ, но зная, что Филаретъ врагъ измѣнъ и смуты, держалъ его подъ строгимъ надзоромъ.

Участь разграбленнаго Ростова навела ужасъ на другіе города. Многіе жители Ярославля разбѣжались и двадцать два города присягнули тушинскому вору.

Перелеты. Возстаніе народа на сѣверѣ противъ тушинскаго вора. Его неудачи. Москва не могла оказывать Лаврѣ никакой серьезной помощи, тѣмъ болѣе, что въ самой Москвѣ происходило нѣчто у насъ невиданное. Многіе присягали теперь Самозванцу уже не по заблужденію или обману, а изъ разсчета, котораго не стыдились и не скрывали; но добившись желаемаго въ Тушинѣ, возвращались въ Москву съ принесеніемъ раскаянія. Царь не только не казнилъ кающихся, но миловалъ и награж-

*) Въ 60 верстахъ отъ Москвы. Стѣны ея вышиною 4 саж., шириною 3 саж. Окружность 642 саж.

**) Измѣнникъ дворянинъ Шиловъ первымъ цѣловалъ крестъ самозванцу въ Суздалѣ.

***) Первая супруга Іоанна IV Грознаго.

далъ, а помилованные и награжденные опять шли къ Самозванцу. Такихъ людей прозвали презрительною кличкою «*перелетовъ*».

Царь скорбѣлъ и жилъ въ тревогѣ безъисходной, но уже шли къ концу и красные дни Самозванца. Прежде другихъ, жители сѣверныхъ городовъ убѣдились въ томъ, что присяга «*вору*» не спасаетъ ихъ отъ грабежа тушинцевъ, ни церквей отъ поруганія, ни семей отъ безчестія и поняли наконецъ, какого рода удальцы господствуютъ надъ Русскою землею. Галичъ, Ярославль, Кострома, Вологда и Устюгъ стали сноситься о взаимопомощи и поднялись, а крестьяне принялись за встрѣчи незванныхъ гостей вмѣсто прежняго хлѣба-соли съ дубиною въ рукахъ. Въ самомъ же тушинскомъ лагерѣ вся зима прошла въ несогласіяхъ, безпорядкахъ и бунтахъ войсковыхъ слугъ, которые своевольно уходили толпами на поживу, а чтобы ихъ собирать, усмирять и возвращать требовались разсылки значительныхъ отрядовъ. Такая распущенность тушинскаго сброда давала Самозванцу возможность успѣшно дѣйствовать только противъ подвоза Москвѣ продовольствія *), битвы же, какъ ни были часты, никогда по своей незначительности не могли имѣть рѣшающаго характера, и потому «*вору*» никакъ не удавалось прорваться въ Москву, а когда наконецъ лѣтомъ за такое покушеніе Князь Дмитрій Шуйскій съ воеводами Иваномъ Куракинымъ и Борисомъ Лыковымъ побили его и прогнавши до р. Ходынки, взяли у него 700 плѣнныхъ, то онъ догадался что настала пора думать о собственной безопасности.

Безпорядки въ Тушинѣ 1608—1669

Союзъ съ Швеціею. Михаилъ Скопинъ. Делагарди **). Шведскій Король Карлъ IX давно предлагалъ свою помощь, но теперь онъ за нее потребовалъ уступки города Корелы съ уѣздомъ и чтобы съ нимъ былъ заключенъ союзъ противъ Польши на вѣки вѣковъ. Некогда было склонять сѣвернаго сосѣда къ уступчивости и весною Михаилъ Скопинъ двинулся отъ Новгорода

*) Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ въ Москвѣ взволновалъ многихъ изъ служилыхъ людей. Недовольные кричали, что Шуйскій не избранъ всею землею, но ничего не могли отвѣтить на вопросъ патріарха Гермогена, давно ли другіе города стали указывать Москвѣ, а не она имъ, а Василій Іоанновичъ объявилъ мятежникамъ, что они убить его могутъ, но лишить престола безъ согласія земли—нѣтъ. Мятежники ушли въ Тушино.

**) Делагарди былъ сподвижникомъ знаменитаго Морица Саксонскаго въ борьбѣ за независимость Голландіи. Когда Делагарди вступилъ въ Россію, ему было 27 лѣтъ, а Михаилу Скопину 24.

Очищеніе городовъ 1609

съ своею ратью и пятью тысячами шведовъ подъ начальствомъ Делагарди. Быстро, въ два мѣсяца Скопинъ очистилъ занятые на имя самозванца города: Старую Русу, Торопецъ, Порховъ и др., два раза разбилъ тушинцевъ, сначала Зборовскаго, потомъ Сапѣгу подъ монастыремъ Св. Макарія калязинскаго и торопился къ Москвѣ. Князь Прозоровскій и Сукинъ разбили подъ Коломною шайку Хмѣлевскаго, другія шайки были разсѣяны княземъ Пожарскимъ у с. Высоцкаго, верстахъ въ 30 отъ Коломны. Такимъ образомъ очищался сѣверъ. Въ тоже время Нижегородцы ободренные движеніемъ Ѳеодора Шереметьева изъ Астрахани на Казань, взяли Балахну, низовые города Юрьевъ, Гороховецъ, Холуй и др. и разбили ляховъ у Лухи, слѣдовательно пути для подвоза Москвѣ продовольствія освобождались и съ востока, а на самомъ востокѣ, Петръ Строгоновъ и греческаго исповѣданія нѣмецъ Даніилъ Эйлофъ успѣли удержать отъ измѣны Соль-Вычегодскъ и другіе города Пермской и Казанской области. Самозванецъ при этихъ новостяхъ растерявался, но его ожидала еще другая тревога со стороны польскаго Короля.

Появленіе Сигизмунда. Бѣгство самозванца въ Калугу *). Король Сигизмундъ III вредилъ Россіи какъ только могъ, но тайно, и оговаривался неимѣніемъ возможности удалить польскія шайки изъ русскихъ областей. Россія, доведенная до крайности, была вынуждена принять вѣчный союзъ Швеціи. Этотъ союзъ конечно могъ если не теперь, то впослѣдствіи быть опаснымъ Польшѣ и вотъ наконецъ явилось у Сигизмунда основаніе къ открытому вторженію въ Россію, желанное тѣмъ болѣе, что паны, вернувшіеся изъ Москвы, увѣряли, что довольно одного появленія Короля съ войсками на Русской землѣ, чтобы Русскіе немедленно низложили Шуйскаго въ пользу Королевича Владислава. Это послѣднее обстоятельство льстило династическимъ цѣлямъ Сигизмунда и онъ немедленно объявилъ войну. Но власть польскаго Короля была очень ограничена сеймомъ, отъ котораго зависѣли средства для войны. Сигизмундъ, разсчитывая пріобрѣсть Россію воцареніемъ въ ней своей династіи, въ собраніи сейма обязался соблюдать одинъ выгоды Польши и съ 20,000 войска появился подъ

*) Въ это время появлялись еще три самозванца мнимые: сынъ Августъ и внуки Іоанна Осиновикъ и Лавръ, но всѣ они погибли насильственною смертью: Осиновика убили казаки, Августъ и Лавръ повѣшены на московской дорогѣ по приказанію лже-Дмитрія II, непризнавшаго ихъ своими царственными родственниками.

стѣнами Смоленска. Царь Василій не имѣлъ никакихъ средствъ остановить это вторженіе, но за то и Сигизмундъ скоро разочаровался въ предсказанной легкости побѣдъ, начиная съ Смоленска, который, вмѣсто ожидаемой покорности, отвѣчалъ на королевскій универсалъ, обѣщающій сохраненіе Русской вѣры и защиту Русскимъ людямъ, что: *«всѣ они твердо рѣшились умереть за Вѣру и Царя, но отнюдь не кланяться польскому Королю»*. Городъ отвергъ всѣ переговоры о сдачѣ. Тогда Поляки открыли по немъ пальбу изъ пушекъ и распорядились приступами. На пальбу отвѣчали такою же пальбою, а приступы всѣ до единаго были отбиты. Подошла зима,—Король упорно оставался на мѣстѣ.

Между тѣмъ со вступленіемъ Сигизмунда въ Россію, Запорожцы стали забирать его именемъ города Сѣверской области. Эти вѣсти чрезвычайно взволновали тушинскихъ поляковъ, которые въ захватѣ городовъ видѣли посягательство Короля на ихъ собственность для себя завоеванную, а тушинскіе воеводы еще болѣе обижались, потому что вмѣшательство Короля разрушало ихъ надежды раздѣлить современемъ богатства всей Россіи между собою и Самозванцемъ. Но не успѣли Тушинцы еще опомниться отъ новостей изъ Украйны, какъ уже въ Тушино прибыли королевскіе послы съ требованіемъ, чтобы Поляки оставили Самозванца и отправлялись подъ знамена Сигизмунда. Поднялись волненія, шумные переговоры, а на самого Іже-Димитрія уже никто не обращалъ вниманія. Этимъ знакомъ почета Самозванецъ не былъ избалованъ, ни со стороны поляковъ, ни со стороны прозрѣвшихъ Русскихъ, но прежде по крайнѣй мѣрѣ не доходило до угрозъ побоями, а теперь, когда онъ попробовалъ гордо спросить своего Гетмана Рожинскаго, что дѣлаютъ въ Тушинѣ королевскіе послы и почему они къ нему не являются, то пьяный Рожинскій отвѣчалъ бранью и поднялъ на него руку. Самозванецъ понялъ, что здѣсь ему оставаться опасно и боясь быть выданнымъ, бѣжалъ ночью 29 декабря въ Калугу, переодѣвшись въ крестьянское платье.

Посольство тушинцевъ 1610

Посольство Тушинцевъ къ Сигизмунду III. Въ бѣгствѣ Самозванца поляки потеряли значекъ, которымъ они прикрывали свое поведеніе въ Россіи и потеряли кромѣ того основаніе для несогласія съ королевскими послами. Русскіе же тушинцы услыхавъ о предложеніи Короля принять ихъ подъ свое покровительство только восхитились. Ихъ измѣнѣ и ихъ исканіямъ вдругъ

представлялся исходъ во всякомъ случаѣ лучшій для людей въ ихъ положеніи. Они избавлялись отъ службы вору, дѣла котораго едва ли могли подняться, устранялся тяжкій отвѣтъ передъ Царемъ Василіемъ, открывался новый путь даже къ честолюбію и потому между ними было немедленно составлено посольство подъ Смоленскъ изъ боярина Михайло Глѣбовича Салтыкова, его сына Ивана, Князей Рубецъ-Масальскаго и Хворостинина, Льва Плещеева, хитраго дѣльца дьяка Грамотина, дьяковъ Андронова *), Чичерина, Лираксина и др., числомъ болѣе сорока. Король принялъ это посольство 31 генваря и ласково. Послы представили Королю челобитную о дарованіи имъ въ Цари Королевича Владислава, но при этомъ выговаривали неприкосновенность православной Русской вѣры и неприкосновенность правъ высшихъ сословій, ограничивали власть избираемаго Думою, безъ которой онъ бы не могъ отмѣнять, или создавать законы, кромѣ того требовали признанія за каждымъ Русскимъ право на отъѣздъ въ чужіе края *«для науки»* и обязательства не давать воли холопямъ.

Бѣгство Марины 1610

Бѣгство Марины. Сожженіе Тушинскаго лагеря. Между тѣмъ 11 февраля Марина, переодѣтая въ гусарское платье, тоже тайкомъ бѣжала изъ Тушина. Сбившись съ дороги на Калугу, она попала въ Дмитровъ, гдѣ встрѣтила Сапѣгу, тамъ расположившагося послѣ неудачной осады Сергіевской Лавры. Сапѣга совѣтовалъ ей возвратиться къ отцу, но Марина такихъ совѣтовъ не хотѣла даже слушать и уѣхала въ Калугу.

Мѣсяцъ спустя, 15 марта, Рожинскій объявилъ оставшимся въ Тушинѣ, что теперь всякій изъ нихъ воленъ идти въ любую сторону, — затѣмъ зажегъ таборъ и ушелъ къ обители Іосифа Волоколамскаго. Казаки разбились: одни ушли въ Калугу, — тысячи три послѣдовали за Рожинскимъ, котораго по пятамъ преслѣдовали дружины Михаила Скопина. Волуеву удалось во время этихъ преслѣдованій освободить изъ плѣна Митрополита Филарета, самъ же Рожинскій въ какой то междоусобной свалкѣ упалъ на каменную лѣстницу монастыря и такъ ушибся, что вскорѣ умеръ. Сапѣга ушелъ къ Самозванцу.

Вступленіе Михаила Скопина въ Москву. Его смерть. Клу-

---

*) Андроновъ, кожевникъ по ремеслу изъ числа „*перелетовъ*“, возвысился на службѣ у обоихъ Самозванцевъ.

шинская битва. Такимъ образомъ Москва безъ боя избавилась отъ Тушинскаго скопища и Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій могъ въ нее вступить безпрепятственно. Народъ, приписывая Скопину заслугу возстановленія почти всего Государства въ пять мѣсяцевъ, чрезвычайно къ нему расположился, а Рязанцы, возбуждаемые думнымъ дворяниномъ Ляпуновымъ, прямо отправили къ нему челобитную грамоту и посланниковъ, которые поздравили его Царемъ. Скопинъ оскорбился, разорвалъ грамоту, хотѣлъ отправить челобитчиковъ въ Москву, но подумавши о будущности, какая при этомъ ожидаетъ Рязанцевъ, выразившихъ ему преданность онъ дозволивши себя упросить, отправилъ ихъ обратно въ Рязань, а дѣло предалъ забвенію ничего не донося въ Москву. Но недремлющая зависть обвиняла Скопина въ заговорѣ и этой клеветѣ особенное покровительство оказалъ Дмитрій Шуйскій, братъ Царя, но Царь приказалъ ему замолчать и въ гнѣвѣ даже выгналъ отъ себя.

Вступленіе Скопина въ Москву и его смерть 1610

23 марта состоялось торжественное вступленіе въ Москву Князя Михаила Скопина вмѣстѣ съ Делагарди. По Царскому повелѣнію знатные чиновники встрѣтили Скопина за городомъ. Народъ поднесъ ему хлѣбъ-соль, билъ челомъ за спасеніе Государства, назвалъ его отцомъ Отечества, но Василій Іоанновичъ благодарилъ всѣхъ теплѣе со слезами на глазахъ. Благодарили и Делагарди. Такому успѣху Скопина въ общемъ расположеніи очень не сочувствовалъ Дмитрій Ивановичъ Шуйскій, который разсчитывалъ быть Царемъ послѣ своего брата и теперь въ Скопинѣ увидѣлъ опаснаго соперника. — недовольною осталась и жена Дмитрія Шуйскаго Екатерина, дочь Малюты Скуратова.

На 23 апрѣля былъ назначенъ пиръ у Князя Ивана Воротынскаго, царскаго свояка. Праздновалъ онъ крестины новорожденнаго и позвалъ въ крестные къ своему ребенку знаменитаго родича Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго. Пиръ весело шелъ, вдругъ крестному сдѣлалось худо, его отвезли домой и чрезъ двѣ недѣли онъ умеръ, истекая кровотеченіемъ изъ носу. Никто не соглашался вѣрить естественности странной болѣзни, такъ быстро похитившей здороваго 24 лѣтняго человѣка и стала молва приписывать эту смерть другому обстоятельству. Толки быстро перешли въ убѣжденіе, будто Екатерина Шуйская поднесла зелье въ *«чашѣ на перепиваньи»*. — Заподозрили самого

Царя! Народъ пришелъ въ ярость и царская дружина не безъ труда отстаивала домъ Дмитрія Ивановича Шуйскаго.

Михаила Скопина, красиваго, умнаго и талантливаго въ ратномъ дѣлѣ очень любили, прочили бездѣтному Царю въ наслѣдники, теперь эта утѣшительная надежда исчезла и исчезла отъ преступленія! Василій Іоанновичъ Шуйскій, Царь избранный одною Москвою, да и то всею ли, Царь нелюбимый, теперь сдѣлался ненавистнымъ и на его слезы о погибшемъ доблестномъ племянникѣ смотрѣли съ злобнымъ недовѣріемъ. Ляпуновъ прямо обвинялъ Царя въ преступленіи, и о его низложеніи завелъ переговоры въ Москвѣ съ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ, который не переставалъ мечтать о престолѣ для себя. Между тѣмъ Царю стала угрожать опасность и съ другой стороны. Когда Сигизмундъ узналъ о неожиданной смерти Князя Скопина, то видимо ободрился и немедленно отправилъ Гетмана Станислава Жолкѣвскаго противъ войскъ, выступившихъ изъ Москвы къ Смоленску подъ начальствомъ всѣми ненавидимаго Дмитрія Шуйскаго. 24 іюня Жолкѣвскій неожиданно напалъ на сонныхъ Русскихъ у села Клушина. Битва было разгорѣлась, но отступленіе шведовъ и измѣна иностранныхъ дружинъ рѣшили побѣду въ пользу Гетмана.

Послѣ этой побѣды Жолкѣвскій, превозгласивъ Королевича Владислава Русскимъ Царемъ, направился къ Москвѣ, куда съ другой стороны спѣшилъ изъ Калуги Самозванецъ.

Низложеніе Царя Василія Іоанновича. Всѣ несчастія приписывались самому Царю. Братья Ляпуновы и князь Василій Голицынъ возбуждали народъ, говорили, что земля раздѣлилась, потому что Царь не былъ избранъ всею землею Русскою, что Василій «*Царь несчастливъ*» и что его братья отравили Скопина, защитника Россіи. На такія рѣчи, поминающія Скопина, народъ кричалъ: «*Не хотимъ Царя Василія*», другіе добавляли: «*ни Самозванца, ни ляховъ*»!

Убѣдились наконецъ главные враги Шуйскаго, что дѣло о его низложеніи доведено въ Москвѣ до конца,—боялись только преждевременною торопливостію не оказать бы услуги Самозванцу, которымъ гнушались. Положили снестись съ тушинцами. На общемъ съ ними совѣщаніи у Даниловскаго монастыря всѣ согласились въ томъ, чтобы Москва низложила Василія;—тушинцы тогда выдадутъ Москвѣ Самозванца для казни, послѣ чего вмѣстѣ, всею землею избе-

рутъ Царя и прогонятъ ляховъ. Принятое рѣшеніе было утверждено взаимною клятвою и потомъ на Красной площади братьями Ляпуновыми и дворяниномъ Хомутовымъ передано народу. Народъ изъявилъ радость! Тогда пригласили патріарха и бояръ и за тѣснотою мѣста для общаго сужденія, перешли за Москву рѣку къ Серпуховскимъ воротамъ. Справедливо толковали, что Государство слабо отъ разъединенія, что враги сгинутъ, какъ только земля соединится. Но придя къ заключенію, что при нелюбимомъ Царѣ Василіѣ, Сѣверская земля на соединеніе не пойдетъ, тушинцы тоже, положили: бить челомъ Царю Василію Іоанновичу, чтобы онъ оставилъ свое государствованіе и принялъ бы Нижній-Новгородъ въ удѣлъ; цѣловать крестъ всѣмъ міромъ въ вѣрности церкви и Государству; въ Цари избрать кого Богъ дастъ, а до тѣхъ поръ править Годарствомъ Думѣ, но съ тѣмъ, чтобы въ ней никому изъ Шуйскихъ не сидѣть. Только одинъ голосъ патріарха возвысился въ пользу Царя Василія, но его никто не слушалъ и къ Царю съ объявленіемъ о его низложеніи послали Ивана Воротынскаго съ братьями Ляпуновыми. Василій Іоанновичъ всегда оказывалъ замѣчательную твердость духа при несчастіяхъ и теперь же безъ трепета смотрѣлъ на приближеніе толпы. Захарій Ляпуновъ первый заговорилъ къ Царю: «*Василій Іоанновичъ! Ты не умѣлъ царствовать, отдай же вѣнецъ и скипетръ*». Но Царь, оскорбленный и негодующій, не согласился на просьбы и убѣжденія и уступилъ только насилію.

Когда Василія Шуйскаго перевели въ его боярскій домъ, то немедленно послали требовать у тушинцевъ выдачи Самозванца. но тѣ отвѣчали: «*хвалимъ ваше усердіе, вы свергнули Царя беззаконнаго, служите же истинному. Да здравствуетъ сынъ Іоанновъ! Если-вы клятвопреступники, то мы вѣрны въ обѣтъ*». Обманутые Москвитяне ушамъ не вѣрили! Патріархъ хотѣлъ воспользоваться удобною минутою, снова обратился къ народу съ рѣчью въ пользу Василія Шуйскаго, но народъ отвергъ это ходатайство, быть можетъ боясь Царской мести.

Низведенный Царь ожидалъ участи Отрепьева, но на другой день 18 іюля ему было предложено постриженіе. «*Никогда не буду монахомъ*»! отвѣчалъ Шуйскій. Тогда приступили къ совершенію надъ нимъ обряда постриженія безъ его согласія и обѣты вмѣсто Шуйскаго произносилъ князь Туренинъ. Супругу Шуйскаго разлучили съ мужемъ силою и тоже постригли.

Василія Ивановича отправили въ Чудовъ монастырь, его братьевъ взяли подъ стражу, а къ областямъ Дума писала, что Шуйскій *«снявъ челобитью земли Русской, оставилъ Государство и міръ»*.

Междуцарствіе. (1610—1613).

Предложеніе Князя Мстиславскаго. Переговоры съ Жолкьевскимъ. Правительственная власть впредь до избранія Царя перешла къ Думѣ, составившейся изъ семи знатнѣйшихъ бояръ, между которыми старшій боярин князь Ѳедоръ Мстиславскій занялъ первое мѣсто, *(Семибоярщина)*.

Дума понимала, что ей не по силамъ умиротвореніе Государства, которое признаетъ верховную власть правомъ одного Царя и потому она безотлагательно занялась дѣломъ объ избраніи Царя. Но кого было избирать? Два раза возводили на престолъ изъ подданныхъ и оба раза эти избранія были бѣдственными. Въ виду такого соображенія, князь Мстиславскій предложилъ въ Цари иностраннаго принца, королевича Владислава; но это предложеніе въ Цари поляка и католика не встрѣчало сочувствія у простаго населенія, которое ненавидѣло поляковъ и латинство, въ особенности за ихъ поруганіе надъ Православіемъ *). Не сочувствовалъ искреннему предложенію Мстиславскаго и патріархъ изъ опасенія за будущую чистоту Православія. ни князь Василій Васильевичъ Голицинъ, не перестававшій мечтать о престолѣ для себя. А между тѣмъ пока этотъ вопросъ тянулся, народное своеволіе переходило къ такому развитію, что многіе изъ жителей Москвы начинали искать своей личной безопасности въ лагерѣ тушинскаго вора. Съ своей стороны и Самозванецъ, опасный народною ненавистію къ полякамъ для избранія Владислава, дѣлался этимъ же опаснымъ и для Московскаго Правительства и эта опасность со дня на день усиливалась, потому что къ казацкому царику теперь шли съ новою повинною изъ Суздаля, Владиміра, Галича. При такихъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ низложеніе Шуйскаго, Дума взывала къ Русскому народу о необходимости, всѣмъ присягнуть общему дѣлу

---

*) Въ церквахъ устраивали помѣщенія для животныхъ, на Престолы клали сырую говядину, монахинь и монаховъ ради своей забавы заставляли пѣть кабацкія пѣсни и пр.

спасенія Отечества и всею землею избрать новаго Царя, къ Жолкѣвскому же, который требовалъ признанія Царемъ Владислава и изъ Можайска извѣщалъ, что идетъ спасать Москву, бояре писали: «*Не приближайся, или встрѣтимъ тебя какъ непріятеля*». Но когда въ Думѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что Московскіе приверженцы Самозванца собираются его впустить въ столицу, то князь Мстиславскій немедленно отправилъ къ Жолкѣвскому приглашеніе приблизиться къ Москвѣ, а боярамъ, духовенству и народу, предложилъ долѣе не медлить и въ Цари избрать королевича Владислава. Патріархъ Гермогенъ опять воспротивился и съ своей стороны предложилъ избрать въ Цари четырнадцатилѣтняго боярина Михаила Ѳеодоровича Романова или князя Василія Васильевича Голицына. Но уже Жолкѣвскій стоялъ подъ Москвою, на р. Сѣтуни, противъ с. Коломенскаго, мѣстопребыванія Самозванца. Дума вышла на Лобное мѣсто, чтобы тамъ большинствомъ голосовъ рѣшить дѣло о избраніи Царя и большинство голосовъ оказалось на сторонѣ предложенія Князя Мстиславскаго, честность и добродушіе котораго были всѣмъ извѣстны. Тогда старшіе бояре Мстиславскій, Голицынъ, Шереметьевъ, окольничій Мезецкій, думные дьяки Телепневъ и Луговскій обмѣнялись съ польскимъ Гетманомъ заложниками и вошли съ нимъ въ переговоры, мѣстомъ для которыхъ выбрали Дѣвичье поле.

Договоръ о избраніи Владислава въ Цари. Для избранія въ цари польскаго Королевича Владислава Жигмонтовича, Русскіе требовали утвержденія особыхъ условій, въ главныхъ чертахъ, слѣдующихъ: 1) Владиславъ вѣнчается на Царство по обряду Русскихъ Царей, отрекается отъ латинства, лишается права сноситься съ Папою; 2) утверждается смертная казнь измѣнникамъ Русскому православію; 3) воспрещается устройство въ Россіи иновѣрческихъ церквей и въѣздъ жидамъ въ Московское Государство; 4) Владиславъ сохранитъ и будетъ блюсти всѣ Царскіе титулы, слѣдовательно и титулы Государя Кіевскаго и Ливонскаго; 5) Владиславъ сочетается бракомъ съ Русскою и при себѣ не будетъ держать болѣе пятисотъ ляховъ; 6) древніе обычаи остаются безъ измѣненія; 7) безъ согласія Боярской Думы, Владиславъ не имѣетъ права утверждать налоги и казни виновныхъ; 8) Король Сигизмундъ немедленно выступитъ изъ Русскихъ предѣловъ; 9) служебныхъ мѣстъ никто кромѣ Русскихъ занимать

не можетъ; 10) крѣпостные люди навсегда остаются въ этомъ состояніи; 11) поляки должны истребить Самозванца, Марина немедленно уѣхать въ Польшу и ей будетъ запрещено называться Русскою Царицею и проч.

Такое ограниченіе Царской власти тѣми же избирателями, которые еще такъ недавно были раздражены гораздо меньшимъ ея стѣсненіемъ и по почину самаго Царя, а впослѣдствіи окончательное возстановленіе неограниченнаго самодержавія всею землю, при избраніи 16 лѣтняго Михаила Ѳеодоровича, показываютъ, какъ недовѣрчиво относились Русскіе къ Государю иновѣрному, избираемому только по крайнему положенію Государства. Хорошія личныя качества Жолкѣвскаго не мѣшали ему быть врагомъ Россіи и паномъ, а потому онъ всѣмъ своимъ вліяніемъ поддерживалъ эти ограничительныя условія для будущаго Царя Россіи Владислава Самодержавіе въ Россіи, которымъ большинство славянскихъ племенъ и удѣлы слились въ одно Государство, было опасно Польшѣ какъ сосѣдкѣ и конечно панскія вольности. Рѣчи Посполитой также не могли бы существовать при самодержавномъ Владиславѣ въ случаѣ его превращенія изъ поляка въ Славянскаго Государя, а Жолкѣвскій все предусматривалъ.

Гетманъ Жолкѣвскій не рѣшился принять отъ имени Короля тѣ условія для Владислава, которыя относились къ его свободѣ совѣсти по исповѣданію, будущимъ титуламъ, бракосочетанію и ограниченію числа польскихъ тѣлохранителей и потому въ ожиданіи королевскаго отвѣта на свое подробное секретное донесеніе онъ затягивалъ переговоры. Но Король не отвѣчалъ, а Русскіе начинали терять терпѣніе. Положеніе Гетмана было трудное. Онъ видѣлъ что Русское Государство, добровольно склоняющееся теперь подъ вліяніе Польши, можетъ по неловкости Короля принять иное направленіе и потому предложилъ боярамъ: передать самому Королю на разсмотрѣніе какъ ихъ требованіе, чтобы Владиславъ принялъ Русскую вѣру до пріѣзда своего въ Москву, такъ и другіе пункты, которые не вошли въ договоръ съ тушинскимъ посольствомъ, — остальные же утвердить взаимною между собою присягою и присягою народа на имя Владислава. Бояре, разсудивши, что Владиславу нельзя быть съ народомъ разной вѣры и что онъ, пріѣхавши на Царство, убѣдится въ этомъ и самъ, согласились на предложеніе Жолкѣвскаго и позвали народъ къ присягѣ, которая очень торжественно совершилась 17 августа на

Дѣвичьемъ полѣ. Къ договорному свитку были приложены печати и подписи бояръ съ одной стороны, а съ другой—Жолкѣвскаго и его чиновниковъ.

Посольство къ Сигизмунду III. Еще не всѣ успѣли присягнуть, еще не были сняты алтари съ Дѣвичьяго поля, когда Жолкѣвскому подали послѣдовательно одну грамоту за другой *) съ королевскими повелѣніями занять Москву на его Сигизмунда имя. Гетманъ былъ пораженъ! Взвѣсивши опасность и неблагоразуміе нарушенія договора, только что утвержденнаго народною клятвою, онъ рѣшился исполнять договоръ вопреки королевскимъ повелѣніямъ, а затѣмъ ѣхать къ Сигизмунду для личныхъ объясненій.

Однимъ изъ договорныхъ пунктовъ, Жолкѣвскій обязался отозвать всѣхъ ляховъ отъ тушинскаго вора, — къ этому онъ и приступилъ. Сообщая о состоявшемся избраніи королевича Владислава въ Цари онъ предложилъ Сапѣгѣ присоединиться къ королевскимъ войскамъ, а на щедрые посулы Самозванца отвѣчалъ ему совѣтомъ пасть къ королевскимъ ногамъ, при чемъ обѣщалъ свое ходатайство въ пользу его вознагражденія небольшимъ удѣломъ въ Польшѣ: Самборомъ или Гродно. Неудачу въ этихъ переговорахъ Жолкѣвскій рѣшился поправить оружіемъ и съ 15,000 Москвитянъ выступилъ подъ Коломенское. Бой уже завязывался когда Сапѣга одумавшись выѣхалъ изъ рядовъ, снялъ передъ Жолкѣвскимъ шапку и протянулъ ему руку. Самозванецъ 26 августа ночью бѣжалъ въ Калугу съ Мариною, атаманомъ Заруцкимъ и шайкою казаковъ.

Хотя избраніе польскаго Королевича совершилось не всею землею, слѣдовательно въ глазахъ Русскихъ не могло быть вполнѣ законнымъ, но грамоты о его избраніи все же были посланы во всѣ города, указы и суды творились именемъ Владислава, на эктеніяхъ поминалось его Царское имя, медали и монеты носили его изображеніе,—только патріархъ Гермогенъ не довѣряя полякамъ продолжалъ огорчаться и былъ недоволенъ. Это обстоятельство было извѣстно Жолкѣвскому и хотя Русскіе ничего не подозрѣвали о повелѣніяхъ Короля захватить Москву на его имя, тѣмъ не менѣе осторожный Гетманъ опасался возмущеній въ

*) Первую грамату доставилъ печатникъ и Думный Дьякъ Ѳеодоръ Андроновъ, а вторую знатный посолъ Гонсѣвскій.

пользу избранія тѣхъ лицъ, которыя Святителемъ были указаны народу и потому торопилъ бояръ отправленіемъ посольства къ Сигизмунду, при чемъ умѣлъ такъ устроить, что однимъ изъ *«Великихъ пословъ»* назначался Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, соперникъ Владислава по избранію, а другимъ Митрополитъ Филаретъ, который могъ послужить Королю надежнымъ залогомъ въ случаѣ избранія въ Цари Михаила Ѳеодоровича.

Гермогенъ благословляя посольство наставлялъ его послу жить Россіи честно, не плѣняясь *«мірскою лестью»*.

По договору слѣдовало Жолкѣвскому отступить отъ Москвы къ Можайску, ему же хотѣлось занять Москву своими войсками. Устроилось по его хотѣнію и въ виду волненій черни, которая не переставала выказывать расположеніе къ Самозванцу, бояре сами призвали Гетмана въ Москву для охраненія порядка. Ночью съ 20 на 21 сентября поляки вступили въ столицу безъ шума, со свернутыми знаменами и заняли всѣ укрѣпленія въ Кремлѣ, Китай и Бѣломъ городѣ, и на всякій случай располагались въ лучшихъ домахъ цѣлыми дружинами. Въ первое же время, для разбора жалобъ учредили изъ Русскихъ и поляковъ особый судъ, который безпристрастіемъ и строгостію дѣйствительно поддерживалъ общественный порядокъ. Между тѣмъ Жолкѣвскій разными угожденіями умѣлъ заслужить общее довѣріе,—самъ непреклонный патріархъ сталъ къ нему дружески относиться, такъ что Гетманъ, повидимому во всемъ руководясь указами Думы, въ сущности сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ Москвы. Его расположенія очень искали;—не Дума, а онъ распоряжался наградами и отъ имени Владислава возвелъ князя Мстиславскаго въ высшій санъ *«конюшаго и слуги»*. Но Жолкѣвскій понималъ что тишина исчезнетъ при первомъ открытіи до сихъ поръ еще неизвѣстныхъ намѣреній Короля:—они же со дня на день могли обнаружиться, а потому Гетманъ, не желая, чтобы такая огласка состоялась при немъ и быть можетъ надѣясь еще во время отклонить Сигизмунда отъ его невыгодной политики, передалъ войско пану Гонсѣвскому и въ концѣ октября уѣхалъ къ Королю взявъ съ собою низверженнаго Царя Василія Іоанновича вмѣстѣ съ двумя его братьями Димитріемъ и Иваномъ Пуговкою.

Между тѣмъ Московскіе послы, прибывъ въ лагерь Короля 7 октября, расположились въ полѣ подъ шатрами, зябли, терпѣли недостатокъ даже въ пищѣ, но преслѣдуя великую цѣль

возвратиться въ Москву съ Царемъ Владиславомъ, терпѣливо переносили лишенія, созданныя умышленнымъ къ нимъ невниманіемъ и ждали конца нескончаемымъ переговорамъ. Наконецъ имъ объявили, что Сигизмундъ хотя отдастъ Владислава, не иначе впрочемъ, какъ съ согласія Варшавскаго сейма, но за это требуетъ немедленной сдачи Смоленска на его Сигизмунда имя и что въ виду пятнадцатилѣтняго возраста Королевича, Король по утвержденіи договора самъ займется уничтоженіемъ Самозванца и успокоеніемъ Московскаго Государства. На эти условія послы не согласились.

Пріѣздъ Жолкѣвскаго не подвинулъ дѣла впередъ ни въ соглашеніи пословъ, ни въ уступчивости Короля. Гетману сдѣлали встрѣчу почетную и пышную. славили въ рѣчахъ, но самъ Король принялъ его неласково. швырнулъ представленный ему договоръ и объявилъ что не допуститъ сына занять Московскій престолъ. Король не только отвергалъ всѣ убѣжденія къ уступчивости, но требовалъ ее отъ пословъ и къ величайшей досадѣ Жолкѣвскаго, ему же и поручилъ эти переговоры и съ этихъ поръ сталъ посылать указы Московской Думѣ не отъ имени своего сына, а отъ своего собственнаго.

Великіе послы стояли на своемъ. Тогда обратились къ посламъ второстепеннымъ. но думный дьякъ Томило Луговскій остался неподкупнымъ и на всѣ заманчивыя предложенія отвѣчалъ: *«Какъ мнѣ это сдѣлать и вѣчную клятву на себя навести. Присланы мы къ Королевскому Величеству не о себѣ промышлять и челомъ бить, но о всемъ Московскомъ Государствѣ»*. А въ Москвѣ, Дума въ ожиданіи пріѣзда Владислава не противорѣчила королевскимъ указамъ, не смотря что и до ея слуха сталъ доходить повсемѣстный ропотъ, что присяга дана Владиславу, а не Королю и Гетману. *Семибоярщина* наконецъ до того потеряла всякое правительственное значеніе, что допустила поляковъ къ собиранію податей и потомъ уже ничѣмъ не могла откликнуться на ихъ безчинства. о которыхъ безпрерывно къ ней поступали жалобы изъ областей.

Смерть Самозванца и ея послѣдствія. Но гдѣ нѣтъ правительственной защиты, тамъ и само Правительство не существуетъ, слѣдовательно Москва не могла теперь оставаться главою Государства. Самозванецъ снова усилвался и Россія дѣйствительно распадалась. Уже Новгородъ не хотѣлъ подчиняться Москвѣ и

отказывался впустить Ивана Салтыкова, посланнаго Думою съ дружинами стрѣльцовъ противъ Делагарди, который послѣ Клушинской битвы изъ союзника сдѣлался врагомъ на томъ основаніи, что Россія нарушила вѣчный договоръ съ Швеціею противъ Польши признаніемъ Владислава своимъ Царемъ. Такимъ образомъ, подъ разными предлогами Россію грабили и поляки и шведы. Многіе города по ненависти къ полякимъ слабо защищались противъ Самозванца или просто переходили на его сторону. На сѣверѣ, Великіе Луки занялъ тушинскій атаманъ Просовицкій; Ямъ, Иванъ-городъ, Копорье, Орѣшекъ тоже признали власть Самозванца; даже сильная Казань отпала отъ Москвы и писала въ грамотахъ къ Сѣвернымъ Областямъ, что Москва сдѣлалась Литвою, а Калуга столицею Россіи. Но эти успѣхи Самозванца были послѣдними въ его жизни.

Сигизмундъ признавалъ существованіе Самозванца полезнымъ только въ видѣ пугала для Москвы, но «*козацкій царикъ*» иначе толковалъ отношенія къ нему поляковъ, вѣрилъ въ свое могущество и похвалялся, что онъ съ одними магометанами завоюетъ Россію и «*не оставитъ въ ней камня на камнѣ*». Онъ и дѣйствительно, какъ говорятъ, задумывалъ удалиться въ Астрахань, тамъ образовать новое Государство изъ татаръ, донцевъ, ногаевъ и заключить братскій союзъ съ Турціею, но этимъ планамъ не суждено было осуществиться. По неосновательному доносу, Самозванецъ приказалъ убить Касимовскаго Хана Уразъ-Мегмета, а крещеннаго ногайскаго князька Петра Араслана Урусова посадилъ въ тюрьму за то, что онъ желалъ отмстить смерть Ураза на его сынѣ, который былъ доносчикомъ на отца. По выходѣ изъ тюрьмы Араславъ 11 декабря, ѣдучи на охотѣ за санями Самозванца, убилъ его выстрѣломъ, братъ Араслана отсѣкъ ему голову и затѣмъ оба скрылись. Когда путь Самозванца Кошелевъ, свидѣтель происшествія присказалъ съ извѣстіемъ въ Калугу, тамъ ударили въ набатъ, поднялось смятеніе. Марина бѣгала по улицамъ, взывала о мщеніи и добилась, что къ утру умертвили всѣхъ татаръ въ городѣ. Въ тотъ же день у Марины родился сынъ, названный Царевичемъ Іоанномъ, но вдова двухъ Самозванцевъ и ея наслѣдникъ не нашли послѣдователей. Трубецкой, Черкасскій, Бутурлинъ, Микулинъ и другіе присягнули тому Царю законному, котораго пошлетъ Богъ.

Со смертью Самозванца дѣла Россіи приняли спасительное

направленіе. Приверженцы Лже-Димитрія и всѣ, кто присталъ къ нему только по ненависти къ полякамъ, обратились теперь къ Московской партіи, сама же Московская партія желала Владислава не потому, что ожидала отъ этого избранія какихъ нибудь особыхъ государственныхъ выгодъ, а потому, что избраніе Королевича въ Цари пресѣкало путь домогательствамъ Самозванца, котораго всѣ презирали. Но теперь причина разобщенія между Русскими исчезла и потому желаніе видѣть на Московскомъ престолѣ Царя, родомъ Русскаго и Православнаго, тѣмъ скорѣе дѣлалось общимъ, что цѣлованіе креста Владиславу не могло служить нравственнымъ препятствіемъ и оттого, что присяга ему не была принята вездѣ и всѣми: еще болѣе потому, что собственное значеніе присяги основывалось на условіяхъ Московскаго договора, котораго ни поляки, ни ихъ Король вовсе не исполняли. Кромѣ того Сигизмундъ, у котораго смерть Самозванца отняла единственный, хотя и малогодный предлогъ для дальнѣйшей попечительности о Россіи, продолжалъ морить Смоленскъ голодомъ и уже этимъ однимъ очень поддерживалъ единодушіе Русскихъ въ ихъ стремленіи къ высокой государственной цѣли. Исчезли между ними личные счеты! Могучее чувство патріотизма, усыпленное отравою народнаго обмана, пробудилось во всей красѣ и силѣ и враги, непримиримые при Шуйскомъ — Патріархъ Гермогенъ и братья Ляпуновы стали теперь вмѣстѣ во главѣ движенія. Между тѣмъ Захарій Ляпуновъ пировалъ въ королевскомъ лагерѣ, смѣялся вмѣстѣ съ поляками надъ Великими послами, но подъ видомъ безпечнаго гуляки развѣдывалъ, наблюдалъ и тайно сносился съ своимъ братомъ Прокопіемъ, Рязанскимъ воеводою. Въ самомъ посольствѣ многіе свѣтскіе и духовные, не находя средствъ къ своему избавленію отъ плѣна, прибѣгли къ такому же лицемѣрію. Дворянинъ Сукинъ, дьякъ Васильевъ, келарь Авраамій Палицынъ и др., отпущенные съ милостью въ Москву, возвратясь говорили только о двуличности Сигизмунда, а такія сообщенія лицами Русскаго посольства изъ подъ Смоленска, были только масломъ въ огонь. Такимъ образомъ, единеніе Русскихъ людей со дня на день обобщалось и усиливалось.

Грамоты Патріарха. Сожженіе Москвы. Король Сигизмундъ продолжалъ осаду Смоленска и посылку въ Москву своихъ указовъ съ обѣщаніями скораго прибытія Владислава, котораго намѣренъ былъ никогда не отпускать и Московская дума всякій разъ

благодарила Короля за милость, но эта будущность уже никого не радовала. Какая-нибудь партія могла еще желать Владислава, но Россія совершенно отъ него отвернулась и наконецъ патріархъ объявилъ, что некрещенному Королевичу на Руси не царствовать. На воззванія Гермогена отозвались города и области; между ними возникли дѣятельныя сношенія и стали собираться ополченія, но Московская дума продолжала служить Королю и доносила ему о Ляпуновыхъ, какъ о мятежникахъ. Мало того, «*семибоярщина*» требовала казни Захаріи Ляпунова, бывшаго тогда въ королевскомъ станѣ и приказывала боярину Шеину сдать Смоленскъ, а Великимъ посламъ Филарету и Голицыну повиноваться Королю во всемъ, даже отправиться имъ къ Владиславу въ Польшу, если такъ будетъ угодно Королю. Но послы уже знали о перемѣнахъ на Руси и очень сочувствовали намѣреніямъ Гермогена и Прокопія Ляпунова. Когда поляки потребовали отъ нихъ исполненія указовъ Московской думы, они отказались отъ повиновенія указамъ, не скрѣпленнымъ патріаршею подписью. Шеинъ же собирался сдать Смоленскъ, если предварительно будетъ исполненъ договоръ Москвы съ Гетманомъ Жолкѣвскимъ.

Въ тоже время ропотъ въ Москвѣ, что избирая ляха въ Цари, Русскіе не обязывались быть невольниками ляховъ, заставилъ Гонсѣвскаго принять всѣ предупредительныя мѣры, чтобы не быть захваченныхъ врасплохъ;—повсюду разсыпались его лазутчики! Изъ одного перехваченнаго письма Гонсѣвскій узналъ, что патріархъ стоитъ во главѣ движенія, но начальникъ польскаго гарнизона, избѣгая открытаго разрыва, ограничился только упрекомъ патріарху говоря, что святость сана не заключаетъ въ себѣ права быть возмутителемъ. Не такъ обошелся съ Гермогеномъ Михаилъ Салтыковъ, который требовалъ, чтобы Гермогенъ, запретилъ Ляпунову ополчаться. «*Не велю*, отвѣчалъ патріархъ, *если увижу крещенаго Владислава въ Москвѣ и ляховъ выходящими изъ Россіи, велю, если не будетъ того и разрѣшаю всѣхъ отъ данной Королевичу присяги.* Въ этомъ спорѣ слово за слово Салтыковъ, личные разсчеты котораго увлекли до измѣны, такъ разгорѣлся, что схватился за ножъ. Тогда Гермогенъ, творя знакъ креста между собою и Салтыковымъ, сказалъ ему: «*сіе знаменіе креста Господня буди противу твоего его дерзновенія и взыдетъ вѣчная клятва на главу твою*». Потомъ обратясь къ Мстиславскому добавилъ: «*твое начало: ты долженъ первый умереть за*

Вѣру и Государство». Но Мстиславскій, который никогда не оправдывалъ народнаго возстанія, посылалъ Королю грамоту за грамотой извѣщая, что еще только одна столица, присягавшая Владиславу ему вѣрна и что немедленное прибытіе Владислава необходимо, что Гонсѣвскому нужны подкрѣпленія и проч. Но Сигизмундъ продолжалъ упорно осаждать Смоленскъ не обращая никакого вниманія ни на совѣты своихъ приближенныхъ, ни на донесенія Мстиславскаго;—не отпускалъ сына и самъ не двигался съ мѣста. Между тѣмъ Гонсѣвскій желая отвлечь отъ Москвы отряды къ ней идущіе на выручку, послалъ шайки днѣпровскихъ козаковъ и Исая Сунбулова разорять Рязанскую землю. но это предпріятіе не имѣло успѣха. Сунбуловъ вернулся съ извѣстіемъ, что разбитые козаки ушли на Украйну и что возстаніе повсемѣстно усиливается, но Гонсѣвскій разсчитывая на пестроту состава Лянуновской рати, въ которую вошло не мало всякаго рода бродягъ, и на несогласія самихъ ея предводителей, еще не терялъ надежды удержать Москву за собою.

Три мѣсяца собирались и изготовлялись дружины къ походу. Москва ждала ихъ съ нетерпѣніемъ и наконецъ въ мартѣ сто тысячъ избавителей стали къ ней выступать изъ разныхъ городовъ. Въ виду такой опасности, бояре по настоянiямъ Гонсѣвскаго еще разъ приступили къ патріарху съ заклинаніями отстранить грозящее междоусобіе. но онъ имъ отвѣчалъ новымъ благословеніемъ вождей освобожденія. Тогда патріарха взяли подъ стражу, хотя въ предупрежденіе народнаго взрыва его допускали къ священнодѣйствію. Мѣра эта могла быть разумною, но она застала взаимное озлобленіе поляковъ и Русскихъ уже на томъ предѣлѣ, за которымъ слѣдуетъ неминуемое и безпощадное столкновеніе. Такъ и случилось! 19 марта на страстной недѣлѣ во вторникъ, завязался споръ между поляками и извощиками, которые даже за деньги не хотѣли таскать пушки на башни, а между тѣмъ полякамъ и безъ этого казалось подозрительнымъ необычное скопленіе на улицахъ телегъ, мѣшающихъ свободному движенію и именно въ то время когда ополченцы подходили къ Москвѣ со всѣхъ сторонъ. Поднявшійся споръ перешелъ въ драку. Нѣмцы польской службы приняли этотъ шумъ и сумятицу за начало возстанія, котораго ожидали и кинулись въ драку съ оружіемъ въ рукахъ, поляки ихъ поддержали и началась неистовая рѣзня народа, стараго и малаго. Безоружный народъ спа-

сался бѣгствомъ, но загудѣлъ набатъ по всей Москвѣ и вся Москва поднялась какъ одинъ. Ополченія уже были очень близко. Поляки скоро увидѣли опасность и прогнанные изъ Бѣлаго города, зажгли и его и Замоскворѣчье, сами же укрылись въ Китай-городѣ и Кремлѣ. Князь Димитрій Пожарскій, въ этотъ день раненый, встрѣтилъ поляковъ на Срѣтенкѣ пушечнымъ огнемъ, а въ Бѣломъ городѣ Михайло Салтыковъ защищая поляковъ собственноручно подложилъ огонь подъ свой домъ. Вѣтеръ дулъ наступающимъ ополченіямъ въ лице и потому Русскіе не могли прорваться въ пылающую Москву, но поляки и въ пылающей Москвѣ успѣли такъ поживиться, что потомъ, не зная куда дѣвать награбленное добро, стрѣляли въ Русскихъ жемчугомъ. 20 марта Гонсѣвскій выслалъ 2,000 Нѣмцевъ для новыхъ поджоговъ и въ тотъ же день полковникъ Струсъ, который къ нему спѣшилъ съ дружиною изъ Можайска, опрокинулъ ополченіе воеводы Плещеева, загородившаго ему путь и вступилъ въ Кремль.

Два дня горѣла опустѣвшая Москва, горѣла покуда было чему горѣть! Въ тоже время Русскіе сторонники поляковъ, перевезли изъ Чудова монастыря въ Кремль низверженнаго вмѣстѣ съ Отрепьевымъ патріарха Игнатія, возвели его въ прежній санъ и празднуя съ нимъ день Свѣтлаго Воскресенья, молились за Царя Владислава.

Съ 25-го марта, въ понедѣльникъ на Святой, дружины Ляпунова размѣщались вокругъ московскаго пепла и собирались мстить за пожаръ голодомъ.

Ссылки Русскихъ пословъ. Разореніе Смоленска. Когда въ королевскомъ лагерѣ подъ Смоленскомъ узнали, что вся Русская земля ополчается безъ разногласія, то подозрѣніе поляковъ пало и на пословъ. Канцлеръ Левъ Сапѣга грозилъ имъ за соучастіе отправкою въ Польшу, а Сигизмундъ, вопреки народнымъ правамъ, презирая личную неприкосновенность Русскихъ пословъ, отдалъ ихъ подъ стражу. Но переговоры съ угрозами арестованнымъ оставались также безъ всякаго успѣха и Филаретъ, на предложеніе писать къ ополченіямъ, чтобы они отступили отъ Москвы, а Шеину чтобы онъ сдалъ Смоленскъ, отвѣчалъ, какъ всегда одно и то же: «*Я все согласенъ перетерпѣть, а этого не сдѣлаю, пока не утвердите всего, что вамъ подано въ договоръ*». Поляки наконецъ убѣдившись, что пословъ нельзя ни чѣмъ склонить къ уступчивости, объявили ихъ своими военноплѣнными и

отправили 13 апрѣля подъ конвоемъ съ заряженными ружьями въ польскія владѣнія. Едва ли не одинъ только Жолкѣвскій возмущался такимъ обращеніемъ съ послами. На предложеніе Короля ему опять ѣхать въ Москву онъ отвѣтилъ: «*Поздно*», и вмѣсто Москвы уѣхалъ въ свои маентности, а когда пословъ провозили мимо его имѣній, онъ въ знакъ личнаго къ нимъ уваженія послалъ поклонъ и освѣдомлялся о ихъ здоровьи.

Смоленскъ геройски продержался 20 мѣсяцевъ, перенося голодъ и недостатокъ соли, но наконецъ 3-го іюня былъ взятъ приступомъ съ помощью измѣны Андрея Дедишина, указавшаго слабое мѣсто укрѣпленія, которое было взорвано. Взорвали сами себя въ храмѣ Богоматери и многіе изъ жителей вмѣстѣ съ своими семействами и имуществомъ, не желая оставить что либо ненавистному врагу, а поляки еще и послѣ этого допрашивали подъ пыткою Шеина о казнѣ и потомъ скованнымъ отправили въ Литву.

Сигизмундъ, очарованный своимъ успѣхомъ уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ его встрѣтили какъ героя. Ликованіе польской столицы отозвалось и въ Римѣ, который праздновалъ счастливую новость какъ предтечу будущаго обладанія Московскимъ Государствомъ и его обращенія въ латинство, а нѣсколько мѣсяцевъ позже праздному любопытству варшавскихъ жителей дано было зрѣлище необычайное! 29 октября Гетманъ Жолкѣвскій, открывая торжественное шествіе въ пышномъ экипажѣ и съ блестящею свитою, направлялся къ королевскому дворцу, а за нимъ въ королевской открытой каретѣ везли низложеннаго Царя Василія Іоанновича Шуйскаго съ братьями;—потомъ слѣдовалъ экипажъ съ Шеинымъ, Смоленскимъ Архіепископомъ Сергіемъ и другими. Толпа вѣрила, что смотритъ на побѣжденнаго Царя, взятаго въ плѣнъ, и гордилась!

Шуйскіе были отправлены въ Гостынскій замокъ на пребываніе подъ стражею, гдѣ Василій вскорѣ умеръ подъ гнетомъ неволи и тяжелой судьбы, не пощадившей его за измѣненіе главной основы государственнаго строя усвоеннаго народомъ. Димитрій Шуйскій не долго пережилъ своего Царя и брата и оба были похоронены въ Варшавѣ у церкви Креста Господня.

Смерть Ляпунова. Между тѣмъ, въ Москвѣ поляки все чаще приступали къ Гермогену съ требованіемъ о снятіи осады и угрожали ему смертью за упорство, но на эти требованія патріархъ

отвѣчалъ своимъ собственнымъ требованіемъ, чтобы поляки удалились изъ Россіи, а въ отвѣтъ на угрозы указывалъ на небо и говорилъ: «*боюся Единаго, тамъ живущаго*».

Осада Москвы шла довольно вяло, потому что воеводы считаясь между собою дѣйствовали безъ единства и общаго плана. Такія между ними отношенія были опаснымъ неудобствомъ въ ратномъ дѣлѣ, а потому бояре, окольничіе, служилые люди, даже татарскіе царевичи разныхъ земель Московскаго Государства, порѣшили избрать начальника всею землею. Собранное войско въ это время представляло собою всю землю, но очень неудачно. Вмѣсто одного начальника выбрали трехъ, каждое ополченіе настаивало на избраніи своего главаря. Дворяне и земцы поклонились избраніемъ Прокопію Петровичу Ляпунову, Тушинцы — Дмитрію Тимофеевичу Трубецкому, а козаки выбрали Ивана Мартыновича Заруцкаго, человѣка очень сомнительной нравственности.

Выборъ вождей 1611 30 іюня.

Государство признало временную власть ратнаго тріумвирата и по его указамъ снабжало рать всѣмъ необходимымъ, многолѣтствовало въ церквахъ «*благовѣрнымъ Князьямъ и Боярамъ*» и донесенія писались на имя «*Синклита Великаго Россійскаго Государства*». Но къ несчастію, между тремя избранными вождями взаимная ненависть заняла мѣсто желаннаго согласія. Ляпуновъ, гордый своимъ происхожденіемъ изъ дома Св. Владиміра, пылкій и порывистый не умѣлъ быть сдержаннымъ и забывая собственное небезупречное прошлое, теперь попрекалъ Трубецкаго и Заруцкаго ихъ службою въ Тушинѣ. Кромѣ того. «*отъ гордости его отецкимъ дѣтямъ много позора было*», потому что Ляпуновъ даже бояръ заставлялъ у своей двери подолгу ждать очереди для свиданія и неумолимо былъ жестокъ съ казаками. Такія обыкновенія и личный характеръ Прокопія Ляпунова конечно вызывали чувство нерасположенія къ нему у многихъ и потому Гонсѣвскій скоро нашелъ возможность погубить этого наиболѣе даровитаго изъ трехъ вождей ополченія. Случилось, что воевода Плещеевъ приказалъ утопить болѣе 20 казаковъ за разбои близъ Угрѣшской обители. Весь козацкій таборъ поднялся и требовалъ за это головы старшаго начальника Ляпунова. Оскорбленный Ляпуновъ бросилъ станъ, сѣлъ на коня и направился въ Рязань, но козаки его догнали, просили, убѣждали не покидать войска и занять прежнее мѣсто въ совѣтѣ. Ляпуновъ возвратился.

но Заруцкій уже былъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Гонсѣвскимъ, смотрѣлъ сквозь пальцы на отлучки въ Москву Атамана Заварзина, который навѣщая въ Москвѣ плѣннаго своего побратима, вывезъ откуда переданную Гонсѣвскимъ поддѣльную грамоту будто подписанную Ляпуновымъ, съ приказаніемъ воеводамъ городовъ топить и бить козаковъ всюду, гдѣ бы они ни попадались. Козаки заволновались, собрались по обычаю въ кругъ, — Ляпуновъ къ нимъ вышелъ. Взглянувъ на грамоту, Прокопій Петровичъ сказалъ: «*руки похожа ни мою, но писано не мною, врагами Россіи*» и клятвенно подвердилъ свое показаніе, но козаки менѣе искали правды, чѣмъ предлога и Ляпуновъ палъ подъ ихъ сабельными ударами. Вмѣстѣ съ нимъ былъ убитъ его личный врагъ Иванъ Никитичъ Ржевскій, который, зная клевету, хотѣлъ закрыть Ляпунова своею грудью.

Ляпунова не любили, но уважали и боялись, — съ его же смертью войско разстроилось:—дворяне и земскіе люди не хотѣли сносить обидъ отъ козаковъ, бросали станъ и уходили, а козаки занялись любимымъ дѣломъ—грабежемъ.

Взятіе Новгорода Шведами. Третій Самозванецъ. Послѣ Клушинской битвы Делагарди уже дѣйствовалъ на сѣверо-западѣ противъ Русскихъ, какъ противъ присяжниковъ польскаго Королевича Владислава врага Швеціи, забиралъ города и подошелъ къ Новгороду. Многіе Русскіе тогда уже убѣдились и однимъ изъ первыхъ Ляпуновъ, что Сигизмундъ обманывалъ ожиданія Москвы и вслѣдствіе этого поднялись Нижегородскія и Рязанскія ополченія, а вожди новаго движенія обратились къ Делагарди съ предложеніемъ возвести на Московскій Престолъ юнаго Филиппа, брата шведскаго Короля. Шведы потребовали денегъ и городовъ въ залогъ искренности предложенія;—Русскіе отказались убѣждать ихъ такими дорогими и преждевременными уступками, но Ляпуновъ соглашался на выдачу нѣсколькихъ тысячъ рублей изъ казны Новгородской, съ тѣмъ однако же, чтобы Шведы немедленно шли къ Москвѣ на помощь. Между тѣмъ срокъ перемирія, заключеннаго съ ними на время переговоровъ минулъ, и Делагарди готовился къ нападенію на Новгородъ. Ему хорошо было извѣстно, что въ самомъ Новгородѣ безпечные воеводы наиболѣе заняты спорами между собою, а жители въ полномъ разладѣ съ ратными людьми;—на эти безпорядки Делагарди разсчитывалъ, какъ на облегченіе своему успѣху. Нашлись и предатели. Съ

помощью одного изъ нихъ, Ивана Швала, шведы ночью съ 15 на 16 іюля вошли въ городъ незамѣченными и занялись избіеніемъ сонныхъ и безоружныхъ. Горсть людей подъ начальствомъ стрѣлецкаго головы Гаютина, атамана Шарова, дьяковъ Голенищева и Орлова, вздумала сопротивляться и вся легла на мѣстѣ; протоіерей Софійскаго храма Аммосъ съ друзьями также защищалъ свой домъ, и до того усердно, что шведы вмѣсто приступа, предпочли сжечь домъ вмѣстѣ съ защитниками. Другихъ сопротивленій шведы не встрѣтили, потому что воевода князь Никита Одоевскій укрывшись съ митрополитомъ Исидоромъ въ крѣпости, не сдѣлалъ вылазки и предложилъ Делагарди мирныя условія.

Новгородъ призналъ покровительство Шведскаго Короля Карла IX и покорился Шведамъ, но при условіи, что одинъ изъ сыновей короля: Густавъ-Адольфъ или Принцъ Филиппъ будетъ Русскимъ Царемъ.

Въ это время въ Псковъ появился еще одинъ Самозванецъ, бѣглый діаконъ Исидоръ, котораго козачьи шайки подъ Москвою попытались было превозгласить Царемъ, но это предпріятіе козаковъ, какъ говорится, не выгорѣло и вскорѣ послѣ Самозванецъ былъ казненъ.

Воззваніе Казани и Сергіевской Лавры. Трубецкой и Заруцкій продолжали стоять подъ Москвою и хотя не допустили Гетмана Ходкевича, прибывшаго съ 2000 человѣкъ, до соединенія съ осажденными поляками, но и сами не могли овладѣть Кремлемъ, а положеніе Государства дѣлалось все безотраднѣе изо дня въ день. По счастію смерть Ляпунова, вождя на котораго возлагалось много надеждъ, если и была тяжелою утратою, не только не охладила народнаго возбужденія, но открыла глаза на козаковъ, которые какъ воры и грабители своей земли, не могли дорожить народнымъ благоденствіемъ, а потому рѣшили прежде всего отъ нихъ отдѣлаться. Казань первая, убѣждая города тѣсно сплотиться противъ враговъ, стала объявлять въ своихъ грамотахъ, что козаковъ она къ себѣ не пуститъ и Царя ихъ выбора не признаетъ. Но первое мѣсто по дѣйствительности своихъ воззваній заняла Троицкая Лавра. Тамъ Архимандритъ Діонисій, человѣкъ рѣдкихъ достоинствъ, и Авраамій Палицынъ замѣнили патріарха Гермогена, тюрьмою разобщеннаго съ народомъ. Діонисій не довольствовался однимъ плодотворнымъ своимъ словомъ,

—онъ еще построилъ и устроилъ въ Лаврѣ больницы и помѣщенія для больныхъ, увѣчныхъ, «*трудящихся и обремененныхъ*», которые къ нему стекались во множествѣ изо всѣхъ областей, ограбленныхъ поляками и козаками.

Полученіе Троицкой грамоты въ Нижнемъ 1611

Мининъ и Пожарскій. Въ октябрѣ одно изъ возваній Лавры было получено въ Нижнемъ-Новгородѣ. Когда съ этимъ возваніемъ прибылъ гонецъ, у св. Спаса зазвонили въ большой колоколъ. Множество народа собралось къ обѣднѣ и когда послѣ служебы протопопъ прочиталъ полученную грамоту, то земскій староста (городской голова) Кузьма Миничъ Сухорукій, говядарь по ремеслу (мясной торговецъ), обратился къ присутствующимъ съ рѣчью: «*Православные люди, не пожалѣемъ добра нашего: продадимъ свои дома, заложимъ женъ и дѣтей нашихъ для спасенія Московскаго Государства*»! Рѣчь эта своею искренностью пришлась по вкусу слушателямъ, блеснула у каждаго надежда на возможность лучшаго въ будущемъ, стали навѣщать Минина и наконецъ порѣшили быть всему по его слову, а самому Минину быть первымъ человѣкомъ. Но Мининъ не былъ военнымъ и когда начались переборы,—кого же выбрать воеводою надъ всею Нижегородской ратью, то онъ указалъ на князя Димитрія Михайловича Пожарскаго *), который въ 120 верстахъ отъ Нижняго, въ с. Линдехѣ, долечивалъ свои раны, полученныя при Московскомъ пожарѣ. Нижегородцы не знали никакого худа въ прошломъ этого человѣка, а защита Зарайска противъ Самозванца ручалась за его вѣрность въ словѣ. Послали архимандрита Печерскаго монастыря Ѳеодосія и дворянина Жидана Болтина бить ему челомъ. Пожарскій не ломался, благодарилъ за честь и просилъ въ помощь себѣ такого человѣка, который бы умѣлъ соблюдать казну, да тутъ же и указалъ на Минина говоря: «*ему такое дѣло за обычай*». Но Кузьма Мининъ не хотѣлъ принять на себя никакой обязанности прежде чѣмъ Нижегородцы не учинятъ рукоприкладства къ приговору о полномъ своемъ послушаніи князю Пожарскому и Минину и о правѣ этихъ избранниковъ продавать въ кабалу жень и дѣтей избирателей ради денежнаго взысканія, «*чтобы ратнымъ людямъ скудости не было*. Послѣ этого Мининъ немедленно приступилъ къ собиранію казны, облагая всѣхъ «*пятою деньгою*», т. е. пятою долею имущества каждаго, но много

*) Изъ Стародубскихъ князей, Суздальской земли потомокъ Всеволода Георгіевича.

нашлось и такихъ, что давали больше, а одна вдова пожертвовала 10 тысячъ изъ 12-ти оставшихся ей послѣ мужа.

Нижегородцы проникнулись важностію времени. Спасая бытіе цѣлаго Государства, они охотно подчинились крутымъ мѣрамъ Минина и сами подавая примѣръ патріотизма, отправили гонцовъ во всѣ сосѣдніе города съ призывными грамотами. Въ грамотахъ этихъ между прочимъ было сказано: «*отъ козаковъ ничего не опасайтесь: какъ будемъ всѣ въ соборѣ, то всею землею совѣтъ учинимъ и ворамъ ничего дурного сдѣлать не дадимъ*», а также: «*Будемъ надъ польскими и литовскими людьми промышлять за одинъ, сколько милосердный Богъ помочи дастъ. О всякомъ земскомъ дѣлѣ учинимъ крѣпкій совѣтъ, а на Государство не похотимъ ни литовскаго Короля, ни Марины съ сыномъ, ни того вора, что стоитъ подъ Псковомъ*». Поднялась вся Суздальская область, ратные люди шли на зовъ отвсюду, изъ мѣстъ близкихъ и неблизкихъ, составлялись дружины, пришло и Рязанское ополченіе.

Смерть Гермогена. Вѣсть о Нижегородскомъ движеніи очень встревожила поляковъ въ Кремлѣ и столько же козаковъ подъ Москвою. Снова бросились поляки и ихъ сторонники къ Гермогену съ требованіемъ, чтобы онъ отписалъ Пожарскому не ходить подъ Москву, но патріархъ имъ отвѣчалъ проклятіемъ, а всѣмъ возстающимъ на спасеніе Отечества новымъ благословеніемъ. Не пощадили поляки преклонныхъ лѣтъ Гермогена и заморили его голодомъ. 17-го февраля патріархъ Гермогенъ скончался въ Чудовомъ монастырѣ.

Смерть Гермогена 1612

Движеніе Пожарскаго на Москву. Дѣйствія козаковъ. Изъ Нижняго Пожарскій двинулся съ ополченіемъ вверхъ по Волгѣ. Всюду его встрѣчало народное сочувствіе: Балахна, Юрьевецъ, Рѣшма, Кинешма дали казну и ополченія,—Кострома кромѣ того выдала воеводу Шереметьева, который вздумалъ было оставаться за Владиславомъ. Въ началѣ апрѣля Пожарскій прибылъ въ Ярославль и здѣсь оставался почти все лѣто, чтобы дать время собраться ратнымъ людямъ, которые поднялись на его призывъ и издалека; кромѣ того, онъ находилъ нужнымъ предварительно очистить путь къ Москвѣ отъ козацкихъ шаекъ, рыскавшихъ въ сѣверныхъ уѣздахъ, а чтобы устранить какое либо препятствіе со стороны шведовъ, положено было тянуть переговоры о Королевичахъ. Съ козаками управлялись силою потому, что они находя свою личную выгоду въ смутномъ времени, прозванномъ на-

родомъ «*лихольтьемъ*», признали псковскаго Самозванца Исидора Царемъ и хотя скоро отъ него отказались, но выслали свои отряды чтобы мѣшать приближенію Пожарскаго къ Москвѣ.

Бѣгство Марины и Заруцкаго. Сдача Кремля. Атаманъ Заруцкій дѣлалъ все что могъ, для того чтобы составить сильную партію Маринѣ и ея сыну, но болѣе всего ему мѣшало общее стремленіе къ Пожарскому, который, какъ начальникъ всей земли, творилъ судъ и расправу своимъ именемъ, распоряжался постройкою городовъ, опредѣлялъ денежные взносы и по безграмотности выборнаго всею землею Минина, за него росписывался. Заруцкій послалъ противъ Пожарскаго тайныхъ убійцъ, но когда убійство не удалось, то онъ оставилъ осадный станъ и соображая другія предпріятія бѣжалъ въ юго-восточныя стѣны, захвативъ съ собою изъ Коломны вдовствующую Марину съ ея сыномъ.

Отбытіе Заруцкаго съ значительною частью казаковъ и многихъ поляковъ, ушедшихъ изъ Кремля въ Польшу, облегчало дѣло освобожденія Москвы, но слухи, что Сигизмундъ идетъ на выручку своихъ, понуждали Лавру еще болѣе торопить медлительнаго Пожарскаго. Въ Кремлѣ мѣсто Гонсѣвскаго занялъ королевскій полковникъ Струсь и ожидалъ на помощь Гетмана Ходкевича, но уже 18 августа князь Пожарскій прибылъ къ Москвѣ. Трубецкой поѣхалъ встрѣтить Нижегородское ополченіе и настоятельно предлагалъ Пожарскому стать съ нимъ въ одномъ мѣстѣ, но земское ополченіе никакъ не соглашалось и говорило: «*Отнюдь намъ вмѣстѣ съ козаками не стоивать*».

Ходкевичъ, пришедшій 21-го вечеромъ, уже 22-го сталъ подвигаться къ Москвѣ съ нѣсколькими стами возовъ подъ запасами для кремлевскаго гарнизона, но былъ отбитъ и сталъ у Донскаго монастыря. На разсвѣтѣ 24 августа Ходкевичъ опять пошелъ къ Москвѣ съ намѣреніемъ во чтобы ни стало прорваться въ Кремль. Въ началѣ боя поляки потѣснили Русскихъ къ Москвѣ,—козаки видѣли и не трогались съ мѣста и только тогда ударили на врага, который уже пробивался по Пятницкой улицѣ, когда Авраамій Палицынъ обѣщалъ имъ отдать всю казну Лавры. Ходкевичъ отступилъ съ огромнымъ урономъ, потерявъ до четырехъ сотъ возовъ съ запасами и 28 августа совсѣмъ ушелъ, пославши въ Кремль обѣщаніе возвратиться черезъ три недѣли. Но наступилъ октябрь, а Ходкевичъ не показывался,—осажденнымъ стала грозить голодная смерть. Когда Трубецкой взялъ 22 октября Китай-

городъ, то Русскіе увидѣли тамъ чаны съ человѣческимъ мясомъ. 24 октября поляки выпустили изъ Кремля всѣхъ Русскихъ: Мстиславскаго, Воротынскаго, Ивана Никитича Романова съ племянникомъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и др. и наконецъ, подъ условіемъ сохраненія имъ жизни, сдались 25 числа. Плѣнныхъ погнали въ Русскій лагерь, а Струся заперли въ Чудовомъ монастырѣ.

27-го октября ополченіе и народъ, предшествуемые крестнымъ ходомъ съ архимандритомъ Діонисіемъ во главѣ, заняли Московскій Кремль, поруганный долгимъ пребываніемъ безчинствовавшаго врага.

Между тѣмъ Король Сигизмундъ торопился къ Кремлю, но свѣдавши о положеніи его гарнизона, предпочелъ отправить митрополита Филарета и князя Мезецкаго для переговоровъ съ Русскими. Эти невольные послы сопровождались конвоемъ изъ 1,000 поляковъ и отъ имени Сигизмунда предложили признаніе Владислава Царемъ, но Русскіе отвѣтили, что не хотятъ вступать съ врагомъ ни въ какіе толки. Полякамъ не удалось взять и Волоколамска и къ тому же Сигизмундъ, опасаясь оставаться на зиму въ странѣ совершенно разоренной, ушелъ обратно въ Польшу. Такимъ образомъ, тревога Русскихъ за Москву, не снабженную ничѣмъ на случай долговременной осады, оказалась напрасною и пользуясь роздыхомъ отъ ратныхъ дѣлъ, они занялись избраніемъ Царя всею землею.

Избраніе Михаила Ѳеодоровича. По дѣлу избранія Царя, дѣлу чрезвычайной важности, въ Москву съѣхались знатное духовенство, бояре, дворяне и выборные всѣхъ сословій. Послѣ трехдневнаго поста этотъ земскій соборъ открылъ свою дѣятельность въ храмѣ Св. Успенія. На первомъ же совѣщаніи было постановлено отнюдь не избирать въ Цари *ни законопреступнаго* сына Марины, ни иноплеменника, но затѣмъ начались происки, козни, безконечныя несогласія! Одинъ хотѣлъ Царя изъ своей области, другой хотѣлъ того же самаго для своей земли, третій самъ мѣтилъ на престолъ, партій было много, наконецъ князь Пожарскій назвалъ Михаила Ѳеодоровича Романова и это имя согласило всѣхъ. 21 февраля 1613 года, Соборъ открылъ еще засѣданіе, но оно было послѣднимъ, потому что письменныя мнѣнія, отобранныя отъ всѣхъ чиновъ и сословій, утвердили предложеніе князя Пожарскаго.

Во главѣ посольства бить челомъ Михаилу Ѳеодоровичу о

пожалованіи на Царство, былъ поставленъ Рязанскій Архіепископъ Ѳеодоритъ. 13 марта посольство прибыло въ Кострому, а 14-го, крестнымъ ходомъ, въ сопровожденіи всѣхъ Костромичей оно направилось къ Ипатьевскому монастырю, въ которомъ жилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ съ своею матерью инокинею Мароою Ивановной. Но 16-ти-лѣтній Михаилъ, воспитанникъ тихой келіи, дрожалъ и плакалъ передъ посольствомъ, которое не безъ страха ожидало его рѣшенія. По сказанію Карамзина, «*прекрасный невинный юноша казался агнцемъ и жертвою*». Михаилъ Ѳеодоровичъ отказался отъ Шапки Мономаха, о тяжести которой знали въ монастырѣ больше чѣмъ гдѣ нибудь. Инокиня Марѳа искренно ужасалась при мысли о такой судьбѣ сына, — почти еще отрока. Она представляла посольству незрѣлый возрастъ сына какъ главное основаніе своего несогласія благословить его на Царство, говорила также о трудномъ положеніи Царя при такомъ разореніи Московскаго Государства, что Царю не чѣмъ награждать служилыхъ людей, находила труднымъ положеніе своего сына, какъ Царя еще и потому, что его отецъ находится въ рукахъ мстительныхъ ляховъ, домогающихся добыть Россію Владиславу и наконецъ, что «*люди Московскаго государства измалодушествовались, прежнимъ Государямъ, Царю Борису, Лже-Димитрію и Василію Шуйскому присягали и потомъ измѣнили*». Послы съ своей стороны убѣждали, что Михаилъ избранъ по Божьему соизволенію всею землею, а прежніе Цари садились на престолъ не по праву и что Русскіе люди страшнымъ прошлымъ такъ «*наказались, что пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ*». Наконецъ архіепископъ Ѳеодоритъ обратилъ свое слово, къ религіозному чувству инокини и грозилъ гнѣвомъ Божіемъ за отказъ, который можетъ довести Государство до окончательной погибели. Марѳа благословила сына на трудный и великій подвигъ.

Вѣчаніе на Царство. Иванъ Сусанинъ. Экономическое и финансовое состояніе Государства. Воровскія шайки. Бѣдствія многихъ лѣтъ, созданныя измѣною Самодержавію и крамолами, просвѣтили даже честолюбивыхъ соискателей престола. Всѣ они единогласно признали своего Царя «*неограниченнымъ Самодержавцемъ*», написали о томъ хартію и повторяя: «*Богъ и Государь*», положили ее на престолъ.

Въ эпоху этого избранія много шаекъ польскихъ, козацкихъ и другихъ воровскихъ, сновали изъ конца въ конецъ по Рос-

сіи; отъ нихъ не было нигдѣ свободнаго проѣзда. Одна изъ такихъ шаекъ, польская, пробралась въ Костромскую землю и искала Михаила Ѳеодоровича чтобы его убить какъ соперника Владислава. Схвативши одного крестьянина, Ивана Сусанина *), поляки допрашивали гдѣ теперь Царь и какъ къ нему добраться, но Сусанинъ предпочелъ смерть измѣнѣ и не выдалъ своей тайны.

Подъ охраною неизмѣнныхъ людей, Царь Михаилъ благополучно прибылъ въ Москву 2-го мая, а 11-го іюля казанскій митрополитъ Ефремъ вѣнчалъ его на Царство. Въ этотъ день князь Дмитрій Пожарскій былъ пожалованъ въ бояре, а 12 іюля, въ день царскихъ именинъ, Козьма Мининъ въ думные дворяне, но милостей и дарованія народу льготъ, чѣмъ всегда Русскіе Цари празднуютъ свое вступленіе на престолъ не было, потому что и возможности къ тому не было. Казна находилась въ полномъ оскудѣніи, много городовъ было пожжено вовсе, сама спасенная Москва представляла груды развалинъ, области обезлюдѣли, еще прошлогодній хлѣбъ не былъ собранъ, государственные доходы изсякли.

Для возстановленія государственной жизни, искорененія внутреннихъ враговъ и для борьбы съ внѣшними, нужны были средства, средства большія и Правительство созвало Соборъ. Государственный соборъ разослалъ всюду грамоты о собираніи въ казну всего, что ей надлежитъ и съ просьбами къ народу давать казнѣ взаймы кто чѣмъ можетъ: деньгами ли, хлѣбомъ, товаромъ какимъ, все равно, при чемъ указывалось на своекорыстіе Московскихъ гостей, какъ на причину, недопустившую содержать ратныхъ людей въ изрядномъ числѣ и потому причину послѣдовавшаго затѣмъ общаго разоренія. Между тѣмъ принялись за искорененіе внутреннихъ враговъ. Въ Казани былъ схваченъ Никаноръ Шульгинъ и сосланъ въ Сибирь за покушеніе возмутить поволжскій край, но Марина съ сыномъ, какъ готовое знамя для смутъ едва сбытыхъ, была гораздо опаснѣе. Ея сподвижника Заруцкаго поручили воеводамъ князю Одоевскому и Тюфякину. Разбитый Одоевскимъ подъ Воронежемъ, Заруцкій кинулся въ Астрахань, но Астраханцы отступились отъ *«воровства»* и провозгласили царемъ Михаила Ѳеодоровича. Тогда Заруцкій заперся въ каменномъ Астраханскомъ кремлѣ, но когда узналъ, что по при-

*) Костромскаго уѣзда, С. Домнина, принадлежавшаго боярамъ Романовымъ.

казанію Терскаго воеводы Головина къ астраханцамъ на помощь идетъ отрядъ стрѣльцовъ подъ начальствомъ Василія Хохлова, то онъ не сталъ его дожидаться и обратился въ бѣгство. Скрывшись въ волжскихъ камышахъ, онъ успѣлъ проскользнуть мимо Астрахани въ море и оттуда повернулъ на Яикъ (Уралъ). Одоевскій послалъ вслѣдъ за нимъ отрядъ стрѣльцовъ подъ командою головъ Пальчикова и Онучина, которымъ удалось открыть таборъ Заруцкаго на Медвѣжьемъ островѣ, гдѣ онъ и былъ выданъ вмѣстѣ съ Мариною и ея сыномъ, своимъ сподвижникомъ Треня Усъ. Заруцкій былъ посаженъ въ Москвѣ на колъ, Марина, умерла въ тюрьмѣ, а ея сынъ всенародно повѣшенъ за Серпуховскими воротами. Но въ Осташковскомъ уѣздѣ разбойничалъ другой Заруцкій, Захарія; около Холмогоръ, Архангельска, по Онегѣ и Вагѣ разбойничали черкасы (малороссійскіе казаки) (*); въ Вологдѣ, какой-то сибирскій татаринъ царевичъ Арасланъ,—въ Сѣверской странѣ Лисовскій съ шайками, прозванными «*лисовчиками*», за которыми гонялся князь Пожарскій, но заболѣлъ отъ невѣроятно быстрой погони. Татары казанскіе, ногайскіе и черемисы тоже бунтовами. Между коноводами шаекъ особенною подлостію отличался атаманъ Баловень, въ шайкѣ котораго въ видѣ забавы сожигали порохъ во рту и ушахъ живыхъ людей.

Соборъ 1614

1-го сентября Государь объявилъ на соборѣ, что «*воры казаки Православныхъ Христіанъ бьютъ и жгутъ, собирать доходовъ не даютъ и собранную казну въ Москву доставить изъ за нихъ нельзя, и потому какъ съ ними быть?*» Соборъ постановилъ начать съ увѣщаній, чтобы шайки отстали отъ воровства, за что имъ обѣщалось прощеніе, жалованье на царской службѣ, крѣпостнымъ людямъ свобода. Часть сброда приняла увѣщанія и была отправлена къ Тихвину противъ шведовъ, за другою погнался Лыковъ и уничтожилъ ее въ Балахонскомъ уѣздѣ, но самое огромное скопище направилось къ Москвѣ, подъ предлогомъ просить у Царя прощенія; ихъ прогнали, преслѣдовали и наконецъ князь Лыковъ разбилъ ихъ на р. Лужѣ. Баловня съ нѣсколькими другими его сподвижниками повѣсили, остальнымъ плѣннымъ, болѣе 3000, объявили помилованіе.

Война съ Швеціею. Столбово. Царь Михаилъ извѣщая Польшу и Швецію о своемъ воцареніи, предложилъ обѣимъ Держа-

(*) Они были истреблены мѣстнымъ населеніемъ.

вамъ миръ подъ условіемъ, что земли ими захваченныя въ предѣлахъ Россіи будутъ ей возвращены. Такія предложенія приняты не были. Новгородъ и Водская пятина: Корела, Ямъ, Копорье, Орѣшекъ, Ладога, Иванъ-Городъ, Порховъ, Старая Руса находились въ рукахъ у Шведовъ и по смерти Шведскаго Короля Карла IX, его наслѣдникъ Густавъ-Адольфъ потребовалъ отъ Новгородцевъ, чтобы на основаніи договора Новгорода съ Делагарди, ихъ выборные вмѣстѣ съ выборными отъ всей Русской земли, явились въ Выборгъ для избранія въ Цари его брата Карла-Филиппа. Въ Россіи уже былъ избранъ Царь всею землею и выборные отъ земли, конечно, въ Выборгъ не поѣхали. Тогда шведскій намѣстникъ Новгородской области Эвертъ Горнъ объявилъ, что Королевичъ Карлъ-Филиппъ не желаетъ быть Государемъ одного Новгорода, а потому Новгородъ ему присягнувшій, долженъ присоединиться къ Швеціи. Но Новгородцы присягали не Королю шведскому, а тому Королевичу который будетъ избранъ въ Цари; теперь же когда Россія уже избрала Царя всею землею. Новгородцы тѣмъ болѣе не желали отдѣляться отъ Московскаго Государства, но находясь во власти Шведовъ, не знали какъ быть. Уклоняясь отъ прямаго отвѣта они утверждали, что присягнувъ не Королю Густаву, а Королевичу Филиппу, желаютъ не измѣнять данной клятвѣ и наконецъ просили Горна о разрѣшеніи составить посольство въ Москву съ тѣмъ, чтобы убѣдить бояръ присягнуть Карлу-Филиппу. Отправленъ былъ Хутынскій архимандритъ Кипріанъ, который менѣе всего заботился о шведахъ, а просилъ Царя простить Новгородъ за подневольное цѣлованіе креста и помочь ихъ горю. Между тѣмъ война со Шведами шла своимъ чередомъ и неудачно. Дмитрій Тимофеевичъ Трубецкой потерпѣлъ пораженіе отъ Делагарди подъ Брониницами. — самъ Густавъ-Адольфъ взялъ Гдовъ и осадилъ Псковъ, и хотя Псковъ крѣпко держался, но шведская война очень тяготила Москву. Съ своей стороны и шведскій Король, крайне нуждавшійся въ деньгахъ понималъ, что завоеванія въ Россіи будутъ служить только безконечнымъ продолженіемъ войны и самъ онъ, въ сущности добиваясь завладѣть одними Русскими берегами у Балтійскаго моря, тоже очень желалъ мира. Обѣ воюющія стороны обратились за посредничествомъ къ англійскому Королю Іакову I и Голландіи. Посредниками со стороны Англіи прибыли Джонъ Мерикъ купецъ, пожалованный въ рыцари и Николай Ванъ-Бредероде со стороны

Вызовъ выборныхъ въ Выборгъ 1613 (Іюнь)

Битва при Брониницахъ 1615

Осада Пскова 1615 (Іюль)

Голландіи *). Съѣхались въ сельцѣ Дедеринѣ, но Шведы запрашивали, Русскіе не уступали, попрекали за прошлое и до мира не договорились. Заключили перемиріе отъ 22 февраля по 31 мая съ тѣмъ, чтобы немедленно по истеченіи срока съѣхаться имъ опять, но съѣхались нераньше конца декабря въ селѣ Столбовѣ. **) 27 февраля былъ подписанъ договоръ вѣчнаго мира, по которому шведы возвращая всѣ захваты, удержывали за собою Финское прибрежіе съ городами Ямъ, Копорье, Иванъ-Городъ и крѣпость Орѣшекъ; кромѣ того, Россія обязалась уплатить имъ 20,000 рублей. Потеря моря была тяжкимъ условіемъ и вдобавокъ такимъ, которое носило въ себѣ зародышъ будущихъ войнъ, но какимъ ни былъ Столбовскій миръ, и ему были рады, потому что онъ развязывалъ руки для борьбы съ Польшею, наиболѣе опаснымъ и злымъ врагомъ.

Съѣздъ въ Дедеринѣ 1616 (Январь)

Столбовскій договоръ 1617 (Февраль)

Переговоры съ Польшею. Война съ нею. Деулинъ или Свольковъ. Почти одновременно съ дѣлами шведскими, были отправлены въ сентябрѣ на Литовскую границу подъ Смоленскъ, князья Иванъ Михайловичъ Воротынскій и Алексѣй Сицкій въ качествѣ великихъ пословъ для переговоръ съ Польшею. Со стороны поляковъ уполномоченными были канцлеръ Левъ Сапѣга, Гетманъ Ходкевичъ, Александръ Гонсѣвскій и по приглашенію Царя прибылъ отъ Императора, въ качествѣ посредника, Еразмъ Ганделіусъ славянинъ. Этотъ посредникъ говорилъ: «*Вы называете своего Государя, а польскіе послы называютъ Государемъ вашимъ своего Королевича и у одного Государства стало два Государя; тутъ между вами огонь и вода, чѣмъ воду съ огнемъ помирить?*» Ганделіусъ очевидно тянулъ въ сторону Сигизмунда и переговоры окончились разъѣздомъ пословъ, оставшихся взаимно недовольными. Польское войско съ Ходкевичемъ выступило 17 сентября подъ предводительствомъ самого Королевича Владислава, который не преминулъ попробовать возмутить Русскій народъ своими грамотами, называя себя Московскимъ Царемъ, но эти воззванія не имѣли особеннаго успѣха, хотя на нихъ сдались Дорогобужъ и Вязьма. Въ сентябрѣ слѣдующаго года Владиславъ направился къ Москвѣ,

Отъѣздъ пословъ 1615

Вступленіе Владислава въ Россію 1617 (Сентябрь).

*) Голландцы, описывая свое путешествіе, говорили, что край до того обезлюдѣлъ, что они ѣздили по пустынямъ, населеннымъ только волками, въ избахъ же, которыя имъ попадались на пути, они видѣли только кучи труповъ и по этому не смотря на холодное время, постоянно должны были, располагаться въ полѣ подъ шатрами.

**) Между Тихвиномъ и Ладогою.

Владиславъ въ Тушинѣ 1618

Опасность врага, называющаго себя Русскимъ Царемъ казалась большою и Царь созвалъ 9 сентября соборъ изъ всѣхъ чиновъ и званій, который постановилъ, что отстаивая Православную вѣру и своего Царя «*безъ всякаго сумнѣнія, не щадя своихъ головъ будутъ биться противъ недруга его, Королевича Владислава и идущихъ съ нимъ польскихъ и литовскихъ людей и черкесъ*». 20 сентября поляки заняли Тушино, куда на помощь къ нимъ спѣшилъ малороссійскій Гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный. Они сдѣлали приступъ, но были отбиты. Сапѣга пользовался временными перерывами военныхъ дѣйствій, чтобы при переговорахъ убѣждать Русскихъ признать своимъ Царемъ Владислава, но этимъ Русскіе очень обижались и наконецъ сказали: «*Если вы о Королевичѣ не перестанете говорить, то нечего намъ съ вами и толковать*». Неудача приступовъ къ Москвѣ, къ Троицкой Лаврѣ и такая же неудача дипломатическихъ бесѣдъ, расположили поляковъ къ мирнымъ переговорамъ. Уполномоченные съ обѣихъ сторонъ съѣхались

Деулинскій договоръ 1618

въ с. Деулинѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры и заключили 1 декабря перемиріе на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, по которому Польша пріобрѣла Смоленскъ и Сѣверскую область; въ слѣдующемъ же году былъ произведенъ обмѣнъ плѣнныхъ, на р. Поляновкѣ въ 17 верстахъ отъ Вязьмы. Такимъ образомъ, послѣ девятилѣтняго плѣна возвратился митрополитъ Филаретъ, бояринъ Шеинъ и Томила Луговской; Голицынъ Василій Васильевичъ умеръ на возвратномъ пути въ Гродно.

Условія Деулинкаго мира были не легче шведскихъ, и кромѣ того Владиславъ не отказался отъ титула Московскаго Царя, тѣмъ не менѣе Россія безкрамольная гораздо легче прежняго отстояла свою независимость и заявляя по договору свою волю, уже этимъ показала, что она вышла изъ прежнихъ несчастій и твердо стала на путь развитія своей Государственной жизни.

Прибытіе Филарета Никитича. Патріархъ. Браки Царя Михаила. Москва сдѣлала торжественный пріемъ Филарету Никитичу. Царь встрѣтилъ своего отца на рѣчкѣ Прѣснѣ (Прѣсненскіе пруды) и упалъ къ его ногамъ; митрополитъ поклонился въ ноги своему Царю и сыну. Возведенный въ санъ Патріарха, Филаретъ Никитичъ сдѣлался соправителемъ Царя и въ грамотахъ писались два Великихъ Государя, Михаилъ и отецъ его Святѣйшій патріархъ Филаретъ, только имя Михаила стояло первымъ.

Михаилу Ѳеодоровичу шелъ 20-й годъ и потому свадебнымъ дѣломъ торопились. По обычаю того времени собрали толпу красивѣйшихъ дѣвицъ въ Государствѣ и между ними Царь избралъ дочь незначительнаго дворянина Марью Иванову Хлопову, которая немедленно была взята въ «*верхъ*» (терема Царицы). *) Молодой Царь очень къ ней расположился, но возвышеніе Хлоповыхъ пугало Салтыковыхъ и Михаилъ Салтыковъ ложно донесъ Царю, что врачъ Балсыръ находитъ Марью Хлопову неизлѣчимо больною, тогда какъ незначительный припадокъ нездоровья приключился только отъ «*сладкихъ ядей*»; но Салтыковы такъ устроили, что боярскій соборъ, составленный по этому случаю, приговорилъ Марью Хлопову «*къ Царской радости непрочною*» и бракъ былъ разстроенъ. Позднѣе, когда Филаретъ Никитичъ возвратился изъ плѣна, дѣло это имъ было разслѣдовано и Салтыковы за него поплатились ссылкою. Патріархъ желалъ, чтобы Царь избралъ себѣ супругу между иностранными принцессами, но какъ эти невѣсты отказывались принять православіе, то этотъ планъ былъ оставленъ и Царь женился, согласно выбору своей матери, на дочери князя Владиміра Тимоѳеевича Долгорукаго Маріи, но мѣсяца черезъ три съ небольшимъ она скончалась. Говорили, что Царицу испортили лиходѣи и Царь вѣроятно раздѣлялъ это убѣжденіе, потому что вторую супругу Евдокію Лукьянову Стрѣшневу ввели въ «верхъ» и нарекли Царицею не за шесть недѣль, пообычаю, а всего за три дня до бракосочетанія. Отъ этого брака родился сынъ Алексѣй, будущій Царь.

Выборъ Маріи Ивановны Хлоповой 1616

Смерть Царицы Маріи 1625 (6 Января)

Бракъ Царя съ Евдокіею Лукьяновною 1626 (29 Января)

Внѣшнія сношенія. Австрійскій дворъ находился въ родственныхъ связяхъ съ Королемъ Сигизмундомъ и не дружилъ къ Московскому Государю, а потому Михаилъ Ѳеодоровичъ скоро прекратилъ всякія сношенія съ этой Державой.

Густавъ-Адольфъ воюя въ Германіи и находясь во враждѣ съ Польшею, постоянно искалъ союза съ Россіею. Онъ убѣждалъ Царя, что союзъ Папы. Габсбургскаго дома и Польши опасенъ столько же для Русскаго православія, какъ и для протестантовъ.

---

*) Взятіе царской невѣсты въ «верхъ» сопровождалось царственнымъ посвященіемъ: ее нарекали другимъ именемъ, которое съ того же дня поминалось на ектеніяхъ и дворовые люди (придворные) цѣловали ей крестъ.

но не столько религіозная, сколько политическая опасность со стороны Польши располагала Русскихъ къ дружбѣ съ Шведами и потому имъ было предоставлено право покупать въ Россіи безпошлинно хлѣбъ, селитру, крупу и вскорѣ была учреждена первая шведская резиденція при Московскомъ Дворѣ.

Первая шведская резиденція 1631

Англія, посредничая во время войны Россіи со Швеціею, содѣйствовала заключенію Столбовскаго договора и кромѣ того во время похода Владислава подъ Москву, король Іаковъ I прислалъ Царю взаймы 20,000 р. Вслѣдствіе такихъ дружескихъ отношеній Джонъ Мерикъ, прибывши въ Москву, обратился къ Царю съ просьбами дозволить англичанамъ торговлю съ Персіею путемъ по Волгѣ, а съ Китаемъ и Индіею черезъ Сибирь. Царь не желалъ взять на себя рѣшеніе этихъ вопросовъ и отдалъ ихъ на разсмотрѣніе Думы, составленной изъ торговыхъ людей. Торговые люди находя, что вмѣшательство англичанъ принесетъ убытокъ Русской торговлѣ съ Персіею, отсрочили рѣшеніе этого вопроса подъ предлогомъ, что англичанамъ будетъ небезопасно въ Персіи по случаю ея войны съ Турціею, а по Волгѣ отъ разныхъ шаекъ еще не уничтоженныхъ; — что же касается пути въ Китай, то Мерику сказали, что «*Сибирь страна студеная и трудно черезъ нее ходить*» и что: «*про Китайское Государство говорятъ, что оно небольшое и небогатое*», а потому *Государь по дружбѣ къ англійскому Королю прикажетъ прежде разузнать, какими путями туда ходить и каково Китайское Государство; стоитъ ли туда добиваться*». Но Мерика за его личныя заслуги, Царь наградилъ мѣхами и золотою цѣпью съ Царскимъ портретомъ. Въ подобныхъ же торговыхъ исканіяхъ было отказано Даніи, Голландіи и первому въ Россіи Французскому послу де-Ге-Курменену. Наши послы были во Франціи у короля Людовика XIII съ извѣщеніемъ о вступленіи Михаила Ѳеодоровича на Престолъ.

Пріѣздъ Мерика 1620

Персія находилась во враждѣ съ Турціею и потому грабежи козаковъ на Черномъ морѣ могли только содѣйствовать ея политическимъ видамъ. Шахъ-Абассъ выразилъ свое расположеніе къ Царю, доставивъ ему серебра въ слиткахъ на 7000 рублей.

Вторая война съ Польшею. Смерть патріарха. Казнь Шеина. Деулинскій миръ соблюдался, но дружественныхъ отношеній между Россіею и Польшею не было. Поляки считая себя сильнѣе, все не признавали Михаила Ѳеодоровича Царемъ, но приз-

нава́ли Царскія права Владислава и не соблюдали Царскаго титула въ грамотахъ къ Михаилу. Это оскорбляло самолюбіе и раздражало Русскихъ,—къ тому же громадный захватъ поляками Русскихъ земель тяготилъ Россію и могъ быть допущенъ только при обстоятельствахъ крайнихъ. Такое натянутое положеніе сосѣдскихъ дѣлъ, поддержанное стараніями сильной Польши сдѣлать свое сосѣдство для Россіи невыносимымъ, имѣло слѣдствіемъ благосклонный пріемъ грека Ѳомы Кантакузина, прибывшаго посломъ отъ Султана Османа съ предложеніемъ вооруженнаго союза противъ Польши. Никто не отвергалъ этого союза: ни патріархъ, еще менѣе собранный по этому поводу соборъ, который билъ челомъ Царю за войну, ни самъ миролюбивый Царь и если война не была объявлена Польшѣ немедленно, то этому помѣшали извѣстія о неудачѣ въ предпріятіи самого Османа. Но война съ Польшею вызывалась наобходимостію, Русскіе должны были къ ней приготовляться и потому для обезпеченія себѣ успѣха они принимала мѣры чрезвычайныя, закупали заграницею пушки, оружіе, порохъ, снаряды, ратныхъ людей стали обучать строю по иноземному уставу и ждали удобнаго случая. Пріѣздъ Кантакузина 1621

По смерти каждаго Короля, Польша по своимъ уставамъ, оставалась безъ главы Государства впредь до выбора новаго. Выборъ же требовалъ не мало времени, такъ какъ предварительно съѣзжался «*конвокаціонный*» сеймъ, который разсматривалъ дѣятельность покойнаго Короля, разсуждалъ чему быть впредь и какъ, а послѣ этихъ рѣшеній собирался сеймъ «*элекційный*», собственно для избранія новаго Короля. Такое время въ Польшѣ наступило по смерти Сигизмунда III и пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Русскіе отправили къ Смоленску боярина Михаила Борисовича Шеина, какъ главнаго начальника и окольничаго Артемія Измайлова съ 32,000 войска при 158 пушкахъ,—а другимъ воеводамъ велѣно было добывать прочіе города, такъ что число ратныхъ людей во всей арміи достигало до 60,000. Начало военныхъ дѣйствій ознаменовалось большими удачами и у поляковъ было отнято болѣе 20 городовъ.

Шеинъ, подойдя къ Смоленску, расположился на Поклонной горѣ и окружилъ себя окопами. Въ теченіе 8-ми-мѣсячной осады у поляковъ оказался недостатокъ припасовъ и они уже готовили городъ къ сдачѣ, но въ этотъ промежутокъ времени сеймовыя дѣла

Прибытіе Владислава къ Смоленску 1633 (25 Августа).

въ Польшѣ уладились и Владиславъ, избранный Королемъ, пришелъ къ осажденнымъ на помощь съ 23,000 войска, а Крымцы. по соглашенію съ Поляками, сдѣлали набѣгъ на Московскую Украйну. Вѣсть объ этомъ вторженіи очень переполошила служилыхъ людей изъ Украинскихъ городовъ; они стали разбѣгаться въ такомъ числѣ, что войско Шеина значительно уменьшилось

Соборъ 1634 (28 Января)

Король вытѣснилъ Шеина изъ первоначальной позиціи и онъ заперся невдалекѣ отъ нея въ острожкѣ. Осажденный и отрѣзанный отъ Московской дороги, при открывшемся въ войскѣ повальномъ морѣ отъ цынги, Шеинъ сильно нуждался въ помощи. а Москва не могла оказать ему никакой. 28 января Царь созвалъ соборъ, жаловался на скудость денежныхъ поступленій въ казну, соборъ постановилъ сдѣлать новый сборъ. Но на исполненіе соборнаго постановленія нужно было время, а въ войскѣ Шеина стали обнаруживаться со стороны иноземцевъ измѣны и самая дисциплина такъ упала, что Полковникъ Лесли остался безнаказаннымъ за убійство на глазахъ самого Шеина другого иностраннаго полковника Сандерсона. Шеинъ, доведенный до послѣдней крайности, вошелъ въ переговоры съ Королемъ,

Отступленіе Шеина 1634.

согласился отступить отъ Смоленска, оставить Королю обозъ, артилерію и, выступая только съ ручнымъ оружіемъ, положить знамена къ ногамъ побѣдителя. Эта унизительная церемонія состоялась 19 февраля.

Смерть Филарета Никитича 1633 (1 Октября)

Во время осады Смоленска скончался патріархъ Филаретъ Никитичъ и при дворѣ Царя произошли перемѣны. Бояре, болѣе не сдерживаемые властною рукою покойнаго соправителя, возвратили Салтыковыхъ изъ ссылки и жестоко отмстили Шеину, котораго ненавидѣли за его заносчивость. Шеинъ дѣйствительно чванился своими заслугами и часто корилъ бояръ тунеядствомъ, не стѣсняясь даже присутствіемъ Царя. Такъ именно и было, когда на прощаніи передъ отправленіемъ своимъ къ Смоленску Шеинъ, цѣлуя руку у Царя, похвалялся своею долговременною службою: «*какъ другіе по заочью сидьли и сыскать ихъ было нельзя*». Царь не остановилъ Шеина, а бояре, глядя на царское снисхожденіе смолчали. не желая Царя «*раскручинить*»,—но теперь они своему обидчику все припомнили. Добившись, чтобы надъ Шеинымъ было назначено слѣдствіе, бояре въ «*Приказѣ сыскныхъ дѣлъ*», приговорили его 23 апрѣля къ смертной казни вмѣстѣ съ окольничимъ Артеміемъ Измайловымъ и сыномъ

Измайлова Василіемъ, а 27 апрѣля ихъ вывели на «*пожаръ*», загородное мѣсто для казней, прочли пункты обвиненій, между которыми главною виною осужденнымъ вмѣнялось преклоненіе Царскихъ знамен передъ Королемъ и отрубили имъ головы. Казнь Шеина и Измайлова 1634

Король Владиславъ направился отъ Смоленска къ Бѣлой но ему никакъ не удалось завладѣть этимъ городомъ, а тутъ стали приходить къ нему извѣстія одно другого хуже. Доносили, что Султанъ Османъ, пользуясь его войною на Сѣверѣ, собирается напасть на Польшу, что шведы оставляютъ нѣмцевъ среди ихъ тридцатилѣтней войны и намѣрены отнять у Польши Пруссію, тогда ей принадлежавшую, а потому Русскимъ предложенъ былъ по почину польскихъ сенаторовъ вѣчный миръ. Послы враждующихъ сторонъ съѣхались на рѣкѣ Поляновкѣ немедленно, но переговоры затянулись. Поляки требовали за отказъ Владислава отъ Царскаго титула 100,000 руб., Русскіе согласились только на 20.000; поляки предлагали, чтобы Русскій Царь по смерти Владислава избирался въ польскіе Короли и въ знакъ равенства Государствъ короновался въ Москвѣ и въ Польшѣ, при чемъ польскій посолъ возлагалъ бы корону на Царя въ Москвѣ, а Русскій въ Польшѣ и чтобы Царь по году жилъ попеременно въ Москвѣ, Литвѣ и Польшѣ, но Московскіе послы отклонили и это предложеніе и ни въ какомъ случаѣ не согласились на право поляковъ строить костелы въ Россіи. «*Вѣчный миръ*» былъ заключенъ 17 мая. Польша пріобрѣтала Черниговскую землю съ городами Черниговомъ и Новгородъ-Сѣверскомъ, а Литва Смоленскую область съ городами: Смоленскъ, Рославль, Бѣлой, Трубчевскъ, Невель, Сѣбежскъ, Стародубъ и др. Государи обѣихъ Державъ лично утвердили этотъ договоръ. Польскіе послы, прибывъ въ началѣ февраля въ Москву, были допущены къ цѣлованію Царской руки, а за столомъ, когда подали красный медъ, Царь всталъ и сказалъ имъ: «*пью за здоровье брата моего, Государя вашего, Владислава Короля*». Въ свою очередь, по прибытіи Русскаго посла князя Алексѣя Львова-Ярославскаго въ Варшаву, Король въ его присутствіи присягнулъ съ шестью сенаторами въ костелѣ и на пиру пилъ здоровье своего брата Царя Михаила; кромѣ того, по просьбѣ Русскаго посла повелѣно было отпустить въ Москву смертные остатки Царя Василія Іоанновича Шуйскаго, брата его Дмитрія и жены Миръ съ Польшею 1635

послѣдняго. Погребеніе Царя Василія совершилось при подобающемъ торжествѣ въ Архангельскомъ соборѣ.

Взятіе Азова 1637

Взятіе Азова. Донскіе козаки находились въ постоянной ссорѣ и дракѣ съ жителями турецкой крѣпости Азова, расположенной при устьи Дона, наконецъ порѣшили взять Азовъ. Запорожцы отозвались на приглашеніе Донцевъ и прибыли къ нимъ въ числѣ 1000 человѣкъ. Всѣхъ козаковъ собралось до 4400 человѣкъ и 18 іюня Азовъ былъ взятъ, о чемъ козаки послали въ Москву донесеніе. Царь былъ недоволенъ ихъ самовольствомъ въ особенности тѣмъ, что они убили Кантакузина, турецкаго посла, ѣхавшаго въ Москву и сдѣлалъ имъ выговоръ, а къ Султану Ибрагиму было отписано, что: *«козаки Азовъ взяли воровствомъ, они издавна воры, бѣглые холопи и нашего Царскаго приказанія ни въ чемъ не слушаютъ»*, и что изъ за нихъ Царь ссоры не желаетъ, *хотя бы ихъ воровъ Султанъ побилъ всѣхъ въ одинъ часъ.* Но Султанъ не удовлетворился этою грамотою, хотѣлъ мстить и Крымскій Царевичъ Сафа-Гирей осенью опустошилъ Московскую Украйну, извѣстивъ Царя, что это отплата за Азовъ по приказанію Султана, которую онъ Гирей повторитъ весною.

Осада Азова турками 1641

Но окончаніи персидской войны Ибрагимъ, желая наказать козаковъ, двинулъ подъ Азовъ 200,000 войска, но козаки отсиживались съ такимъ упорнымъ мужествомъ, что хотя отъ 7 іюня до 26 сентября турки почти разрушили Азовъ, но не одолѣли его защитниковъ и наконецъ удалились. Царь наградилъ похвальною грамотою все Донское войско и атамана Осипа Петрова. Козаки просили Царя принять отъ нихъ Азовъ и писали: *«мы наги, босы и голодны; запасовъ, пороху и свинцу нѣтъ, отъ этого многіе козаки хотятъ идти врозь»*. Азовъ представлялъ важное пріобрѣтеніе по отношенію къ набѣгамъ крымскихъ татаръ; при обладаніи Азовымъ казалось возможнымъ и самое исполненіе предложенія Виннневецкаго Царю Іоанну Грозному о конечномъ разореніи Крыма; но за этотъ же Азовъ могла возгорѣться упорная война съ Турціею. Въ борьбѣ своихъ желаній и опасеній, Царь для рѣшенія труднаго этого дѣла, созвалъ Соборъ. Думный дьякъ Лихачевъ изложилъ дѣло объ Азовѣ собору, и объявилъ, что въ Москву ѣдетъ турецкій посолъ, которому по дѣлу нужно дать положительный отвѣтъ. Отбирались мнѣнія. Духовные, на вопросы брать ли Азовъ и о средствахъ для войны изъ за него, отвѣчали, что ихъ дѣло

Соборъ 1642 (3 января)

молить Бога, а не рѣшать такіе вопросы, но что въ случаѣ войны они не отказываются вносить посильное. Дворяне говорили, что во всемъ власть Бога и Государя, но что Азовъ надо принять и козакамъ оказать подмогу людьми, запасами, деньгами и деньги взять тамъ, гдѣ укажетъ Государь. Сами же они указывали, какъ на ни для кого не обидный источникъ денежнаго сбора, на богатство бояръ и ближнихъ Царю людей, надѣленныхъ многими волостами и помѣстьями; также говорили о дьякахъ и служилыхъ людяхъ по «*приказамъ*», что они «*обогатьли многимъ неправеднымъ мздоимствомъ, строили каменныя неудобосказуемыя палаты, какихъ при прежнихъ Государяхъ не бывало*»; совѣтовали взять «*даточныхъ*» людей изъ владычныхъ и монастырскихъ имѣній и въ заключеніе предложили для такого важнаго государскаго дѣла отобрать лежачую домовую казну, начиная съ патріарха, митрополитовъ, архіереевъ включительно до казны монастырской. «*Вотъ наша, твоихъ холопей, мысль и сказъ*». О себѣ дворяне доложили: «*Мы, холопе твои, пуще чѣмъ отъ турецкихъ и крымскихъ бусурмановъ разорены отъ Московской волокиты, неправдъ и неправедныхъ судовъ*». Стрѣлецкіе головы заявили почти тоже самое, что и дворяне, и тоже полагались на Царскую волю. Служилые люди прямо высказывались за войну. Торговые люди, полагаясь на волю Царя говорили, что разсмотрѣніе предложенныхъ вопросовъ есть дѣло служилыхъ, которые получаютъ Государево жалованье и вотчины, а что они занимаются своими «*промыслишками и за ними помѣстій нѣтъ*»; помянули свою ревность и честность при собираніи казны за крестнымъ цѣлованіемъ, жаловались, какъ и всѣ, на грабительство и притѣсненія отъ воеводъ, а о своихъ дѣлахъ сказывали что: «*торжишки наши, Государь, стали гораздо худы: отняли ихъ у насъ въ Москвѣ и городахъ иноземцы; нѣмцы и кизильбашцы* (*персіяне*). Наконецъ низшій чинъ людей, сотскіе и старосты Московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ, высказались отъ имени всѣхъ тяглыхъ людей, что о военномъ дѣлѣ судить не имъ, а одному Царю, «*какъ ему Богъ извѣститъ*», а «*мы, сироты, твои тяглые людишки, по грѣхамъ своимъ оскудѣли и обнищали;*» затѣмъ въ длинномъ перечнѣ изложили заѣдающія ихъ обстоятельства прибавивши, что многіе черезъ нихъ отъ бѣдности разбѣжались и *покидали свои дворишки*».» Такимъ образомъ, изъ собранныхъ на этомъ соборѣ заявленій дѣлалось яснымъ, что за войну стоятъ всѣ: служилые и неслужилые, но что при общихъ жа-

лобахъ на бѣдность предпринимать войну, которая легко можетъ затянуться на годы, было бы для Государства дѣломъ большаго риска. Пріѣхавшему отъ Султана послу Чилибею объявили, что все будетъ устроено, по желанію Султана. Дѣйствительно Желябужскій и Башмаковъ повезли козакамъ Царскую грамоту съ приказаніемъ оставить Азовъ и возвратиться въ свои курени. Козаки исполнили Царскую волю, но на прощанье съ Азовомъ разорили его до совершеннѣйшаго тла.

Пріѣздъ Принца Вольдемара съ посольствомъ 1641

Датскій Королевичъ Вольдемаръ. Шляхтичъ Луба. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ желалъ найти жениха—ровню для старшей своей дочери Ирины и послѣ распросовъ у голландскаго купца Петра Марселиса, о семействѣ датскаго Короля, отправилъ Ивана Ѳомина въ Данію съ приказаніемъ подкупить тамъ живописца и снять портретъ Принца Вольдемара *), а что бы дѣлу не вышло преждевременной огласки, то заказать портреты Короля и другихъ сыновей. Въ Даніи поняли въ чемъ дѣло и лѣтомъ отправили съ Принцемъ Вольдемаромъ чрезвычайное посольство въ Москву для переговоровъ по дѣламъ торговымъ. Принцъ понравился и въ слѣдующемъ году въ Данію былъ отправленъ окольничій Проѣстевъ съ предложеніемъ Королю Христіану прислать Вольдемара въ Москву для брачнаго союза съ Царской дочерью, но предложеніе не было принято когда узнали, что первымъ условіемъ предполагаемаго брака требовалось, чтобы женихъ принялъ православіе. Михаилъ Ѳеодоровичъ остался недоволенъ Проѣстевымъ и съ тѣмъ же порученіемъ вторично послалъ въ Данію Марселиса, который взялся уладить дѣло. Прибывшій Вольдемаръ былъ очень доволенъ радушіемъ пріема, когда же къ нему приступили съ прежнимъ требованіемъ о перемѣнѣ религіи, онъ наотрѣзъ отказался отъ всего, пожелалъ немедленно уѣхать и встрѣтивъ затрудненія бѣжалъ 9 мая ночью, но стрѣльцы задержали его у Тверскихъ воротъ и возвратили. Бракъ не состоялся. Принцъ Вольдемаръ былъ отпущенъ въ слѣдующее царствованіе.

Второй пріѣздъ Принца Вольдемара 1644 21 Января.

Одновременно у Царя была другая забота, принесенная ему въ Польшѣ. Тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ Марина Мнишекъ сидѣла въ тюрьмѣ и когда полякъ Бѣлинскій хотѣлъ спасти ея сына, подмѣнивъ его ребенкомъ убитаго шляхтича Лубы. Дѣло это не удалось Бѣлинскому, но находчивый полякъ сталъ

*) 22 лѣтъ отъ роду.

вездѣ выдавать маленькаго Лубу за сына Марины, величая его Царевичемъ Иваномъ Дмитріевичемъ. По совѣту шляхты, Бѣлинскій донесъ Королю, что Марина еще въ Калугѣ поручила ему спасти своего сына. Сигизмундъ назначилъ маленькому Лубѣ 6000 злотыхъ годоваго содержанія и поручилъ новаго хотя и невольнаго Самозванца Льву Сапѣгѣ, а этотъ помѣстилъ его въ Брестскій Симеоновскій монастырь на попеченіе настоятеля, игумена Аѳанасія. Послѣ Поляновскаго мира, Король Владиславъ запретилъ величать Лубу Царевичемъ. Разжалованный изъ Царевичей, притомъ же лишенный пенсіи Луба послѣ смерти Сапѣги остался безъ средствъ къ жизни и поступилъ на службу къ пану Осовскому, потомъ къ пану Осинскому, у котораго въ Брестѣ оставался писаремъ до самаго времени, когда Русскій посолъ князь Львовъ потребовалъ его выдачи. Король исполняя это требованіе. просилъ Царя отпустить ни въ чемъ неповиннаго шляхтича... Въ слѣдующее царствованіе его отпустили, но за поручительствомъ Короля и сенаторовъ въ томъ, что поляки не воспользуются новою баснею для превращенія Лубы въ Самозванца.

Къ этому времени Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ уже такъ нездоровъ, что не выходилъ изъ своихъ покоевъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ скончался, судя по описанію примѣтъ, отъ водяной. поручивъ своего наслѣдника его воспитателю боярину Морозову. Смерть Царя Михаила Ѳеодоровича 1645 12 Іюля

Дѣятельность Михаила Ѳеодоровича по внутреннему управленію Государствомъ. Подати и налоги. При вступленіи на престолъ Царь Михаилъ засталъ Государство въ полномъ распаденіи послѣ польскаго и козацкаго господства. Правительство до крайности нуждалось въ деньгахъ, но народъ былъ такъ разоренъ. что не имѣлъ возможности уплачивать подати, а многіе посадскіе и уѣздные люди, во избѣжаніе казенныхъ платежей, закладывались (или въ кабалу) за бояръ,—другіе вовсе разбѣгались, къ тому-же сильно терпѣли жители отъ разбойничьихъ шаекъ, въ особенности у Шуи, Суздаля. Костромы, гдѣ шайка атамана Толстаго и послѣ его поимки долго еще открыто грабила. Крайняя необходимость заставляла правительство уменьшить размѣръ повинностей во многихъ мѣстахъ, а Костромичей вовсе отъ нихъ освободить на три года, но также крайность потомъ принудила обложить торговлю и промышленность налогами, кромѣ таможенныхъ, «*полавочными*»; водопой скота. мытье бѣлья. «*пролубною по-*

винностію», а проѣзжающіе на перевозахъ и перекресткамъ платили «*мыто*». Ради правильности денежныхъ взносовъ прибѣгали даже къ системѣ откуповъ на мелкіе промыслы, но эта система пользы не принесла и встрѣченная общимъ ропотомъ была отмѣнена. Въ такомъ положеніи находилось денежное дѣло въ Россіи. Царь которой Борисъ Годуновъ, на укоръ въ корыстолюбіи со стороны Грузинскаго Царя, говорилъ въ негодованіи «*мнѣ ли прельщаться дарами нищихъ, когда могу всю Иверію наполнить серебромъ и засыпать золотомъ*», а со смерти Годунова минуло всего 8 лѣтъ!

Борьба съ разореніемъ Государства была тѣмъ труднѣе, что у Царя Михаила мало было надежныхъ людей между служилыми, нравственность которыхъ весьма пострадала за предшествовавшее время. Посылались строгіе указы съ воспрещеніемъ взяточничества, своевольнаго назначенія людей на работы и проч. но они плохо исполнялись въ областяхъ ближнихъ и совсѣмъ не исполнялись въ отдаленныхъ, ни воеводами, ни приказными, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась областная власть. Нужны были Правительству описи и оцѣнки всего государственнаго имущества для правильнаго распредѣленія повинностей,—учредили для этого особыхъ писцовъ и дозорщиковъ, но эти чиновники взяточничали и писали не по истинѣ, писали «*воровствомъ*», а надъ ними учрежденный контроль изъ окольничихъ и дьяковъ тоже не привелъ въ ясность умышленныхъ ошибокъ въ описяхъ и оцѣнкахъ писцовыхъ книгъ. Не смотря однако на все это, заботы о строеніи Московскаго Государства не останавливались ни въ чемъ и правительство даже пыталось добывать мѣдную руду, но за неимѣніемъ своихъ искусныхъ мастеровъ, (тѣмъ которые были, придавали на помощь фальшивыхъ монетчиковъ) успѣха на мѣдно-плавильныхъ Соликамскихъ заводахъ не было.

Населеніе въ Сибири. Торговля по Волгѣ. Богатый Сибирскій край представлялъ собою одну изъ важнѣйшихъ статей государственнаго дохода. Въ Царствованіе Михаила Ѳеодоровича сибирскія владѣнія Русскихъ распространились еще на 70,000 миль *) и туземные народы были обложены ясакомъ (данью). Невозможно было упрочить за собою эти земли постройкою на нихъ небольшихъ укрѣпленій, тогда называемыхъ острогами и

*) До береговъ Ангары, Амура, Яны, Индигирки и до Камчатскаго моря.

потому присутствіе въ краѣ значительнаго кореннаго Русскаго населенія дѣлалось изо дня въ день все болѣе и болѣе необходимымъ. Царь Михаилъ жаловалъ переселенцевъ въ Сибирь многими льготами,—имъ отводились земельные участки, сѣнные покосы, разныя другія угодья давались деньги на подмогу и такимъ образомъ изъ охотниковъ, большею частью изъ вольныхъ и гулящихъ людей, образовались пашенные крестьяне, которые обязывались пахать десятую часть на казну. Ядромъ населенія были служилые люди, большею частію козаки, но вообще сибирское населеніе того времени не могло и не отличалось ни благочестіемъ, ни нравственностью, — мало было тамъ и церквей, а потому патріархъ Филаретъ, обращая на эти обстоятельства особенное вниманіе, учредилъ сибирскую епархію и назначилъ туда перваго сибирскаго архіерея, архіепископа Кипріана. Первый Сибирскій епископъ 1621

Приволжскій край представлялъ такую же пустыню. Три города, скорѣе острожки, Самара, Саратовъ и Царицынъ, были исключительно заселены стрѣльцами, но кругомъ вмѣсто осѣдлыхъ жителей. кочевали воровскія шайки и Жигулевскія горы *), въ которыхъ они наиболѣе укрывались, представляли серьезную опасность для плавающихъ по Волгѣ. Вслѣдствіе этого торговля по Волгѣ производилась караванами судовъ подъ прикрытіемъ стрѣльцовъ и караваны эти сверху приходили въ Астрахань весною. а возвращались осенью, такъ что восточные товары обыкновенно развозились по Россіи уже при наступленіи зимняго пути.

Иностранцы. Заботы Царя о просвѣщеніи. Русскіе купцы постоянно жаловались на тяжкое соперничество купцовъ иностранныхъ и потому не жаловали иностранцевъ, но и они всегда были довольны пріѣздомъ каждаго иностраннаго мастера и никто не ропталъ даже на льготы, которыми ихъ награждали, потому что эти мастера давали бѣднымъ заработки и обязывались не скрывать своего искусства, а обучать ему Русскихъ. Такое общее покровительство всякому мастерству влекло за собою весьма полезныя послѣдствія и вскорѣ голландецъ Виніусъ устроилъ желѣзный заводъ подлѣ Тулы для литья пушекъ, ядеръ и всякихъ другихъ подѣлокъ изъ желѣза;—такіе же заводы по р.р. Костромѣ, Вагѣ и Шекснѣ были основаны гамбуржцемъ Марселисомъ въ сотовариществѣ съ голландцемъ Филимономъ Акемомъ, а шведъ Коэтъ устроилъ близъ Москвы стеклянный заводъ.

*) Около впаденія р. Усы.

Царь Михаилъ не только не былъ врагомъ просвѣщенія, но сознавалъ пользу науки, покровительствовалъ ученымъ и самъ весьма интересовался географіей, такъ что по его повелѣнію была исправлена и дополнена карта Московскаго Государства, составленная еще при Годуновѣ, подъ заглавіемъ: «*Большой чертежъ Русской земли*». При немъ былъ вызванъ въ Москву ученый Голштинецъ Адамъ Олеарій, о которомъ ему доносили: «*извѣстно учинилось, что онъ гораздо наученъ и извученъ астрономіи и географусъ и небеснаго круга и землемѣрію и инымъ многимъ подобнымъ мастерствамъ и мудростямъ, а намъ Великому Государю такой мастеръ и годенъ*». Въ своихъ очеркахъ о Россіи Олеарій говоритъ, что въ Москвѣ тогда проживало болѣе 1.000 протестантскихъ семействъ и еще много другихъ иностранцевъ въ качествѣ докторовъ, аптекарей, окулистовъ, алхимиковъ, часовыхъ и органныхъ дѣлъ мастеровъ. Кромѣ того, по указанію Царя была переведена космографія съ латинскаго языка, патріархъ Филаретъ основалъ греко-латинское училище; архимандритъ Діонисій занимался исправленіемъ церковныхъ книгъ.

Изъ наиболѣе примѣчательныхъ городовъ, основанныхъ въ это царствованіе, были Енисейскъ, Якутскъ, Туринскъ, Ирбитъ, извѣстный своею торговлею, и нынѣшній Тамбовъ, тогда Тамбовъ,

Литва.

Гедиминъ.

Ольгердъ. Кейстутъ.

Ягайло (Владиславъ II). Свидригайло Вел. Кн. Литовскій. Витовтъ. Великіе Князья Литовскіе. Сигизмундъ. (убитъ Чертторыжскими).

Владиславъ III. Казиміръ IV.

Янъ Альбрехтъ. Александръ. Сигизмундъ I.

Сигизмундъ II Августъ. Екатерина, (супруга Іоанна Вазы, Шведскаго Короля).

Сигизмундъ III.

Владиславъ IV. Янъ Казиміръ.

Языческія Литовскія племена, собственно Литва и Жмудь, разселились по Нѣману и его притокамъ. По сказаніямъ поль-

скихъ лѣтописцевъ бѣдность этой страны, покрытой болотами и лѣсами, была такъ велика, что Русскіе принимали отъ нея дань вѣниками и лыками, но это не помѣшало князю Миндовгу при развившемся единодержавіи выйдти изъ зависимости и пріобрѣсть часть Городенской или Гродненской земли. Послѣ него снова настало смутное время до Гедимина, который присоединилъ къ своимъ владѣніямъ область Витебскую, принялъ титулъ Великаго Князя Литовскаго и Русскаго и утвердилъ свою столицу въ г. Вильно на р. Виліи. Его сынъ Ольгердъ *), возстановивъ нарушенное единодержавіе, отнялъ у татаръ Русскія области: Кіевскую. Черниговскую. Сѣверскую, Подолію и окончательно подчинилъ ихъ своему владычеству. Два раза Ольгердъ былъ женатъ на Русскихъ княжнахъ, тѣмъ не менѣе онъ тѣснилъ Русь восточную и быть можетъ именно потому. что Литва, какъ Государство совершенно Русское, давала ему поводъ мечтать о единствѣ всей Руси.

Смуты на Литвѣ 1315—1340 Ольгердъ 1345—1377

Сынъ Ольгерда Ягайло, рожденный отъ Тверской княжны Юліаніи, стремясь къ единодержавію, преслѣдовалъ своихъ родственниковъ. По его приказанію, братъ и союзникъ его отца Кейстутъ, взятый въ плѣнъ, былъ умерщвленъ и такая же участь готовилась его сыну Витовту, но этотъ успѣлъ спастись бѣгствомъ. Литва снова объединилась и Русскій языкъ по прежнему оставался языкомъ государственныхъ бумагъ и высшихъ классовъ, православіе же, не смотря на язычество Литовскаго Князя, дѣлало такіе успѣхи, что въ самой Вильнѣ было нѣсколько Русскихъ церквей. При такихъ условіяхъ сліяніе Литвы съ Русью казалось неминуемымъ и въ близкомъ будущемъ, но польское вмѣшательство на долго отсрочило развязку этого событія.

Ягайло 1377—1434

Династія Пястовъ пресѣклась на польскомъ престолѣ въ половинѣ XIV в. и корона перешла къ венгерскому Королю Людовику, а затѣмъ къ его дочери Ядвигѣ. Поляки опасаясь Литовцевъ какъ сильныхъ сосѣдей, старались ихъ обратить въ союзниковъ и предложили Ягайлѣ польскую корону, подъ условіемъ, что онъ женившись на Ядвигѣ приметъ католичество.

*) Гедиминъ раздѣлилъ Литву между сыновьями и своими близкими: Любартъ получилъ Волынь, Коріадъ—Новогродокъ, бывшую столицу Миндовга, Наримутъ—Минскъ, Монтвидъ, подручникъ Гедимина—Кіевъ и т. д. Всѣ эти удѣльные Литовскіе князья, присоединились къ Русскому православію и уже ихъ ближайшее потомство совершенно обрусѣло.

Коронованіе Ягайло польскою короною 1386

Ягайло короновался польскою короною въ Краковѣ и подчинившись польскому вліянію, успѣшно обращалъ Литву въ латинство. Успѣшно шло дѣло это въ Литвѣ языческой, но въ Русскихъ областяхъ оно встрѣтило сильное сопротивленіе *). Изгнанникъ Витовтъ воспользовался ропотомъ православныхъ Русскихъ, а также и неудовольствіями Литовцевъ, глядѣвшихъ на обстановку Короля, окруженнаго польскимъ Дворомъ и проживающаго въ Краковѣ.

Отпаденіе Литвы отъ Польши 1392

какъ на опасность для своей самостоятельности и возобновилъ борьбу съ Королемъ. Дѣло увѣнчалось успѣхомъ для Витовта, который сдѣлался самостоятельнымъ Литовскимъ Княземъ, хотя и въ качествѣ подручника польскаго Короля.

Новый Литовскій Великій Князь занялся расширеніемъ предѣловъ своего Государства на востокъ; захватилъ Смоленское княжество, но потерпѣвъ жестокое пораженіе отъ татаръ на р. Ворсклѣ, обратилъ свое оружіе съ востока на западъ и уже въ союзѣ съ польскимъ Королемъ уничтожилъ рыцарей Тевтонскаго Ордена (крестоносцевъ), утвердившихся на нижнемъ теченіи Вислы, почти одновременно съ появленіемъ Ливонскаго ордена. Витовтъ стремился создать изъ подвластныхъ ему земель особое западно-Русское Государство, а потому православіе на Литвѣ не только не было стѣсняемо Витовтомъ язычникомъ, или Витовтомъ католикомъ, но его же политикою западно-Русская митрополія въ Кіевѣ получила отдѣльную самостоятельность.

Битва при Ворсклѣ 1399

После Витовта, котораго поляки не допустили сдѣлался Литовскимъ Королемъ отъ руки германскаго Императора, Великими Князьями на Литвѣ были его двоюродный братъ, православный Свидригайло, пятьдесятъ лѣтъ боровшійся за независимость Литвы отъ Польши и родной братъ Витовта Сигизмундъ, который согласился признать зависимость Литвы отъ Польши и потому сильно поддерживаемый поляками. Въ эту усобицу Литва раздѣлилась, — Русскія области оставались вѣрными Свидригайло. По

Смерть Ягайло 1434

смерти Ягайло, его младшій сынъ Казиміръ IV призванъ былъ на Литву занять мѣсто жестокаго Сигизмунда, убитаго заговорщиками; когда же Казиміръ IV, по смерти своего старшаго брата Владислава III, польскаго и венгерскаго Короля, погибшаго въ битвѣ съ турками подъ Варною, былъ избранъ польскимъ Королемъ, то Литва не смотря на это избраніе, оста-

Смерть Казиміра IV 1492

---

*) Язычникамъ, принявшимъ христіанство, раздавали бѣлыя суконныя одежды и потому многіе изъ нихъ старались попасть во второй разъ въ число обращаемыхъ.

лась его владѣніемъ. Но признавая власть польскаго Короля только въ его качествѣ Великаго Князя Литовскаго, Литва немедленно отдѣлилась отъ Польши послѣ смерти Казиміра и признала младшаго его сына Алекс ра своимъ Великимъ Княземъ. По смерти же польскаго Короля Яна Альбрехта, старшаго брата, Александра Литовскаго, Князь Александръ Литовскій былъ избранъ польскимъ Королемъ и съ тѣхъ поръ Литва представляя отдѣльное Государство, уже всегда имѣла одного Государя съ Польшею, которыми по смерти Александра I были по прямой нисходящей линіи Сигизмундъ I, Сигизмундъ II Августъ, а по смерти Баторія—племянникъ Сигизмунда II, сынъ родной сестры Екатерины, супруги Шведскаго Короля Іоанна Вазы, Сигизмундъ III, его сынъ Владиславъ IV и братъ послѣдняго Янъ-Казиміръ.

Избраніе Александра литовскаго Польскимъ Королемъ 1501

Сигизмундъ I 1506—1548

Сигизмундъ II Августъ 1548—1572

Баторій 1575—1586

Сигизмундъ III 1587—1632

Владиславъ IV 1632—1648

Янъ-Казиміръ 1648 доотреченія отъ престола

Политическая Унія Литвы и Польши. Въ составъ Литвы и слѣдовательно послѣ признанія Литвою власти польскихъ Королей, всѣ земли по Днѣпру, верхнему Нѣману, Западной Двинѣ, Припети, Бугу и Червонная Русь или Галиція *) вошли въ составъ польско-литовскаго Короловства. Началомъ польскаго вліянія на эти земли было время Ягайло, сильнѣйшее же развитіе ополяченія началось со времени Сигизмунда II Августа, при которомъ Польша и Литва утвердили свою политическую унію (единеніе) подписаніемъ о томъ акта на Люблинскомъ Сеймѣ. Общій сеймъ и общій сенатъ въ Мазовецкомъ городѣ Варшавѣ были выраженіемъ равноправности слившихся Государствъ, которыя изъ себя образовали Рѣчь-Посполитую (республику). Для Рѣчи Посполитой понадобились болѣе общія законоположенія, чѣмъ существовавшія до тѣхъ поръ въ каждой странѣ отдѣльно, а потому прежній Литовскій Статутъ, составленный изъ мѣстныхъ законовъ, съ примѣсью статей польскаго права, долженъ былъ подвергнуться пересмотрамъ и дополненіямъ. Стефанъ Баторій поручилъ это дѣло Литовскому Канцлеру Льву Сапѣгѣ, но исправленный Статутъ (утвердивній гласный судъ, — но оставивній сельское населеніе въ крѣпостномъ состояніи) окончательно былъ утвержденъ при Сигизмундѣ III и напечатанъ на Русскомъ языкѣ. Замѣчательно, что этотъ сводъ законовъ допускалъ еще наказаніе за чародѣйство.

1668

Люблинскій сеймъ 1569

Утвержденіе Литовскаго статута 1588

*) Бѣлая Русь, Черная Русь, Малая Русь, Червонная Русь, Волынь, Подолія, Полѣсье, Подляхія или западная часть Гродненской губерніи и земля Инфлянтовъ или сѣверо-западная часть Витебской губерніи.

Рѣчь Посполитая, утвержденная Люблинскимъ договоромъ, понимала, что неразрывность ея земель обезпечивается актами недостаточно, что для этого необходимо сліяніе всѣхъ народностей этихъ земель въ одну народность и конечно польскую. Стремленія къ этой цѣли обнаружились еще при Ягайлѣ, который хотя не говорилъ иначе какъ по русски, но при которымъ области уже не дѣлились на княжества и уѣзды, а на повяты и староства; въ старостваxъ и Русскихъ городахъ, намѣстники, городничіе, тіуны. уступили мѣсто кашителянамъ. старостамъ. подстаростамъ, подкаморнымъ, подсудкамъ и Русскіе города управлялись излюбленнымъ въ Польшѣ Магдебургскимъ правомъ. Но *) польское преобладаніе не шло въ Русскомъ народѣ дальше наружной оболочки и населеніе западной Россіи постоянно склонялось на сторону единовѣрческой восточной Руси. Къ этому же времени изъ Германіи проникло въ Польшу протестантство, и въ высшихъ классахъ увлекло столькихъ, что большинство сенаторовъ Варшавскаго сената состояло изъ диссидентовъ, т. е. изъ протестантовъ и православныхъ Русской вѣры. Такимъ образомъ, усиленное распространеніе католичества сдѣлалось Польшѣ необходимъ для борьбы съ иновѣрчествомъ и представлялось главнѣйшимъ условіемъ для успѣшнаго ополяченія Западнаго края. Съ этою цѣлію Виленскимъ епископомъ Валерьяномъ Протосѣвичемъ были на Литву призваны іезуиты. Немедленно была основана въ Вильнѣ іезуитская коллегія (общество) со школою при ней и затѣмъ такія коллегіи послѣдовательно открывались въ Полоцкѣ, Ярославлѣ-Галицкомъ. Львовѣ. Луцкѣ, Барѣ, Перемышлѣ, Острогѣ, самомъ Кіевѣ и во многихъ другихъ городахъ. Первымъ ректоромъ Виленской школы, послѣ ея преобразованія черезъ 10 лѣтъ въ академію. былъ извѣстный тогда проповѣдникъ іезуитъ Петръ Скарга. немедленно издавшій свое сочиненіе «*О единствѣ Церкви*». какъ предисловіе къ будущей религіозной Уніи. Въ искусныхъ рукахъ наставниковъ іезуитскихъ школъ дѣти быстро къ нимъ привязывались и быстро научались ругаться надъ православнымъ богослуженіемъ. Въ эпоху этого времени устройство Православной Церкви въ земляхъ Рѣчи Посполитой дѣйствительно пред-

*) Магдебургскіе привиллегіи освобождали жителей городовъ отъ подсудности королевскимъ чиновникамъ. Войтъ изъ дворянъ и по назначенію Короля судилъ и рядилъ съ выборными изъ мѣстныхъ жителей бурмистрами и райцами. Ремесленные классы дѣлились на цѣхи и избавлялись отъ повинности чинить королевскіе замки, давать подводы королевскимъ чиновникамъ и пр.

ставляло картину чрезвычайно печальную! Высшіе духовные сановники, обыкновенно изъ знатныхъ родовъ, назначались въ свои должности прямо, не проходя іерархическую лѣстницу монашескихъ чиновъ и затѣмъ пользуясь доходами церковныхъ земель, вели праздную жизнь богатыхъ пановъ. Кромѣ такого примѣрнаго соблазна благочестію. эти духовныя паны назначали управлять церковными имѣніями своихъ родныхъ или близкихъ, а приходскихъ священниковъ держали, что называется, въ черномъ тѣлѣ. Сельское духовенство, забитое и приниженное, должно было сносить самыя грубыя обиды отъ своихъ властей и къ тому-же было оставлено вполнѣ беззащитнымъ отъ своеволія свѣтскихъ пановъ, такъ что священники работали на пановъ какъ хлопы. По сказаніямъ современниковъ, Русское бѣлое духовенство на западѣ ничѣмъ и ни въ чемъ не отличались отъ мужика, а православныя церкви отдавались іудеямъ въ аренду. Іудеи конечно не могли смотрѣть на оброчную статью иначе, какъ съ точки коммерческаго воззрѣнія, а потому стараясь изъ нея извлечь возможный доходъ, они безъ оплаты не допускали ни пасхи святить, ни крестить, ни вѣнчать, ни хоронить, словомъ православные могли слѣдовать своимъ христіанскимъ обрядамъ только съ разрѣшенія арендатора церкви *). Такое униженіе православія вызывало у многихъ изъ ополячивающихся по обстановкѣ своего существованія, вмѣсто заступничества. одинъ ложный стыдъ, всегда усердно поддержанный католиками и сманиваемая привиллегіями православная шляхта, переходила въ латинство. Иначе къ этому дѣлу относилась та меньшая часть Русской шляхты, которая не проникалась ложнымъ стыдомъ, а печалилась о положеніи Русскаго православія. иначе относился народъ. козаки и православныя *Братства*, которыя учреждались по собственному доброхотѣнію съ цѣлями благотворенія и имѣли свой уставъ. Нѣкоторыя «*Братства*» благословлялись «*ставропигіями*» или правомъ не подчиняться мѣстному своему епископу, а одному Константинопольскому патріарху, и при каждомъ изъ нихъ имѣлась школа. а это было очень важное условіе для борьбы съ іезуитами, которые дѣйствовали перомъ такъ же усердно, какъ и въ практической жизни.

Унія религіозная. Чтобы смягчить рѣзкость перехода отъ Русскаго православія къ польскому латинству, іезуиты стали вво-

*) Платежи эти назывались «*дудки*», отъ нѣмецкой монеты düttchen, тройнаго мѣднаго гроша.

дить религіозную «*унію*», суть которой заключалась въ томъ, что требуя католическаго вѣроученія, обрядность Русскаго православія оставлялась неприкосновенною.

Знатныя и богатыя фамиліи прежде другихъ подверглись іезуитскому вліянію, которое сопровождалось такимъ успѣхомъ, что напр. Николай Раздивилль прозванный Сироткою, превратился въ фанатика католика, тогда какъ его отецъ Николай Радзивилль Черный былъ протестантъ и до самой смерти препятствовалъ распространенію уніи, не смотря на то, что его сестра Варвара была замужемъ за польскимъ королемъ Сигизмундомъ II Августомъ *). Но успѣху уніи главнѣе всего послужили дѣла и отношенія высшаго Русскаго духовенства польскихъ владѣній. Случилось Константинопольскому патріарху Іереміи, при проѣздѣ черезъ юго-западную Русь, благословить ставропигіей Львовское братство и по его жалобѣ наложить запрещеніе на Львовскаго епископа Гедеона Балабана. Балабанъ немедленно обратился къ львовскому католическому епископу съ заявленіемъ о своемъ желаніи присоединиться къ уніи. Въ томъ же году Іеремія низложилъ Кіевскаго митрополита Онисифора Дѣвочку, потому что онъ прежде былъ двоженецъ и на его мѣсто назначилъ Михаила Рагозу, а своимъ *экзархомъ* (намѣстникомъ), съ правомъ низвергать недостойныхъ, Кириллу Терлецкаго, Луцкаго епископа. Но такое право экзарха нарушало права митрополита и потому Рагоза остался недоволенъ патріархомъ, также не былъ доволенъ патріархомъ и новопоставленный экзархъ, потому что Іеремія принималъ противъ него жалобы другихъ епископовъ, слѣдовательно не оказывалъ ему довѣрія. Терлецкій кромѣ того, подвергся сильному гоненію со стороны свѣтской власти, а потому чтобы избавиться отъ всѣхъ непріятностей разомъ, онъ съ союзникомъ своимъ Игнатіемъ Поцѣемъ, епископомъ Владиміро-Волынскимъ и еще нѣкоторыми другими, обратился къ Королю Сигизмунду III съ челобитною о желаніи признать главою Русской церкви Римскаго Папу. Въ Римѣ Поцѣй и Терлецкій отъ имени митрополита и всей братіи просили папу Климента VII принять Русскую церковь подъ свою власть.

*) Мать Сигизмунда II Августа Королева Бона, изъ италіанскихъ принцессъ, оставшаяся извѣстною въ Польской исторіи своею жадностью къ богатству, властолюбіемъ и темными интригами, была противницею этого брака но не могла его расторгнуть даже при содѣйствіи сената и сейма.

Поцѣй увѣдомилъ объ этомъ Кіевскаго воеводу Константина Константиновича Острожскаго, Русскаго магната, напоминая ему. что онъ первый съ нимъ заговорилъ объ уніи, но Острожскій, говорившій о вселенскомъ единеніи церкви, сильно прогнѣвался на Поцѣя за ловушку и приказалъ въ своей типографіи печатать собственное воззваніе къ православнымъ, въ которомъ называя Русское православіе единою истинною вѣрою объявилъ, что митрополитъ и епископы обратились въ волковъ и приложились къ западной церкви.

Соборъ въ Брестѣ. Князь Острожскій обратился къ Королю съ просьбою о разрѣшеніи по дѣламъ Русскаго православія и уніи открыть Соборъ съ правомъ свѣтскихъ людей принять въ немъ личное участіе. Король не согласился на присутствіе свѣтскихъ людей, просилъ Острожскаго присоединиться къ уніи и затѣмъ оповѣстилъ, чтобы Русскіе епископы для окончательнаго утвержденія уніи собрались къ 6-у октября въ Брестѣ. Острожскій увѣдомилъ объ этомъ восточныхъ патріарховъ, Константинопольскаго Никифора и Александрійскаго Кирилла и просилъ ихъ прислать къ назначенному сроку «*протосинкелловъ*» (намѣстниковъ) въ Брестъ, гдѣ подъ предсѣдательствомъ одного изъ нихъ, Никифора, православный соборъ по древнему обычаю церковнаго суда три раза призывалъ къ себѣ митрополита Рагозу. Рагоза отвѣчалъ, что онъ и епископы признаютъ только власть Папы. Тогда соборъ лишилъ сана всѣхъ отступниковъ отъ православія, но уніатскій соборъ въ свою очередь также лишилъ сана всѣхъ православныхъ, собравшихся на соборѣ и каждому изъ нихъ послалъ свой приговоръ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «*кто тебя, отъ насъ проклятаго, будетъ считать въ прежнемъ санѣ, тотъ самъ проклятъ будетъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа*». Та и другая сторона обратились къ Королю съ жалобами о неправильности низложенія и съ просьбами о повелѣніи отобрать у противниковъ церковныя земли, но Король не желая признавать иной восточной церкви въ Рѣчи Посполитой кромѣ уніи, принялъ ея сторону а протосинкелла Никифора велѣно было арестовать,— дѣло же о его преступленіяхъ разсмотрѣть суду сената. Въ слѣ-

Соборъ въ Брестѣ. 1596. (Октябрь)

*) Православный Соборъ составился изъ двухъ патріаршихъ намѣстниковъ и двухъ восточныхъ архимандритовъ: Сербскаго митрополита Луки, двухъ Русскихъ епископовъ — Михаила Копытенскаго и Гедеона Балабана, который, возвратясь къ православію, подалъ протестъ объ этомъ въ судъ, еще нѣсколькихъ духовныхъ особъ и двухъ лицъ шляхетскаго званія.

дующемъ году Острожскій, взявшій на поруки Никифора, обвиняемаго даже въ чернокнижіи, самъ защищалъ его передъ сенатомъ, но увидя крайнее пристрастіе судей, поддержанное Королемъ, онъ сказалъ рѣзкую рѣчь и вышелъ изъ собранія. Зять Острожскаго, Кшиштофъ Радзивиллъ, бросился за нимъ по приказанію Короля съ просьбою возвратиться, но раздраженный старикъ уѣхалъ сказавши зятю: «*нехай же собѣ и Никифора зъѣсть*» *).

Такимъ образомъ Брестскій Соборъ, вслѣдствіе явной къ нему несправедливости со стороны Короля и сената, не оправдалъ упованій Русскаго православія, негодованіе котораго стало теперь открыто выражаться и въ церковной литературѣ. На этомъ поприщѣ особенно видное мѣсто занялъ епископъ Мелетій Смотрицкій, соперникъ ревностнаго уніата Кунцевича, убитаго потомъ за притѣсненія народомъ въ Витебскѣ, но кромѣ того православные стали вездѣ устраивать школы для воспитанія Русскаго юношества въ правилахъ своей вѣры. Самая замѣчательная изъ этихъ школъ была Богоявленская въ Кіевѣ, устроенная при церкви Богоявленія. Когда эта школа сгорѣла, то пожертвованіемъ жены Мозырскаго Маршалка Ложки Галшки, урожденной Гулевичъ, была возобновлена въ слѣдующемъ же году, и потомъ преобразована въ Кіевскую Академію своимъ первымъ ректоромъ Петромъ Могилою, впослѣдствіи Кіевскимъ митрополитомъ **).

Смерть Кунцевича 1623

Пожаръ Богоявленской школы 1614

Петръ Могила митрополитъ 1633

Такимъ образомъ западно-Русская церковь раскололась на православную и уніатскую. Это церковное раздвоеніе было встрѣчено негодованіемъ народа и въ самомъ Вильно, тогдашнемъ мѣстопребываніи западно-Русскихъ митрополитовъ. Послѣ смерти Михаила Рагозы уніатскимъ митрополитомъ былъ Игнатій Поцѣй, а затѣмъ Веніаминъ Рутскій, учредившій уніатскій монашескій орденъ Василія Великаго (*Базильянскій*).

Козаки. Малороссійскіе или Украинскіе козаки занимали землю древнихъ Угличей и Тиверцевъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра до самаго моря. Князь Ольгердъ, завоевавшій въ XIV в. Подолію, нашелъ мѣстное населеніе еще подъ управленіемъ атамановъ, но уже Литовско-Русскіе источники, говоря о юго-западной Рос-

*) Острожскій умеръ въ очень преклонныхъ годахъ, и сынъ его Янушъ перешелъ въ католичество вмѣстѣ съ своими сестрами, но сынъ Александръ остался въ православіи.

**) Въ этой Академіи классы шли въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ іезуитскихъ коллегіяхъ, принятыхъ за образецъ: инфима, грамматика синтаксисъ, пінтика, риторика, философія и богословіе.

сіи XV вѣка, указываютъ на Лянскоранскихъ, Вучацкихъ, Язловицкихъ, Сенявскихъ и другихъ владѣтелей обширныхъ имѣній и на существующій тамъ польскій обычай раздавать города въ пожизненное владѣніе знатнымъ родамъ. Такія пожизненныя владѣнія называлась староствами, изъ которыхъ наиболѣе выдающіяся, Черкасское и Каневское были извѣстны подъ общимъ именемъ Украйны. Съ развитіемъ козачества это названіе перешло на всю землю древнихъ Угличей и Тивирцевъ, потомъ на всю Кіевскую землю, на лѣвый берегъ Днѣпра и слилось съ названіемъ границъ Русскихъ княжествъ, — Окраины. Выходцы изъ Россіи много пополняли собою убыль людей на Украинѣ, сметаемыхъ безпрерывными ея войнами. Само собою разумѣется, что подобное существованіе страны требовало отъ ея жителей, чтобы они прежде всего были воинами, во всякое время готовыми къ отраженію врага, но такая постоянная готовность къ бою требовала въ свою очередь исключительнаго быта массы отдѣльныхъ личностей и потому староства, для защиты своихъ земель, учреждали у себя военное сословіе, привиллегированное передъ земледѣльцами. Всѣхъ усерднѣе занимались такою организаціею козаковъ старосты Евстафій Дашковичъ и Предславъ Лянскоронскій, но козачество пріобрѣло наибольшее развитіе при геройскихъ походахъ Дмитрія Вишневецкаго, который едва не овладѣлъ Молдавіей. Въ этотъ походъ Вишневецкій, измѣнническіи захваченный, былъ замученъ турками, но зато пути въ Крымскіе улусы и Молдавію сдѣлались съ его времени торною дорогою козачества, да и самое море на козачій взглядъ не было препятствіемъ ихъ чайкамъ (легкій челнокъ), на которыхъ они налетали на турецкіе берега и нещадно ихъ громили, а ихъ селитьба по выбору Вишневецкаго на островѣ Хортицѣ послужила основаніемъ Запорожскій Сѣчи (Січь).

Набѣгъ Вишневецкаго на Молдавію 1563

Широкій, привольный Днѣпръ въ нижнемъ своемъ теченіи, вслѣдъ за порогами и гористымъ ущельемъ «*Волчьимъ Горломъ*», развѣтвляется на множество рукавовъ. Среди этаго развѣтьленія на островахъ, вся мѣстность которыхъ называлась «*низомъ*», установилась Запорожская Сѣчь, первоначально на отмели Томаковкѣ, близъ впаденія въ Днѣпръ рѣчки Конки, потомъ на Микитиномъ Рогѣ близъ Никополя, а потомъ еще нѣсколько ниже,—но центромъ оставался до конца островокъ еще и нынѣ называемый Січью. Запорожскіе козачьи поселки распространились по берегамъ Днѣпра за порогами и вскорѣ потомъ въ сосѣднихъ сте-

пяхъ стали выростать козачьи «*зимовки*», (хутора), на которыхъ проживали запорожцы, отправлявшіеся въ Сѣчь только временно для охоты, на рыбную ловлю, чаще же ради лихаго налета въ ту или другую сторону. Хутора своимъ происхожденіемъ обязаны наиболѣе уставу Сѣчи, по которому въ мѣстахъ ея расположенія строго воспрещалось присутствіе женщинъ и такимъ образомъ Малороссійское козачество раздѣлилось на городовыхъ или «*Украинскихъ козаковъ*» и «*Січевыхъ*» или Запорожцевъ.

Городовые козаки, разсѣявшись на земляхъ губерній Кіевской, Подольской и Полтавской, по необходимости признавали надъ собою власть польскаго Короля, который хотя считалъ своими подданными также и Запорожцевъ, но въ дѣйствительности Сѣчь была совершенно независима, и называясь въ своемъ полномъ составѣ «*кошемъ*», управлялась «*кошевымъ атаманомъ*», который избирался на общей «*радѣ*», сходкѣ. Кошъ дѣлился на курени, съ выборными «*куренными атаманами*» во главѣ. Украинскіе козаки, изъятые изъ подъ власти «*старостъ*» еще Сигизмундомъ II Августомъ, получили нѣсколько другое устройство. При Стефанѣ Баторіѣ заведены были «*реестры*» (списки), по которымъ козаки стали называться реестровыми и раздѣлялись на полки *), каждый полкъ находился подъ начальствомъ полковника, его помощника асаула, сотниковъ и сотенныхъ асауловъ, а все казацкое сословіе подчинялось назначенному Королемъ, «*старшому*» или Гетману **), управленіе котораго «*Генеральныя старшина*» состояло изъ генеральныхъ: асаула, судьи и писаря. Городъ Трехтемировъ былъ назначенъ резиденціею Гетмана.

Число реестровыхъ казаковъ на жалованіи, по червонцу и тулупу въ годъ, опредѣлялось только изъ 6,000 человѣкъ и уменьшеніе ихъ числа составляло постоянную заботу польскаго правительства; — всѣ же прочіе козаки должны были войти въ сословіе «*посполитыхъ*», т. е. крестьянъ. Но посполитые отнюдь не мирились съ своимъ крѣпостнымъ положеніемъ и постоянно, или увеличивали собою число реестровыхъ или уходили подальше отъ стѣснительныхъ мѣръ на низовья Днѣпра. Добывъ себѣ въ «*Січи*» «*лыцарскую славу*», они возвращались на свои прежніе земельные участки и хотѣли ими пользоваться на правѣ воль-

*) Полки назывались Черкасскимъ, Каневскимъ, Бѣлоцерковскимъ, Корсунскимъ, Чигиринскимъ и Переяславскимъ; ихъ число впослѣдствіи увеличилось до 20.

**) Знаками гетманскаго достоинства были булава, печать, бунчукъ и войсковое знамя.

ныхъ людей, но владѣльцы имѣній, конечно на это не соглашались и эти споры почти всегда сопровождались жестокою развязкою. Этихъ своевольныхъ обывателей набиралось столько, что они изъ себя образовывали «*Своевольные купы*», выбирали себѣ главу и называли его Гетманомъ. Такой именно Гетманъ Наливайко, въ эпоху козацкихъ возстаній, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ взялъ Луцкъ на Волыни, Слуцкъ въ Бѣлой Руси, потомъ Могилевъ, Пинскъ и разорилъ множество панскихъ имѣній. Но Наливайко Гетманъ своевольной купы, убивши своего союзника, козацкаго Гетмана Лободу, былъ выданъ полякамъ и потомъ казненъ въ Варшавѣ. Это не смирило ни козаковъ своевольныхъ купъ, ни ихъ предводителей и скоро Рѣчи Посполитой пришлось убѣдиться, что всѣ эти возстанія, подавляемыя жестокостію, были однимъ лишь цвѣтомъ козачьей политики, плодъ которой созрѣлъ. когда дѣло перешло въ руки Зиновія Богдана Хмѣльницкаго.

Возстаніе Наливайки 1595—1596

Алексѣй Михайловичъ.

1645 — 1676 г.

Боярин Морозовъ. Бракъ Царя. Мятежи въ Москвѣ, Сольвычегодскѣ и Устюгѣ.—Царь Алексѣй Михайловичъ, прозванный за добродушіе «тишайшимъ», вступилъ на престолъ 16-ти-лѣтъ отъ роду и конечно его ближайшимъ совѣтникомъ не могъ сдѣлаться никто иной, какъ бывшій тринадцать лѣтъ его воспитателемъ, бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ. Царь любилъ Морозова искренно и вѣрилъ ему безусловно, но Морозовъ, умный и по тогдашнему времени весьма образованный, сдѣлавшись временщикомъ, заботился гораздо болѣе о сохраненіи своего вліянія на Царя, нежели о дѣлахъ Государства. Такимъ образомъ отъ его государственной дѣятельности ускользнуло установленіе прочнаго основанія новому порядку управленія, при которомъ тяглые люди, записавшіеся за бояръ, монастыри, въ стрѣльцы и проч., не исчезали со списка тягловыхъ, оставаясь въ тоже время на прежнихъ мѣстахъ для своей торговли или промысла, т. е. чтобы кулаки такимъ образомъ устраняя себя отъ участія въ налогахъ, платимыхъ цѣлымъ посадомъ за каждое свое тягло, не могли бы обходными путями достигать льготнаго положенія, которымъ увеличивалось бремя налоговъ для остальныхъ посадскихъ людей одного съ ними посада; чтобы, кромѣ того, между посад-

скими не селились для торговли еще и тѣ, которые къ нимъ не принадлежали по рожденію напр. дѣти служителей церкви, козаки, стрѣльцы, чѣмъ серьезно обижая посадскихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ нарушался и казенный интересъ въ цѣлости денежныхъ взносовъ и правильности ихъ поступленій; чтобы помѣщичьи люди не перебѣгали отъ одного владѣльца къ другому; чтобы служилые люди не обращались къ грабежамъ и многіе изъ нихъ не предпочитали своей службѣ заработки «*захребетника*» (поденщика) и чтобы противъ разныхъ неурядицъ, искорененіемъ которыхъ было занято и предшествовавшее царствованіе, были приняты спеціальныя мѣры для их пресѣченія. Ничего подобнаго не было сдѣлано Морозовымъ, а отмѣна мелкихъ налоговъ въ родѣ проѣзднаго «*мыта*» и замѣна их увеличеніемъ налога на соль, только усилила народный ропотъ, который усердно *) поддерживался личными врагами гордаго боярина. Но ослѣпленнаго временщика тревожило только будущее супружество Царя Алексѣя Михайловича, при каковомъ новое родство могло сдѣлаться Царю слишкомъ близкими людьми, а потому когда невѣстою Царя была избрана Евфимія Ѳедоровна Всеволожская, то по распоряженію Морозова, ей при облаченіи въ царскій нарядъ такъ туго подобрали волосы и такъ неудобно покрыли голову, что во время своего представленія Державномъ жениху она упала въ обморокъ. Къ величайшему прискорбію Царя, его невѣста была немедленно объявлена испорченною, сведена съ Верху и по обычаю **) времени сослана въ Сибирь вмѣстѣ съ своими родными, хотя отъ себя лично, Царь приказалъ передать ей дорогіе подарки. Два года послѣ, Царь вступилъ въ бракъ съ младшею дочерью дворянина Ильи Даниловича Милославскаго, а вслѣдъ за нимъ Морозовъ женился на старшей. Породнившись съ Царемъ, Морозовъ считалъ свое положеніе навсегда упроченнымъ. но на его бѣду родственники по женѣ, начиная съ тестя и их близкіе, принялись слишкомъ неумѣренно за наживу на счетъ народа. Въ этомъ отношеніи Леонтій Степановичъ Плещеевъ. Петръ Тихоновичъ Траханіотъ и дьякъ Чистовъ такъ отличились, что народъ рѣшился обратиться къ Царю прямо. 25 мая, когда Алексѣй Михайловичъ возвра-

Налогъ на соль 1646 мартъ

*) Обязательное пріобрѣтеніе торговцами новаго аршина съ орломъ, за цѣну въ десять разъ высшую его дѣйствительной стоимости также возбудило серьезное негодованіе противъ Морозова.

**) Какъ прежде Хлопова, невѣста Царя Михаила.

щался отъ Троицы верхомъ, толпа его окружила и засыпала мольбами о заступничествѣ. Царь слушалъ безъ гнѣва, обѣщалъ удовлетвореніе и народъ проводилъ его громкими благословеніями, но когда только что самимъ Царемъ обласканную толпу, Морозовскіе усердники принялись разгонять побоями, то это вызвало въ ней такой взрывъ ярости, что стрѣльцы едва успѣли удержать народъ у входовъ Царскаго дворца, въ которомъ скрылись убѣжавшіе обидчики. Самъ Морозовъ вышедшій на шумъ принужденъ былъ скрыться, народъ бросился разорять его домъ, причемъ бояринѣ Морозовой было сказано: *«если-бы ты не была сестра Царицы, мы бы тебя изрубили въ куски»*. Такая же участь постигла дома Плещеева, Траханіотова, — недужнаго же дьяка Чистова, котораго отыскали подъ кучею вѣниковъ, забили палками до смерти, а на другой день, вломившись въ Кремль, народъ потребовалъ выдачи Плещеева и Траханіотова. Плещеевъ былъ выданъ и забитъ палками; Траханіотовъ бѣжалъ, но его велѣно было отыскать и казнить; ему отрубили голову. Около полудня вспыхнувшій пожаръ отвлекъ толпу отъ Кремля, но для безопасности Морозова отправили въ Кириловъ Бѣлозерскій монастырь. Когда въ Москвѣ поутихло, Царь лично обратился къ народу во время одного крестнаго хода съ увѣщаніями не злобствовать противъ Морозова, его воспитателя и втораго отца. *«Дабудетъ воля Божія и Государева»*! кричалъ умиленный народъ и Морозовъ вскорѣ возвратился, но уже прежняго положенія не занялъ. Мятежъ въ Москвѣ 1648

Этотъ Московскій безпорядокъ, безнаказанно окончившійся для мятежниковъ, соблазнилъ и другіе города къ собственноручной расправѣ и въ Сольвычегодскѣ ограбили и чуть не убили сборщика податей Приклонскаго за взяточничество, въ Устюгѣ за тоже самое убили подъячаго Михайлова и ограбили воеводу Милославскаго. Но на этотъ разъ время безнаказанности миновало и прибывшій сюда для розыска князь Иванъ Родановскій казнилъ нѣсколькихъ человѣкъ. Также точно было поступлено въ слѣдующемъ году въ Москвѣ съ зачинщиками новаго бунта, цѣлью котораго было покончить разсчеты съ Царскимъ тестемъ и Морозовымъ смертнымъ на нихъ вымѣщеніемъ за свои обиды.

Уложеніе. Вслѣдъ за прекращеніемъ Московскихъ мятежныхъ волненій, Царь Алексѣй Михайловичъ совмѣстно съ патріархомъ, духовенствомъ, боярами, окольничими и думными людьми обсуждалъ необходимость пересмотра существовавшихъ законоположе- Совѣщаніе Царя 1648 16 іюля

ній съ тѣмъ, чтобы впредь «*Московскаго Государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго до меньшаго чина, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равна*». Князьямъ Одоевскому, Прозоровскому, Волконскому и дьякамъ Леонтьеву и Грибоѣдову данъ былъ приказъ составить для доклада Сборникъ изъ правилъ Апостолъ и Св. Отцевъ *), изъ законовъ Византійскихъ Царей, Литовскаго статута, указовъ прежнихъ Государей, боярскихъ постановленій и дополнить его новыми пригодными постановленіями. Собранный по этому поводу Земскій Соборъ утвердилъ «*Новое Уложеніе*» изъ 26 главъ и 967 статей всѣми своими 315-ю подписями. Этимъ Уложеніемъ между прочимъ вновь запрещалось сѣяніе табака, «*богомерзкой травы*», церковнымъ дѣламъ между духовными и мірскими было положено разсматриваться въ гражданскомъ вѣдомствѣ, а статьями «*о Государевой чести и Государевомъ дворѣ*» установилось «*слово и дѣло*» или поголовная отвѣтственность за скрытіе или недонесеніе объ измѣнахъ и злоумышленіяхъ противъ Государя. Рядомъ съ Уложеніемъ изданъ былъ указъ, по которому англійскіе купцы обязаны были выселиться изъ внутреннихъ областей и ограничиться правомъ торговли въ одномъ Архангельскѣ и уже не безпошлинно. Побудительною причиною къ такой перемѣнѣ съ англичанами выставлялись имъ не одни обвиненія въ привозѣ запретнаго товара. табака и въ вывозѣ запретныхъ товаровъ, напримѣръ шелку сырцу, но также учиненіе большаго злаго дѣла: «*Государя своего Короля Карлуса убили до смерти*».

Утвержденіе уложенія Соборомъ 1649

Это распоряженіе однако дурно повліяло на приливъ иностраннаго серебра въ Россію, а какъ тогда Русскіе еще не умѣли находить и разрабатывать драгоцѣнныя руды, то недостатокъ въ благородныхъ металлахъ сдѣлался весьма ощутительнымъ, въ особенности при расходахъ на войны. По совѣту окольничаго Ртищева, Царь приказалъ чеканить мѣдную копѣйку, которую должны были принимать по цѣнѣ равною серебряной и сначала эта мѣновая монета удовлетворяла всѣхъ, но недолго. На мѣдныя деньги стали скупать и припрятывать серебряныя, курсъ которыхъ поднялся до 15 рублей мѣдною монетою за одинъ серебряный, а легкость производства мѣдныхъ денегъ имѣла послѣдствіемъ появленіе множества фальшивой, такъ что все вздорожало до крайности. Къ тому же распространились слухи, будто

Введеніе равенства монетъ 1658

*) Изъ Кормчей книги.

тесть Царя Милославскій извлекаетъ выгоды изъ этого общаго денежнаго затрудненія и кончилось тѣмъ, что взволнованный народъ бросился въ с. Коломенское, любимое мѣстопребываніе Алексѣя Михайловича и для своей расправы требовалъ Ртищева, Милославскаго и другихъ бояръ. Волненіе было усмирено оружіемъ, но Царь отмѣнилъ цѣну мѣдныхъ денегъ не по достоинству металла и возстановилъ производство жалованья и всѣхъ платежей отъ казны серебромъ.

Отмѣна равенства монетъ 1662

Мятежи въ Псковѣ и Новгородѣ. Статьями Столбовскаго договора предусматривались побѣги Русскихъ людей и устанавливалась ихъ обратная выдача Московскимъ Государствомъ, но Царь Алексѣй Михайловичъ никакъ не желалъ выдавать своихъ перебѣжчиковъ, тѣмъ болѣе что они оправдывались принужденіемъ ихъ къ отреченію отъ православія,—а такъ какъ число ихъ оказалось значительнымъ, то шведское правительство согласилось на полученіе за нихъ выкупа въ суммѣ 191,000 рублей. Погашеніе этого долга производилось деньгами и хлѣбомъ и потому гостю Емельянову поручено было скупить для этой цѣли 11,000 четвертей изъ Псковскихъ запасовъ. Емельяновъ, желая при этомъ случаѣ поживиться, допускалъ вывозъ изъ Пскова хлѣба, только у него купленнаго и этою своевольною монополіею возбудилъ сильное негодованіе народа, который не замедлилъ обвинить Морозова и бояръ въ желаніи съ корыстною цѣлію «*оголодить*» Русскую землю. Въ это время (въ февралѣ) шведъ Нумменъ ѣхалъ черезъ городъ; — чернь отняла у него 20,000 руб., полученныя въ уплату за перебѣжчиковъ, а его самого посадила въ тюрьму. Емельяновъ спасся бѣгствомъ, а Псковичи послали въ Москву челобитчиковъ. Въ свою очередь Новгородцы узнавши о Псковскомъ дѣлѣ, подъ вліяніемъ рѣчей посадскаго человѣка Елисея Лисицы, напали 15 марта на случайно проѣзжавшаго датскаго посла Граба, избили его до увѣчья, ограбили и тоже послали въ Москву челобитчиковъ съ ложнымъ доносомъ, будто Грабъ первый учинилъ нападеніе. Увѣщанія митрополита Никона къ народу о смиреніи не дѣйствовали, а его изреченное въ Софіевскомъ соборѣ проклятіе на всѣхъ, озлобило и тѣхъ Новгородцевъ, которые не принимали участія въ безпорядкахъ и Никонъ донесъ Царю, что самъ онъ сильно избитъ мятежниками, лежитъ больной и соборовался. Царь отправилъ небольшое войско подъ начальствомъ князя Ивана Хованскаго, который по предварительному Царскому наказу, расположился у Хутынскаго монастыря, но когда въ апрѣлѣ его впустили въ городъ.

Мятежъ во Псковѣ и Новгородѣ 1656

то онъ прежде всего приказалъ отрубить голову зачинщику въ оскорбленіи Граба, посадскому человѣку Волку, другихъ до 200 взялъ подъ стражу и все затихло. Но Псковъ продолжалъ волноваться, силою отнялъ у воеводы порохъ и свинецъ и объявилъ, что будетъ защищаться противъ Московскихъ войскъ, которыхъ ожидали. Въ концѣ Мая князь Хованскій сталъ противъ Пскова на Снятной горѣ и послалъ увѣщаніе къ мятежникамъ съ дворяниномъ Бестужевымъ, но Псковитяне убили посла и не сдавались. Такъ прошло два мѣсяца. Но наконецъ Коломенскій Епископъ Рафаилъ, угрозами Псковитянамъ, что самъ Царь пойдетъ на нихъ съ войскомъ и обѣщаніемъ всепрощенія въ случаѣ покорности, успѣлъ ихъ вразумить. Псковъ принесъ повинную и выдалъ зачинщиковъ.

Рожденіе Никона 1605

Патріархъ Никонъ. Никонъ, въ міру Никита, родился въ селѣ Вельмановѣ близъ Нижняго-Новгорода. У Никона, рано лишившагося матери и отецъ котораго, Мина по имени *), женился во второй разъ на вдовѣ съ дѣтьми, не было радостнаго дѣтства. Злая мачиха постоянно его била, морила голодомъ и хотѣла даже совсѣмъ извести. Выучившись читать, Никонъ ушелъ въ монастырь Макарія Желтоводскаго и вернулся домой не задолго до смерти своего отца, послѣ которой онъ женился и 20-ти лѣтъ отъ роду былъ посвященъ въ приходскіе священники. Потерю всѣхъ трехъ своихъ дѣтей послѣ десятилѣтняго брака, онъ принялъ за знаменіе свыше и потому уговорившн свою жену къ разлукѣ, внесъ за нее вкладъ при ея постриженіи въ монахини, самъ же сначала ушелъ къ Бѣлому морю въ Анзерскій скитъ, гдѣ постригся, оттуда въ Кожеозерскую пустынь и тамъ былъ избранъ братіею въ игумены. Года черезъ два Никону случилось быть въ Москвѣ и здѣсь по обычаю того времени, онъ въ качествѣ игумена, представился Царю, которому очень понравился. По царскому желанію патріархъ Іосифъ посвятилъ Никона въ архимандриты Новоспасскаго монастыря, родовой усыпальницы Романовыхъ. Частыя поѣздки набожнаго Алексѣя Михайловича на могилы предковъ постоянно сопровождались бесѣдами съ новымъ архимандритомъ, которыя такъ услаждали христіанскія чувства Царя, что онъ приказалъ несравненному собесѣднику быть каждую пятницу во дворцѣ. Никонъ пользовался расположеніемъ къ себѣ Царя только для милостей угнетеннымъ и сдѣлавшись ему близкимъ человѣкомъ, въ тоже время пріобрѣлъ об-

*) Мордовскаго происхожденія.

щую любовь народа. Вскорѣ Никонъ назначенный Новгородскимъ митрополитомъ, занялъ такимъ образомъ второе мѣсто въ духовной іерархіи и затѣмъ по смерти Іосифа самъ былъ назначенъ патріархомъ, но согласился принять этотъ санъ не иначе какъ послѣ клятвеннаго обѣщанія Царя, духовенства и бояръ почитать его какъ Архипастыря и отца и не мѣшать ему устроить церковь.

Никонъ Митрополитъ 1648

Никонъ Патріархъ 1652

Вліяніе новаго патріарха на Царя было чрезвычайное. Въ его отсутствіе Никонъ управлялъ Государствомъ и въ грамотахъ писался «*Великимъ Государемъ*», какъ прежде Филаретъ Никитичъ, отецъ Царя Михаила.

Исправленіе церковныхъ книгъ. Церковныя рукописи перешли въ печатныя книги со всѣми ошибками отъ невѣжественныхъ переписчиковъ и послѣдствіемъ этихъ искаженій оказалось появленіе въ Русской Церкви такихъ толкованій и мнѣній, которыя хотя относились въ большинствѣ къ одной внѣшней обрядности, тѣмъ не менѣе никогда не были допускаемы ученіемъ восточнаго православія. Но люди неразвитые очень чутки къ внѣшности и потому вопросы о томъ, какъ произносить—Іусъ или Іисусъ, складывать ли два перста для крестнаго знаменія или три, служить ли на пяти просфирахъ или на семи и т. п., даже бритье бороды и усовъ получило у нихъ значеніе догматической важности и привели ихъ отъ несогласій въ спорахъ къ образованію религіозныхъ общинъ подъ названіемъ «*раскольниковъ*» или «*старовѣровъ*».

Когда при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ возстановилось книгопечатаніе, то въ виду перепечатыванія церковнаго «*Требника*» *), Троицкому Архимандриту Діонисію было поручено подвергнуть его предварительному пересмотру. Въ помощники къ Діонисію были назначены два монаха и одинъ священникъ, извѣстные самому Царю за людей книжныхъ, ученыхъ. Но этотъ нелегкій трудъ, требующій большихъ спеціальныхъ знаній, подвергся со стороны озлобленныхъ невѣждъ нелѣпому гоненію; напримѣръ, Діонисій, усматривая, что въ молитвѣ при водосвятіи «*Пріиди, Господи, и освяти воду сію Духомъ Твоимъ Святымъ*», было ошибочно прибавлено «*и огнемъ*» отбросилъ эту безсмысленную прибавку, а въ народѣ былъ пущенъ слухъ, что еретики хотятъ вовсе огонь вывести изъ міра. Новшествъ **) тогда не терпѣли.

*) Потребника.
**) Такъ назывались нововведенія.

еще рѣзали носы за нюханіе табаку, и потому Діонисій причисленный къ разряду нововводителей, былъ обвиненъ въ ереси, подвергнутъ оскорбленіямъ, заточенъ и освободился только благодаря заступничеству Митрополита Филарета Никитича и Іерусалимскаго Патріарха Θеофана, пріѣхавшаго тогда въ Москву *).

Послѣ Діонисія исправленіе церковныхъ книгъ велось безъ знанія, безъ пониманія дѣла и такъ небрежно, что наставленіе о двуперстномъ сложеніи было внесено въ самыя употребительныя книги Псалтырь и Катехизисъ. Всѣ эти искаженія церковныхъ книгъ и обрядовъ постоянно обращали на себя вниманіе не однѣхъ греческихъ патріарховъ, часто посѣщавшихъ Москву, а потому патріархъ Никонъ просилъ Царя созвать соборъ и по поводу ихъ указаній. Благочестивый Алексѣй Михайловичъ согласился и самъ съ боярами присутствовалъ на соборѣ, составленномъ изъ 34-хъ духовныхъ лицъ. Никонъ предложилъ вопросъ, слѣдуетъ ли держаться новыхъ книгъ, напечатанныхъ въ Москвѣ по переписямъ съ древнихъ греческихъ и славянскихъ рукописей или обратиться къ самимъ греческимъ и славянскимъ текстамъ, такъ какъ оба руководства не представляютъ разницы по чину и уставу? Соборъ отвѣчалъ, что: «*достойно и праведно исправлять сообразно старымъ харатейнымъ и греческимъ спискамъ*».

Церковный соборъ Никона 1654

Тогда Никонъ отстранилъ отъ дѣла прежнихъ справщиковъ и передалъ его Малороссійскимъ ученымъ монахамъ Епифанію Славинецкому, Арсенію Сатановскому, вызванныхъ въ Москву для переводовъ съ иностранныхъ языковъ и греку Арсенію. Кромѣ того патріарху Константинопольскому Паисію было отправлено 26 вопросовъ о спорныхъ пунктахъ, сдѣлано распоряженіе о собираніи по монастырямъ древнихъ харатейныхъ списковъ и Арсеній Суханов послань на Аѳонъ добывать греческія книги. Въ числѣ отвѣтовъ Паисія, онъ говоря о трехперстномъ сложеніи для крестнаго знаменія какъ о древнѣйшемъ, указывалъ на разницу между перстнымъ сложеніемъ молитвеннымъ и благословляющимъ, которое должно въ четырехъ буквахъ изображать имя Іисуса Христа ІС—ХС. Отвѣты Паисія были разсмотрѣны вновь созваннымъ соборомъ, который постановилъ держаться его указаніямъ и рѣшеніямъ перваго собора.

---

*) При Филаретѣ были напечатаны Евангеліе напрестольное и учительный Потребникъ, Служебникъ, Минеи, Часословъ, Апостолъ, Псалтырь, Октоихъ, Шестодневъ, Тріодь цвѣтная и постная.

Ропотъ, раздуваемый многочисленными врагами суроваго патріарха все усиливался и преслѣдуемые за сопротивленіе приняли видъ страдальцевъ за истину, а неисправленныя книги, по которымъ они стали спасаться пріобрѣли священное значеніе. Двуперстіе было предано соборному проклятію.

Въ такихъ враждебныхъ отношеніяхъ по религіозному вопросу Никонъ очутился къ очень большому числу почитателей старины. Это были враги за величайшую услугу православію, но были у него опасные враги и по другимъ побужденіямъ. Крутость его характера, вспыльчивость и до жестокости доходящее обращеніе съ подчиненными, возбуждали ропотъ среди духовенства, а властолюбіе породило недоброжелателей среди бояръ и даже въ Царской семьѣ. Грамоты съ величаніемъ Никона *Великимъ Государемъ* никогда и никому не нравились, прямо же имъ высказываемое стремленіе подчинить свѣтскую власть духовной, охладило къ нему самого Царя, а Никонъ между тѣмъ забывался до того, что громко не признавалъ Царскихъ Указовъ, изданныхъ безъ предварительнаго съ нимъ совѣщанія, осуждалъ Уложеніе, въ составленіи котораго онъ не участвовалъ, не хотѣлъ признавать *«монастырскаго приказа»*, который былъ установленъ для разбора свѣтскими властями тяжебныхъ церковныхъ дѣлъ и противился отписанію на казну нѣкоторыхъ патріаршихъ имѣній. Его враги Стрѣшневъ, князья Никита Одоевскій, Трубецкой и другіе бояре при всякомъ такомъ случаѣ указывали Царю, что если онъ Самодержецъ, то на Руси есть такой же и другой — патріархъ Никонъ. Алексѣй Михайловичъ, не смотря на свое добродушіе давно уже и безъ этихъ шептаній чувствовалъ гнетъ патріарха. Мало по малу чувство личнаго его расположенія къ Никону стало до того слабѣть, что теперь онъ сталъ по возможности устранять свои съ нимъ встрѣчи. Никонъ замѣчалъ это охлажденіе, но ни въ чемъ не хотѣлъ оказать Царю уступчивости и самъ подалъ поводъ къ окончательной размолвкѣ.

Размолвка Царя съ Никономъ 1658 лѣтомъ

Пріѣхавшаго грузинскаго Царевича Теймураза угощали большимъ обѣдомъ во дворцѣ, но Никона въ противность прежняго обыкновенія, не пригласили. Никонъ, послалъ своего боярина Дмитрія во дворецъ справиться о причинѣ такого упущенія, но вмѣсто всякаго объясненія бояринъ Хитрово ударилъ посланнаго палкою. Раздраженный Никонъ письменно обратился къ Царю съ жалобою и получилъ собственноручный отвѣтъ Государя: *Сыщу и по времени самъ съ тобою видится буду*, но ожиданія патріар-

хомъ немедленнаго рѣшенія не оправдались и Царь нѣсколько дней сряду не жаловалъ въ церковь. Въ праздникъ Ризы Господней 10 іюля, присланъ былъ въ Успенскій соборъ къ патріарху стольникъ Юрій Ромадановскій съ извѣщеніемъ, чтобы Государя не ожидали къ литургіи. Обиженный Никонъ побранился съ Ромадановскимъ, упрекнувшимъ его въ неумѣломъ пользованіи титуломъ Государя и послѣ Литургіи обратился къ народу съ рѣчью: «*лѣнивъ я сталъ, не гожусь быть патріархомъ, окоростьвъ отъ лѣни и вы окоростьвьли отъ моего неученія, называли меня еретикомъ, иконоборцемъ, что я новыя книги завелъ, камнями хотьли меня побить, съ этихъ поръ я вамъ не патріархъ*»! Никто не ожидалъ такого заключенія. Въ церкви поднялся шумъ, вопль: «*Кому ты насъ, сирыхъ, оставляешь*»? «*Тому, кого вамъ Богъ дастъ*», отвѣчалъ Никонъ и написавши въ ризницѣ письмо къ Царю съ просьбою о назначеніи ему келіи для жительства, переодѣлся въ платье простаго монаха и въ ожиданіи отвѣта сѣлъ на послѣдней ступени амвона. Два раза Трубецкой приходилъ говорить патріарху отъ имени Царя. что ему незачѣмъ оставлять патріаршества. но онъ отвѣчалъ: «*уже я слова своего не перемѣню*». Въ третій разъ прибылъ Трубецкой, но уже съ объявленіемъ упрямому Никону о царскомъ ему разрѣшеніи. избрать себѣ мѣсто жительство «*по волѣ*». Никонъ удалился въ любимый, имъ же построенный Воскресенскій монастынь (*Новый Іерусалимъ*) и тамъ, занявшись хозяйственными распорядками, казалось позабылъ о своемъ еще недавномъ величіи. Присланному отъ Царя Трубецкому, съ просьбою впредь до новаго патріарха. благословить Крутицкаго митрополита вѣдать церковь, Никонъ кротко изъявилъ согласіе и далъ требуемое благословеніе. Царь видимо трогался, сожалѣлъ о бывшемъ другѣ и черезъ Аѳанасія Матюшкина послалъ ему свое прощеніе, сталъ дѣлать щедрые вклады на устроеніе Воскресенской обители и въ знакъ особеннаго вниманія къ Никону посылалъ ему лакомства въ больше и семейные свои праздники. Но Никонъ услыхавши, что въ Вербное воскресеніе обрядъ шествія на ослѣ былъ совершенъ Крутицкимъ митрополитомъ, вдругъ обратился къ прежней своей

Укоризненное посланіе Никона 1659 іюль

строптивости и когда по наговору бояръ произошла необходимость сдѣлать обыскъ въ его бумагахъ, то онъ написалъ къ Царю укоризненное посланіе. Такое поведеніе патріарха способствовало только еще большему отъ него удаленію Царя и въ февралѣ слѣдующаго года въ Москвѣ собрался соборъ изъ Русскихъ духов-

ныхъ, который положилъ лишить Никона архіерейской чести: Но Государь строгостію этого рѣшенія только смутился, тѣмъ болѣе, что старецъ Епифаній Славинецкій докладывалъ, что на основаніи церковнаго права, соборъ вправѣ избрать другаго патріарха, но не вправѣ безъ суда лишать добровольно отрекшагося архіерея Никона его патріаршаго сана, ни воспрещать ему отправленіе богослуженія по архіерейскому чину. Рѣшили избрать другаго патріарха и на это спрашивали патріаршаго благословенія у Никона, но онъ соглашался подъ условіемъ, что его самого вызовутъ въ Москву на соборъ, а между тѣмъ по случаю разбирательства одного монастырскаго дѣла въ «*Монастырскомъ Приказѣ*», письменно отнесся къ Царю о своихъ обидахъ въ выраженіяхъ непочтительныхъ. Тогда Алексѣю Михайловичу подали совѣтъ обратиться къ вселенскимъ патріархамъ при чемъ вопросы къ нимъ поставились безъ упоминанія имени Никона, будто съ единственною цѣлію предупрѣдить затрудненія, если-бы произошло что либо подобное. Въ пользу Никона не было ни одного отвѣта отъ всѣхъ четырехъ патріарховъ, по убѣжденію которыхъ духовенство всѣхъ чиновъ обязано безпрекословно повиноваться Царю, но дѣло о Никонѣ было остановлено тѣмъ, что иконійскій митрополитъ Аѳанасій заподозрилъ дѣйствительность патріаршихъ подписей. Это сомнѣніе не оправдалось, но Константинопольскій патріархъ Діонисій и Іерусалимскій Нектарій изъявили мнѣніе, что Никона можно простить и Діонисій къ этому даже убѣждалъ Царя. Снисходительный Алексѣй Михайловичъ былъ не прочь отъ примиренія и потому Зюзинъ, одинъ изъ почитателей Никона, совѣтовалъ ему показаться въ Москвѣ. Никонъ послушался и прибылъ въ Москву совершенно неожиданно, но враги настояли на немедленномъ его удаленіи, а Зюзина подвергли допросу и послѣ пытки приговорили къ смертной казни. Царь ограничился ссылкою Зюзина въ Казань. Тогда Никонъ съ своей стороны обратился къ Константинопольскому патріарху съ письмомъ, преисполненнымъ жалобъ и осужденій Царя. Письмо не дошло по назначенію и сдѣлавшись извѣстнымъ Алексѣю Михайловичу, окончательно его оттолкнуло отъ бывшаго друга.

Соборъ изъ Русскихъ іерарховъ о Никонѣ 1660

Между тѣмъ Церковь оставалась безъ верховнаго главы и противники Никоновскихъ книгъ подняли голову; имъ было на руку неукротимое поведеніе самого Никона. Аввакумъ, возвращенный изъ Сибири, успѣлъ совратить въ Москвѣ знатную боя-

рыню Морозову и Урусову, урожденныхъ сестеръ Соковниныхъ, Никита Пустосвятъ, Лазарь Муромскій, Смоленскій протопопъ Серапіонъ, Ефремъ Потемкинъ, монахи Досиоей, Корнилій, Іосафъ, Боголѣпъ и масса еще другихъ принялись за открытое поученіе раскола. Противъ такихъ соблазновъ нужны были рѣшительныя мѣры. Въ ожиданіи пріѣзда вселенскихъ патріарховъ собрался соборъ изъ Русскихъ духовныхъ, обсуждалъ раскольничьи дѣла и предавалъ виновныхъ суду. Наконецъ ожидаемые патріархи прибыли и соборно занялись разсмотрѣніемъ дѣлъ о Никонѣ и расколѣ *). Призванный къ соборному суду, Никонъ не умѣрилъ обычной своей рѣзкости, не хотѣлъ сидѣть между архіереями, не признавалъ суда и былъ обвиненъ по Номоканону, гласящему по 12-му правилу Антіохійскаго собора, что: «*кто потревожитъ Царя и смутитъ его царствіе, тотъ не имѣетъ оправданія*» **).

Соборный судъ патріарховъ 1666

Низложенный патріархъ былъ отправленъ на заточеніе въ Бѣлозерскую Ѳеранонтову пустынь. Прощенный только въ слѣдующее царствованіе, онъ умеръ 68 лѣтъ на возвратномъ пути въ свой Воскресенскій монастырь.

Смерть Никона 1681

Этотъ-же Соборъ одобрилъ исправленіе книгъ Никономъ, но не смотря на этотъ авторитетъ, монахи Соловецкаго монастыря открыто возмутились противъ новшества и успокоились только послѣ взятія монастыря бояриномъ Мещериновымъ и казни главныхъ мятежниковъ, что однако послѣдовало не ранѣе усмиренія бунта Стеньки Разина, отвлекшаго войска на юго-востокъ.

Усмиреніе Соловецкаго монастыря 1676 28 января

Бунтъ Стеньки Разина. Къ концу XVII столѣтія козацкое населеніе южныхъ степей Россіи оставалось безъ особыхъ перемѣнъ въ основахъ своего быта. Также войны уносили это населеніе и по прежнему его убыль много пополнялась прибылыми, которыхъ козаки принимали въ свой кругъ и не выдавали, хотя-бы пришельцы преслѣдовались и за уголовные грѣхи, но между ними и собою дѣлали однако разницу, называя себя «*домовитыми*», а ихъ презрительнымъ обзывомъ голутвенныхъ ***) или воровскихъ козаковъ. Впрочемъ, козаки побѣднѣе не относились свысока къ

---

*) Александрійскій и Антіохійскій.

**) Когда Никонъ, предшествуемый по чину патріаршему крестомъ, вошелъ въ столовую избу, всѣ встали передъ крестомъ, начиная съ Царя, который указалъ Никону мѣсто между архіереями. «*Благочестивый Царь, я не принесъ съ собою мѣста; буду говорить, стоя*» сказалъ Никонъ и опершись на свой посохъ, спросилъ Соборъ: *Зачѣмъ я призванъ на это собраніе?*».

***) «*Голутьба*» — голь.

голутвенным и охотно съ ними братались ради наживы цѣлым скопом, ватагою.

Для этой буйной толпы война, въ смыслѣ грабежа, была лучшим средством къ существованію. При народном броженіи истерзаннаго смутами Государства, котораго еще не оставляли внѣшніе враги въ покоѣ, каждый удалецъ легко дѣлался атаманом, главарем шайки, развитіе и успѣхи которой вовсе не были слѣдствіем политическихъ убѣжденій или талантливости предводителя — такихъ и не было, а рѣшительно слѣдствіем простой случайности на почвѣ только еще присобляемой для строгаго порядка общественныхъ отправленій. Однимъ изъ такихъ удальцевъ былъ простой козакъ Степанъ Тимофѣевъ Разинъ *). Молодцоватаго и крѣпкаго сложенія, рѣчистый, одаренный смышленностію кровожаднаго звѣря, жестокій и нечувствительный даже къ собственнымъ физическимъ страданіямъ,—чего еще было нужно для обаянія проходимцевъ, которые не называли его иначе какъ «*батюшкою*» и земно ему кланялись при встрѣчахъ? Подобравъ ватагу до 2000 человѣкъ, Стенька Разинъ съ Дона перебрался на Волгу, **) ограбилъ тамъ весенній караванъ судовъ, шедшихъ въ Москву съ хлѣбом, освободилъ партію колодниковъ, которыхъ везли въ Астрахань, при чемъ, конечно, начальникъ конвоя былъ изрубленъ, и перешелъ къ сѣверу Каспійскаго моря на Яикъ (Уралъ). Къ яицкому городку онъ приблизился только съ тремя товарищами и просилъ стрѣлецкаго голову впустить ихъ помолиться, но, воспользовавшись оплошностью хозяевъ мѣста, гости отворили своей шайкѣ ворота и затѣмъ послѣдовало безпощадное убійство начальныхъ людей,—остальным объявили полную отъ всего свободу. Простые стрѣльцы, рабочіе и бѣдное населеніе охотно пристали къ Разину, но нашлись и такіе, которые вздумали воспользоваться объявленною свободою и потянулись къ Астрахани,—этихъ по приказанію Разина догнали на дорогѣ и истребили до единаго. Въ сентябрѣ Стенька разбилъ орду кочевыхъ татаръ у устья Волги, ограбилъ одно турецкое судно и на зиму возвратился въ Яикъ. Въ отвѣтъ на просьбу Астраханскаго воеводы Хилкова отпустить

Появленіе Разина на Волгѣ 1667

*) Стенька и Фролка Разины были братья атамана Разина, казненнаго Юріемъ Долгорукимъ за самовольный уходъ съ своею станицею во время похода противъ поляковъ въ 1665 г.

**) Гдѣ былъ первый станъ Разина на Волгѣ—неизвѣстно; возлѣ Камышина нѣсколько высокихъ бугровъ носятъ названіе Разинскихъ.

плѣнныхъ, Разинъ требовалъ для себя «*милостивой грамоты*» отъ Царя, а когда смѣнившій Хилкова, Прозоровскій съ тѣмъ-же послалъ двухъ пятидесятниковъ, то изъ нихъ одинъ былъ оставленъ живымъ съ тѣмъ, чтобы онъ по возвращеніи объявилъ о казни другаго. Затѣмъ Разинъ, выступивши въ море, пропалъ безъ вѣсти болѣе чѣмъ на годъ, но его слѣдъ отыскался на персидскихъ берегахъ Каспійскаго моря, которые онъ между Дербентомъ и Баку нещадно грабилъ и даже разбилъ высланное противъ него персидское войско. Но эта побѣда была куплена большою потерею людей, персидскіе берега сдѣлались небезопасными, нерѣдко приходилось козакамъ пить соленую воду и развившіяся между ними болѣзни наконецъ заставили Разина вернуться на Волгу. Прозоровскій велѣлъ передать козакамъ, что они могутъ свободно возвратиться на Донъ, если сдадутъ пушки, захваченныя по городамъ, струги и плѣнныхъ. Атаманъ Разинъ принесъ повинную, но пользуясь корыстолюбіемъ воеводъ, исполнилъ принятыя имъ условія не вполнѣ и 4 сентября тронулся на Донъ, предшествуемый славою о награбленномъ богатствѣ и личной неуязвимости ни отъ какого оружія. Здѣсь на одномъ островкѣ, окопавшись земляным валомъ, Стенька устроилъ городокъ Кагальникъ и голутвенные, не слушая увѣщаній атамана Донскихъ козаковъ Корнила Яковлева, со всѣхъ сторонъ спѣшили стать подъ покровительство ихъ привѣтливо встрѣчающаго атамана шайки. Разинъ, теперь видя себя главою большаго войска, между которымъ показались Запорожцы, такъ развязалъ свои руки, что въ Черкасскѣ избилъ и утопилъ «*жильца*» Евдокимова, присланнаго къ донскимъ козакамъ съ «*милостивою Царскою грамотою*» и съ секретнымъ порученіемъ узнать о затѣяхъ Разина. Въ маѣ Стенька перебравшись опять на Волгу, овладѣлъ Царицынымъ, гдѣ изъ всего населенія защищался съ горстью людей одинъ только воевода Тургеневъ, но люди его были перебиты, а самъ онъ взятый живьемъ, подвергнутъ истязаніямъ и приведенный на веревкѣ къ Волгѣ, брошенъ въ воду. Здѣсь Стенька узналъ, что сверху рѣки плывутъ Московскіе стрѣльцы, но этотъ небольшой отрядъ, принятый пушечною пальбою изъ Царицына и ружейнымъ огнемъ съ береговъ, потерялъ болѣе 500 человѣкъ, — остальные 300 передались Разину, были имъ обласканы и приняты на его суда гребцами. Покончивши съ стрѣльцами, Разинъ пошелъ на встрѣчу высланному противъ него изъ Астрахани Князю Львову съ флотомъ

Уходъ Разина въ море 1668

Возвращеніе Разина на Донъ 1669

Второе появленіе Разина на Волгѣ 1670

изъ 40 судовъ, вооруженныхъ пушками; но стрѣльцы Львова, какъ только завидѣли Разина, закричали: «*здравствуй, нашъ батюшка, смиритель всѣхъ нашихъ лиходѣевъ*», и выдали ему всѣхъ своихъ начальниковъ. На распросы Разина, будутъ ли сопротивляться Астраханцы, ему отвѣчали: «*Въ Астрахани свои люди: только ты придешь, тутъ же тебѣ городъ сдадутъ*». Такъ и было. Когда подъ вечеръ 21 іюня показались козаки, Астрахань сдалась безъ боя, потому что всѣ приготовленія старшаго воеводы Прозоровскаго не могли быть пригодны къ отпору тамъ, гдѣ само населеніе пересаживало къ себѣ козаковъ черезъ стѣны. Князь Прозоровскій былъ сброшенъ съ высокой колокольни головою внизъ, сыновей его повѣсили за ноги и старшаго потомъ сбросили со стѣны, а младшаго 8-лѣтняго возвратили матери, но избитаго розгами и едва живаго. Тѣла замученныхъ были свалены въ общую могилу, имущество расхищено, женъ и дочерей брали насильно замужъ и по нелюбви Стеньки ко всему писанному сожгли на площади всѣ бумаги «*Приказной палаты.*» Пропьянствовавши недѣли три, замучивши въ это время множество людей безъ разбора пола и возраста, Разинъ назначилъ своего сподвижника Ваську Уса атаманомъ въ Астрахани *), а самъ въ половинѣ іюля поднялся вверхъ по Волгѣ, взялъ Саратовъ, Самару, учинилъ тамъ съ лучшими людьми такую же расправу какъ въ Астрахани и вездѣ вводилъ козацкое устройство. Въ то же время предположенному появленію Разина въ другихъ мѣстахъ предшествовали оповѣщатели и убѣждали народъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ Нижегородской, Пензенской, Тамбовской и дальше, что «*батюшка Степанъ Тимофѣевичъ*» идетъ только противъ ненавистныхъ бояръ, дворянъ, приказныхъ людей, купцовъ и вездѣ хочетъ установить козацкое равенство.

Стенька Разинъ началъ дѣйствовать безъ другой, кромѣ грабежа, сознательной цѣли, но когда въ возрастаніи толпы послѣдователей онъ увидѣлъ возможность безнаказанно радовать свою злобную натуру грабежами, ежедневными казнями и мученіями даже дѣтей, то у него конечно родилось желаніе сохранить за собою такое созданное обстоятельствами привиллегированное положеніе. Для этого нужно было показать народной массѣ, что онъ ее поведетъ къ цѣли опредѣленной, а самую цѣль освятить

---

*) Жители Астрахани въ угожденіе Разину стали въ постные дни употреблять въ пищу мясо и молоко, — упрямившихся принуждали силою.

знаменемъ. И вотъ Стенька, зная крѣпкое уваженіе народа къ Царю, дастъ какому-то черкешенку имя царевича Алексѣя, умершаго въ началѣ того же года и распространяетъ убѣжденіе, что Царевичъ, занявши престолъ объявитъ всѣмъ волю и льготы. Смута народная со всѣми ея ужасами и несчастіями составляетъ необходимое условіе привольнаго разбойничьяго житья и Стенька, для ея развитія ничего не упустилъ изъ того, что было доступно его пониманію. Самъ ходившій въ Соловки на богомолье, онъ теперь съ цѣлію обезсовѣстить сподвижниковъ презрительно топчетъ вѣру и всякое религіозное побужденіе, но рядомъ съ этимъ распускаетъ слухъ, будто съ нимъ идетъ низложенный патріархъ Никонъ. Теперь Разинъ старается возбудить другъ противъ друга всѣ партіи, всѣ вѣрованія; сносится съ крымскимъ Ханомъ, сносится, впрочемъ неудачно, съ Шахомъ; — смута должна тянуться, смута будетъ его держать наверху и неизвѣстно до чего она его доведетъ,— Самозванцы смутою далеко уходили. Но по времени развившіеся стремленія Разина не осуществились и хотя силы его достигли огромныхъ размѣровъ, поднялись Черемисы, Чуваши, Мордва, Татары, но всѣ эти мятежники не дождались увидѣть не только невозможныхъ благополучій, впередъ принимаемыхъ отъ батюшки Степана Тимофѣевича на вѣру, но и самого «*батюшку*». Подъ Симбирскомъ, въ которомъ съ 5-го сентября держался осажденный Стенькою боярин Иванъ Милославскій, князь Барятинскій, приведшій 3 октября на выручку, отбилъ приступы козаковъ. Тогда «*батюшка Степанъ Тимофѣевичъ*» бѣжалъ тайно ночью, бросивъ всѣхъ своихъ на произволъ судьбы, а произволъ судьбы былъ таковъ, что на другой день мятежники, прижертые къ Волгѣ, были разбиты на голову,—болѣе 600 человѣкъ взяты въ плѣнъ и всѣ перевѣшаны на окрестныхъ берегахъ.

Удачи Разина въ его грабительскихъ похожденіяхъ были такъ велики, что многіе изъ народа считали его «*вѣдуномъ*,» но насколько въ этомъ вѣдунѣ народъ признавалъ вождя своихъ интересовъ, видно изъ того, что при первой неудачѣ подъ Симбирскомъ его уже не впустили ни въ Самару, ни въ Саратовъ, а вслѣдъ затѣмъ Разину такъ мало удались попытки собрать ватагу на Дону къ новому походу, что весною Кагальникъ подвергся нападенію донскихъ козаковъ, причемъ схваченныхъ его хозяевъ Разиныхъ, Стеньку и Фролку отправили сначала въ Черкасскъ, а потомъ весною и въ Москву. Стенька Разинъ, вы-

державшій лютую пытку безъ стона, глумившійся надъ усиліями палачей, говоря: «*Развѣ это больно? словно баба уколола*,»—на лобномъ мѣстѣ обратился къ церкви и крестился. Казнь надъ Стенькою совершилась 6 іюня, Фролка былъ помилованъ и заточенъ въ тюрьму. Казнь Стеньки Разина 1671

Бунты, сопровождаемые убійствами помѣщиковъ и лучшихъ людей, продолжались между Окою и Волгою и послѣ казни Разина.

Въ Астрахани Васька Усъ подвергъ пыткѣ и сбросилъ съ колокольни митрополита Іосифа за его святительскія наставленія народу, но вскорѣ и самъ умеръ; его замѣнилъ Ѳедька Шелудякъ, потомъ донецъ Аленка Каторжный, но попытки всѣхъ ихъ распространить бунты были неудачны и наконецъ Астрахань сдалась боярину Милославскому. Нѣсколько ранѣе Барятинскій разбилъ мятежниковъ въ Алатырскомъ уѣздѣ, Щербатовъ у Нижняго-Новгорода, Долгорукій у Арзамаса, а козаки, вздумавшіе было подняться изъ Астрахани по Волгѣ къ верху, были вторично разбиты подъ Симбирскомъ Шереметьевымъ. Смятеніе улеглось, но съ нимъ вмѣстѣ улеглось болѣе ста тысячъ человѣкъ. Гибель митрополита 1670 (11 мая). Дѣло Барятинскаго 1670 (ноябрь) Сдача Астрахани 1671 (ноябрь)

Присоединеніе Малороссіи.

Зиновій Богданъ Хмельницкій. Въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, Малороссія наконецъ отдѣлилась отъ угнетавшей ее Рѣчи Посполитой и при содѣйствіи гетмана Хмѣльницкаго слилась съ единовѣрческою восточною Россіею.

Зиновій Богданъ юношею воспитывался у іезуитовъ въ Ярославлѣ Галицкомъ и молодымъ человѣкомъ взятъ былъ турками въ плѣнъ послѣ Цецорской битвы, въ которой онъ потерялъ своего отца, козацкаго сотника Хмѣльницкаго, а поляки гетмана Жолкѣвскаго. Въ два года своего пребыванія въ Константинополѣ Зиновій Богданъ научился турецкому языку и послѣ заключенія мира поляковъ съ Турціею возвратился въ козацкую службу *). Въ то уже время Украйна, колыбель русской христіанской вѣры, отечество наукъ и художествъ всѣхъ нашихъ предковъ, вырванная изъ своей родной Великорусской семьи, сиротствовала въ

*) Говорятъ, что Хмѣльницкій участвовалъ съ Поляками въ походѣ подъ Смоленскъ въ 1632 г. и что впослѣдствіи, вступивъ въ подданство Россіи онъ, указывая на саблю, жалованную ему королемъ Владиславомъ выражался, что: «*эта сабля порочитъ Богдана*».

угнетеніи у поляковъ. Польскій сеймъ всегда оставался глухимъ къ жалобамъ козаковъ, а они жаловались на такое преслѣдованіе православной вѣры, вслѣдствіе котораго дѣти у нихъ росли безъ крещенія, а люди умирали безъ Св. Причастія; объ обидахъ будничныхъ и о беззащитности въ польскихъ судахъ нечего было и говорить *). Такъ случилось и съ казацкимъ сотникомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ.

Отказъ сейма 1625

Послѣ того что польскій сеймъ отказалъ козакамъ и въ ходатайствѣ о признаніи законными тѣхъ духовныхъ, которые посвящались властію Константинопольскаго патріарха, козачество возстало подъ предводительствомъ Гетмана Наймайлы, но было усмирено коронымъ Гетманомъ Конецпольскимъ. Слѣдующее сильное возстаніе вспыхнуло, когда во главѣ казаковъ сталъ Тарасъ, который, по свидѣтельству самихъ поляковъ, при встрѣчѣ съ Конецпольскимъ подъ Переяславлемъ, столько истребилъ польскаго войска, сколько его не пропало за три года войны со шведами. Тарасъ попался въ цѣпь, былъ казненъ, но козацкія волненія не унимались и наконецъ для разбора ихъ жалобъ былъ назначенъ Адамъ Кисель, Брацлавскій воевода и польскій сенаторъ, но Русской православной вѣры. Покуда Кисель, считавшій себя ораторомъ и глубокимъ политикомъ, водилъ да разводилъ съ реестровыми казаками, Павлюкъ съ 200 своевольныхъ налетѣлъ на Черкассы, отнялъ всю казацкую артиллерію и унесъ въ Сѣчь обратно. Новое возстаніе опять начало принимать грозные размѣры, но у с. Кумейки поляки еще разъ одолѣли козаковъ, которые послѣ этого унли къ Днѣпру. Здѣсь въ м. Боровицахъ козаки, полагаясь на поручительство Киселя въ томъ, что бывшимъ Гетманамъ Томиленко и Павлюку будетъ даровано прощеніе, выдали ихъ полякамъ и новымъ Гетманомъ избрали Дмитрона Гуню, но Гуня отказался отъ гетманства, которое доставалось позорною цѣною предательства товарищей и бѣжалъ. Томиленко и Павлюка, не смотря на усердное за нихъ заступничество Киселя, казнили въ Варшавѣ,—козаковъ на Украйнѣ казнили сотнями. Не унялось козачество и теперь. Вмѣсто обѣщаннаго повиновенія по послѣднему договору, подписанному генеральнымъ писаремъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, козаки по веснѣ потянулись съ Запорожья и подъ предводительствомъ

---

*) Крайній фанатикъ іезуитъ Скарга, гонитель православія и ненавистникъ русской народности, отзывался, что на бѣломъ свѣтѣ нѣтъ другой земли, гдѣ бы угнетенія земледѣльцевъ были доведены до той степени, какъ тогда въ Польшѣ.

гетмана Остраницы разбили Потоцкаго подъ Голтвою, но несо- Битва подъ
гласія козацкихъ вождей испортили побѣду и окончились тѣмъ, Голтвою
что Остраница и Гуня принуждены были искать спасенія бѣг- 1638
ствомъ въ Московское Государство. Съ этой поры польское правительство перестало утверждать Гетмановъ по казацкому избранію, назначило начальникомъ козаковъ своего коммисара, удалило отъ должности генеральнаго писаря Зиновія Хмѣльницкаго, и возобновило разоренное козаками укрѣпленіе Кодакъ, поставленное передъ самыми порогами Днѣпра. Говорятъ, что когда строитель Кодака Конецпольскій, указывая на крѣпость, съ насмѣшкою спросилъ собранныхъ козацкихъ старшинъ, какъ она имъ нравиться, то Хмѣльницкій отвѣчалъ: «manu facta manu destruo» (руками созданное руками разрушается).

Малороссійскіе козаки присмирѣли до лучшихъ временъ, но слава ихъ подвиговъ была такъ велика, что Хмѣльницкій ѣздилъ во Францію для переговоровъ по приглашенію французами козаковъ Малороссій-
на службу и за тѣмъ охотники изъ нихъ 2,500 человѣкъ уча- скіе козаки
ствовали при взятіи Дюнкирка у Испанцевъ. Къ возвращенію при взятіи
Хмѣльницкаго изъ Франціи, Королю Владиславу было сдѣлано Дюнкирка
предложеніе Венеціанскою республикою вступить съ нею въ 1646
союзъ противъ турокъ, а тамъ, гдѣ рѣчь заходила о туркахъ, козаки были необходимы и вотъ Король созываетъ козацкихъ старшинъ на тайное совѣщаніе, обѣщаетъ имъ увеличить число козаковъ на 20,000 кромѣ реестровыхъ, выдалъ 6,000 талеровъ на постройку чаекъ и обязывается въ слѣдующіе два года уплатить еще 60,000 талеровъ. Но польская шляхта зашумѣла противъ войны, обвиняла Короля въ замыслахъ противъ панскихъ вольностей. Сеймъ поддержалъ выраженіе неудовольствія пановъ и Король, вопреки своего желанія, отказался отъ предпріятія, но козацкіе старшины, въ числѣ которыхъ находился и Хмѣльницкій, хотя видѣли въ такомъ исходѣ дѣла, полное крушеніе своимъ надеждамъ на увеличеніе козацкаго войска, тѣмъ не менѣе приберегли королевскую привиллегію, данную имъ въ предположеніи войны съ турками.

Вскорѣ послѣ этого, въ отсутствіе Хмѣльницкаго, его хуторъ Субботово *) былъ занятъ «*полнымъ*» (помощникомъ) Чигиринскаго старосты Александра Конецпольскаго, Чаплинскимъ. Шляхтичъ объявилъ, что онъ завладѣлъ хуторомъ съ согласія

*) Въ 8-ми верстахъ отъ Чигирина.

Богданъ Хмѣльницкій ушелъ въ Сѣчь 1647

Конецпольскаго, но никто не могъ давать ему разрѣшенія обвѣнчаться съ женою Хмѣльницкаго, десятилѣтняго сына котораго по приказанію новаго владѣльца наказали розгами такъ усердно, что мальчикъ на другой день умеръ. Хмѣльницкій обратился къ суду, къ сенату, но его жалобы всюду остались безъ удовлетворенія, самъ Король, сознавая свое безвластіе, говорятъ отвѣтилъ на жалобу Хмѣльницкаго замѣчаніемъ что: «*у козаковъ есть сабли*». Богданъ Хмѣльницкій ушелъ въ Сѣчь, оттуда въ Крымъ.

Битвы на Желтыхъ водахъ и подъ Корсунью 1648 (5 и 15 мая)

показалъ Хану Исламъ-Гирею привилегію Короля на постройку «*чекѣ*» противъ турокъ и заручившись помощью у крымцевъ, вмѣсто всякаго отвѣта на хитрыя посланія коронаго Гетмана Николая Потоцкаго, разбилъ на голову его сына Стефана у протока «*Желтыя Воды*» *). Тогда Николай Потоцкій и его польный Калиновскій двинулись отъ Черкасъ къ Корсунѣ, но потерпѣли еще большее пораженіе, попались въ плѣнъ и оба были отправлены въ Крымъ. Украйна, услыхавъ объ этой побѣдѣ заволновалась, но Хмѣльницкій сдержался и послалъ въ Варшаву пословъ съ жалобами и разъясненіями. Въ то же время Король Владиславъ умеръ и въ Польшѣ наступило время безкоролевья, время полнѣйшаго правительственнаго безсилія, но Хмѣльницкій, уступая просьбамъ Адама Киселя, не углублялся въ Польшу до сентября. Угнетенный народъ Русскій выказалъ умѣренности менѣе и расправлялся теперь съ панами за всѣ свои скорби. Хлопы собирались въ гайдамацкія шайки, разоряли панскія усадьбы, убивали католическихъ духовныхъ и уніатовъ, убивали пановъ съ ихъ семействами, а іудеевъ предавали поголовному истребленію и даже состраданіе къ нимъ вмѣняли въ тягчайшее преступленіе. Между панами давалъ отпоръ только одинъ Іеремія Вишневецкій, Русскій, совращенный іезуитами въ латинство, но потомъ и онъ ушелъ въ Варшаву. Польскій сенатъ собралъ войско изъ шляхты, которая отправляясь противъ козаковъ, похвалялась: «*что противъ такой сволочи не стоитъ тратить пуль; мы ихъ плетьми разгонимъ по полю*», но вмѣсто исполненія такихъ обѣщаній, поляки при встрѣчѣ съ Хмѣльницкимъ 20-го сентября подъ Пилавою на р. Пилявкѣ, почти безъ выстрѣла бросили свой богатый лагерь и бѣжали, оставивъ побѣдителю знамена, щиты, шлемы, серебряную утварь, соболью

*) Стефанъ Потоцкій умеръ отъ ранъ и въ этомъ же бою взятъ былъ въ плѣнъ Иванъ Выговскій, вскорѣ послѣ сдѣлавшійся генеральнымъ писаремъ.

шубы. постели, разныя сласти и 120,000 возовъ съ лошадьми. Хмѣльницкій пошелъ дальше и взявъ съ Львова окупъ, сталъ подъ Замостьемъ. Теперь сейму некогда было мѣшкать дѣлами, козаки были не далеко и онъ изъ трехъ кандидатовъ рѣшился превозгласить Королемъ Яна Казиміра *), который немедленно послалъ Хмѣльницкому письмо, (полученное 19 ноября), съ повелѣніемъ отступить на Украйну и тамъ ждать польскихъ комиссаровъ. Хмѣльницкій отступилъ. Подъ Кіевомъ Хмѣльницкій былъ встрѣченъ торжественною пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ; у «*Золотыхъ воротъ*» Ярослава, духовенствомъ и гражданами съ привѣтствіемъ, но оставался здѣсь недолго и, прибывъ въ Переяславль, принималъ пословъ сосѣднихъ земель, прибывшихъ съ самыми лестными предложеніями. Съ турками былъ заключенъ договоръ на право козаковъ торговать по Черному морю сто лѣтъ безпошлинно; Седмиградскій князь Юрій Ракочи, соперникъ Яна-Казиміра по избранію, предлагалъ Хмѣльницкому за союзъ противъ Польши Удѣльное Государство съ Кіевомъ; Господари Молдавскій и Валашскій предлагали ему свою дружбу. Царь Алексѣй Михайловичъ прислалъ свое ласковое слово Хмѣльницкому съ Унковскимъ, пожелалъ козакамъ успѣха въ дѣлахъ заступничества за вѣру, но отказался отъ всякаго другаго сближенія и наконецъ прибыли польскіе коммисары Адамъ Кисель съ товарищами, привезли Хмѣльницкому королевскую грамоту на Гетманство, булаву и красное знамя съ бѣлымъ орломъ. Народъ не былъ этимъ доволенъ, да и самъ Хмѣльницкій въ припадкѣ откровенности говорилъ коммисарамъ: «*что толковать, ничего не будетъ изъ вашей коммисіи. Война должна начаться недьли черезъ двѣ или четыре. Переверну я васъ, Ляховъ, вверхъ ногами, а потомъ отдамъ васъ въ неволю къ турецкому Царю*». На убѣжденія Киселя, Хмѣльницкій откровенно сказалъ, что переговоры опоздали. «*Выбью изъ подъ Ляцкой неволи весь Русскій народъ! Прежде я воевалъ за свою собственную обиду, теперь буду воевать за православную вѣру. Весь черный народъ поможетъ мнѣ отъ Люблина до Кракова, а я отъ него не отступлюсь.... «а кто изъ васъ съ нами хочетъ хлѣбъ пить, тотъ пусть войску Запорожскому будетъ послушенъ и не брыкаетъ на Короля»*. Хмѣльницкій однакоже соглашался на миръ, если на всей Руси будетъ уничтожена

Переговоры въ Переяславлѣ 1649

*) Прежде іезуитъ и кардиналъ.

самая память объ уніи, если Кіевскій митрополитъ займетъ мѣсто въ сенатѣ возлѣ католическаго примаса и Гетманъ будетъ зависѣть отъ одного Короля. Эти главныя условія мирнаго договора казались полякамъ чрезмѣрно требовательными и на нихъ они не согласились. Янъ-Казиміръ принялъ личное предводительство надъ войскомъ, но подъ Зборовымъ въ первый же день битвы съ козаками потерялъ почти половину своихъ людей, такъ что его приближенные предложили ему бѣгство. Король отвергъ эти совѣты и хорошо сдѣлалъ, потому что на другой день среди битвы вдругъ раздался между козаками крикъ «*ясда*», а затѣмъ прежде Ханъ, а потомъ Хмѣльницкій прислали Королю письма съ мирными предложеніями *). Хана удовлетворили денежнымъ взносомъ, а Хмѣльницкаго тѣмъ, что были приняты всѣ условія, высказанныя имъ въ Переяславлѣ и что число реестровыхъ козаковъ было увеличено до 40,000. Но Хмѣльницкій, какъ и поляки скоро увидѣлъ несостоятельность Зборовскаго договора какъ потому, что противъ поляковъ ходило не 40,000 козаковъ, а вся чернь, которая теперь никакъ уже не хотѣла превращаться изъ вольныхъ козаковъ въ панскихъ хлоповъ и за принужденія со стороны Гетмана начала волноваться противъ него самого, такъ и вслѣдствіе фанатизма католическаго духовенства, не допускавшаго присутствія Кіевскаго митрополита въ польскомъ сенатѣ. Съ той и другой стороны быстро возникали недоразумѣнія,—Хмѣльницкій вездѣ искалъ союзниковъ и просилъ Царя Алексѣя принять козаковъ въ подданство, подъ свою высокую руку.

На сеймѣ Адамъ Кисель, теперь воевода Кіевскій доказывалъ, что поляки обязаны уничтожить унію, но это предложеніе произвело взрывъ негодованія и новая война съ козаками была рѣшена. Хмѣльницкій опять обратился за союзомъ къ крымскому Хану, но Хану не хотѣлось воевать съ Польшею, которая ему по Зборовскому договору платила 90,000 злотыхъ ежегодно и онъ пошелъ только по приказанію Султана. Въ битвѣ подъ Берестечкомъ Исламъ Гирей неожиданно бросилъ козаковъ. Хмѣльницкій лично бросился за нимъ съ увѣщаніями, но Ханъ задержалъ самого Гетмана и увелъ его съ собою, а козаки были разбиты. Въ концѣ іюля Ханъ освободилъ Хмѣльницкаго, который принялся за пополненіе полковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ опять обра-

Начало новой войны 1651 февраль

Битва подъ Берестечкомъ 19 іюня

*) Нѣкоторые полагаютъ, что битва была прекращена потому, что Хмѣльницкій опасался, чтобы Христіанскій Король не попалъ въ плѣнъ къ татарамъ.

тился къ Царю съ прежнею просьбою и доказывалъ, что при отказѣ козаки поневолѣ пойдутъ противъ Москвы съ поляками и крымцами. Въ это время Москва уже заявила свое неудовольствіе за умаленіе поляками Царскаго титула и требовала наказанія виновныхъ. Поляки подъ Бѣлою Церковью заключили миръ съ козаками. при чемъ число реестровыхъ козаковъ было уменьшено до 20,000. Когда Кисель для переговоровъ показался въ козацкомъ станѣ и сказалъ козакамъ, что у него русскія кости, то тѣ ему отвѣчали, что онѣ у него обросли польскимъ мясомъ. Такой пріемъ ничего не обѣщалъ хорошаго въ будущемъ и дѣйствительно крестьяне и козаки, оставшись совершенно недовольными условіями мира, потянулись въ сосѣднюю Московскую Украйну и менѣе чѣмъ черезъ полгода покрыли ее Малороссійскими слободами (слободская Украйна) и основали городъ: Харьковъ, Сумы, Изюмъ, Короча. Бѣлополье. Лебедянь, Ахтырку, и др. Этотъ стѣснительный для козаковъ миръ принесъ полякамъ одинъ вредъ. Русскіе, оставшіеся въ своихъ разоренныхъ мѣстахъ, вездѣ волновались. истребляли поляковъ гдѣ только былъ случай и наконецъ, когда при урочищѣ Батоги. Калиновскій напалъ на Тимофея Хмѣльницкаго, шедшаго въ Молдавію, то погибъ вмѣстѣ съ 20,000 польскаго войска. Хмѣльницкій просилъ Короля извинить козаковъ, но Польша собирала грозныя силы. Опять Хмѣльницкій обратился къ Русскому Царю съ челобитьемъ о принятіи Малороссіи въ подданство. На этотъ разъ Москва отправила пословъ въ Варшаву съ заявленіемъ, что по прежде уже начатымъ переговорамъ Царь не будетъ требовать казни чиновниковъ, виновныхъ въ умаленіи Царскаго титула, если Король уничтожитъ унію и исполнитъ условія Зборовскаго договора. Удовлетворенія не послѣдовало. Тогда Царь созвалъ Соборъ, который по изложеніи думнымъ дьякомъ дѣла объ умышленномъ умаленіи поляками Царскаго титула и о многолѣтней просьбѣ Хмѣльницкаго о подданствѣ, постановилъ принять козаковъ въ подданство. а Польшѣ объявить войну.

Соборъ 1653 1 октября

Такъ и сдѣлали. Бояринъ Бутурлинъ, окольничій Алферьевъ и думный дьякъ Лопухинъ 31 декабря прибыли въ Переяславль, чтобы отобрать присягу отъ Хмѣльницкаго и всей Малороссіи. но дѣло это затянулось потому, что Хмѣльницкій тогда выступалъ въ походъ. Встрѣтившись съ поляками подъ Жванцемъ, близъ Каменецъ-Подольска, Хмѣльницкій вслѣдствіе новой измѣны Хана очутился въ слишкомъ неравной борьбѣ противъ неожи-

Пріѣздъ Русскихъ пословъ въ Переяславль 1653 31 декабря

дашнаго союза, и потому, когда поляки по тайному договору отдали татарамъ весь край на разграбленіе, то Гетманъ принужденъ былъ бездѣйствовать. Заступничество Русскаго Царя за Малороссію было единымъ путемъ спасенія и Хмѣльницкій назначилъ общую раду (народное собраніе) въ Переяславлѣ. На «*радѣ*» Гетманъ объявилъ о необходимости для Малороссіи избрать себѣ покровителя изъ сосѣднихъ Государей,—говорилъ, что турецкій Султанъ и крымскій Ханъ не годились какъ бусурманы, что объ угнетеніяхъ и бѣдствіяхъ отъ поляковъ нечего было и говорить и что Православный, христіанскій Царь восточный, будучи одного съ козаками Греческаго благочестія «*теперь склонилъ къ нимъ милостивое сердце и прислалъ ближнихъ людей съ Царскою милостью*»... «*а буде кто съ нами теперь не въ совѣтъ, тотъ куда хочетъ, вольная дорога*». «*Волимъ подъ Царя восточнаго*», кричали козаки, а когда Переяславскій полковникъ пошелъ по толпѣ и спрашивалъ: «*всѣ ли такъ соизволяете?*» народъ отвѣчалъ, что «*всѣ*». Послѣ присяги Царю были прочтены условія договора, по которому вся Украйна присоединялась къ Московскому Государству, подъ названіемъ «*Малой Россіи*», съ правомъ увеличить число реестровыхъ козаковъ до 60,000. сохранить свой судъ, управленіе, избраніе «*радою*» Гетмана которому разрѣшалось принимать иностранныхъ пословъ, кромѣ крымскаго и польскаго.

Переяславльская Рада 1654 8 января

Выступленіе Царя 1654 18 мая

Война съ Польшею. Царь Алексѣй разослалъ по Литвѣ призывную грамоту Русскимъ, а въ маѣ самъ повелъ войска противъ Польши. Успѣхъ сопровождалъ Царскія войска всюду. Могилевъ, Витебскъ, Полоцкъ, добровольно впустили Русскихъ; 10 сентября сдался Смоленскъ. а въ слѣдующемъ году Ковно, Гродно и Вильно прибывши куда Царь повелѣлъ именовать себя Великимъ Княземъ Литовскимъ.

Вступленіе Карла X въ Польшу 1655

Въ это же время шведскій Король Карлъ X, объявившій Польшѣ войну за присвоеніе ея Королемъ титула шведскаго Короля, завладѣлъ Познанью и Варшавою безъ боя и 7 октября Краковымъ, а Хмѣльницкій съ Бутурлинымъ разбили поляковъ подъ Гродекомъ и взяли Люблинъ. Янъ-Казиміръ бѣжалъ въ Силезію. Польша повидимому погибала. но именно вторженіе шведовъ спасло ее. Московскому Государству совсѣмъ не было выгодно допустить усиленіе шведовъ на счетъ Польши и потому Австрійскому послу Императора Фердинанда III. Легретти, умѣвшему согласить съ собою патріарха и бояръ, удалось уже безъ труда склонить къ перемирію самого Царя. По этому дого-

вору, заключенному въ Вильнѣ, Россія удерживала за собою Малороссію и Бѣлоруссію, поляки обязались избрать своимъ Королемъ Алексѣя Михайловича въ случаѣ смерти Яна-Казиміра. Царь же съ своей стороны обязался защищать Польшу отъ ея враговъ. Договоръ въ Вильнѣ 1656 октябрь

Война съ Швеціею. Такимъ образомъ Русское оружіе обратилось отъ поляковъ противъ шведовъ и Царь вступая въ Ливонію, надѣлся завладѣть давно желанными берегами Балтійскаго моря. Нѣсколько городовъ было взято, Дерптъ занятъ Русскими войсками, но осада Риги, Нотебурга (древняго Орѣшка), Кексгольма не удалась; война велась съ перемѣннымъ счастіемъ и наконецъ было заключено сначала перемиріе на 20 лѣтъ, а потомъ въ Кардисѣ и вѣчный миръ *) съ возвращеніемъ шведамъ всѣхъ захваченныхъ у нихъ мѣстъ. Къ заключенію мира съ Карломъ X на условіяхъ Столбовскаго договора побуждали Царя смуты въ Малороссіи, открывшіяся послѣ смерти Богдана Хмѣльницкаго **). Война съ Швеціею 1656 — Миръ въ Кардисѣ 1661 іюнь — Смерть Богдана Хмѣльницкаго 1657

Смуты въ Малороссіи. Вторая война съ Польшею. Заключеніе мира Москвы съ Польшею привело Хмѣльницкаго въ совершенное отчаяніе. Онъ писалъ къ Царю, умоляя не вѣрить полякамъ: когда же его протестамъ не придали должнаго значенія, онъ съ горя хотя заболѣлъ, но во избѣжаніе возможности новаго господства поляковъ на Украйнѣ сталъ сноситься съ шведскимъ Королемъ и семиградскимъ княземъ Ракочи о раздѣлѣ самой Польши. Этотъ договоръ Гетмана съ венграми и шведами не долго оставался тайною для Москвы и Царь въ качествѣ защитника Польши, сдѣлалъ Хмѣльницкому выговоръ, но онъ, не измѣняя Царю, не измѣнилъ и своего убѣжденія о полякахъ и говорилъ Русскимъ посламъ, что дивятъ его бояре, «*Царскому Величеству ничего добраго не посовѣтуютъ: короною польскою не овладѣли, мира не довершили, а съ другимъ Государствомъ, со Швеціею, войну начали*».

Незадолго до своей кончины, Хмѣльницкій собралъ послѣднюю «раду», благодарилъ козаковъ за любовь, трогательно съ

---

*) Между Дерптомъ и Ревелемъ.

**) Польскій воевода Чарнецкій захвативши Субботово, приказалъ вырыть кости Хмѣльницкаго, положенныя въ каменной церкви имъ построенной и выбросить ихъ на поруганіе (1664).

ними прощался и предложилъ избрать ему въ преемники новаго Гетмана. Растроганное козачество избрало Гетманомъ его шестнадцати лѣтняго сына Юрія. Тогда генеральный писарь Иванъ Выговскій и козацкіе старшины уговорили Юрія отказаться сначала отъ этой чести подъ предлогомъ молодости. Вновь собравшаяся «рада» опять выбрала Юрія, но уже съ условіемъ, что покуда онъ будетъ находиться въ школѣ, Выговскій останется временнымъ Гетманомъ. Этому избранію противился однако же Полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкарь, съ нимъ за одно стояли запорожцы и посполитые. Такое раздвоеніе избирателей ясно тогда обнаружило тяготѣніе старшинъ къ Польшѣ, которая теперь сманивала ихъ щедростью обѣщаній и усердіе посполитыхъ къ Москвѣ въ надеждѣ всѣмъ имъ сдѣлаться казаками, т. е. вольными обывателями, надеждѣ, основанной на народномъ слухѣ, будто опредѣленіе числа козаковъ по Переяславскому договору только въ 60,000 было дѣломъ случайности: «*можнѣйшіе*» (богатые) попали въ козаки, а «*подлѣйшіе*» (бѣднѣйшіе) остались безправными мужиками. Запорожскій коневой атаманъ Барабашъ и Пушкарь доносили въ Москву, что Выговскій ей измѣняетъ, а Выговскій туда-же жаловался на Пушкаря, какъ на бунтовщика. Но Пушкарь, зная желаніе Москвы, просилъ посадить Русскихъ воеводъ въ Малороссійскіе города, а Выговскій совсѣмъ этого не желалъ, да кромѣ того былъ недоволенъ полученнымъ выговоромъ за то, что въ письмѣ къ Царю назвалъ козаковъ «вольными», которыхъ ему приказывали впредь называть «вѣчными», недоволенъ еще и тѣмъ, что по его просьбѣ не прислали ратныхъ людей для усмиренія Пушкаря. Такимъ образомъ Выговскому собственное его положеніе казалось со всѣхъ сторонъ стѣсненнымъ. Рѣшившись на борьбу, онъ прежде всего обратился на врага слабѣйшаго и самовольно пошелъ на Пушкаря, который подъ Полтавою былъ разбитъ и убитъ; затѣмъ въ союзѣ съ крымскимъ Ханомъ, Выговскій разбилъ подъ Конотопомъ царскаго воеводу Трубецкаго со всѣми козаками, стоявшими за Москву, но и при такихъ дѣйствіяхъ не переставалъ громко утверждать, что онъ Царю вѣренъ и воюетъ только противъ бунтовщиковъ. Не смотря однако-же на эти свои увѣренія, Выговскій замѣчая, что послѣ удаленія крымцевъ, число приверженцевъ Москвы стало быстро увеличиваться, бѣжалъ въ Поль-

Битва подъ Конотопомъ 1659

ну, а Юрій Хмѣльницкій, превозглашенный Гетманомъ, присягнулъ Царю *).

Между тѣмъ поляки справившись со шведами и расчитывая на Малороссійскія смуты, отказались признать Алексѣя Михайловича наслѣдникомъ, польскаго престола и не согласились уступить Москвѣ ея послѣднія завоеванія. Война съ Польшею возобновилась, но уже не съ прежнимъ счастіемъ для Русскихъ и если Юрій Долгорукій на Литвѣ разбилъ и взялъ въ плѣнъ гетмана Гонсѣвскаго, то Чарнецкій въ свою очередь нанесъ страшное пораженіе Московскому воеводѣ Хованскому у Полонки вслѣдъ зачѣмъ поляки пошли отбирать Украйну. Боярин Василій Васильевичъ Шереметьевъ, желая перерѣзать имъ путь, двинулся въ концѣ сентября отъ Украйны на Волынь, куда другимъ путемъ шелъ и Юрій Хмѣльницкій съ козаками, но молодой Гетманъ, будучи окруженъ подъ м. Слободищемъ, совершенно растерялся, далъ обѣтъ постричься въ монахи и передался Польшѣ. Тогда поляки и татары у м. Чудкова такъ стѣснили Шереметьева, которому козаки измѣнили, что онъ положилъ оружіе, взятъ былъ въ плѣнъ и отправленъ въ Крымъ. Въ слѣдующемъ году Царь потерялъ Вильно, Гродно, Могилевъ, въ самой Москвѣ вспыхнулъ мятежъ, по поводу уравненія мѣдной монеты съ серебряною, которой не доставало даже на выдачу жалованья войску, и конечно при такихъ обстоятельствахъ, миръ для Русскихъ оказался крайнею необходимостію,—поляки-же пользуясь своими преимуществами сдѣлались очень неуступчивы, но вскорѣ ихъ положеніе тоже (*) значительно ухудшилось. Если Гетманъ Тетеря, замѣнившій Хмѣльницкаго присягнулъ Королю, то въ Нѣжинѣ былъ избранъ другой Гетманъ, запорожскій кошевой атаманъ Брюховецкій, присягнувшій Царю; если Король захватилъ Малороссію праваго берега Днѣпра, то на лѣвой осада Глухова ему не удалась и тѣснимый Ромадановскимъ и Брюховецкимъ, онъ былъ принужденъ перейти за Десну;—къ тому-же вновь избранный Гетманъ Петръ Дорошенко, замѣнившій Тетерю, принялъ поддан-

Вторая война съ Польшею 1658

Битва у Полонки 1660

Движеніе Шереметьева на Волынь 1660

Избраніе Дорошенки въ гетманы 1665

---

*) Выговскій въ своихъ воззваніяхъ пугалъ Малоросовъ тѣмъ, что Русскіе запретятъ имъ свободное приготовленіе водки, меда, пива и заставятъ ихъ надѣть зипуны и лапти. Впослѣдствіи Выговскій былъ разстрѣлянъ поляками, заподозрѣвшими его въ желаніи передаться Москвѣ.

**) Тетеря, находя для себя невозможнымъ удержать Малороссію подъ властію Польши, захватилъ войсковую казну, бѣжалъ сначала въ Польшу, потомъ въ Турцію и умеръ въ нуждѣ.

Перемиріе въ Андрусовѣ 1667

ство Султана и поднималъ мусульманскій міръ противъ Польши.— наконецъ въ самой Польшѣ, вельможа Любомірскій, оскорбленный партіею Королевы, мятежничилъ противъ Короля. Такимъ образомъ и для Польши миръ оказывался теперь необходимымъ и потому она сама торопилась высылкою уполномоченныхъ къ Смоленску въ деревню Андрусово, гдѣ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ подписалъ перемиреніе съ нею на 13 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. Москва по этому договору отказалась отъ Литвы, но удержала за собою Смоленскъ, Малороссію лѣваго берега Днѣпра и только на 2 года Кіевъ, который никогда не возвратила.

Андрусовскій миръ не успокоилъ Малороссію потому что Гетманъ Дорошенко, хотя желалъ видѣть Украйну въ подданствѣ Русскаго Царя, но всю цѣликомъ, безъ раздѣленія Днѣпромъ на отдѣльныя половины и съ тѣмъ чтобы по внутреннимъ дѣламъ она сохранила положеніе страны народа независимаго, а не управляемаго Московскими воеводами.

Пріѣздъ Брюховецкаго въ Москву 1665

За два еще года до Андруссовскаго мира, Брюховецкій повадъ осенью въ Москвѣ съ челобитною объ уничтоженіи привилегій Малороссійскихъ городовъ, доходы съ которыхъ поступали бы прямо въ царскую казну, съ совѣтами усилить число Русскихъ воеводъ на Украйнѣ, сдѣлать народную перепись и назначить въ Кіевъ митрополита изъ Русскихъ іерарховъ съ подчиненіемъ его Московскому, а не Константинопольскому патріарху Царь былъ доволенъ этими предложеніями и пожаловалъ Брюховецкаго въ бояре, а сопровождавшихъ его полковниковъ въ дворяне и кромѣ того Гетманъ женившійся въ Москвѣ на боярской дочери, получилъ знатную вотчину возлѣ Стародуба. Возвратившись на Украйну, Брюховецкій очутился въ положеніи очень затруднительномъ, потому что здѣсь имъ были совсѣмъ не такъ довольны какъ въ Москвѣ. Наиболѣе роптало духовенство, которое отказывалось признать власть Московскаго патріарха и не желало митрополита иного какъ по выбору между собою. Козаки негодовали на передачу Москвѣ городовъ и подняли шумный ропотъ, когда во всѣ главные города пріѣхали московскіе воеводы для управленія и когда русскіе переписчики повсемѣстно разсылались для переписи и обложенія народа податью. Народъ не хотѣлъ платить Москвѣ налоговъ, козаки били и грабели сборщиковъ податей, а Мстиславскій епископъ Меѳодій *), замѣтивъ къ себѣ

*) Управляющій Кіевской Метрополіей.

охлажденіе Москвы, сдѣлался прежнимъ другомъ Брюховецкаго. пересталъ писать на него доносы и совѣтовалъ ему измѣнить Царю. Гетманъ, видя что козаки теперь очень раздражены противъ Москвы и его самого, не отвергъ предложеніе Меодія, а тутъ Дорошенко сообщаетъ о своемъ намѣреніи передать ему булаву, если онъ себя признаетъ подданнымъ Султана. Такимъ образомъ измѣна Царю оказывалось не только средствомъ къ примиренію съ козачествомъ, но еще и способомъ сдѣлаться Гетманомъ всей Малороссіи, а потому Брюховецкій объявилъ универсаломъ врагами Малороссіи, московскихъ и польскихъ пословъ и приглашалъ къ союзу донскихъ козаковъ съ *господиномъ Стенькою*. Народъ повсемѣстно сталъ истреблять московскихъ людей и въ Гадячѣ, воеводѣ котораго Огареву дано было знать, чтобы онъ уходилъ, изъ 200 человѣкъ убили 120, остальныхъ взяли въ неволю. Хотя Запорожцы. недовольные Андрусовскимъ миромъ, еще за годъ ранѣе этого возмущенія убили московскаго посла Ладыженскаго. ѣхавшаго въ Крымъ, но ничего подобнаго Москва не ожидала отъ Брюховецкаго. Теперь приходилось браться за оружіе и весною князь Ромадоновскій выступилъ противъ мятежныхъ козаковъ и ихъ союзниковъ татаръ. Между тѣмъ Дорошенко потянувшись изъ за Днѣпра на встрѣчу Брюховецкому. вмѣсто передачи ему своей булавы, отъ него же потребовалъ его собственной, знамени и пушекъ. на что Брюховецкій, конечно не согласился, но близъ Опочки свои же козаки его выдали и онъ былъ убитъ по знаку своего соперника. Дорошенко заставилъ Ромадановскаго отступить отъ Котельвы и уже распоряжался почти всею Малороссіею. когда уѣзжая въ Чигиринъ вслѣдствіе своихъ домашнихъ дѣлъ, поручилъ лѣвую сторону Днѣпра генеральному асаулу Демьяну Многогрѣшному, а этотъ наказной атаманъ немедленно завелъ переговоры съ Москвою. Избранный глуховскою радою въ Гетманы, Многогрѣшный доносилъ Москвѣ, что все послѣднее зло произошло отъ Русскихъ воеводъ и добился, чтобы воеводамъ быть только въ Кіевѣ, Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Чигиринѣ и Острѣ и то безъ права собиранія въ казну доходовъ, — мѣстомъ же гетманской резиденціи назначался Батуринъ и число реестровыхъ козаковъ опредѣлено въ 30,000. Но Многогрѣшный вскорѣ послѣ того самъ былъ обвиненъ старшинами въ желаніи принять турецкое подданство и скованнымъ доставленъ къ Москву. Подъ пыткою онъ сознался боярину Матвѣеву, что въ пьяномъ видѣ говорилъ «*пенстовыя*

Гибель Русскихъ въ Гадячѣ 1668 генваръ

Избраніе Многогрѣшнаго въ гетманы 1669 мартъ

Ссылка Многогрѣшнаго въ Сибирь 1672 (28 мая)

рьчи», за что по просьбѣ Малороссійскихъ старшинъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но помилованъ Царемъ и сосланъ въ Сибирь *). Въ томъ же году въ іюлѣ мѣсяцѣ по распоряженію Ромадановскаго избранъ былъ Гетманомъ сынъ священника Иванъ Самойловичъ, человѣкъ ученый, способный, но корыстолюбивый, надменный и коварный, сначала вкравшійся въ довѣренность къ Многогрѣшному, потомъ съ другими его погубившій.

Взятіе Каменца 1672 (19 сентября)

Между тѣмъ Султанъ Магометъ IV объявилъ себя повелителемъ всего козачества, всей Малороссіи и съ 300,000 войска, направившись къ предѣламъ Польши, овладѣлъ ея пограничною крѣпостью Каменцомъ *). Испуганный преемникъ Яна-Казиміра, отказавшагося отъ престола, слабый Михаилъ Корибутъ Вишневецкій (Висновицкій) заключилъ съ турками миръ подъ Бучачемъ въ Галиціи, по которому Польша уступала Султану Каменецъ со всею Подоліею, Украйну и обязывалась ежегодно уплачивать 22,000 червонцевъ. Но Сеймъ отказался утвердить эти постыдныя условія: война продолжалась и вскорѣ побѣды королевскаго Гетмана Яна Собѣскаго возстановили достоинство польскаго Государства. Въ Москвѣ не смотрѣли равнодушно на успѣхи Султана и въ то время, когда онъ громилъ Подолію, Царь объявилъ нарочно созванному собору, что онъ намѣренъ весною лично вести войска подъ Кіевъ, куда тоже ожидали нашествія турокъ. Соборъ постановилъ прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ сборамъ.

Отреченіе Яна-Казимира 1668

Смерть Вишневецкаго 1673

Между тѣмъ въ Польшѣ, тотчасъ по смерти Михаила Вишневецкаго, образовалась сильная партія, наиболѣе изъ Литовскихъ вельможъ: Гетмана Паца, Огинскаго, Брестовскаго и др. для избранія Царевича Ѳеодора въ Короли, но для этого ему предлагали принять въ числѣ обязательныхъ условій, вступленіе въ бракъ со вдовою Михаила и латинство. На эти предложенія

Избраніе Яна Собѣскаго 1674

ближніе царскіе бояре, Матвѣевъ и Юрій Долгорукій, отвѣтили, что Царю Алексѣю Михайловичу самому угодно занять польскій престолъ, но что католичества онъ не приметъ. Поляки провозгласили своимъ Королемъ Яна Собѣскаго.

---

*) Запорожцы не признавали многогрѣшнаго Гетманомъ, какъ и Дорошенку, и избрали своимъ Гетманомъ Уманскаго Полковника Ханенко, это одновременное избраніе третьяго Гетмана, расположившагося въ Ладыжинѣ, было утверждено Польскимъ Королемъ.

*) Христіанскія церкви были обращены въ мечети; образами устилали путь султанскаго коня въ грязныхъ мѣстахъ улицъ.

Тѣмъ временемъ Дорошенко продолжалъ изыскивать средства, чтобы порвать условія Андрусовскаго мира послѣдствіемъ чего было раздѣленіе Малороссіи. На условіи ея единства онъ предлагалъ Царю свою покорность; посылалъ къ начальнику Русскихъ войскъ Ромодановскому, генеральнаго писаря Мазепу для переговоровъ, но Самойловичъ совѣтовалъ Москвѣ не довѣрять этимъ предложеніямъ. Тогда Дорошенко вызвалъ вторичное появленіе въ западной Малороссіи турокъ и татаръ. Несчастную страну совершенно опустошили; народъ уходилъ на другой берегъ Днѣпра,—Дорошенко дѣлался ему ненавистнымъ. Султанъ же вовсе не думалъ о возстановленіи единства Малороссіи и турки дошедши до Днѣпра ушли обратно, а Русскіе снова возвратились на прежде занятыя мѣста. Вторичное опустошеніе Малороссіи Турками 1674

Смерть Царя. Его сподвижники. Посольства. Искатели «земли». Наслѣдники Царя. — Вскорѣ послѣ этихъ событій Царь Алексѣй Михайловичъ скончался на сорокъ седьмомъ году отъ рожденія, благословивъ на Царство, за два года ранѣе провозглашеннаго наслѣдникомъ престола Царевича Ѳеодора и оставивъ отъ первой супруги Маріи Ильиничны Милославской еще сына Іоанна и пятерыхъ дочерей, а отъ брака съ Натальей Кирилловной Нарышкиной сына Петра и двухъ дочерей.

Все время царствованія Алексѣя Михайловича прошло въ безпрерывныхъ войнахъ то съ тѣмъ, то съ другимъ сосѣдомъ и въ постоянной борьбѣ съ нестроеніями внутренними, но онъ не упускалъ изъ виду потребность распространенія въ Россіи искусствъ и научнаго просвѣщенія, въ чемъ недостатокъ давалъ себя чувствовать на каждомъ шагу. Подъ вліяніемъ византійскихъ вѣяній, Москва изъ за чистоты православія еще боялась соприкосновенія съ иноземцами и потому за учеными обратились къ православнымъ западной Руси, на одного изъ которыхъ, бѣлорусса Симеона Полоцкаго *) была возложена забота о школьномъ образованіи Царскихъ дѣтей. Примѣръ Царя конечно не остался безъ подражателей, но вообще въ преобразова-

*) Симеонъ Петровскій—Сптіяновичъ, онъ же Полоцкій, отъ города Полоцкъ, изъ котораго прибывъ въ Москву. Кромѣ проповѣдей подъ заглавіемъ «*Обѣдъ Духовный*» и «*Вечеря Духовна*», кромѣ богословскихъ сочиненій: «*Жезлъ Православія*», «*Вѣнецъ вѣры каѳолическія*» и др., онъ былъ еще творцемъ многихъ драматическихъ сочиненій и виршей. Греческаго языка онъ не зналъ. Въ своей космографіи онъ говоритъ о звѣздахъ, что онѣ «*веществомъ чисты, образомъ круглы, количествомъ велики, явленіемъ малы, качествомъ свѣтлы, дольныхъ вещей родительны*», т. е. послѣднему качеству приписывается вліяніе на перемѣны въ воздухѣ. Умеръ въ 1680 г.

тельной дѣятельности Царя ревностнѣйшими помощниками изъ свѣтскихъ были: Аѳанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ, учредивший почты для сношеній съ Европою, первыя русскія (рукописныя) газеты подъ названіемъ «*Курантовъ*», и завѣдывавший внѣшними сношеніями Государства въ качествѣ «*Царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя*» *); Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, приверженецъ европейской цивилизаціи, основатель «*комедійныхъ дѣлъ*», и на воспитанницѣ котораго, Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, Царь былъ женатъ и Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, извѣстный своею любовію къ народу, устроитель монастыря (нынѣ Андреевская богадѣльня) съ училищемъ и съ Царскаго одобренія пригласившій за свой счетъ нѣсколькихъ ученыхъ Малороссійскихъ монаховъ «*ради обученія славенороссійскаго народа дѣтей славенорусскому наказанію*» **). Въ числѣ этихъ ученыхъ прибылъ тогда-же Епифанъ Славинецкій, воспитанникъ Кіево-Могилянской Академіи.

Посольство Чемоданова 1656

Посольство Потемкина 1667, 1668

Алексѣй Михайловичъ искалъ политическихъ сближеній и за предѣлами ближайшихъ сосѣднихъ Государствъ. Стольникъ Чемодановъ былъ отправленъ черезъ Архангельскъ въ Венецію, но вслѣдствіе морскихъ приключеній не прибылъ по назначенію, а попалъ во Флоренцію. Тосканскій Герцогъ Фердинандъ Медичи принялъ Чемоданова очень хорошо, такъ что Царь этимъ очень довольный, отправлялъ во Флоренцію послѣдовательно одного за другимъ еще пословъ Лихачева и Желябужскаго. Во Францію и Испанію съ предложеніемъ дружбы и союза ѣздилъ Петръ Потемкинъ, а маіоръ Менезіусъ къ папѣ Клименту X, который, не понимая какое мѣсто долженъ занимать титулъ «*Царя*» по смыслу европейской дипломатіи, не согласился признать его за Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Такая-же неудача сопровождала переговоры переводчика Посольскаго Приказа, волоха Николая Спафари, съ Китаемъ о пограничной чертѣ.

Несогласія съ Китаемъ были возбуждены охотниками про-

*) Имѣя въ виду сосредоточить въ Россіи торговлю между Европою и Азіею, Ордынъ-Нащокинъ хотѣлъ создать флотъ на Каспійскомъ морѣ. Въ 1669 первый Русскій корабль «Орелъ», построенный Яковымъ Полуектовымъ въ с. Дединовѣ, былъ спущенъ на Оку, потомъ на Волгу. Голландецъ Давидъ Бутлеръ былъ назначенъ его капитаномъ, матросы набраны изъ иностранцевъ. Корабль былъ сожженъ Разинымъ.

**) Ртищевъ подарилъ жителямъ Арзамаса землю, которой они купить не могли; продалъ одну деревню дешевле назначенной цѣны, но съ уговоромъ, что новый владѣтель будетъ милостивъ съ крестьянами и проч.

вѣдывать въ Сибири новыя «*землицы*». Съ легкой руки Ермака, Русскіе постоянно и годъ отъ году глубже проникали на далекомъ востокѣ Азіи. Елисей Юрьевъ искалъ озера Лама (Байкала); служилый человѣкъ Постникъ Ивановъ открылъ тунгузовъ и ламутовъ; пятидесятникъ Курбатъ первый дошелъ до Байкала; Василій Поярковъ открылъ земли дауровъ, дючеровъ, натковъ, гиляковъ и плавалъ по Амуру; служилый человѣкъ Семенъ Дежневъ, отправившійся на поиски съ 25 человѣками, изъ сѣвернаго моря былъ занесенъ бурею въ Восточный Океанъ, выброшенъ на берегъ ниже Анадыра и открылъ тамъ новую добычу—моржевые зубы; Стодухинъ почти одновременно открылъ землю коряковъ, богатую черными лисицами и сѣверную часть Охотскаго моря. Былъ еще цѣлый рядъ и другихъ искателей «землицъ», которые облагая побѣжденныхъ дикарей «*ясакомъ*» (данью), устраивали въ ихъ земляхъ острожки и наконецъ Ерофей Хабаровъ достигъ Амура, взялъ городъ Албазинъ и велѣдъ затѣмъ Амурскій край былъ присоединенъ къ Русскимъ владѣніямъ. Китайцы нападали на Русскихъ, разорили острожки и поѣздка Спафари дѣла этого не уладила, такъ что война продолжалась до пріѣзда Русскаго посла Ѳедора Алексѣевича Головина. Онъ прибылъ со свитою въ 2,000 человѣкъ и въ шатрахъ *) подъ Нерчинскомъ открылись переговоры съ переодѣтыми по китайски іезуитами: испанцемъ Перейра и французомъ Жербильономъ, свита которыхъ состояла изъ 15,000 человѣкъ. Русскіе принуждены были отказаться отъ Амурскаго края, бывшаго 30 лѣтъ въ ихъ владѣніи и новая граница опредѣлилась р. Горбицею и Яблоновымъ хребтомъ до самаго Охотскаго моря.

Елисей Юрьевъ 1636

Постникъ Ивановъ 1638

Василій Поярковъ и Курбатъ 1643

Семенъ Дежневъ 1648

Поѣздка Жафари 1675

Взятіе Албазина 1650

Присоединеніе Амурскаго края 1653

Переговоры Головина 1689 августъ

Амурскій край возвращенъ въ царствованіе въ Бозѣ почившаго Государя Императора АЛЕКСАНДРА II.

Ѳеодоръ Алексѣевичъ.

1676 — 1682 г.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, благодаря заботливости своего воспитателя Симеона Полоцкаго, получилъ по тогдашнему времени прекрасное образованіе, но ему было только 14 лѣтъ и онъ отличался очень непрочнымъ здоровьемъ. Само собою разумѣется,

*) Разбивку шатровъ производилъ Демьянъ Многогрѣшный, бывшій Гетманъ.

что при подобныхъ условіяхъ занятія государственными дѣлами не могли ему быть по силамъ и потому вокругъ него закипѣли соискательства на право сдѣлаться его руководителемъ и пользоваться сопряженною съ такимъ положеніемъ властію. Образовались партіи, при чемъ воскресли между ними старые счеты. Сестры Царя не любили мачиху Наталью Кириловну; эта нелюбовь перешла и на ея попечителя Артамона Сергѣевича Матвѣева. Изъ Милославскихъ наиболѣе противъ него былъ возбужденъ Иванъ Михайловичъ, который по обличеніямъ Матвѣева былъ при покойномъ Царѣ удаленъ на воеводство въ Астрахань; также искалъ гибели Матвѣева, Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, не забывшій что тѣмъ же путемъ совершились открытія о его взяткахъ; къ нимъ еще присоединились Юрій Долгорукій, Родіонъ Стрешневъ и другіе.

Матвѣева обвинили сначала въ недоплатахъ по расходамъ *«Посольскаго Приказа»* и удалили отъ завѣдыванія имъ; затѣмъ потребовали отъ него какой-то лечебникъ, писанный цифрами, потомъ обвинили въ томъ, что онъ не допивалъ остатковъ лекарствъ имъ же подаваемыхъ Царю, наконецъ признали противъ него доносъ лекаря Давида Берлова, уличавшаго его въ чтеніи черной книги и за всѣ эти преступленія боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, друга покойнаго Государя, сослали вмѣстѣ съ сыномъ въ Пустозерскъ. По подобнымъ же обвиненіямъ сослали братьевъ Царицы Натальи Кириловны, Ивана и Аѳанасія Нарышкиныхъ, сама же Наталья Кириловна проживала съ сыномъ Петромъ въ полномъ удаленіи отъ Двора въ селѣ Преображенскомъ. Осиливная партія окружила Царя-отрока и такъ мало разсчитывала на краткосрочность своего вліянія, что патріархъ Іоакимъ отправилъ даже Царскаго духовника Савина въ ссылку по подозрѣнію его въ личномъ къ себѣ нерасположеніи. Но уже у семнадцатилѣтняго Царя приближенными сдѣлались люди его выбора, Иванъ Максимовичъ Языковъ и Алексѣй Тимоѳѣевичъ Лихачевъ, оба способные и благонамѣренные.

Ссылка боярина Матвѣева 1677 (11 іюня)

Война съ Турками. Дорошенко въ послѣдній годъ царствованія Алексѣя Михайловича выразилъ ему покорность и отправилъ въ Москву *«санжаки»* *) съ своимъ тестемъ Яненко-Хмельницкимъ, но не хотѣлъ произнесть присяги передъ ненавистнымъ Самойло-

*) Бунчукъ и два знамени, знаки его подданства Султану.

вичемъ. Злобный Гетманъ въ своихъ донесеніяхъ Царю не переставалъ чернить Дорошенку и наконецъ увѣдомилъ, что по приглашенію Дорошенки турки идутъ на Кіевъ. Противъ этихъ союзниковъ велѣно было Гетману немедленно идти вмѣстѣ съ Ромодановскимъ. Но вмѣсто ожидаемаго упорнаго сопротивленія, послѣ небольшой схватки подъ Чигириномъ, Дорошенко вышелъ съ духовенствомъ и народомъ изъ города и въ трехъ верстахъ отъ него сложивши знаки своего Гетманскаго достоинства, торжественно присягнулъ Русскому Царю. Вскорѣ послѣ этого, протопопъ Адамовичъ, извѣстный тогда въ Малороссіи своими доносами, не добившись ими до повышеній, попался въ заговорѣ о низложеніи Самойловича. Къ общему удовольствію Адамовичъ былъ сосланъ въ Сибирь, но къ дѣлу непричастный Дорошенко былъ вызванъ въ Москву и противъ своего желанія разстался съ любимою родиною *). Между тѣмъ турки были очень недовольны поведеніемъ Дорошенки и не желая поступиться своимъ вліяніемъ на Украйну, освободили изъ заточенія Юрія Хмѣльницкаго, провозгласили его Гетманомъ и Княземъ Малороссійской Украйны. Подъ его предводительствомъ, турецкія войска осадили Чигиринъ, но осажденныхъ выручили подоспѣвшіе на помощь Ромодановскій и Самойловичъ. Въ іюлѣ слѣдующаго года Юрій Хмѣльницкій опять явился подъ Чигириномъ, но уже вмѣстѣ съ турецкимъ визиремъ. На этотъ разъ Ромодановскій и Самойловичъ не успѣли спасти городъ, на половину взорванный подкопами. Послѣ этого Юрій Хмѣльницкій успѣлъ захватить Черкассы, Жаботинъ, Каневъ, Корсунь, еще другіе города, утвердилъ свою власть на правой сторонѣ Днѣпра, засѣлъ въ Немировѣ, своей резиденціи, и сталъ подписываться Гетманомъ Запорожскимъ и небывалымъ титуломъ князя Сарматскаго **).

Донесеніе Самойловича 1677

Осада Чигирина 1677 (августъ)

Разореніе Чигирина 1678

Между тѣмъ Москва продолжила перемиріе съ Польшею еще на 13 лѣтъ и уступая Невель, Себежъ, Велижъ, не возвратила ей Кіева, но обѣщала за него уплатить 200,000 рублей. Въ ожиданіи новаго нашествія открылись переговоры о союзѣ

*) Въ Москвѣ Дорошенко былъ милостиво награжденъ воеводствомъ и вотчиною въ Волоколамскомъ уѣздѣ въ 1000 дворовъ. Онъ умеръ въ преклонной старости.

**) По сказанію малороссійскаго лѣтописца XVIII в. Величко, Юрій Хмѣльницкій за содраніе кожи съ живой еврейки, былъ вызванъ въ Каменецъ-Подольскъ и по сношенію тамошняго паши съ Константинополемъ, гдѣ Юріемъ Хмѣльницкимъ были недовольны, казненъ по турецкому обычаю, шнуркомъ.

Посольство Тяпкина 1680

противъ турокъ и татаръ, но Самойловичъ по ненависти къ полякамъ очень не желалъ этого сближенія. Онъ усердно поддерживалъ предложеніе валахскаго господаря Іоанна Дуки о посредничествѣ для заключенія мира Русскихъ съ турками и послѣ переговоровъ болѣе года, посломъ въ Крымъ былъ отправленъ стольникъ Тяпкинъ *) вмѣстѣ съ малороссійскимъ генеральнымъ писаремъ Раковичемъ. Дѣло шло трудно, Тяпкинъ не хотѣлъ уступать Хану правой стороны Украйны, наконецъ было заключено 20-ти лѣтнее перемиріе, по которому Кіевъ съ старымъ уѣздомъ **) остался за Россіею, Украйна отъ Буга до Днѣпра должна была оставаться безлюдною пустынею, Шереметьевъ, пробывшій 22 года въ плѣну, освобождался съ другими плѣнными, но вопросъ о Запорожьи остался нерѣшеннымъ, потому что согласіе Хана признать его вотчиною Царя не было признано Султаномъ при утвержденіи договора въ Константинополѣ.

Утвержденіе перемирія Султаномъ 1681

Распоряженія по внутреннимъ перемѣнамъ 1679

Внутреннія перемѣны. Учрежденіе новыхъ епархій. Уничтоженіе мѣстничества. Обычай установилъ порядокъ, слѣдуя которому владѣлецъ вотчины имѣлъ право отчудить послѣ себя собственную недвижимость кому хотѣлъ, что обыкновенно сопровождалось по отношенію къ его вдовѣ, дѣтямъ или родственницамъ обязательствомъ пріобрѣтателя содержать ихъ какъ бы своихъ собственныхъ дѣтей и родныхъ, но чаще всего такіе торжественные обѣты не исполнялись, а потому состоялся новый законъ, опредѣлявшій у такихъ недобросовѣстныхъ пріобрѣтателей вотчины отбирать и передавать ихъ обойденнымъ наслѣдникамъ. Также воспрещалось «*Помѣстнымъ Приказамъ*» записывать акты о передачѣ мужу женинаго имущества, если такой актъ совершался мужемъ отъ имени жены при этомъ не присутствующей. Ограждая такимъ образомъ замужнюю женщину отъ вымогательства со стороны мужа, обращено было такое же вниманіе на положеніе вдовъ и дочерей, у которыхъ имущество въ видѣ «*пожиточнаго имѣнія*», подвергалось захватамъ родственниковъ; сыновьямъ, отцу которыхъ слѣдовала награда, разрѣшалось просить о ней въ свою пользу, если отецъ не успѣлъ ею воспользоваться; для прекращенія владѣльческихъ споровъ о границахъ своихъ участковъ предпринято было правительственное межеваніе. Кромѣ

Межеваніе 1680

*) Учитель Петра Великаго, Никита Зотовъ, былъ тоже участникомъ этого посольства.

**) Васильковъ, Триполье, Родомысль и другіе города съ селами.

того, были отмѣнены казни съ отсѣченіемъ рукъ и ногъ и замѣнены ссылкою въ Сибирь, наказаніе кнутомъ во многихъ случаяхъ замѣнилось пенею, запрещалось простому люду вставать съ лошадей для земнаго поклона при встрѣчѣ съ боярами и наконецъ самое Уложеніе задумывали дополнить недостающими по разнымъ случаямъ статьями.

Учрежденіе независимыхъ епархій 1681

Въ виду распространенія ересей и умноженія «*церковныхъ противниковъ*», собранный по этому случаю соборъ постановилъ учреждить независимыя архіепископства въ Сѣвскѣ, Холмогорахъ, Устюгѣ Енисейскѣ и кромѣ того назначилъ въ нѣкоторые города епископовъ.

Было замѣчено, что «*новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы*» давали непріятелю большой перевѣсъ; видѣли и у себя на опытѣ, что Барятинскій, въ походѣ противъ Разина, имѣя только часть войскъ, устроенныхъ по иностранному образцу, разбилъ гораздо болѣе многочисленную шайку, и потому Царь поручилъ князю Василію Васильевичу Голицыну и выборнымъ изъ ратныхъ людей обсудить и принять мѣры для лучшаго устроенія рати. Выборные нашли, что надобно слѣдовать европейскому образцу, начиная съ наружнаго раздѣленія рати на роты вмѣсто сотенъ, но главнымъ зломъ для ратнаго дѣла они указывали мѣстничество и просили о его уничтоженіи *).

Соборъ о мѣстничествѣ 1862 12 генваря

Созванъ былъ Соборъ изъ патріарха, знатнаго духовенства и думныхъ людей. По изложеніи передъ нимъ мнѣнія выборныхъ, патріархъ Іоакимъ и духовенство признали обычай мѣстничества противнымъ Божіимъ заповѣдямъ о любви, источникомъ зла для всѣхъ государственныхъ дѣлъ; бояре и думные люди также съ этимъ согласились. Тогда по приказанію Царя были собраны всѣ «*Разрядныя книги*» и сожжены въ сѣняхъ Царской «*Передней палаты*», въ присутствіи боярина Михаила Долгорукаго, думнаго дьяка Семенова и высшаго духовенства. Вмѣсто мѣстническихъ разрядныхъ книгъ были заведены «*Родословныя дворянскія книги*», а для чествованія высокаго положенія служилыхъ людей были установлены особенныя отличія, напр. бояре, окольничіе, думные

*) Мѣстничество не было слѣдствіемъ однаго личнаго самолюбія, но боярин разъ сѣвшій ниже соперника, подвергалъ умаленію весь свой родъ. Это обереганіе своего рода считалось священною обязанностію и бывали случаи, что боярин не поступался своимъ старшинствомъ даже за царскимъ столомъ; если же его принуждали силою, то онъ спускался подъстолъ и кричалъ оттуда, что «*подъ такого-то не сядетъ, хотя бы ему за это Царь приказалъ голову отсѣчь*».

люди имѣли право выѣзжать въ каретѣ или саняхъ на парѣ въ дни обыкновенные, въ праздничные на четверкѣ, при свадебномъ обрядѣ на шестеркѣ, спальники же, стольники, стряпчіе, дворяне выѣзжали зимою въ саняхъ на одной лошади, а лѣтомъ верхомъ.

Славяно-греко-латинская Академія. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ любилъ чтеніе, часто посѣщалъ типографію и очень желалъ устроить высшее училище въ Москвѣ. Образованные люди ему были нужны какъ ревнителю православія даже для восточнаго духовенства, которое вслѣдствіе собственнаго невѣжества, по разсказамъ оттуда возвратившагося инока Тимофея, ставило православіе въ очень незавидное положеніе. Первоначально было учреждено училище изъ 30 человѣкъ дѣтей всякаго сословія. Царь просилъ восточныхъ патріарховъ о присылкѣ учителей твердыхъ въ православіи, знающихъ науки, языки греческій и латинскій, но потомъ былъ составленъ проэктъ Академіи съ уставомъ, допускающимъ въ ея блюстители и учители только однихъ Русскихъ и тѣхъ изъ грековъ, которые о своемъ православіи могли представить свидѣтельство отъ одного изъ патріарховъ. Академія должна была наблюдать, чтобы иновѣрцы не распространяли своихъ ученій, ни у кого небыло бы запретныхъ книгъ, экзаменовать всѣхъ ученыхъ иностранцевъ, безъ чего они не могли быть принимаемы на службу въ Россіи и хулителей православія по уличеніи въ преступленіи блюстителями Академіи, подвергать казни чрезъ сожженіе. Права окончившихъ свое образованіе въ этой Академіи выражались служебными льготами *).

Смерть царицы Агафіи 1681 (14 іюля)

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ вступилъ въ первый бракъ съ Агафіею Семеновною Грушецкою, а послѣ ея смерти и ея сына. Царь по убѣжденіямъ ближнихъ людей, которые успѣли возбудить въ немъ надежду на выздоровленіе, вступилъ во второй бракъ съ Мароою Матвѣевною Апраксиною, послѣ избранія которой въ Царскія невѣсты, крестный ея отецъ боярин Матвѣевъ

Второй бракъ царя 1682 (февраль)

былъ освобожденъ изъ ссылки. Но Царю все не было лучше и два мѣсяца послѣ свадебнаго пира, онъ въ апрѣлѣ 27 дня скончался бездѣтнымъ и не объявивъ своей послѣдней воли о преемникѣ престола.

Общій взглядъ на Московское Государство.

Царь. Царь облеченный самодержавною и неограниченною властію, стоялъ во главѣ Государства и былъ окруженъ такимъ

*) Проектъ или «*привиллегія*» этой Академіи приписывается Симону Полоцкому.

почетомъ, что никто изъ подданныхъ не смѣлъ показаться на царскомъ дворѣ иначе какъ пѣшкомъ. Входъ во дворецъ былъ правомъ однихъ придворныхъ, но это право сопровождалось большими различіями. Бояре, окольничіе, думные дворяне и ближніе люди, входили въ жилые покои Царя или Верхъ, гдѣ въ «*Передней палатѣ*», они дожидались царскаго выхода. Въ «*комнату*» или кабинетъ входили «*уждавъ время*» одни ближніе бояре; остальные же чины Двора, обыкновенно собирались на такъ называемомъ постельномъ крыльцѣ.

Московское Государство. Въ концѣ XVII столѣтія Россія носила названіе Московскаго, а не Всероссійскаго Государства, потому что не всѣ Русскія земли приняли тогда въ единеніе подъ властію Царя Московскаго: многія изъ нихъ числились во владѣніяхъ Польши, но Москва всегда смотрѣла на это печальное обстоятельство, какъ на дѣло совсѣмъ случайное и временное. Этотъ послѣдній взглядъ раздѣляла вѣроятно и сама Польша, всегда упорно споривпая о титулѣ Московскихъ Государей, но споры ея не увѣнчивались успѣхомъ и титулъ «*Великаго Государя, Царя и Великаго Князя всея Руси Самодержца*» измѣнился не къ его умаленію, когда Царь Алексѣй Михайловичъ сталъ называться «*Царемъ всея Великія, Малыя и Бѣлыя Руси Самодержцемъ.*

При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, пространство Московскаго Государство опредѣлялось въ 260,000 □ географическихъ миль, при чемъ его границами на Сѣверѣ были Сѣверный Океанъ, на Востокѣ—земли Восточной Сибири, на Югѣ — Китай, владѣнія киргизовъ, ногаевъ, крымскихъ татаръ и турецкая Имперія, на Западѣ, гдѣ границы часто измѣнялись, — Ингерманландія, Корелія, служили пограничною чертою отъ Швеціи, а со временъ Михаила Ѳеодоровича, Днѣпръ отъ Литвы и Польши.

Государственный гербъ. Гербъ Удѣльнаго Московскаго Княжества представлялъ всадника, поражающаго копьемъ змія. Іоаннъ III сочетавшись бракомъ съ греческою царевною Софіею, совмѣстилъ съ этимъ Гербомъ, гербъ греческой Имперіи, изображавшій украшеннаго двумя коронами чернаго двуглаваго орла съ опущенными крыльями. Царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ прибавить въ гербъ Московскаго Государства третью корону, у орла поднять крылья и помѣстить на его груди Св. Георгія побѣдоносца, поражающаго копьемъ змія.

Дворъ и его штатъ. Сословія. Служебныя чины. Дворъ со-

ставлялся изъ знатнѣйшихъ лицъ обоего пола. Званіе Царскаго «*слуги*» и званіе «*великаго конюшаго*» считались наиболѣе почетными и давались очень рѣдкимъ счастливцамъ, но вообще придворные чины по важности должностей раздѣлялись на «*дворецкихъ*», нынѣшнихъ оберъ-гофмаршаловъ. «*казначеевъ*», потомъ «*спальниковъ*», поочередно спавшихъ въ царской опочивальнѣ, «*стольниковъ*» подававшихъ кушанье при торжественныхъ пріемахъ Царя, «*постельничихъ*», «*крайчихъ*» или шенковъ, «*конюшихъ*» или штальмейстеровъ, «*ловчихъ*» или егермейстеровъ. Кромѣ этихъ чиновъ были еще второстепенные подъ общимъ названіемъ «*дворянъ*». Въ теремахъ Царицы первое мѣсто по женскому чину занимали «*дворовыя* или *верховыя*» боярыни «*мамы*» Царскихъ дѣтей. Эти мамы пользовались годовымъ окладомъ отъ 50 до 100 руб., т. е. вдвое противъ другихъ дворовыхъ боярынь, обыкновенно избираемыхъ изъ вдовъ родственницъ Царицы и иногда по заслугамъ изъ придворныхъ женщинъ меньшаго чина, чаще всего изъ казначей. Дворовыя боярыни утверждались особыми Царскими Указами. Мѣстничество прочно держалось и въ теремахъ Царицы; мамы самыхъ младшихъ Царевичей стояли выше мамъ самыхъ старшихъ Царевенъ. Вторая степень женскихъ чиновъ принадлежала «*казначеямъ*», затѣмъ слѣдовали «*ларешницы*», родъ вторыхъ казначей, которыя завѣдовали комнатными ларцами, потомъ шли «*учительницы Царевенъ*», «*кормилицы Царевичей* и *Царевенъ*», «*псаломщицы*» съ годовымъ окладомъ въ 6 руб. *боярышни дѣвицы и сытыя боярышни*» которыя какъ сверстницы раздѣляли съ Царевнами забавы *) «*постельницы*» и «*комнатныя бабы*» или лекарки, наконецъ «*мастерицы* и *ученицы*» «*золотыя* и *бѣлыя*», т. е. золотошвеи и бѣлошвеи. Послѣднюю степень женскаго чина составляли «*портомои*» т. е. прачки, но дурки-шутихи, юродивыя богомолицы, калмычки, арабки и т. п. не входили въ составъ чина. Мужской Царицынъ чинъ раздѣлялся на «*приказный*», «*крестовый*», *походный*, *истопничій* и *мастерской*. Приказный чинъ, управлявшій всѣмъ вѣдомствомъ состоялъ изъ дворецкаго, равнаго по званію окольничему и дьяка, собственнаго секретаря Царицы; «*крестовыя дьяки*» присутствовали при моленіяхъ Царской семьи для службы у крестовъ, пѣли, читали псалтырь и проч., поход-

*) Въ эти боярышни не избирали только дѣвицъ «*самыхъ большихъ бояръ дочерей*».

ный чинъ сопровождалъ Царицу въ путешествіяхъ и былъ на посылкахъ. Всѣ лица младшаго Царицына чина жили въ особой слободѣ.

Высшимъ сословіемъ въ Государствѣ было *«служилое»*, заменившее дружину прежнихъ князей. Первая его степень принадлежала боярамъ, въ составъ которыхъ вошли потомки удѣльныхъ князей, знатныхъ выходцевъ Литовскихъ, нѣмецкихъ, татарскихъ царевичей и мурзъ. Затѣмъ слѣдовали дворяне, изъ которыхъ Московскіе, пользовались значительными преимуществами передъ городовыми и дѣти боярскіе, низшій разрядъ служилаго сословія, получавшій вмѣсто жалованья земельные участки и потому образовавшій многочисленныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Жильцами вообще назывались дворяне и дѣти боярскіе входящіе въ составъ гарнизона города для его защиты. Въ столицѣ существовалъ классъ купцовъ, такъ называемыхъ *«гостей»*, *«гостинная сотня* и *суконная»*. Изъ этихъ высшихъ разрядовъ торговыхъ людей избирались головы для наблюденія за казенными сборами при соболиной казнѣ, таможняхъ, питейныхъ домахъ и пр.; за правильность казенныхъ сборовъ ихъ подвергали личной и имущественной отвѣтственности. Въ классѣ податныхъ и тягловыхъ числились *«посадскіе люди»*, т. е. городское и пригородное населеніе занимавшееся торговлею, промыслами и крестьяне. Изъ послѣднихъ жившіе на государственныхъ земляхъ, раздѣлялись на *«дворцовыхъ»* подать съ которыхъ отчислялась на содержаніе Двора и *«черносошныхъ»*, вносившихъ подати въ Государственную казну.

Въ концѣ XVI столѣтія крестьяне были лишены права переходить отъ одного владѣльца къ другому, а Уложеніемъ Царя Алексѣя Михайловича крестьянское сословіе прикрѣпилялось со всѣмъ потомствомъ къ той землѣ, на которой они были записаны *«по писцовымъ книгамъ»* 1626 г. Такая крѣпостная зависимость населенія была вызвана не счастными обстоятельствами страны. Лично крестьяне не представляли собственности помѣщика какъ холопи, но впослѣдствіи эта разница между крестьянами и холопями исчезла и тѣмъ скорѣе, что сами крестьяне часто шли въ кабалу ради избавленія отъ казенныхъ повинностей.

Всѣ старшія классы населенія должны были служить всю жизнь и служить тамъ гдѣ укажетъ Царь,—за это они получали жалованье, помѣстья и вотчины. Помѣстья давались въ видѣ аренды, а вотчины составляли полную потомственную собствен-

ность. Важнѣйшія государственныя военныя и гражданскія должности занимали «*бояре*». Послѣ нихъ высшимъ чиновничьимъ разрядомъ считались «*окольничіе*», за ними слѣдовали «*думные дворяне*», допускаемые въ Царскій совѣтъ «*Думу*», въ которую приглашались патріархъ и другіе архіереи. Воеводы и намѣстники по городамъ назначались изъ разныхъ чиновниковъ.

Войско. До Царя Іоанна IV въ Московскомъ Государствѣ не было постоянныхъ войскъ. Распустивъ опричнину, онъ учредилъ стрѣлецкіе полки, которые раздѣлялись на Московскихъ и городовыхъ. Стрѣльцы получали жалованье и пользовались нѣкоторыми привиллегіями съ правомъ заниматься торговлею и промыслами. Часть стрѣльцовъ находилась въ Москвѣ, другіе же составляли кадры городовыхъ гарнизоновъ, несли полицейскую службу и по преимуществу размѣщались по пограничнымъ городамъ.

Въ составъ войскъ главнымъ основаніемъ входили дворяне и дѣти боярскія, т. е. сословіе помѣщиковъ, но въ случаѣ надобности численность войскъ усиливалась наборомъ такъ называемыхъ *даточныхъ* и людьми «*охочими*», идущими по собственному желанію; козаки и татары составляли придатокъ къ Московскимъ войскамъ. Наборъ производился не съ душъ, а съ дворовъ. Кромѣ того, изъ придворныхъ чиновъ, которые не переставали быть въ тоже время и людьми ратными, составлялся отрядъ царскихъ тѣлохранителей, а изъ дворянъ Московскаго уѣзда, составлялся «*Царскій полкъ*». Войска содержались доходомъ съ раздаваемыхъ имъ земель, но во время войны получали жалованье.

«*Пушкари*» находились при нарядѣ (артиллеріи) и такъ-же какъ стрѣльцы жили особыми слободами.

Въ большихъ походахъ войско раздѣлялось на большой полкъ, правую и лѣвую руку, полкъ передовой и полкъ сторожевой, а для разъѣздовъ назначался отрядъ легкой конницы, называемой «*Ертауломъ*». Предохранительное вооруженіе войскъ состояло въ шлемахъ, кольчугахъ, латахъ, нагрудникахъ, а боевое изъ мечей, копій, бердышей, сѣкиръ, лучнаго (лукъ и стрѣлы) и огненнаго боя. Но какъ вооруженіе, такъ и первоначальное боевое дѣленіе войскъ не было удовлетворительно и уже Царь Борисъ Годуновъ заводилъ для образца тѣлохранителей изъ ино-

*) Донскіе и Терскіе.

земцевъ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ было нанято нѣсколько нѣмецкихъ полковъ для второй польской войны, наконецъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича Русскія войска подверглись переустройству по европейскому образцу съ раздѣленіемъ ихъ на гусаръ, драгунъ, рейтаръ, солдатъ, при чемъ начальники частей стали называться ротмистрами, поручиками и пр.

Управленіе. Боярская Дума, высшее правительственное и судебное учрежденіе пользовалась значеніемъ только совѣщательнаго собранія, хотя въ грамотахъ писалось, что «*Царь указалъ, а Бояре приговорили*».

Дѣлопроизводство «*Думы*» находилось въ рукахъ «*думныхъ дьяковъ*», (нынѣшнихъ Государственныхъ секретарей), обыкновенно изъ духовнаго званія, потому что бояре, какъ дружинники, по понятіямъ своего времени, брезгали такою службою. Въ дѣлахъ крайней важности Царь собиралъ «*Великую Земскую Думу*» изъ выборныхъ всѣхъ сословій, называемую «*земскимъ соборомъ*», но въ этихъ случаяхъ мнѣнія отбирались не поголовно, какъ въ Думѣ, а по сословіямъ. Послѣ «*Думы*» или «*Приказы*», вѣдавшіе дѣлами извѣстной, опредѣленной спеціальности. «*Приказами*» завѣдывали обыкновенно бояре, исключая «*Приказа тайныхъ дѣлъ*» *), куда они вовсе не допускались, но письмоводство и здѣсь лежало на обязанности дьяковъ и подъячихъ. Число «*приказовъ*» постоянно увеличивалось и къ концу XVII столѣтія ихъ было болѣе сорока. Приказныя присутственныя мѣста назывались «*избами*».

Области Московскаго Государства дѣлились на уѣзды; уѣзды на станы, погосты, губы и волости. Областями обыкновенно завѣдывали воеводы, замѣнившіе древнихъ «*волостелей*», иногда губные **) старосты, прямая обязанность которыхъ заключалась въ отправленіи «*губныхъ*», т. е. уголовныхъ дѣлъ. Дѣла воеводскаго управленія производились въ «*съѣзжей*» избѣ.

Кромѣ исчисленныхъ должностей, въ Государствѣ существовали еще должности по выбору, напр. земскіе старосты, обязанность которыхъ состояла въ раскладкѣ податей; головы и цѣловальники для собиранія въ казну пошлинъ торговыхъ, судныхъ и проч.

---

*) Учрежденъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

**) Слово „*губа*“ въ древнемъ нѣмецкомъ правѣ значило усадьба, а въ Русскомъ волость или вѣдомство.

Судопроизводство. Съ конца XVI столѣтія судопроизводство. уступивши разсмотрѣніе дѣлъ словеснымъ судомъ письменности. вызвало увеличеніе числа судебныхъ инстанцій и такимъ образомъ дѣла, нерѣшенныя младшею инстанціею, переходя отъ одного «*приказа*» къ другому высшему, стали восходить до самого Царя.

Тяжбы оканчивались выдачею сторонѣ. признанной правою. «*правыя грамоты*»; должниковъ не платящихъ выдавали на «*правежъ*», т. е. должника выставляли у присутственнаго мѣста для ежедневнаго тѣлеснаго наказанія впредь до уплаты долга. Помѣщики ставили на «*правежъ*» вмѣстѣ себя своихъ холопей, разборъ тяжбъ между которыми составлялъ помѣщичье право.

Доходы. Подати (тягло), главнѣйшая отрасль государственныхъ доходовъ, накладывались на общины, которыя уже сами распредѣляли ихъ среди своего населенія. Крестьяне вносили подати по числу сохъ *), посадскіе—по числу тягловыхъ дворовъ. занесенныхъ въ писцовыя книги. Но кромѣ податей отбывались еще повинности ямская, ратныя по продовольствію войскъ въ военное время, работа по казеннымъ постройкамъ и проч. Существовала еще одна постоянная денежная повинность, «*полоняничная*», для выкупа плѣнныхъ.

Вслѣдствіе малочисленности населенія и вообще финансоваго неустройства доходы Московскаго Государства были очень ограничены и за исключеніемъ сибирской казны. т. е. мѣховъ. при Царѣ Алексѣй Михайловичѣ не превышали 1,300,000 руб.

Торговля. Москва. населенная гораздо гуще другихъ городовъ, была средоточіемъ оптовой торговли, откуда она распространялась во всѣ стороны Государства.

Для торговли съ Востокомъ, Волга представляла удобный путь и ея важнѣйшими торговыми станціями были: Нижній, Казань и Астрахань; торговыми центрами Западной Сибири были Верхотурье и Тобольскъ, а въ Восточной Сибири торговля съ Китайцами сосредоточивалась въ Нерчинскѣ. Предметами отпускной торговли Московскаго Государства были драгоцѣнные мѣха. рожь, пшеница, овесъ, ячмень, пенька, ленъ, кожи, сало, воскъ, медъ, а привозный товаръ западной Европы составляли драгоцѣнные металлы въ слиткахъ и монетѣ, металлическія издѣлія, сукна, полотна, огнестрѣльное оружіе, снаряды, зеркала, вино,

*) Сохою называлось также и количество земли, которое могъ одинъ человѣкъ обработать въ извѣстное время.

сахаръ, бумага и проч. Польша доставляла лучшихъ лошадей для царскихъ конюшенъ; армяне, татары, персы, индѣйцы привозили шелковыя ткани, парчу, ковры, жемчугъ, драгоцѣнные камни, благованные товары, а Китай доставлялъ шелкъ, шелковыя матеріи, китайку, фарфоръ и чай.

Внутренняя торговля производилась на базарахъ и на ярмаркахъ *). Разница между базаромъ и ярмаркою заключается въ томъ, что на базары привозятся преимущественно жизненные припасы для мѣстныхъ жителей, а на ярмарки доставляются оптомъ товары заводскіе и мануфактурные и для ихъ покупки съѣзжаются жители со всѣхъ мѣстъ Государства.

Учрежденіе ярмарокъ относится къ тѣмъ далекимъ временамъ, когда плохія дороги и опасность путешествій отъ грабежа послужили основаніями къ учрежденію путешественныхъ каравановъ подъ прикрытіемъ вооруженной силы и учрежденію сборныхъ мѣстъ для торговли, въ заранѣе опредѣленное время. Обыкновеннымъ мѣстомъ ярмарокъ были монастыри, а время ихъ открытій пріурочивалось къ большимъ церковнымъ праздникамъ.

По недостаточности желѣзныхъ дорогъ и малому развитію биржевой **) системы, ярмарки въ Россіи сохранили за собою важное значеніе и донынѣ. Всѣхъ ихъ насчитывается въ Россіи до 2710; самою знаменитою остается Макарьевская (Нижегородская), учрежденная около монастыря Макарія Желтоводскаго Василіемъ III Іоанновичемъ.

Деньги. Отъ древнихъ кожаныхъ мѣновыхъ знаковъ «*мордкъ*» и «*куна*» стали переходить къ металлическимъ при Димитріи Донскомъ. Въ Московскомъ Государствѣ обращались серебряныя и мѣдныя монеты Московскія. Тверскія, Псковскія и Новгородскія. Самая мелкая мѣдная монета называлась «*пула*», а самою крупною былъ воображаемый «*рубль*», стоимостью въ двѣсти серебряныхъ монетъ или два червонца.

Право изготовленія монеты предоставлялось частнымъ лицамъ съ означеніемъ на имени монетѣ мастера. При Іоаннѣ VI главнымъ

---

*) Слово ярмарка отъ сложнаго нѣмецкаго Jahr Markt, т. е. годъ и базаръ.

**) Слово Биржа (Bourse) произошло въ XVI в. отъ герба съ изображеніемъ трехъ кошельковъ. Въ Брюгге этотъ гербъ былъ прибитъ на одномъ частномъ домѣ, въ которомъ происходили собранія купцовъ. Первыя биржи учреждены въ XIV в. во Франціи (въ Парижѣ). Позднѣе биржи распались на товарную и фондовую, послѣдняя занимается спекуляціями съ деньгами и векселями.

Въ Россіи первая торговая биржа открыта Петромъ Великимъ въ 1723 г. въ С.-Петербургѣ. (Руководство къ коммерческой экономіи, Моревъ).

монетчикомъ былъ Аристотель Болонскій, онъ же и зодчій. Царь Алексѣй Михайловичъ призналъ право чеканить монету только за однимъ правительствомъ и устроилъ въ Москвѣ монетный дворъ, который сталъ выпускать дѣйствительные серебряные рубли и полуполтинники съ изображеніемъ Государственнаго герба.

Церковь. Послѣ введенія въ Россіи патріаршества устройство Православной церкви не измѣнилось и Государство въ церковномъ отношеніи дѣлилось на епархіи, которыя управлялись епископами. Патріархъ и епископы пользовались большимъ почетомъ, имѣли свои Дворы и чины патріаршаго Двора считались только на одну ступень ниже чиновъ Царскаго Двора. Всѣ епископы пользовались правомъ принимать челобитныя и въ городахъ воеводы съ ними совѣщались во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Къ монастырскихъ общинахъ игумены обыкновенно избирались своими монахами, а священники своими прихожанами, иногда изъ крѣпостныхъ людей, при чемъ дѣти, рожденныя до избранія отца въ священники, не освобождались отъ крѣпостной зависимости, Льготы, даваемыя монастырямъ въ разное время правительствомъ и доброхотныя приношенія, очень ихъ обогащали. Населеніе монастырскихъ земель исчислялось до 1.000.000 душъ, изъ нихъ 100,000 приходилось на одну Свято-Троицкую Сергіевскую Лавру. Существованіе такихъ громадныхъ имуществъ на льготномъ положеніи лишало правительство значительнаго дохода и способствовало скопленію въ монастыряхъ и обителяхъ большаго богатства, что только вредило нравственности людей, принявшихъ на себя обѣтъ нищенства. На это обстоятельство обращалъ вниманіе духовнаго собора еще при Іоаннѣ III отшельникъ Нилъ Сорскій и находилъ, что монастыри не должны владѣть селами, но высшее духовенство и игуменъ Волоколамскаго монастыря Святой Іосифъ Санинъ отстояли монастырскія привиллегіи. Вопросъ этотъ возбуждался потомъ при Василіи III ученымъ монахомъ Максимомъ Грекомъ и старцемъ Вассіаномъ Косымъ (родомъ изъ князей Патрикѣевыхъ), но только при Іоаннѣ IV соборъ «*Стоглавъ*» запретилъ монашествующему чину пріобрѣтать вотчины безъ Царскаго на то соизволенія, а равно запретилъ пророчества. скитанія монаховъ съ иконами для сбора денегъ на построеніе церквей и выпрашиваніе обителями милостыни отъ Государя «*впредь да не стужаютъ Ему*».

Церковное согласіе православныхъ нѣсколько разъ подвергалось соблазнамъ отъ разныхъ ересей, но сильнѣйшій между ними

разладъ вспыхнулъ не отъ ереси, а отъ величайшей услуги оказанной православію исправленіемъ церковныхъ книгъ патріархомъ Никономъ.

Живопись. Во времена Царей Михаила и Алексѣя появилось такъ называемое «*Фряжское письмо*» и уже у боярина Матвѣева домашняя церковь была расписана итальянскими художниками. Этотъ переходъ отъ древней иконописи къ живописи былъ большимъ успѣхомъ въ области этого искусства, такъ какъ писаніе иконъ почиталось священнымъ занятіемъ и за этимъ отдѣломъ художества бдительно слѣдила Церковь, не допуская никакихъ отступленій «*въ переводахъ*» (копіяхъ) отъ «*подлинника*». Представителемъ иконописнаго искуства XV столѣтія былъ Андрей Рублевъ, монахъ Троицкой Лавры.

Раскольники вмѣстѣ съ «*новыми книгами*» отвергли «*новыя иконы*», писанныя не по *подлинникамъ*», но они также отвергали осьмигласное греческое пѣніе (впослѣдствіи измѣненное), сохраняя монотонное пѣніе въ носъ «*демественное*».

Трудно было процвѣтать художничеству въ тѣ времена когда Московское Государство, отстаивая свою независимость, несло такія пожертвованія, что при всей религіозности Русскаго народа, въ сельскихъ храмахъ безпрестанно встрѣчалась утварь изъ олова и даже деревянная.

Домашній бытъ и нравы. Театръ и литература. Постройка домовъ простаго русскаго человѣка была такъ мало прихотлива, что готовые дома продавались на базарахъ, а такъ какъ и улицы мостились бревнами, то во избѣжаніе пожаровъ топка печей даже въ баняхъ запрещалась отъ мая до сентября и во все это время пища приготовлялась на огородахъ. У зажиточнаго человѣка дворъ огораживался тыномъ или заборомъ, средину котораго занималъ домъ хозяина. Въ подклѣти или нижнемъ этажѣ помѣщалась прислуга или запасы, на верху устраивался теремъ, украшеніемъ котораго служили кіоты съ образами въ болѣе или менѣе цѣнныхъ окладахъ, стѣны украшались лубочными картинами религіознаго содержанія, чаще всего изображался страшный судъ; — впослѣдствіи до такой же чести дожили и картины юмористическаго характера какъ напримѣръ извѣстное изображеніе «*какъ мыши кота хоронятъ*» и др. Хозяйственныя постройки и помѣщенія для дворни ставились на томъ же дворѣ, но житницы, скотные сараи, конюшни домашняя птица и проч. на другомъ. Необходимымъ условіемъ всякой усадьбы были

садъ и мыльня (баня). Святой Руси, вышедшей изъ тѣсныхъ кровавыхъ пеленокъ одними собственными могучими усиліями, набожность была присуща и потому набожность почиталась необходимымъ и лучшимъ нравственнымъ украшеніемъ Русскаго человѣка. И донынѣ, отъ Царскаго дворца до бѣдной избы на самой отдаленной окраинѣ, Русскій сопровождаетъ крестнымъ знаменіемъ свое даже самое обыденное человѣческое отправленіе.

Скромность и стыдливость составляли основу женскихъ добродѣтелей и рѣдкій хозяинъ рѣшался показать гостю свою жену и дочерей. Часто случалось, что женихъ и невѣста видѣлись въ первый разъ при совершеніи надъ ними обряда вѣнчанія, а Царицы и Царевны жили совершенными невидимками и даже въ путешествіяхъ колымаги ихъ завѣшивались какою нибудь непрозрачною матеріею.

Тяжелый гнетъ бѣдности и несчастій въ теченіе сотенъ лѣтъ не осилилъ широкаго и добродушнаго Русскаго гостепріимства, добродѣтели завѣщанной древними предками Славянами и сохраняемой во всей чистотѣ. Хозяинъ даже курной избы всегда искренно сокрушался если замѣчалъ, что гость не веселъ, хотя зналъ, что ему развеселить гостя даже попытаться не съ чѣмъ.

По идеалу родительской опеки, создавшей общественный бытъ самаго Государства, отецъ въ своей семейной обстановкѣ пользовался почти безграничною властью. Дѣвушекъ не обучали грамотѣ, но всѣ дѣти воспитывались въ правилахъ строго религіозныхъ и нравственныхъ. Старости оказывалось почтеніе, называя стариковъ «*дѣдушками*» и «*бабушками*», старшаго себя «*дядюшкою*», «*тетушкою*», съ низшими употребляли названіе «*друга*» или «*брата*».

Въ праздничные или торжественные дни Русскіе, каждый по достатку, любили роскошно угостить, богато нарядиться, но такой блескъ не разорялъ и отнюдь не нарушалъ правилъ ихъ обычной бережливости и потому шубы, парчевыя, шелковыя и даже суконныя одежды почти всегда переходили въ далекое поколѣніе. Одежда Русскихъ состояла изъ рубахи, сверхъ исподняго платья, низко подпоясанной, кафтана до колѣнъ, подпоясаннаго кушакомъ и «ферязи», длиннаго платья съ рукавами чуть не до земли. Знакомъ боярскаго достоинства служила «*горлатная шапка*» изъ дорогаго мѣха съ бархатнымъ верхомъ. Русское бѣлое духовенство во многомъ сохранило общій видъ прежняго боярскаго одѣянія.

Женщины одѣвались въ «*лытникъ*», застегнутый до горла, съ разрѣзомъ спереди и длинными широкими рукавами и «*опашень* или *тильогрѣйку*». У замужнихъ голова покрывалась «*кикою*» съ «*рясами*», длинными до плечъ нитями жемчуга, а дѣвушки носили повязки и заплетали волосы въ одну или двѣ косы. Зимою женскій полъ носилъ мѣховыя шапки и шубу, покроемъ схожую на мужскую.

Между городскимъ женскимъ населеніемъ обычай бѣлиться, румяниться и сурьмиться, заимствованный изъ Византіи, былъ такъ распространенъ, что считался обязательнымъ и за презрѣніе къ нему виновная подвергалась насмѣшкамъ, даже преслѣдованіямъ со стороны разрисованныхъ.

Протекшими политическими несчастіями своей страны, талантливый и переимчивый Русскій человѣкъ долго былъ поставленъ въ тернистыя условія на пути къ просвѣщенію. Иностранцы говорили о Русскихъ: «*Необразованность сковываетъ этотъ народъ, какъ же будетъ онъ могущественъ и страшенъ, когда пріобрѣтетъ образованіе*» *). По этому отзыву дѣлается понятнымъ страхъ сосѣднихъ ливонцевъ пропустить въ Россію ученаго или мастера и тѣ усилія, какія потребовались отъ Русскаго народа, чтобы устранить препятствія появленію печатнаго слова, родившагося въ первой Русской типографіи при Іоаннѣ IV Грозномъ.

Борисъ Годуновъ въ своихъ стремленіяхъ распространить въ народѣ разностороннее образованіе не удовлетворялся однимъ церковнымъ. Обдумывая рѣшительныя мѣры для борьбы съ народнымъ невѣжествомъ, онъ желалъ видѣть Русскіе университеты, но побѣжденный узкимъ византійскимъ взглядомъ нашихъ пастырей церкви принужденъ былъ ограничиться призывомъ иностранныхъ ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ и отправкою за границу молодыхъ людей въ слишкомъ ограниченномъ числѣ. Но съ каждымъ годомъ необходимость науки дѣлалась для Русскихъ все ощутительнѣе. Въ Кіевѣ устроилась Русская школа, быстро преобразовавшаяся попечительностью Петра Могилы въ академію. На благодарной почвѣ, эта академія немедленно сдѣлалась разсадникомъ Русскихъ ученыхъ и еще людей, которые, въ борьбѣ за свое православіе круто поставили вопросъ объ ополяченіи западной Россіи *). Для Москвы, тогда совершенно ото-

*) Исторія С. Соловьева.

**) Въ борьбѣ противъ уніи и латинства особенно прославились имена духовныхъ писателей Петра Могилы, Епифанія Славинецкаго, Смотрицкаго, Архимандрита Гизель, Копыстенскаго и др.

двинутой отъ Европы Польшею и Лифляндіею, Кіевская академія служила единственнымъ источникомъ просвѣщенія и вслѣдъ за нею въ самой Москвѣ, Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ учредилъ Славяно-греко-латинскую академію.

При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Ордынъ-Нащокинъ, управляя «*Посольскимъ Приказомъ*», завелъ «*куранты*», т. е. газеты, которыя какъ рукописныя, выпускались только для Двора, но уже въ это время самые способы времяпровожденія Русскихъ начинаетъ утрачивать прежнее однообразіе. Если качели еще остаются единственнымъ развлеченіемъ для большинства женщинъ, то женщинъ все же перестаютъ безусловно отстранять отъ грамотности и ослабляютъ ихъ затворничество. Шуты, бахари, домрачеи, скоморохи *) по своей занимательности начинаютъ терять почву и въ столицѣ уступаютъ мѣсто «*комедійному дѣйству*», театру **). Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, устроивній свой домъ на Европейскій ладъ, былъ учредителемъ комедійнаго дѣла, которымъ при немъ заправлялъ магистръ Іоганъ Готфридъ Грегори съ помощью мастера «*перспективнаго письма*», а для сценическаго образованія будущихъ лицедѣевъ, бояринъ Матвѣевъ завелъ школу изъ 26 мальчиковъ мѣщанскаго сословія.

Мистеріи или драмы съ содержаніемъ изъ событій Священной исторіи писались для прародителя Русскаго театра на Славянскомъ языкѣ учеными Малороссіянами Даніиломъ Туналю, впослѣдствіи Дмитріемъ Ростовскимъ, Симеономъ Полоцкимъ. Позднѣе нѣсколько, умная Царевна Софья Алексѣевна не только писала трагедіи, но въ тѣсномъ кружкѣ приближенныхъ принимала участіе въ ихъ исполненіи.

---

*) «*Бахари*» были разсказчики басенъ; «*домрачеи*» или нѣсельники, названные по струнному инструменту славянъ Западной Европы «*момры*», переименованнаго у насъ въ «*домры*», «*скоморохи*», переодѣтые шуты, отъ передѣланнаго слова «*маскара*».

**) Первыя представленія «*комедіи*» состоялись въ 1672 г., но до этого существовали одинъ «*пѣшныя дѣйствія*» и вертепы. Пѣшныя дѣйствія, сопровождаемыя пѣніемъ духовныхъ гимновъ совершались передъ Рождествомъ въ соборныхъ храмахъ нѣкоторыхъ большихъ городовъ. Деревянная башенка, освѣщаемая вспышками сухой травы, должна была изображать раскаленную печь, въ которой библейскіе отроки были чудесно спасаемы ангеломъ. Вертепами назывались ящичные театры, появившіеся въ Малороссіи. Актерами въ нихъ являлись куклы, разговоры которыхъ велись бурсаками (воспитанниками духовныхъ школъ). Святочныя эти забавы вначалѣ отличались духовнымъ содержаніемъ, но потомъ въ вертепы проникли сцены изъ народной жизни, при чемъ робкій іудей, хвастливый полякъ, хитрый цыганъ и удалой запорожецъ, какъ бытовое выраженіе жизни Малороссіи тѣхъ временъ, были неизмѣняемыми дѣйствующими лицами.

Литературный отдѣлъ заключалъ въ себѣ собраніе рукописныхъ лѣтописей древней Руси, между которыми наиболѣе замѣчательными сочиненіями представляются поученія Св. Отецъ, извѣстныхъ подъ названіями «Измарагдовъ», «Златоустовъ», «Златоструевъ«, «житія Святыхъ» или «Четьи-Минеи», «Патерики», а также «Палеи», отдѣлъ библейскихъ сказаній, отвергнутыхъ Церковью. Хронографы или свѣдѣнія по части всемірной исторіи, взятыя у греческихъ лѣтописцевъ, «Степенныя книги» или сборники свѣдѣній о временахъ древней Руси, составленныя выписками изъ лѣтописей по княженіямъ и ихъ замѣнившія «Разрядныя книги»; впослѣдствіи историческія записки Игумена Авраамія Палицына о времени осады Лавры, о царствованіи Алексѣя Михайловича, бѣжавшаго въ Швецію Котошихина, подъячаго «*Посольскаго Приказа*». Кромѣ этого въ видѣ свѣтской литературы существовали въ рукописяхъ разныя повѣсти съ содержаніемъ заимствованнымъ у иноземцевъ, но передѣланнымъ на Русскій ладъ, какъ напр.: «*О Синигриппѣ Царѣ и Акирѣ*», «*Повѣ Королевичѣ*» и др. Въ неграмотной народной средѣ, слишкомъ бѣдной для покупки дорого стоившихъ печатныхъ книгъ, чтеніе замѣнялось въ большинствѣ случаевъ передачею сказокъ, повѣрій, былинъ и пѣсенъ эпическаго характера (героическаго) о Царяхъ, разныхъ излюбленныхъ герояхъ, князѣ Владимірѣ Краснемъ Солнышкѣ, Ильѣ Муромцѣ, Алешѣ Поповичѣ и множества пѣсенъ лирическаго содержанія.

Домъ Рюрика.
862—1598.

Рюрикъ.

Олегъ правитель.

Игорь.

Ольга правительница.

Святославъ.

Ярополкъ. Владиміръ I Равноапостольный. (всѣхъ сыновей 12). Олегъ.

Домъ Владиміра I Равноапостольнаго Святославича.

Изяславъ. (Родоначальникъ Полоцкихъ князей). Борисъ. Глѣбъ. Ярославъ I Мудрый. Святославъ. Мстиславъ.

Домъ Ярослава I Мудраго Владиміровича.

Владиміръ. (умеръ ранѣе отца) Изяславъ I. Святославъ I. (отнялъ Кіевскій столъ у Изяслава I). Всеволодъ I. Вячеславъ. Игорь.

Ростиславъ. Святополкъ II. Владиміръ II Мономахъ. Давидъ.

Василько. Володарь.

Домъ Владиміра II Мономаха (Единоборецъ) Ярославовича.

Мстиславъ I Великій. Ярополкъ II. Георгій I (Юрій Долгорукій).

Изяславъ II. Ростиславъ. Андрей I Боголюбскій. Михаилъ. Всеволодъ III (Большое гнѣздо). Глѣбъ.

Мстиславъ II. Мстиславъ. (Разоритель Кіева). Константинъ. Георгій II (Юрій). Ярославъ II. Святославъ.

Романъ Галицкій.

Даніилъ. (Король Галицкій).

Домъ Ярослава II Всеволодовича князя Кіевскаго, послѣ Георгія II князя Суздальскаго.

Андрей II. Александръ I Невскій. Ярославъ III. Василій. Михаилъ (Харабаритъ).

Василій. (Новгородскій.) Димитрій I. Андрей III. Даніилъ I. (Московскій.) Михаилъ II Тверской. (Замученный въ Ордѣ.)

Димитрій. (Грозныя очи.) Александръ II. (Замученный въ Ордѣ.) Константинъ. Василій.

Ѳеодоръ. (Замученный въ Ордѣ.) Михаилъ. Димитрій III.

Домъ Даніила I Александровича Московскаго.

Георгій III (Юрій). Іоаннъ I Калита.

Симеонъ Гордый. Іоаннъ II. Андрей.

Димитрій IV Донской. Владиміръ.

Василій I. Георгій (Юрій).

Василій II (Темный). Василій Косой. Димитрій Шемяка.

Іоаннъ III.

Василій III.

Царь Іоаннъ IV Грозный.

Царь Ѳеодоръ I послѣдній изъ царствовавшихъ Рюриковичей.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*строки* Верх.	Нижн.	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
33	1		(,) послѣ слова и	во многихъ мѣстахъ знакъ (,) поставленъ неправильно.
34	11		1263	вовсе тутъ не нужно.
38	—	12	Анд. Алекс. III	Андр. III Александровичъ.
61	—	16	Крыма	Казани.
68	—	1	друбой	другой
80	—	11	русскихъ	Русскихъ. Ошибка съ заглавными буквами часто повторена.
89	2-е примѣчаніе подъ строкою			относится къ стр. 88, къ 3-й строкѣ снизу.
113	2		(,)	передъ словомъ „роду“ какъ нарушающая смыслъ.
114	7		Московки	„мэсковки“.
117	—	12	а	о
145	20		же	тоже
159	9		пропущено „а“, послѣ слова мною.	